Коренные жители Сибири.

Повозки кочевниковъ.

О глубокой древности употребленія упряжныхъ собакъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ чрезвычайно искусственное устройство употребляемыхъ для этой ѣзды саней. Оно носитъ на себѣ, даже въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, явный отпечатокъ появлявшихся мало помалу улучшеній и переходившихъ изъ рода въ родъ усовершенствованій, которыя, вслѣдствіе тысячелѣтнихъ опытовъ, сложились въ особый характеристичный принципъ.

Этотъ принципъ заключается въ упруго-податливомъ сочетаніи всѣхъ отдѣльныхъ частей повозки. Основу его составляетъ необходимость, при извѣстной степени податливости, или я почти готовъ сказать посредствомъ ея, достигнуть наибольшей, по возможности, силы сопротивленія. Такая сила, въ примѣненіи къ непроторенной первобытной природѣ, достигается не упорною твердостью, а посредствомъ превосходной способности принаравливаться, т. е. при помощи упругой податливости.

Примѣненіе этого принципа по-видимому получило начало свое у первобытныхъ народовъ на берегахъ Берингова моря, и служитъ характеристическою чертою сѣверо-азіятскихъ судовъ и повозокъ.

Не постигнувъ этого принципа при устройствѣ своихъ саней на подобіе собачьихъ сапокъ Эскимосовъ, Кэнъ [1], несмотря на то, что снарядился въ походъ лучше всѣхъ полярныхъ путешественниковъ [2], засѣлъ въ рыхломъ снѣгѣ, какъ я вижу изъ замѣтки, которую я записалъ у себя въ свое время.

Крѣпкость камчатскихъ собачьихъ санокъ, не смотря на чрезвычайно незначительный

---

[1]) Arctic explorations, I, 1856, стр. 219, 220, 457; II, стр. 98.

[2]) Когда я писалъ это, знаменитая Австрійская экспедиція еще не была совершена.

вѣсъ ихъ, возбуждало уже удивленіе Стеллера [1]). Онъ говоритъ: «Камчатскія сани такъ хорошо приспособлены къ силамъ собакъ и къ гористой мѣстности края, что искуснѣйшій механикъ не могъ бы придумать ихъ лучше. Они основаны, кажется, на анатоміи человѣческаго тѣла... Хотя всѣ части ихъ очень тонки и гибки, но онѣ все-таки выдерживаютъ такое давленіе, что нельзя довольно надивиться имъ. Частенько такъ сильно наѣзжаешь на деревья, что сани сгибаются почти на двое, а все-таки они не повреждаются.»

Но главное достоинство ихъ заключается все-таки не въ крѣпости верхняго станка, а въ эластичной гибкости полозьевъ, именно въ томъ отношеніи, что они могутъ принаравливаться къ волнистой поверхности снѣга. Чтобы достигнуть верха совершенства, эти полозья должны быть длиною до 9 футовъ, шириною почти въ ½ фута и толщиною сначала въ 1½ дюйма, но потомъ эта толщина уменьшается, потому что полозья стираются. При такой тонкости и такой значительной длинѣ, санки на ходу представляютъ нѣчто въ родѣ лыжъ, тѣмъ болѣе что тяжесть, которая можетъ быть навалена на нихъ, простирается до 30 пудовъ. При такомъ сильномъ грузѣ гнутся отдѣльныя части полозьевъ, принаравливаясь, на ходу, къ объусловливающимъ неровностямъ снѣжной поверхности. По этому они не врѣзываются въ снѣгъ, какъ болѣе короткія, узенькія, толстыя и крѣпкія полозья обыкновенныхъ саней, которыя на непроторенныхъ дорогахъ при глубокомъ снѣгѣ проваливаются даже безъ груза и взрываютъ борозды снѣга.

Помимо основнаго факта, что полозья должны быть гибки, метода устройства саннаго кузова получила два противуположныхъ направленія. Камчатскій кузовъ, устройство котораго напоминаетъ наши стулья, сплетенныя изъ ивовыхъ прутьевъ, поставленъ на такія высокія стойки, что вамъ во всякое время удобно соскочить и вскочить. Основной идеи полозьевъ онъ соотвѣтствуетъ меньше, потому что главнымъ образомъ разсчитанъ на возможно-бóльшую легкость собственнаго вѣса и только на легкую нагрузку, очевидно и на меньшее количество упряжныхъ животныхъ. Въ спеціальной отдѣлкѣ онъ подвергается измѣненіямъ, которыя начинаются у сѣверо-западнаго берега Америки [2]) и кончаются у Эскимосовъ. Такъ устроены камчатско-американскія сани.

Другое устройство верхней части саней представляютъ сибирскія нарты, которыя преимущественно, кажется, разсчитаны на грузы, и потому должны устраиваться по плотнѣе, дѣлаются безъ кузова, и имѣютъ во всю длину полозьевъ полотно, недалеко отстоящее отъ полозьевъ. Тутъ вполнѣ высказывается польза упругихъ полозьевъ. Ихъ можно сравнить, какъ сказано было, съ лыжами, а потому мы и начнемъ съ того, что сперва посвятимъ нѣсколько словъ лыжамъ лѣсной области Сибири.

Лыжа служитъ кочевнику зимнимъ челнокомъ, къ которому онъ прибѣгаетъ, когда послѣ коротенькаго лѣта ему приходится покинуть влажную стихію. Какъ онъ въ челнокѣ ежедневно опорожняетъ и снова разставляетъ свои сѣти, такъ на лыжахъ онъ

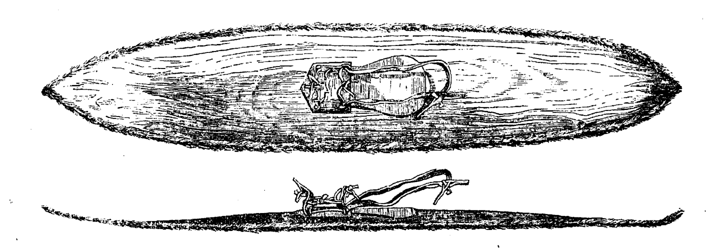
---

1) Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 370.

2) Срав. Загоскина, Пѣшеходная опись, I, стр. 59.

распоряжается съ своими ловушками. Какъ онъ выжидаетъ время, пока успокоятся бушующія волны, и тогда тогда только опять рѣшается отправиться дальше на своемъ челнокѣ, такъ онъ и зимою выжидаетъ, пока пройдетъ метель. Но волны метели цѣпенѣютъ и образуютъ неровности (заструги), которыя затрудняютъ ему путь, и вотъ ему нерѣдко приходится ждать до тѣхъ поръ, пока другая буря въ другомъ направленіи намететъ снѣгъ въ прежнія волнистыя долины и выровняетъ дорогу.

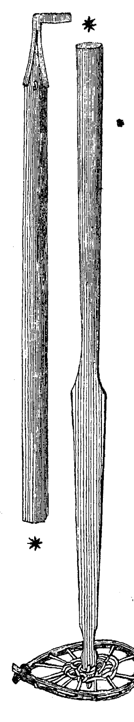
Лыжи, употребляемыя въ Лапландіи и Европейской Россіи, состоятъ изъ тоненькихъ досокъ, въ 4 дюйма ширины и 7 до 8 футовъ длины, съ нѣсколько загнутымъ кверху носкомъ. По-этому онѣ очень похожи на пару полозьевъ и Сибиряку кажутся не только негодно аляповатыми, но и сдѣланными безъ толку, хотя по срединѣ нижней поверхности ихъ дѣйствительно идетъ продольный желобокъ, въ одну линію глубины и $^3/_4''$ ширины, предназначенный для того, чтобы нельзя было поскользнуться въ сторону. Онѣ слишкомъ аляповаты, потому что толщиною отъ $1''$ до $1^1/_2''$, и нѣсколько упруги только на крайнихъ концахъ загнутыхъ кверху носковъ. Это приборъ древнихъ Финновъ, которые отъ нихъ получили названіе Skrida Finna, Finni lignipedes. И на Енисеѣ я встрѣтилъ эти лыжи у русскихъ поселенцевъ. Тамъ онѣ называются голицами, въ противоположность лыжамъ, которыя въ мое время стоили до 15 рублей. Настоящій охотникъ не поскупится ни на какое вооруженіе.

Въ сравненіи съ такими тесаными чурбанами, лыжи кочевыхъ охотниковъ Сибири, сдѣланныя подъ вліяніемъ идеи о необходимости возможно-большей упругости, оказываются художественными произведеніями.

Отобравъ, послѣ долгаго исканія и перебиранія, безупречно прямую, не сучковатую ель, срубаютъ часть ствола въ слишкомъ 5 футовъ длины и раскалываютъ. Если стволъ, согласно ожиданію, расходится по прямой плоскости, безъ изгибовъ, то изъ него выкалывается на сколько возможно тонкая доска и отесывается такъ тонко, что могла бы служить резонансомъ для отличнѣйшаго віолончеля. Какъ при віолончелѣ дѣло идетъ объ удовлетвореніи требованій виртуозности въ искусствѣ, такъ тутъ идетъ рѣчь о гораздо важнѣйшихъ требованіяхъ по части насущной заботы о добычѣ. За тѣмъ доску натяги-

ваютъ и высушиваютъ такимъ образомъ, что она, какъ показываетъ верхній контуръ профиля, принимаетъ очертаніе лука кочевника, т. е. не только по срединѣ, но и по концамъ, приподнята. Кромѣ того устраивается легкая выпуклость сбоку, такъ что доска, на срединѣ своей длины по поперечному разрѣзу, также слегка приподнята. Когда доска окончательно приметъ такую форму, то на обоихъ концахъ ее заостряютъ въ видѣ ланцета съ притупленною оконечностью, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ. Къ нижней сторонѣ посредствомъ бѣлужьяго клея прикрѣпляютъ коротковолосыя шкурки съ оленьихъ ногъ (ка́масcы); эти шкурки, чтобы онѣ крѣпче держались, должны заходить за край верхней стороны. Тунгусы, у которыхъ нѣтъ бѣлугъ, приготовляютъ клей посредствомъ варки хорошо очищенной рыбьей кожи, особенно лоховъ (кеты̀, ленка). Добываемый такимъ образомъ клей сгущается и сохраняется въ замороженномъ видѣ.

Наконецъ на срединѣ верхней части лыжи наклеивается ногообразный кусокъ коры и продѣваются ремни, которые спереди образуютъ плетеную сумку, для вдѣванія носка ноги, а оттуда проходитъ назадъ ремневая петля, обхватывающая пятку.

Хотя обтяжка оленьими шкурками придаетъ лыжамъ бо́льшую тяжесть, но только благодаря щетинистому свойству ихъ возможно взбираться на горы; вмѣстѣ съ тѣмъ при такой ширинѣ достигается надлежащая стойкость. Въ каждой изъ двухъ лыжъ, если онѣ правильно изготовлены, отъ 3 до $3^1/_2$ фунтовъ вѣсу. Бываютъ обстоятельства, когда легкій вѣсъ и величайшая гибкость такъ важны, что лыжи не обтягиваются оленьими шкурами и послѣднія замѣняются узенькими сухожильными связками, которыя наклеиваются подъ лыжу въ продольномъ направленіи.

Если весною снѣгъ покрывается корою, то Тунгусъ подвязываетъ подъ лыжи пару костяныхъ пластинокъ, чтобы онѣ лучше скользили и не уклонялись въ сторону. Случается даже, что онъ прибѣгаетъ къ особымъ, совершенно узкимъ лыжамъ и подкрѣпляетъ быстроту своего бѣга тѣмъ, что въ каждую руку беретъ снѣговую палку и, сильно напирая обѣими руками, съ большимъ успѣхомъ ускоряетъ передвиженіе ногъ.

Такой-то приборъ, въ слишкомъ 5 футовъ длины и 13 дюймовъ ширины, позволяетъ вамъ пройти нѣсколько миль, въ случаѣ хорошаго состоянія снѣга; при каждомъ шагѣ, который вы дѣлаете, подтягивая за нимъ другую ногу, онъ несетъ васъ вдвое дальше того, что вы шагнули, а при плохомъ состояніи снѣга представляетъ единственное средство пробираться дальше, и наконецъ даетъ бѣгущему кочевнику возможность не говорю уже утомить, но догнать быстроногихъ оленей. Употребленіе лыжъ подкрѣ-

пляется изображенною выше снѣговою палкою, просвѣтная, оплетенная пластинка котораго, будучи уперта въ снѣгъ, позволяетъ вамъ упираться, а когда вы ее приподнимаете, пропускаетъ лежащій на ней снѣгъ [1]). Крюкъ на другомъ концѣ служитъ къ тому, чтобы ухватиться за деревья, въ случаѣ если вы слишкомъ раскатитесь подъ гору.

Говорю я такъ подробно объ устройствѣ лыжъ для того, чтобы доказать, какъ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію и какъ искусно тутъ также примѣнена упругость. Нога стоитъ на сводообразной верхушкѣ продолговатой, спускающейся во всѣ стороны, весьма плоской выпуклости. Подъ тяжестью тѣла эта выпуклость становится совершенно плоской, но, благодаря щетинистому свойству оленьей шкуры, которою лыжи обтянуты, придаетъ каждому шагу упругій толчекъ и, тотчасъ же приподнимаясь, когда тяжесть тѣла переходитъ на другую ногу, сбрасываетъ снѣгъ, падающій на поверхность лыжи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своей упругости, лыжи принаравливаются къ неровностямъ снѣговой поверхности, по которой онѣ скользятъ, не проваливаясь. Все, до самыхъ мелкихъ частей, принято въ соображеніе при устройствѣ лыжъ. Даже пластинка березовой коры подъ ступней должна не только придавать ногѣ большую плотность, но и въ особенности предохранять ее въ теплую погоду отъ прилипанія снѣга, такъ какъ древесная кора не всасываетъ въ себя воды.

Новичку ширина такихъ лыжъ, раздвигающая ноги шире, чѣмъ онѣ расположены въ полости таза, причиняетъ усталость и боль; но кто умѣетъ переносить невзгоды, тотъ черезъ нѣсколько дней привыкаетъ къ такимъ лыжамъ. Можетъ быть, впрочемъ, кочевникъ монгольской расы, у котораго тазъ шире европейскаго, по этому и менѣе чувствуетъ растопыриваніе ногъ. Въ рыхломъ снѣгѣ густыхъ лѣсовъ, гдѣ необходимо подвязывать короткія лыжи, приходится раздвигать ноги въ ширину по крайней мѣрѣ на одинъ футъ. Вѣдь и Монголкѣ приходится пропускать черезъ тазъ свой преширокое лицо.

Если, въ случаѣ нужды, намъ захотѣлось бы уложить на такія лыжи тяжесть, вѣсомъ немногимъ болѣе $7\frac{1}{2}$ пудовъ [2]), то ее удобно можно бы было перевезти по глубокому непротоптанному, рыхлому снѣгу, по которому иначе пробраться невозможно.

Вотъ идея, на которой основано устройство нарты, и привыкшій къ удобству Европеецъ не ограничился этимъ, а поставилъ надъ нартой огромный сундукъ изъ оленьихъ шкуръ и такимъ образомъ устроилъ себѣ легкую, но при всемъ томъ просторную, крытую повозку, въ которой превосходно можно укрыться отъ всѣхъ непогодъ. Такая повозка,

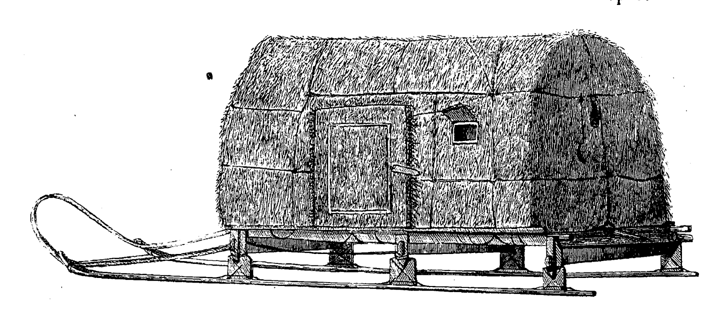
---

[1]) На этомъ принципѣ основано устройство особаго рода лыжъ, такъ называемыхъ лапокъ. Весною, когда снѣговая вода садится и покрываетъ почву, но сама еще прикрыта толстымъ слоемъ наста, нѣтъ возможности пробраться иначе, какъ на такихъ сѣткообразно ажурныхъ лапкахъ, которыя иногда имѣютъ лишь небольшой объемъ, иногда же бываютъ длиною до $4\frac{1}{2}$ футовъ, въ родѣ лыжъ. На изготовленіе ихъ требуется также извѣстное искусство, которое уже у первобытнаго человѣка вызываетъ раздѣленіе труда. Не всякій кочевникъ въ состояніи смастерить ихъ для собственнаго употребленія, и только въ случаѣ нужды принимается за эту работу.

Когда настъ начинаетъ прилипать къ ногамъ, то онъ крайне затрудняетъ ходьбу.

[2]) Попытка подобнаго рода увѣнчалась успѣхомъ. Срав. Записки Гидрограф. Деп. III, стр. 80.

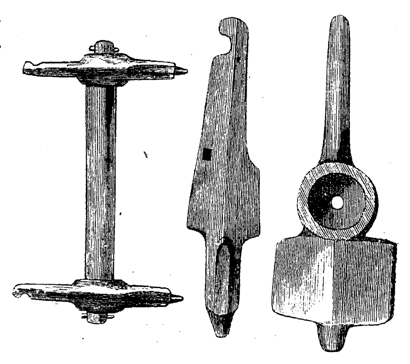
которую Третьяковъ неблагодарно сравниваетъ съ погребальными носилками, называется бо́локомъ [1]). Я нашелъ ее, правда, не совсѣмъ удобною, потому что она была слишкомъ низка; притомъ мнѣ не хотѣлось отказаться отъ свободнаго сидѣнія на нартѣ.

Бо́локъ въ низовьяхъ Енисея.

Полозья, какъ показываетъ рисунокъ, въ трехъ мѣстахъ нѣсколько утолщены, для вставки шипа или копыля. Эта стойка придумана такъ умно, что я изобразилъ ее съ трехъ сторонъ, при чемъ первая фигура уменьшена вдвое противъ другихъ.

Съ внутренней стороны у копыля находится шарообразная суставная чашечка (см. 3-ью фигуру). Въ эту чашечку входятъ подставки горизонтальной плоскости въ видѣ поперечныхъ перекладинъ между обоими полозьями съ полушаріемъ; однимъ кончикомъ, въ которомъ чека, онѣ выдаются нѣсколько дальше. Эти части, при помощи дырочки и выемки (см. 2-ю фигуру), привязываются ремнями на-крестъ къ утолщеннымъ мѣстамъ полозьевъ въ такомъ видѣ, какъ показываетъ рисунокъ. Такъ прикрѣпляется копыль нижнимъ концомъ своимъ къ полозьямъ. Верхній конецъ копыля соединяется съ такимъ-же концемъ остальныхъ копылей тѣмъ, что привязывается къ

Копыль съ трехъ сторонъ.

[1]) Въ Дудинѣ я видѣлъ небольшіе деревянные шалаши, которые также назывались бо́локами. Ихъ ставили на обыкновенныя санные полозья и впрягали въ нихъ 8 сѣв. оленей. Они служили пастуху странствующимъ жилищемъ, которое по временамъ передвигалось, когда истощенное пастбище сѣв. оленей приходилось замѣнять новымъ.

идущему чрезъ всѣ санки продольному гибкому бруску, входящему въ выемку этого верхняго конца (срав. 2-ую фиг.). Этотъ продольный брусокъ, посредствомъ туго натянутыхъ ремней, притягиваютъ къ просверленной доскѣ горизонтальной плоскости Посредствомъ упругаго изогнутаго вязка (по-русски баранъ) соединяются головяшки полозьевъ между собою и съ самыми передними копылями. Такъ какъ эти передніе копыли далеко отстоятъ отъ головяшекъ полозьевъ, то передній свободный конецъ полоза особенно гибокъ. Онъ послушно слѣдуетъ за всѣми неровностями снѣга и прокладываетъ для всего длиннаго полоза змѣеобразно - колебательное движеніе, которое вы, растянувшись вдоль саней, ясно чувствуете подъ собою. Когда полозья мало помалу сотрутся до толщины тупой стороны ножа, то это колебательное движеніе начинаетъ возбуждать въ васъ какое-то томительное чувство. Наконецъ раздается трескъ и вамъ приходится нѣсколько часовъ чинить полозья или подводить новые. Но кто перечтетъ всѣ безчисленныя препятствія и непріятности такого странствованія: стираніе полозьевъ на безснѣжной почвѣ, остановки вслѣдствіе того, что вы проваливаетесь въ глубокомъ снѣгѣ, подъ которымъ уже скопилась вода, боль въ плечахъ отъ вытаскиванія изъ снѣга тяжело нагруженныхъ саней и т. д., однимъ словомъ всѣ невзгоды и мгновенныя отчаянныя положенія? Это принадлежности путешествія среди первобытной природы, закаляющія человѣка до невозмутимости.

Изобрѣтательность человѣка выразилась и въ изготовленіи упомянутыхъ нами полозьевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ замѣтили, что въ чертѣ полярнаго круга дерево березы теряетъ часть своей твердости, полозья для нартъ стали привозить изъ болѣе южныхъ мѣстностей, вдоль большихъ Сибирскихъ рѣкъ [1]). Въ иномъ мѣстѣ и въ иное время полозья просто мочатъ въ водѣ, выставляютъ на морозъ, и отъ времени до времени поливаютъ водой, чтобы дать имъ покрыться свѣжей ледяной глазурью [2]). Подвязываютъ подъ полозья также китовыя кости, которыя еще ноздреватѣе дерева и тѣмъ лучше всасываютъ въ себя воду.

Когда весною выпадаетъ хотя легкій снѣжокъ, то онъ съ своей стороны смазываетъ дорогу и въ почти невѣроятной степени облегчаетъ ѣзду по ней. Тогда слѣдъ, оставляемый нартами, какъ зеркало блеститъ въ лучахъ весенняго солнца.

При крѣпкомъ снѣгѣ тоненькія пластинки мамонтовыхъ зубовъ исполняютъ роль нашей желѣзной оковки. Слоновая кость тамъ самая обыкновенная вещь, тогда какъ желѣза добыть нельзя.

До тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ человѣку придется ѣздить по непроторенньмъ дорогамъ, до тѣхъ поръ удержатся тамъ и эластично-устроенныя сани и упряжныя собаки, потому что онѣ незамѣнимы. Сомнительнѣе вопросъ о долговѣчности эластичныхъ морскихъ судовъ, но и большой кожаный челнъ прибрежныхъ жителей Берингова моря — байдара́ — осуществляетъ въ такой-же степени, какъ нарта, идею упруго-податливой

---

[1]) Къ югу отъ 60° с. ш. Бо́льшая часть привозилась изъ Ворогова; въ мое время пара стоила 5 руб. ассигнаціями.

[2]) У поселенцевъ это называется **войдать**. Вѣроятно взято изъ финскаго языка (намаслить).

*

силы сопротивленія. Мы положительно ошиблись бы, если бы стали утверждать, что особенности байдары происходятъ только отъ недостатка въ доскахъ и въ желѣзѣ, подобно тому какъ недостатокъ и дороговизна гвоздей на сѣверѣ Европейской и Азіятской Россіи породили такъ называемые шитики. Доски этихъ шитиковъ, которые еще доселѣ тамъ употребляются, скрѣпляются между собою посредствомъ прутьевъ, продѣваемыхъ какъ шовъ, чрезъ просверленныя отверстія [1]). За тѣмъ эти отверстія законопачиваются. Правда, что и этотъ способъ представляетъ не такое тугое скрѣпленіе, какъ гвозди, но тутъ подобная податливость является только случайною принадлежностью.

Основу байдары составляютъ упругій киль и рядъ поперечныхъ нижнихъ досокъ, наколоченныхъ на него, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. На этой подставкѣ устраивается сѣткоподобный кузовъ, который обшивается шкурами, но этотъ кузовъ такъ упругъ, что даже ребра, служащія опорой боковымъ стѣнкамъ, только привязаны къ подставкѣ. Не смотря на упругость, которую такое судно противопоставляетъ напору волнъ, и не смотря на тонкія бычачьи шкуры, которыми я обшилъ свою байдару «Шантаръ», я везъ въ ней грузъ въ 300 пудовъ и 12 человѣкъ [2]).

---

[1]) И тутъ также высказывается очевидно финское происхожденіе посредствомъ употребляемаго на Бѣломъ морѣ выраженія: «сшить вицею.»

Въ прошломъ столѣтіи сшиваніе досокъ считали еще неизбѣжною необходимостью, говоря, что огромныя магнитныя горы вытащили бы гвозди изъ кораблей (Das veränderte Russland, 1744, II, стр. 18).

[2]) Если бы я въ Таймырскомъ краѣ устроилъ себѣ не лодку, а байдару, то мнѣ не только удалось бы избѣгнуть многихъ затрудненій и неудобствъ, но и навѣрное я успѣлъ бы объѣхать восточный полуостровъ Таймырскаго края. Не имѣя возможности во-время справиться въ Удскомъ острогѣ съ устройствомъ лодки и узнавъ, что на пути туда зимнее состояніе горъ задержитъ меня до самаго лѣта, я задумалъ въ Якутскѣ устройство байдары и съ этою цѣлью купилъ въ Якутскѣ 64 бычачьи шкуры, которыя тамъ-же могли быть приготовлены и сшиты въ 4 тюка. Это была прекрасная идея, которая одна только и дала мнѣ возможность добраться до мѣста моего назначенія, т. е. до Шантарскихъ острововъ, когда начальникъ Аянска, (впослѣдствіи адмиралъ) Завойко, на отрѣзъ отказалъ мнѣ въ снаряженіи лодки съ матросами, ссылаясь на отвѣсно спадающія въ море береговыя скалы, на непреодолимо бурныя теченія и заканчивая письмо свое словами: «мнѣ поручено бережно сохранять, а не губить своихъ людей.»

Опасно, въ отношеніи байдары, было только то, что у меня не было прочныхъ тюленьихъ кожъ, необходимыхъ для обшивки байдары, особенно такой величины, какой я требовалъ. Я рѣшился прибѣгнуть къ воловьимъ шкурамъ, и какъ ни страшно казалось сперва, когда чрезъ эту тонкую, пропитанную водою, а потому и прозрачную обшивку съ солнечной стороны видишь и прибои волнъ и весело шнырявшихъ морскихъ рыбъ, какъ ни вздувалась подъ сильнымъ давленіемъ промокшая шкура и какъ ни вдавливалась она въ петли свободной части сѣткоподобнаго кузова, но выбранная нами обшивка не измѣняла намъ. А когда ледъ сталъ напирать и прорвалъ дыру, то насъ тотчасъ-же выручилъ изъ бѣды самый большой кусокъ нашей солонины, которымъ мы прикрыли отверстіе, такъ какъ море плотно прижало обрывки шкуры къ мясу.

Непріятны были многочисленные порѣзы шкуры, сдѣланные по неосторожности при сдираніи шкуръ, выходныя отверстія, прогрызанныя личинками слѣпней, и т. д. Приходилась заплата на заплату. Еще больше протекали сначала швы, которые при такихъ тонкихъ шкурахъ слѣдовало бы устроить иначе. Подлежащіе сшиванію края нужно бы было наложить одинъ на другой болѣе, чѣмъ на дюймъ ширины, скрѣпить ихъ двойнымъ швомъ и на эти швы снаружи нашить еще нѣсколько болѣе широкій ремешокъ, прикрѣпивъ его посредствомъ шва, проникающаго въ шкуру только до половины ея толщины.

Посредствомъ смазыванія шкуръ густымъ коровьимъ саломъ задѣлывалась снаружу самая незначительная течь и нѣсколько уменьшалась промокаемость сырыхъ, безволосыхъ шкуръ. За недостаткомъ дегтя шкуры подвергали надъ угасавшими кострами дѣйствію развивающихся въ нихъ смоляныхъ и скипидарныхъ паровъ. При всемъ томъ нужно было просушивать шкуры какъ можно чаще, такъ какъ онѣ слишкомъ размокали. По этому нельзя было употреблять смолы.

Съ благодарностью вспоминая услуги, оказанныя намъ байдарою и подъ впечатлѣніемъ сожалѣнія, что не устроилъ себѣ въ Таймырскомъ краѣ маленькаго кожа-

Челноки кочевниковъ внутренней Сибири разсчитаны единственно на легкость. Въ глазахъ кочевниковъ они имѣютъ цѣну только въ такомъ случаѣ, когда они чрезвычайно быстры на ходу, такъ что на нихъ можно догонять и закалывать животныхъ, переплывающихъ черезъ рѣки и озера. Челнокъ долженъ быть такъ легокъ, чтобы его безъ труда можно было перетаскивать сухимъ путемъ отъ одного озера къ другому, отъ одной рѣки къ другой.

Повсюду, въ низовьяхъ Сибирскихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, употребляются челноки, выдолбленные изъ тополеваго ствола. Они изготовляются къ югу отъ полярнаго круга и привозятся сѣвернымъ жителямъ.

наго ботика такого-же рода, я сообщаю нижеслѣдующія замѣтки съ тою подробностью, съ какою я записалъ ихъ въ своемъ дневникѣ, полагая, что онѣ могутъ пригодиться позднѣйшему полярному путешественнику.

Вся длина байдары составляла 33 англ. фута, наибольшая ширина ея 9′. Киль былъ подысканъ такъ, что одинъ конецъ его корня шелъ отъ него вертикально вверхъ на $3^1/_2$′; онъ былъ въ 6″ ширины и $6^1/_2$″ вышины. Къ главному килю притесанъ былъ постепенно возвышавшійся носъ въ слишкомъ 8′ длины, прикрѣпленный посредствомъ двухъ деревянныхъ болтовъ и сдерживаемый двумя желѣзными кольцами, отстоявшими одна отъ другой на футъ.

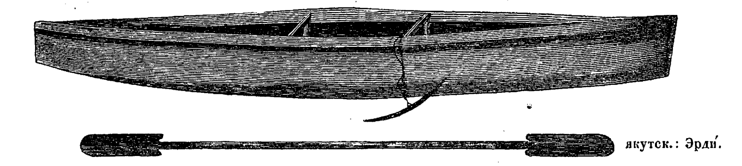
За тѣмъ на киль были поперекъ впущены и прибиты гвоздями 13 половыхъ дощечекъ въ $1^1/_2$″ толщины и отъ 6 до 8″ ширины, на равномѣрномъ разстояніи (среднимъ числомъ $^5/_4$ футовъ.) Онѣ образовали плоское дно байдары и прилажены къ желаемой формѣ корабельнаго дна, такъ что наибольшая ширина дна составляла $6^1/_3$′. На эти половыя дощечки, при помощи просверленныхъ въ нихъ отверстій, навязано было съ каждой стороны по 16 изогнутыхъ брусьевъ, составившихъ ребра судна. Эти ребра возвышались съ своимъ стволомъ на 4′ и образовывали каждое подъ нѣсколько тупымъ угломъ ногу, длиною отъ 6″ до 11″, плотно сидѣвшую на половыхъ дощечкахъ, и имѣвшую на нѣсколько утолщенномъ концѣ выемку для шнурка, посредствомъ котораго она притягивалась къ отверстіямъ половой дощечки. Чѣмъ ближе къ концамъ судна, тѣмъ нога была короче, тѣмъ уголъ ребра былъ менѣе тупъ. Самая передняя и самая задняя пара ребръ приходилась своею ногою подъ острымъ угломъ къ килю, къ которому она непосредственно примыкала. Ребра были въ $1^1/_2$″ толщины, внизу въ $2^3/_4$, на верху въ $2^1/_4$″ ширины. Въ нижней части реберной ноги въ небольшомъ разстояніи отъ изгиба, сдѣланъ поперечный желобокъ, надъ которымъ просверлено отверстіе. Въ этотъ желобокъ, чрезъ оконечности всѣхъ изгибовъ, кладется съ каждой стороны нижній лежень, который у нашей байдары былъ свыше 30′ длины и привязывался чрезъ реберныя отверстія къ ребрамъ, равно какъ къ двойнымъ отверстіямъ нижнихъ дощечекъ. По концамъ шли веревки отъ одного лежня къ другому противоположному, ради лучшаго скрѣпленія.

Такихъ лежней было всего 4 пары; изъ нихъ 3 пары въ равномѣрныхъ разстояніяхъ одна отъ другой были привязаны къ ребернымъ стволамъ чрезъ просверленныя въ послѣднихъ отверстія. Верхняя изъ этихъ паръ (въ 36′ длины) одна имѣла круглый разрѣзъ ($2^1/_2$″), сидѣла на желобкѣ ребернаго ствола и образовыла бортъ судна. Четвертая пара, единственная, которая прикрѣплена къ внутренней сторонѣ реберъ, проходитъ на ладонь ширины ниже упомянутаго борта съ тѣмъ, чтобы сквозь обшитыя кожею петли кожаная обшивка байдары могла быть подтянута посредствомъ продѣтыхъ веревокъ черезъ бортъ. Чтобы придать задней части судна круглую форму, нужно было помощью огня гнуть задніе концы лежней, хотя послѣдніе, за исключеніемъ болѣе толстой бортовой перекладины, имѣли только 2″ въ поперечникѣ.

Всему судну придается стойкость тѣмъ, что между стволами реберъ вдвигаются банки, а чтобы ребра не раздвигались, то подъ каждой банкой соотвѣтствующая противоположная пара реберъ соединяется веревочною петлею, которая посредствомъ заворотня затягивается, смотря по надобности, такъ какъ напряженіе веревки измѣняется сообразно сырой или сухой погодѣ. Въ полученномъ такимъ образомъ кузовѣ судна промежутки были слишкомъ велики для нашихъ тонкихъ шкурокъ, такъ что потомъ пришлось сплотнить его, протянувъ мѣстами прутья, особенно подъ нижними дощечками, черезъ которыя, само собою разумѣется, нужно класть нѣсколько продольныхъ половыхъ досокъ.

Весьма важную роль играетъ еще фальшкиль, который снаружи прилаживается къ настоящему и привинчивается къ нему посредствомъ двухъ желѣзныхъ шкворней по концамъ и одного по срединѣ, проходящихъ какъ черезъ кожаную обшивку, такъ и черезъ главный киль. Такъ какъ подъ этимъ фальшкилемъ шкура легко начинаетъ прѣть, то при продолжительныхъ привалахъ нужно сни-

У Самоѣдовъ этотъ челнокъ не такъ плосокъ, какимъ мы его знаемъ, а имѣетъ нижеслѣдующую форму.

По русски: Ветка; по якутски: Той, на Боганидѣ.

Изображенный тутъ челнокъ не принадлежалъ къ самымъ маленькимъ [1]), а былъ въ 16 англ. фут. длины, 2 фута наибольшей ширины и 11 дюймовъ вышины. Не смотря на то вѣсу въ немъ было не болѣе 70 фунтовъ, по тому что стѣнки нигдѣ не оказывались толще полудюйма, Чтобы достигнуть этого, въ сомнительныхъ мѣстахъ просверливаются въ стѣнкахъ отверстія, которыя потомъ тщательно законопачиваются. Тогда получаются такіе легкіе челноки, что на всякій, опрокинутый на берегу, челнокъ кладутъ камни, чтобы вѣтеръ не могъ унести его. У Самоѣдовъ бываютъ челноки, которые длиною не болѣе 11′, а между тѣмъ, кромѣ человѣка, могутъ вмѣщать въ себѣ еще убитаго сѣв. оленя, или также собаку, да сотни полторы убитыхъ гусей.

Великолѣпенъ видъ цѣлаго ряда челноковъ, возвращающихся домой послѣ удачной охоты, когда стройныя лодки до самаго края погружены въ воду и съ берега видишь, какъ стрѣлою несется по водѣ лѣсъ прекрасныхъ роговъ старыхъ сѣв. оленей, вѣнчающій верхи челноковъ. Между ними сверкаетъ въ тактъ, то справа, то слѣва, высоко подымающійся кверху свободный конецъ двухлопатнаго, красиваго весла, которое дѣлается на сколько возможно легкимъ. Покойно, но какъ будто вкопанный, сидитъ Самоѣдъ въ маленькомъ корытѣ своемъ, и поджавъ ноги, безошибочно соблюдаетъ равновѣсіе узенькаго челнока, который, не смотря на вѣтеръ и непогоду, держится своего направленія. Онъ не обращаетъ вниманія даже на высокія волны, которыя часто жестоко врываются въ челнокъ, и съ стоическимъ равнодушіемъ опять вычерпываетъ лишнее добро. Какъ скоро

мать его. Мы находили весьма полезнымъ вдвигать между фальшкилемъ и кожаной обшивкой узенькую полоску шкуры.

Алеуты, какъ извѣстно, связываютъ вещи распластаннымъ китовымъ усомъ. Ремни неудобны тѣмъ, что отъ сырости растягиваются, а веревки слишкомъ подаются, когда высохнутъ. Сначала мы слишкомъ растягивали кожаную обшивку, но это совершенно безполезно и при сушкѣ ея только портитъ швы. Во всякомъ случаѣ для привязыванія кожаной обшивки полезнѣе употреблять веревки, которыя при сушкѣ подаются. Но все-таки необходимо присматривать.

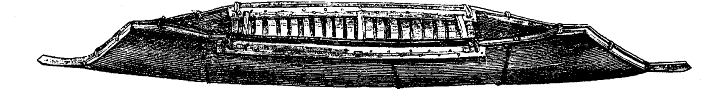
Во́ротъ необходимъ, чтобы въ опасныхъ мѣстахъ притягивать судно на берегъ. Нашъ якорь, съ 37 саженями каната, спасъ насъ при чрезмѣрномъ теченіи и сильномъ ледоходѣ по близости отъ берега.

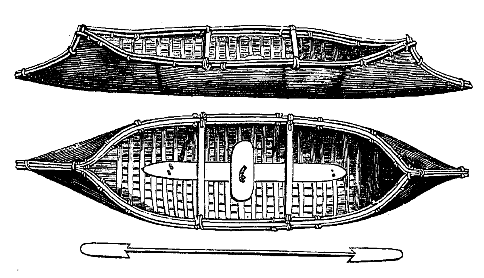
Будучи нагружена, наша байдара сидѣла въ водѣ немного глубже 2′. Ей смѣло можно было быть по крайней мѣрѣ на $1/2'$ ниже настоящей своей вышины, потому что она чрезвычайно легко покачивилась на волнахъ и въ случаѣ боковаго вѣтра, при распущенныхъ парусахъ, ее слишкомъ относило въ сторону.

[1]) У поселенцевъ бываютъ челноки, вѣсомъ до 50 пудовъ и длиною до 30′.

гдѣ окажется течь, такъ замазка, наскоро составленная изъ угля и гусинаго жира, быстро выручаетъ изъ бѣды.

Но еще легче челноки, которые Сибирскіе Тунгусы, особенно Тунгусы Становаго хребта, подобно туземцамъ Сѣв. Америки ловко умѣютъ дѣлать изъ бересты. На изготовленіе одного челнока достаточно коры трехъ березъ. Устройство такихъ челноковъ не трудно понять по слѣдующимъ рисункамъ. То у нихъ борты приподняты нѣсколько выше, для защиты отъ сильнаго бушеванія волнъ, то нѣсколько болѣе плоска середина, чтобы придать челноку больше устойчивости, когда онъ сильнѣе нагружается; въ такомъ случаѣ они далеко не такъ шатки, какъ Самоѣдскіе челноки. Но такія лодки не пригодны для большихъ водныхъ пространствъ, потому что при вѣтрѣ онѣ не слѣдуютъ данному направленію и потому не могутъ сладить съ волнами.

Тунгусскіе челноки изъ бересты.

Щегольски отдѣланныя, какъ куклы, онѣ вѣсомъ едва въ 50 фунтовъ и обязаны своею крѣпостью вложенію стружекъ и обкладкѣ краевъ стружками. Онѣ разсчитаны на горные потоки, потому что почти совершенно сидятъ надъ водою и въ состояніи проходить по самымъ мелководнымъ порогамъ. Но замѣчательна также необыкновенная, мгновенно пользующаяся каждымъ удобнымъ случаемъ, ловкость Тунгуса, когда онъ, какъ стрѣла, несясь внизъ по теченію, то обходитъ или камень или затонувшее дерево и его развѣтвленія, то направляетъ челнокъ въ шумящій порогъ, либо въ покрывающій его брызгами водоворотъ, либо въ несущееся на встрѣчу теченіе, то ищетъ спасенія на правомъ, то на лѣвомъ берегу, то хватается за весло, то за багоръ, или стольже внезапно отъ самаго возбужденнаго вниманія и напряженія всѣхъ своихъ силъ переходитъ къ самому, по-видимому, апатичному спокойствію и на безопасномъ фарватерѣ отдаетъ себя на произволъ побѣжденной стихіи, которая должна довезти его до цѣли.

Не знаешь, когда болѣе удивляться упругости тунгусскаго горнаго обитателя: тогда-ли, когда онъ, какъ мы только-что описали, несется съ горными потоками внизъ по те-

ченію, или когда онъ, съ неутомимымъ терпѣніемъ, при помощи двухъ короткихъ шестовъ (мукечй), которые онъ съ каждой стороны челнока упираетъ въ воду, пробирается противъ теченія шумящаго потока, часто борется съ нимъ съ величайшимъ трудомъ, почти отбрасывается имъ назадъ, но опять настаиваетъ на своемъ и все-таки подвигается впередъ, хотя и поднимается въ гору. На Тугурѣ я имѣлъ случай ближе ознакомиться съ этими челноками. Ни разу я не выходилъ изъ нихъ, не бывъ совершенно промоченъ снаружи водоворотами, извнутри дѣйствіемъ всѣхъ поръ моей кожи [1]).

Какъ противоположность къ щегольскому челноку Тунгусовъ и его принадлежностей, считаю нелишнимъ сообщить тутъ рисунокъ Гилякскаго весла.

Гилякское весло.

Хотя это весло предназначено для моря, но оно коротко и лопатообразно, напоминая собою неуклюжихъ людей, которые его употребляютъ. При всемъ томъ лодка, къ которой онъ принадлежитъ, является представителемъ особой идеи, такъ какъ широкая доска, образующая плоское дно челнока, выдается далеко впереди носа его, и тѣмъ помогаетъ этому концу легче взбираться на верхушки волнъ.

---

[1]) Въ противоположность этому челноку я считаю нужнымъ упомянуть с небольшомъ челночкѣ, который мы составили изъ остатковъ шкуры отъ большой байдары. Хотя нашъ маленькій кожаный челнокъ имѣлъ всего $11^1/_4{}'$ длины, $3'$ наибольшей ширины и 14 дюймовъ глубины, но онъ плавалъ легко по водѣ, какъ орѣховая скорлупа, и мы съ Вагановымъ успѣли сдѣлать на немъ съемку Тугурскаго залива. Правда, что однажды, когда море сильно стало бушевать и мы находились въ 5 верстахъ отъ ближайшаго берега, мы подверглись большой опасности, но за то насъ спасла чрезвычайная легкость челнока, когда приливъ настигъ насъ при морскомъ вѣтрѣ и такъ прижалъ насъ къ скалистымъ стѣнамъ отвѣснаго берега, что мы тѣмъ только могли выкрутиться изъ бѣды, что, взбираясь отъ бѣшенаго прибоя волнъ все выше и выше, съ уступа на уступъ, все-таки могли тащить за собою спасительный челнокъ свой.

Рыболовство въ Сибири.

Хотя изобиліе первобытной природы прекрасно питаетъ человѣка рыболовствомъ, но континентальный кочевникъ Сибири исключительно предается ему все-таки только въ крайней нуждѣ. Какъ случайный второстепенный промыселъ, успѣшная рыбная ловля пастуху и охотнику пріятна, но когда потеря домашнихъ животныхъ, исчезновеніе звѣрей и т. п. принуждаетъ ихъ совершенно предаваться рыболовству, то они такое несчастіе принимаютъ за тяжкое для нихъ наказаніе. Правда, что къ различнымъ племенамъ это должно примѣнять въ различной степени. Разницу въ этомъ отношеніи составляетъ морское прибрежье, у котораго рыбная ловля тѣсно связана съ ловлею большихъ морскихъ животныхъ. При всемъ томъ рыбакъ въ Сибири означаетъ если не европейскаго переселенца, или потомка его, то во всякомъ случаѣ низшій классъ туземцевъ.

Не имѣя нималѣйшаго намѣренія представить общую картину рыбнаго промысла въ Сибири, я хочу сообщить тутъ изъ моихъ дневниковъ лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ, которыя, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ вниманія въ томъ или другомъ отношеніи.

Къ югу отъ полярнаго круга, слѣдовательно вверхъ по теченію Енисея, я часто слышалъ жалобы поселенцевъ на малый уловъ рыбы. При ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ, дѣйствительно оказалось, что тамошняя рыбная ловля, въ сравненіи съ рыболовствомъ прибрежныхъ жителей низовьевъ Енисея, не только была значительно скуднѣе [1]), но даже, дѣйствительно, не всегда могла прокармливать людей.

Хотя деревни Назимово, Анцыферово, Ярцово, Ворогово и т. д. первоначально были рыбачьи поселенія, но въ мое время онѣ уже сильно стали приниматься за другіе промыслы, и при незначительности своего хлѣбопашества занимались главнымъ образомъ извозомъ на золотыхъ розсыпяхъ, заготовленіемъ сѣна для нихъ, звѣроловствомъ и т. п. Преимущественно, кажется, это указывало на переходъ къ болѣе надежному промыслу, вызванному усилившимися потребностями новооткрытыхъ золотыхъ пріисковъ, которые такъ глубоко затрогивали интересы промышленной дѣятельности. Даже кочевники того края частенько бросали свои тяжелые, а вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки сопряженные съ огромными лишеніями, охотничьи и рыбачьи промыслы: Тунгусы во множествѣ нанимались вожатыми безчисленныхъ искателей золота, Остяки покинули свои сѣти и ловушки и

---

1) Обстоятельство это привело Палласа (Reise III, стр. 13) къ неправильному заключенію, что въ Енисеѣ мало рыбъ. Палласъ, прибывшій туда изъ мѣстъ, лежавшихъ близь устья Оби, забылъ принять въ соображеніе, что на Енисеѣ онъ находился очень далеко отъ впаденія его въ море.

стали изготовлять нарты, лыжи и другія принадлежности этого рода, работали плотниками у золотопромышленниковъ, платившихъ имъ неслыханными до тѣхъ поръ запасами муки и предметами роскоши. Кромѣ того, Остяки на Енисеѣ не пользовались тѣми-же правами на лучшіе рыболовные участки, какими они пользуются на своей родной рѣкѣ, Оби, гдѣ они, въ вождѣленной праздности, живутъ большими откупными деньгами, которыя имъ должны платить за такіе участки (пески) расторопные рыбаки рускаго происхожденія.

За тѣмъ, нѣкоторыя поселенія, при вынужденномъ устройствѣ которыхъ мѣстныя власти главнымъ образомъ имѣли въ виду только удобство почтовыхъ сообщеній между Енисейскомъ и Туруханскомъ, уже съ самаго начала заведены на такихъ береговыхъ мѣстахъ, которыя были очень неблагопріятны для рыболовства. Такъ напр. духоборцамъ пришлось почти совершенно отказаться отъ пользованія Енисеемъ и довольствоваться преимущественно ловлею пелетовъ въ близьлежащихъ озерахъ. Кромѣ того мнѣ казалось, что уже Верхне-Имбатское селеніе потому имѣло полное право жаловаться на недостатокъ рыбы, что оно лежало почти на крайнемъ предѣлѣ, до котораго нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ морскихъ рыбъ заходили вверхъ по рѣкѣ.

Подъ 65 градусомъ широты (въ сел. Пупковскомъ) было уже совсѣмъ не то. Тамъ еще прекрасно ловились S. albula, лохи, которые въ Сибири, какъ извѣстно, неправильно называются сельдями. Впрочемъ и имъ на совершеніе длиннаго путешествія нужно столько времени, что они являются туда незадолго до ледохода. Но при мнѣ, именно вслѣдсвтіе этого поздняго времени года, чрезвычайно облегчавшаго заготовленіе ихъ, они весьма охотно закупались разъѣзжающими по Енисею Карасинцами, платившими отъ 2 руб. 60 коп. до 3 рублей ассигнаціями за пудъ.

Нѣсколько ниже лежащій Туруханскъ пользовался особой выгодой: возможностью совершенно загородить значительную рѣку Туруханъ посредствомъ запруды (язъ, заязокъ). Загражденіе это устраивалось какъ только ледъ маломальски позволялъ ходить по немъ, и три рыбачьихъ кузова принимали въ себя проносившихся по рѣкѣ рыбъ. Если въ кузова ежедневно попадалось только 60 огромныхъ рыбъ, то это возбуждало горькія жалобы; большею частью ловилось гораздо болѣе, ловилось даже до 150 штукъ.

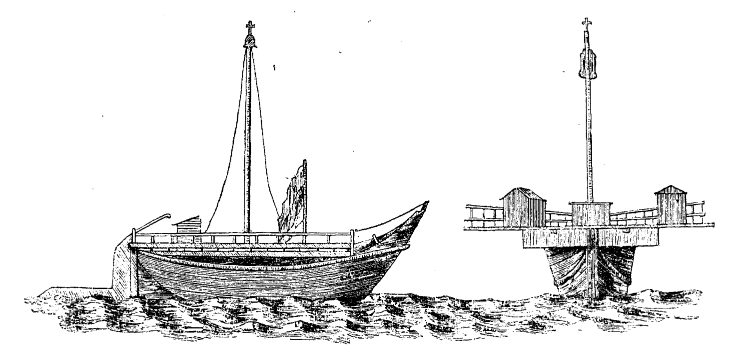
Чѣмъ дальше внизъ по рѣкѣ, тѣмъ положительнѣе смолкали жалобы; сожалѣли развѣ лишь о томъ, что все-таки можно разсчитывать уловъ рыбы собственно только на 3 лѣтнихъ мѣсяца, или что бывали годы, когда бурная лѣтняя погода не позволяла осматривать и опоражнивать выставленныя сѣти, въ особенности при такихъ вѣтрахъ, которые дули противъ теченія и тѣмъ вздымали высокія волны.

Можно надѣяться, что въ теченіи тридцати протекшихъ съ того времени лѣтъ послѣдняя жалоба смолкла и прежнія рыбачьи суда вытѣснены другими, лучшими. И такъ называемые шитики и набойницы (струговыя) плохо соотвѣтствовали своему назначенію. Правда, что мѣстами не стѣснялись нѣсколько лишнею величиною судовъ; лодкою называлось даже всякое судно, не имѣвшее пяти саж. длины; были даже крытыя лодки

подобнаго рода, но при всемъ томъ это были какіе-то уродливые ящики, нисколько не усвоившіе себѣ той мастерской формы, образцомъ которой служила корабельная лодка голландскаго покроя, лежавшая лѣтъ сто тому назадъ передъ глазами всѣхъ, на Хатангѣ, у Казачьяго зимовья. Правда, что киль ея былъ не болѣе 15 футовъ длины.

Впрочемъ изолированныхъ поселенцевъ въ низовьяхъ Енисея нельзя было слишкомъ упрекать въ равнодушіи къ болѣе совершеннымъ образцамъ. Хотя историческія названія дощаниковъ и кочей исчезли безслѣдно, но громадныя суда, въ мое время ежегодно появлявшіяся въ низовьяхъ Енисея, напоминали чудовища былаго времени. Въ виду нартъ и лыжъ, они напоминали тѣ домообразные чудовищные фургоны, въ которыхъ укрываются путешественники на материкѣ южной Африки. Эти Енисейскія суда отвозили, на счетъ Енисейскихъ купцовъ, богатые запасы мѣховъ и рыбъ, которые заготовлялись Сѣверомъ. Впрочемъ уже на Волгѣ я встрѣчалъ точно такія-же суда.

Не нужно также думать, что это были безпріютныя уродливыя произведенія грубой спѣшной работы. Нѣтъ, они съ большимъ искусствомъ были всячески разукрашены

Купеческое судно въ низовьяхъ Енисея.

множествомъ рѣзныхъ орнаментовъ по борту, самыми яркими, пестро намазанными красками, особенно у сдѣланныхъ въ видѣ тріумфальныхъ арокъ входовъ въ каюты и т. д.

Къ красивому присоединено было и полезное, какъ это доказываетъ паромообразный полъ, выдававшійся надъ палубой, съ будочками для удовлетворенія естественныхъ нуждъ. Еще полезнѣе былъ, какъ мнѣ говорили, придѣланный къ кораблю съ обѣихъ сторонъ прорубень, посредствомъ котораго грузовая способность небольшаго судна, поднимающаго до 500 пудовъ, доводилась до 1000 пудовъ. Мнѣ объясняли даже, что въ случаѣ слишкомъ сильной нагрузки корабля къ нему прикрѣпляются еще два

легкихъ бревна. Самыя большія изъ этихъ рѣчныхъ судовъ поднимали до 5000 пудовъ и могли быть управляемы едва-ли менѣе чѣмъ 50 работниками.

Въ мое время, въ 1843 году, почетный гражданинъ Мясниковъ взялъ первую привилегію на постройку парохода. По Третьякову [1]) это пароходство осуществилось однакожъ лишь въ 1863 году. Въ настоящее время пароходы ходятъ по Енисею почти до 71° с. ш., отвозя грузы прекраснѣйшихъ лоховъ, набирающіеся тамъ изъ неизсякаемаго множества рыбъ, въ южную Сибирь, которая съ своей стороны сплавляетъ внизъ по рѣкѣ свои избытки хлѣба, снабжая имъ неспособныя къ земледѣлію пустыни глубокаго сѣвера.

Такой обмѣнъ взаимнаго избытка можетъ спокойно продолжаться еще нѣсколько столѣтій сряду. Истощенія громадныхъ запасовъ въ устьяхъ Енисея пока нечего опасаться, если мы даже вспомнимъ, что еще въ историческія времена въ Зундѣ Балтійскаго моря происходило тоже, о чемъ теперь вѣсть доходитъ до насъ изъ Камчатки и Амурскаго края почти въ видѣ баснословнаго разсказа. И въ Зундѣ нѣкогда было такое изобиліе рыбъ, что часто лодкамъ не было прохода и рыбъ ловили руками [2]).

Съ другой же стороны можно предсказывать, что уже въ непродолжительномъ времени являющіяся доселѣ исполинскія рыбы всякаго рода станутъ, пожалуй, встрѣчаться все рѣже и рѣже. До сихъ поръ тамъ попадаются въ сѣти патріархи удивительныхъ размѣровъ, такъ что лохи и налимы въ пудъ и даже въ три пуда вѣсомъ не слишкомъ большія рѣдкости [3]). На сколько быстро рыбы растутъ въ молодости, на столько повидимому ростъ ихъ медленно подвигается впередъ по достиженіи ими средней величины.

Байкалъ служитъ намъ убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости и въ Сибири во-время приняться за раціональное устройство рыболовства. Удобный сбытъ омулей въ Иркутскъ, не смотря на еще весьма слабое населеніе тѣхъ мѣстностей, все-таки уже успѣлъ истощить считавшійся нѣкогда неизсякаемымъ запасъ рыбъ, которымъ въ былое время славилась Селенга. Уже въ мое время стали жаловаться на уменьшеніе числа омулей; теперь поселенцы нашли себя даже вынужденными ловить его въ другой большой рѣкѣ, впадающей въ Байкалъ: въ Верхней Ангарѣ. Такъ какъ омуль ловится именно во время метанія икры, когда онъ собирается цѣлыми стаями, чтобы заходить въ рѣки и выпускать въ нихъ свою икру, то производящаяся тамъ неправильная ловля становится весьма гибельною; но посредствомъ надлежащихъ мѣропріятій она могла бы быть устроена весьма хорошо, именно потому, что весь надзоръ за правильнымъ выполненіемъ ихъ ограничивается только нѣсколькими пунктами и продолжался бы лишь нѣсколько недѣль. По разспросамъ Радде, во всемъ количествѣ пойманныхъ тамъ омулей лишь $^{1}/_{4}$ и

---

[1]) Въ вышеприведенномъ сочиненіи (срав. «Долгане»), стр. 515.

[2])) Weinhold, Altnordisches Leben, p. 69.

[3]) Подъ 64° с. ш. мнѣ могли показать сельдя (S. albula) въ $1^{1}/_{3}$ фута длины. Тамъ былъ поймань чиръ въ 44 фунта, а между тѣмъ половина этого вѣса уже представляла необыкновенное явленіе. Въ мое время въ Туруханѣ наловили съ дюжину Тайменскихъ лоховъ длиною въ ростъ человѣческій и вѣсомъ до 3 пудовъ. Нашъ простой налимъ въ Енисеѣ нерѣдко также достигалъ пуда вѣсу.

никакъ не больше $\frac{1}{3}$ молоковыхъ рыбъ, такъ что на 10—12 бочекъ рыбы добывается бочка икры въ 25 пудовъ вѣсу. Какъ легко при такихъ обстоятельствахъ устроить обезпеченную на всегда эксплоатацію!

На стр. 361 (примѣч. 2-е) мы ознакомились съ неожиданнымъ разнообразіемъ лоховыхъ породъ, дѣлающихся добычею Самоѣдовъ даже къ сѣверу отъ 70° с. ш. При этомъ случаѣ перечислимъ названія, которыми Асинскіе Самоѣды строго отличаютъ одну породу отъ другой.

чи́ра	они	называютъ	ба́хта̄нга,	сига	они	называютъ	сига́хку,
муксуна	»	»	гфау́лä,	сельдя	»	»	сельдей,
омуля	»	»	сыррулô,	харіуса	»	»	моку-джорру,
пелета	»	»	пелäтка,	нельму	»	»	дьинту,
кунджу	»	»	ніо́рра,	голеца	»	»	бол̄іета.

Изъ всѣхъ этихъ названій мнѣ удалось только узнать, что имя харіуса «моку-джорру» значитъ «черное плавательное перо.»

Живущіе на Боганидѣ Якуты давали рыбамъ русскія названія; только харіуса они называли джа́рга, а пелета—іюк̄у.

Разнообразіемъ рыбъ своихъ Таймырскій край очевидно обязанъ какъ близости моря, такъ и не очень гористой природѣ страны. Въ отношеніи рыбъ Боганида принадлежала къ самымъ бѣднымъ водамъ глубокаго сѣвера. Тамошнимъ жителямъ преимущественно приходилось довольствоваться сельдемъ, такъ какъ въ рѣкѣ только весною бываетъ достаточное количество воды; главнымъ образомъ они питаются рыбами изъ тундровыхъ озеръ, лежащихъ за областью лѣсной растительности. При всемъ томъ собранная нами тамъ коллекція рыбъ представляетъ очень хорошенькій сборникъ образцовъ.

Даже на южномъ скатѣ Становаго хребта количество породъ, важныхъ для рыболовства, сводится на весьма небольшое число, какъ скоро мы выйдемъ изъ тѣхъ предѣловъ, до которыхъ доходятъ странствующія рыбы. Рыбакъ опять долженъ довольствоваться харіусами, тайменями и ленокамп, къ которымъ еще присоединяются неизбѣжный налимъ, да мѣстами два-три вида карповъ. Но что между ними вѣроятно окажутся новые виды, это уже доказываетъ первая попытка Базилевскаго [1]), ознакомившаго насъ съ Nasus Dahuricus, Leptocephalus mongolicus, Abramis Mandshuricus и др.

Вѣроятно между однимъ изъ этихъ видовъ намъ придется искать кетакита Шамагровъ, о необыкновенно жирномъ мясѣ котораго мнѣ, постоянно причмокивая, разсказывали на р. Немиленѣ. Считаю еще нелишнимъ замѣтить, что въ озерѣ Большаго Шантарскаго острова водится особый видъ карповъ, который, говорятъ, не встрѣчается на южномъ прибрежьѣ Охотскаго моря и потому заслуживаетъ ближайшаго вниманія.

Налимъ пользуется у Сибиряковъ почти бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ любой лохъ.

---

[1]) Ichthyographia Chinae borealis въ Nouv. Mémoires des Natural. de Moscou, 1855, T. X; p. 217, 234, 230.

Правда, что тамошніе исполины-патріархи его, вѣсомъ превосходятъ бо́льшую часть лоховъ. Кожа и плавательный пузырь его высоко цѣнятся, потому что содержатъ въ себѣ клей, мясо вкусно, а жирная печень, какъ лакомство, составляетъ приправу всякой порядочной похлебки. Она замѣняетъ сметану и масло нашихъ поваровъ и своимъ живительнымъ вкусомъ всякій разъ напоминала мнѣ Liquor hepaticus mustelae fluviatilis европейскаго лекарственнаго запаса, въ который она попала вѣроятно вслѣдствіе давнишней извѣстности своей, снисканной еще въ первобытныхъ пустыняхъ.

За тѣмъ обратимся къ необычайному богатству Берингова рукава Великаго океана по части странствующихъ рыбъ, пока еще столь-же неисчерпаемому, какъ на прибрежьяхъ Ледовитаго Океана. Мы упомянули объ этомъ уже на стр. 349. Мы видѣли, какъ просты могутъ быть приспособленія, необходимыя для взиманія пошлинъ съ имѣющихся тамъ въ избыткѣ источниковъ пропитанія. Достаточно обложить берегъ рѣки досками такимъ образомъ, чтобы онѣ образовывали наклонныя плоскости, погруженныя нижнимъ концомъ въ воду, и несмѣтное количество рыбъ своей-же братьей выпирается изъ воды за эти доски на сушу, потому что рѣка не въ состояніи вмѣстить въ себѣ всѣ стаи, старающіяся обогнать другъ друга. Самые же цѣнные лохи кеты останавливаются въ нѣсколько болѣе глубокихъ заводяхъ рѣки и въ рукавахъ ея, которые отчасти, вслѣдствіе осенняго спада водъ, обращаются въ отдѣльные пруды. Такія мѣста по тунгуски называются тамъ гадыгъ, что̀ Русскіе исказили въ слово ва́дяга или ба́дяга[1]). На Тугурѣ у Бурукана и въ урочищѣ Хамбыканъ я нашелъ 11-го Октября такія заводи глубиною въ 2 и въ 3 фута; онѣ были устланы валунами (величиною въ кулакъ и въ голову), между которыми вездѣ видна была выпущенная икра. Рыбы плавали въ этихъ вадягахъ стаями въ 10—20 штукъ.

Смотря по осени, рыбы въ этихъ заводяхъ ловятся или въ концѣ Сентября, или въ началѣ Октября. Якуты и Тунгусы, аккуратно эксплоатирующіе эти рыбныя мѣста, увѣряли меня, что одно и тоже несмѣтное количество рыбъ является тамъ изъ году въ годъ и никогда не уменьшается.

Для вытаскиванія рыбъ изъ этихъ прудовъ Тунгусы употребляли особаго рода гарпунъ, который они постоянно носятъ при себѣ и которымъ дѣйствуютъ чрезвычайно ловко.

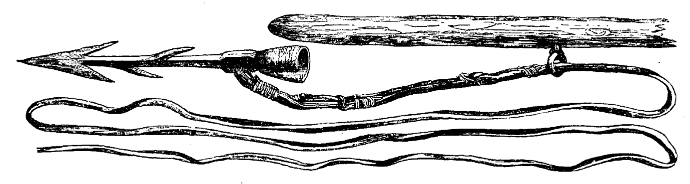
Къ концу тонкой, даже гибкой жерди въ 3 саж. длины они придѣлываютъ большой здоровый крюкъ, изгибъ котораго въ радіусѣ имѣетъ около 1 дюйма, вдвигая его за намотанный на жердь ремень такимъ образомъ, что стволъ крюка плотно прилегаетъ къ жерди, а изгибъ и оконечность его обращены къ концу жерди, но такъ, что этотъ конецъ жерди все-таки выдается дюйма на два дальше оконечности крюка. Этотъ гарпунъ Тунгусъ вонзаетъ такъ ловко въ плывущую по дну рыбу, что конецъ жерди подъ нею

[1]) Это такъ называемая «курья» сѣв.-западной Россіи.

На р. Уди слѣдующія ва́дяги пользовались особенною извѣстностью и въ Октябрѣ собирали вокругъ себя множество рыбаковъ: 1) въ 15 верстахъ вверхъ отъ устья (Чумиканъ); 2) въ 20 верстахъ, Тушканъ; 3) въ 50 верстахъ, Сохатый; 4) въ 97 верстахъ; 5) въ 190 верстахъ, т. е. въ 10 верстахъ выше впаденія Галлама; 6) въ 230 верстахъ, на Шевелеѣ.

входитъ въ покрывающіе дно валуны, а защищенный такимъ образомъ крюкъ прокалываетъ рыбу. Такъ какъ стволъ крюка привязанъ къ концу жерди посредствомъ коротенькаго ремня, то рыба не можетъ уйти, потому что, начиная сильнѣе биться, вырываетъ крюкъ изъ ремневой обвязки, за которую онъ задвинутъ, и освобожденный такимъ образомъ крюкъ вонзается въ рыбу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше она бьется. При выниманіи жерди изъ воды, крюкъ и сидящая на немъ рыба, слѣдуютъ за коротенькимъ ремнемъ, соединяющимъ стволъ крюка съ концомъ жерди.

Довольно долго я тщетно пытался наловчиться искусству, котораго требуетъ употребленіе этого умно-задуманнаго снаряда. «Весьма неуклюжій приборъ» отмѣтилъ я у себя въ дневникѣ. Вышеизложенное да послужитъ выраженіемъ моего покаянія. Помимо приспособленія, предохраняющаго крюкъ отъ удара о валуны и отъ притупленія, интересенъ еще принципъ, вслѣдствіе котораго крюкъ тѣмъ вѣрнѣе обезпечиваетъ добычу, чѣмъ больше она силится высвободиться. По-видимому, если я правильно понялъ нѣкоторыя описанія, этотъ-же принципъ очень распространенъ въ Сѣв. Америкѣ, какъ у Индѣйцевъ, такъ и у Эскимосовъ. Алеуты усовершенствовали его еще тѣмъ, что между желѣзнымъ наконечникомъ гарпуна (см. прилагаемый рисунокъ) и стволомъ его вставляютъ еще дру-

Гилякскій гарпунъ.

гой, приблизительно столь-же длинный кусокъ, средина котораго посредствомъ коротенькаго ремня также прикрѣплена къ главному ремню. Какъ скоро удастся вонзить гарпунъ въ мягкокожее животное, напр. въ дельфина, такъ сильно, что обѣ приставныя части входятъ въ него, то обѣ онѣ, отдѣлившись отъ жерди, тѣмъ болѣе становятся поперекъ тѣла животнаго, чѣмъ ближе укрѣпленіе гарпунной бичевки находится отъ средины этого гарпуннаго желѣза [1]) и второй вставленной части. Къ свободному концу гарпунной бичевы Алеуты, какъ извѣстно, прикрѣпляютъ надутый пузырь, указывающій имъ, гдѣ слѣдуетъ ожидать появленія пронзенныхъ гарпуномъ моржей и китовъ.

У Хамбыкана (на р. Немиленѣ) Тунгусы ежедневно убивали около 100 рыбъ, такъ что каждый изъ нихъ ежедневно очень легко и безъ большихъ приспособленій, добывалъ до 25 пудовъ рыбнаго мяса.

Гдѣ кету хотѣли ловить уже въ Іюлѣ, прежде чѣмъ она станетъ заходить въ гор-

---

[1]) Такимъ образомъ и изображенное тутъ гарпунное желѣзо прикрѣплено къ своему ремню слишкомъ близко отъ толстаго конца своего.

ныя рѣки, тамъ стоило только по морскому берегу разставить сѣти съ петлями въ 4—5 пальцевъ ширины. Однажды вечеромъ, въ Уяконскомъ заливѣ, когда мы, будучи тѣснимы льдомъ, должны были укрыться на берегу и выбросили нашъ маленькій неводъ, мы уже не были въ состояніи вытащить его. Привязавъ его къ кольямъ, мы легли спать, Когда мы проснулись, послѣ сильнаго отлива воды, нашъ неводъ лежалъ на песчаномъ берегу и въ немъ находилось болѣе 400 порядочныхъ мальмъ. Это было 20-го Іюля. Жители Удскаго Острова ловили рыбу не сѣтями. На мои укорительные разспросы по этому предмету беззаботный народъ отговаривался тѣмъ, что у него нѣтъ сѣтей. При всемъ томъ, у нихъ оказались большіе неводы, которые имъ навязали изъ Якутска. Но стѣнки этихъ неводовъ были слишкомъ высоки, потому что мелководныя горныя рѣки и прибрежья, которыхъ придерживаются плывущія стаи рыбъ, допускаютъ только глубину сѣти въ 4 фута. Беззаботность облѣнившихся жителей была такъ велика, что передѣлка подареннаго имъ невода была, по ихъ мнѣнію, сопряжена съ слишкомъ большими хлопотами. По заведенному изстари порядку и такое казенное имущество конечно нельзя было уменьшать.

Изъ всего этого читателю однакоже не слѣдуетъ выводить заключеніе, что въ юго-восточной Сибири сѣти вообще мало употребляются. Напротивъ того, я удивился, какъ ловко съумѣли извернуться Тунгусы, у которыхъ, въ противоположность Самоѣдамъ Таймырскаго края, получающимъ все съ Енисея, большею частію не было пеньковыхъ нитокъ. У Тунгусовъ были въ употребленіи ставныя сѣти, сдѣланныя какъ изъ жилъ сѣв. оленей, такъ и изъ конскихъ волосъ. Мнѣ особенно нравились послѣднія, которыя не только отличались чистотою, но и были такъ легки, что, вися за сѣдломъ, не обременяли лошади. Между тѣмъ онѣ были чрезвычайно полезны тѣмъ, что когда во время привала на ночь ихъ опускали въ ближайшія воды, то при осмотрѣ ихъ утромъ рѣдко случалось не находить въ нихъ весьма пріятной приправы къ утренней похлебкѣ.

Само собою разумѣется, что въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ Сибири употребляются всѣ тѣ разнообразныя измѣненія въ приспособленіи сѣтей, которыя хорошо извѣстны въ Европѣ. По-этому мы не станемъ останавливаться на перечисленіи ихъ.

Главнымъ средствомъ повсюду служатъ запруды, съ принадлежащими къ нимъ вершами. Въ устьѣ Уди такимъ образомъ ловились сотни тысячъ заходившей изъ моря куты. Къ запрудамъ съ величайшимъ успѣхомъ прибѣгаютъ мѣхопромышленники, запружая уже лѣтомъ тѣхъ рыбъ, которыя весною зашли вверхъ по рѣкамъ. Окончивъ охоту свою, они осенью возвращаются къ этимъ запрудамъ, ставятъ въ нихъ верши и наслаждаются обильною добычею.

У Тунгусовъ употребляется способъ багренья рыбы зимою, который особенно въ началѣ этого времени года, пока ледъ еще не успѣетъ покрыться снѣгомъ, обыкновенно бываетъ очень удаченъ. Багоръ состоитъ изъ трезубца съ коротенькой рукояткой, такъ какъ горныя рѣки въ это время мелководны. Черезъ множество прорубленныхъ во льду отверстій высматривается, что происходитъ на днѣ рѣки, и за тѣмъ выбирается мѣсто

ловли. Тутъ прорубается во льду отверстіе фута въ 2 въ квадратѣ, и надъ нимъ, при помощи шестовъ, шубъ и мѣховыхъ одѣялъ, устраивается шалашъ, который снизу обкладывается снѣгомъ. Если въ этомъ темномъ шалашѣ ляжешь на ледъ и смотришь въ прорубь, то очень ясно видишь все до самаго дна и тѣмъ легче можешь попадать багромъ въ рыбу. Это такъ называемая сидѣбка русскихъ Сибиряковъ. При этой ловлѣ со мною случилось слѣдующее забавное происшествіе: пока я, желая ознакомиться съ нею, около четверти часа пролежалъ на животѣ, налимъ наконецъ наскочилъ на мой багоръ, а когда я захотѣлъ вытащить его, то къ удивленію моему самъ оказался пойманнымъ. Дикая борода моя примерзла ко льду и не хотѣла отстать отъ него. Мнѣ разсказывали, что въ 1844 году въ Забайкальѣ, въ Аргуни, вслѣдствіе сильнаго половодья, рыбы изъ породы карповъ зашли въ рѣку выше обыкновеннаго предѣла и сидѣбка[1]) доставляла несмѣтное количество рыбы, но все-таки не могла равняться успѣхамъ запруды, гдѣ въ первую половину зимы крестьянинъ тамъ-же наловилъ болѣе 1000 пудовъ рыбы, на которую, вслѣдствіе такого изобилія, цѣна понизилась отъ средней цифры (6—8 рублей) на половину и менѣе.

Козаки дѣлаютъ забойки поперекъ всей Аргуни и ловятъ въ нихъ осетровъ, тайменей, ленковъ и т. д. Въ мое время тамъ помѣшалъ этому ледоходъ. Но уже тогда козаки спускались по Амуру, чтобы ставить извѣстныя снасти. На полную снасть считались 51 крюкъ, которые, вися на бичевкахъ, прикрѣплялись къ одной общей веревкѣ и опускались въ болѣе спокойныя или обратныя теченія (улова). Главная веревка прикрѣплена къ якорю, на положеніе котораго указываютъ плавающіе колья. Кромѣ большихъ осетровъ, козаки главнымъ образомъ разсчитывали при этомъ на Амурскую бѣлугу (калуга, Нигидальскій адинъ, Acipenser orientalis), между которой нѣкоторые пойманные экземпляры вѣсили отъ 10 до 20 пудовъ. Люди, заслуживающіе довѣрія, разсказывали мнѣ даже, что встрѣчались калуги въ 30 пудовъ вѣса, какъ напр. пойманная въ 1844 году у Шилкинскаго завода, успѣвшая передъ тѣмъ уйти со всею снастью. Она дала болѣе 5 пудовъ икры.

Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ старинная метода уженія рыбъ, искони свойственная всѣмъ первобытнымъ народамъ, не употребляется. Исключеніе однакоже составляли русскіе поселенцы въ Введенскомъ, на Дудыптѣ, которые таскали доховъ-кунджу изъ ближайшихъ озеръ.

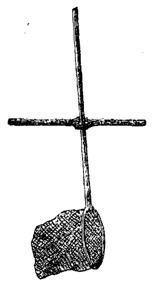
Въ заключеніе считаю нелишнимъ сообщить описаніе особаго способа, какъ Якуты ловятъ карасей и крошечныхъ линьковъ мундушекъ (Cypr. perenurus), которые въ тамошнихъ мелководныхъ, илистыхъ болотныхъ озерахъ водятся въ необыкновенномъ изобиліи. Пробивъ долотооб-

Сибирскій ледосниматель.

[1]) Здѣсь она устраивается подъ шалашами, крытыми соломою.

разнымъ концомъ лома прорубь во льду и убравъ ледоснимателемъ отдѣльно плавающіе кусочки льда, опускаютъ изображенный тутъ сачекъ подъ ледъ, кладутъ просверленную палку поперекъ проруби и крѣпко придавливаютъ ее колѣнами, продѣвъ въ нее предварительно рукоятку сачка. За тѣмъ сачекъ толчками опускается на дно и вслѣдствіе того, что рукоятка, поворачиваясь кругомъ, въ тоже время постепенно приподнимается вверхъ, сѣтка сачка описываетъ спираль. Сдѣлавъ до 50 оборотовъ, рыбакъ быстро поворачиваетъ сачекъ вокругъ оси, такъ что онъ закрывается, и вытаскиваетъ его изъ воды. При этомъ вода взбалтывается въ какую-то илистую кашу. Вкусъ рыбъ дѣйствительно отзывается такимъ происхожденіемъ.

Сачекъ для ловли карасей и линей.

Охота въ Сибири.

Преданіе возводитъ первые зачатки человѣческаго существованія къ райскому питанію растеніями. Исторія главнымъ образомъ принимаетъ за исходную точку первоначальнаго быта рыболовство и охоту, которыя наконецъ, посредствомъ кочеваго скотоводства, доходятъ до созидающаго государство земледѣлія.

Объ охотѣ говорится, что ею занимались сначала по необходимости, а потомъ ради удовольствія, и что наконецъ она обратилась въ искусство, примкнувшее къ наукѣ о лѣсоводствѣ.

Съ зоотомической точки зрѣнія физіологическая антропологія должна согласиться съ преданіемъ, такъ какъ зубы и кишечный каналъ человѣка, хотя и устроены какъ у всеядныхъ животныхъ, но все-таки главнымъ образомъ приспособлены къ растительной пищѣ. Съ психологической же точки человѣкъ является положительно хищнымъ животнымъ, которому страсть къ охотѣ такъ прирожденна, что до сихъ поръ высшей культурѣ и цивилизаціи нисколько не удалось измѣнить его хищническую натуру. О воинскихъ его наклонностяхъ, вплоть до каннибализма, мы не станемъ тутъ говорить.

Образъ дѣйствій кочевниковъ, любаго племени, среди первобытной природы, на каждомъ шагу доказываетъ, что человѣкъ родился хищнымъ животнымъ. Кто человѣка признаетъ за высшую степень развитія одной изъ породъ обезьянъ, тотъ долженъ представить его себѣ потомкомъ хищной обезьяны, или предположить, что первоначальная обезьянья порода его предковъ, преимущественно питавшаяся растеніями, въ теченіи тысячелѣтій болѣе и болѣе переходила къ питанію мясомъ, болѣе и болѣе передавала своимъ потомкамъ плотоядныя наклонности, все сильнѣе возбуждая этимъ дѣятельность мозга, все сильнѣе разжигая страсти, составляющія все-таки основу всякой культуры. Питающійся растеніями браминъ положительно помѣшанное на одномъ предметѣ искусственное произведеніе культурныхъ условій глубокой древности.

Одаренный такою страстью къ охотѣ, что въ молодые годы каждая внезапно вылетавшая дичь судорожно сжимала мнѣ сердце, но смолоду пріучившись обуздывать этотъ пылъ и доводить себя до невозмутимаго спокойствія надежнаго охотника, я былъ увѣренъ, что среди кочевниковъ найду настоящихъ мастеровъ этого дѣла. Каково же было мое удивленіе, когда я въ первый разъ отправился на охоту съ моими спокойными миролюбивыми пріятелями, Асинскими Самоѣдами. Мы тронулись въ путь на 14 саняхъ. Пришлось проѣхать нѣсколько верстъ съ однихъ возвышеній на другія, выдававшіяся надъ тундрою, и быстроногіе сѣв. олени, составлявшіе нашу упряжь, несли насъ довольно скоро. Но на каждомъ возвышеніи дѣлался привалъ, и болтовня да куренье, въ которыхъ я не умѣлъ

принимать участіе, требовали очень много времени, потому что привалы повторялись очень часто. Моему нетерпѣливому понуканію самоѣдскій старшина Тойчумъ, мой патронъ, затягиваясь табачнымъ дымомъ до самый глубины своихъ легкихъ, противопоставилъ философское, спокойное изрѣченіе: «кто не куритъ, тотъ плохой охотникъ; ему недостаетъ необходимой доли спокойствія». По дѣломъ тебѣ, горячка, подумалъ я, и замолчалъ. Наконецъ показалось соотвѣтствовавшее охотничьимъ требованіямъ стадо, и мы тотчасъ-же отретировались за небольшой пригорокъ. Оставивъ тамъ запряженныя сани свои, мы, стрѣлки, укрылись на возвышеніи, съ котораго довольно хорошо видна была вся охота. Дичь стала приближаться; я не узнавалъ своихъ друзей. Кровь ихъ вскипала, какъ у самой горячей охотничьей собаки. Возбужденная до крайности страстность ихъ высказывалась въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ; по временамъ они обмѣнивались коротенькими восклицаніями, свидѣтельствовавшими о спертомъ дыханіи, и когда животныя по-видимому хотѣли уйти въ сторону, то охотники стали издавать громкіе, похожіе на вой, протяжные вопли, въ высокихъ тонахъ. Ими вполнѣ овладѣла самая страстная возбужденность, и мнѣ, привыкшему къ строгому соблюденію порядка при европейскихъ облавахъ, казалось, что теперь все дѣло испорчено. Но открытая тундра обширнѣе, чѣмъ ее себѣ представляетъ новичекъ, вѣтеръ былъ выбранъ превосходно, животныя ничего не слышали и даже вдругъ пошли прямо на насъ. Какъ пораженные молніей, сотоварищи мои по охотѣ пали на землю за свое снѣговое прикрытіе. Нѣсколько минутъ спустя, стадо въ слишкомъ 30 головъ подошло къ намъ и пробѣжало мимо насъ шагахъ въ 50. Двѣ, даже три стрѣлы каждый Самоѣдъ успѣлъ вынуть черезъ плечо изъ своего колчана и пустить въ животныхъ, прежде нежели они ушли изъ подъ выстрѣла, но даже и на такомъ разстояніи большая часть стрѣлъ не попала въ цѣль: Такъ неукротимъ былъ дикій охотничій пылъ у этихъ дѣтей природы, умѣвшихъ иногда убивать чаекъ на лету! Я онѣмѣлъ отъ удивленія: этого я никакъ не ожидалъ. Это были, отъ головы до пятокъ, настоящіе хищные звѣри. Глаза ихъ сверкали, сами они выли съ отчаянія. Правда, что это былъ исключительно неудачный случай, но онъ былъ тѣмъ характеристичнѣе. Столь-же характеристичны были восторженные крики, низкіе поклоны и изъявленія благодарности, когда раненныя мною животныя вскорѣ пали. Описаніе такой-же страстности я встрѣтилъ прежде, читая объ охотѣ у Кафровъ, добыча которой доставалась даже не имъ самимъ, а ихъ князю.

Такимъ образомъ не удивительно, что иногда въ горахъ Тунгусъ на лыжахъ своихъ слишкомъ отважно преслѣдуетъ дичь и, не будучи въ состояніи во-время остановиться, падаетъ въ пропасти. Вблизи крутыхъ долинъ р. Керби, 14-го Октября, мнѣ самому привелось Тунгуса, поспѣшившаго раньше насъ на охоту за соболями, застать въ самомъ странномъ положеніи. Было прехолодное утро, градусовъ въ 20° Р. Когда я, съ полчаса послѣ ухода Тунгуса, верхомъ, на сѣв. оленѣ, отправился въ путь впереди нашего каравана, то я вдругъ, верстахъ въ 3-хъ въ сторонѣ, увидѣлъ пылающій огонекъ. Поѣхавъ прямо на него, я засталъ тамъ своего спутника, который какъ на вертелѣ голый кружился

у сильно пылавшаго костра и въ тоже время ножемъ тщательнѣйшимъ образомъ соскабливалъ съ кожаной стороны своей одежды ледяные наросты и впитавшуюся въ нее воду. Желая во что бы то ни стало поймать уже почти настигнутаго имъ соболя, онъ провалился въ ручей, который еще едва успѣлъ покрыться льдомъ, потому что вода его вытекала изъ горныхъ расщелинъ.

Но кто въ состояніи перечислить всѣ невзгоды и опасности, которымъ ежедневно подвергается кочевникъ-охотникъ? Мнѣ хотѣлось только охарактеризовать охотничій задоръ этихъ записныхъ охотниковъ. Вспыхнувъ случайно, онъ разгорается быстро и безъ удержу, а между тѣмъ тотъ-же кочевникъ вообще прехладнокровный человѣкъ, умѣющій напр. свою страсть къ наживѣ подчинить разсудку на столько, что въ тундрѣ успѣлъ установиться обычай въ извѣстное время не охотиться на песцовъ. По-этому одна изъ главныхъ жалобъ европейскихъ Самоѣдовъ на вторгающихся въ ихъ землю Зырянъ заключалась въ томъ, что послѣдніе выкуриваютъ песцовъ изъ норъ. Когда я попытался сдѣлать тоже самое въ Таймырской тундрѣ, то друзья мои очень внушительно упрекнули меня въ этомъ, говоря, что вслѣдствіе этого нора на будущій годъ останется незанятою. Такимъ образомъ предложеніе Гамеля [1]) вовсе не такъ невыполнимо, какимъ оно кажется; онъ совѣтовалъ назначить срокъ прекращенія охоты на сѣв. оленей, также какъ на козуль, сайгу и т; д. въ такое время, когда мѣха ихъ не имѣютъ цѣны, т. е. въ началѣ лѣта, когда шкура ихъ какъ сито пробуравлена прошлогодними подкожными личинками.

Припомнимъ, какое значеніе охота имѣла уже въ первыя времена открытія или завладѣнія Сибири казаками. Ссылаемся въ этомъ отношеніи на сказанное нами на стр. 81. Соболи, чернобурыя лисицы и песцы составляли золотое руно, за которымъ стремились искатели богатствъ. Они-то и влекли завоевателей отъ открытія къ открытію, потому что правительство измѣряло значеніе этихъ открытій по цѣнности тѣхъ пушныхъ животныхъ, о существованіи которыхъ ему можно было донести. Выгода, которую сулила каждая вновь открытая полоса земли, опредѣлялась главнымъ образомъ по числу «сороковъ», добытыхъ у кочевниковъ; сорокъ соболей составляли связку и обращались въ торговлѣ подъ названіемъ «сóрока» соболей, уже въ началѣ 13-го столѣтія [2]) и вѣроятно еще гораздо раньше. Герберштейнъ говоритъ, что въ Новгородѣ онъ видѣлъ собольи шкуры (вѣроятно цѣлую шубу), за которыя платили отъ 20 до 30 тысячъ червонцевъ [3]). Наплывъ разнаго рода «промышленныхъ гулящихъ людей», привлекавшихся такими богатствами, сопровождался гораздо болѣе бурными переворотами, чѣмъ настоящее золотое руно, открытое два съ половиною вѣка позднѣе въ образѣ чрезвычайно богатыхъ золотыхъ пріисковъ, распространенныхъ въ Сибири на большомъ протяженіи.

Что касается самой охоты, то въ общемъ цѣломъ она, кажется, мало измѣнилась

---

[1]) Mémoires de l'Acad. de St.-Pétersbourg, VIe série, Bullet. scientif. p. XVIII.

[2]) Adelung, S. Freih. v. Herberstein, 1818, стр. 207, примѣч.

[3]) Мнѣ не представляется теперь возможность справиться съ подлинникомъ, и потому ссылаюсь на извѣстіе, напечатанное въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ за 1853 годъ, стр. 185.

тѣхъ поръ, какъ Сибирь подпала европейскому владычеству. Въ этомъ слѣдуетъ упрекнуть правительственныя учрежденія. Напр. (срав стр. 558) они вовсе не старались поощрять возможно бо̀льшее распространеніе цѣлибухи, а въ новѣйшее время не позаботились о замѣнѣ его стрихниномъ, объ обученіи жителей приготовленію стрихниновыхъ пилюль, о возможно большемъ распространеніи огнестрѣльнаго оружія, объ ознакомленіи кочевниковъ съ постепенными его усовершенствованіями, объ отпускѣ лучшаго пороху въ достаточномъ количествѣ и т. д.

Огнестрѣльное оружіе первоначально распространилось изъ Китая къ сѣверу. Уже при старикѣ Витсенѣ [1]) у Манджуровъ и Монголовъ были мушкеты. Но передъ Албазинымъ они все еще играли въ видѣ фитильныхъ ружей. Отъ Монголовъ послѣдніе въ концѣ восьмаго столѣтія перешли къ Калмыкамъ и Киргизамъ [2]), которые однакоже до самаго послѣдняго времени не могли отвыкнуть отъ фитиля. Весь сѣверъ Сибири до нынѣшняго столѣтія довольствовался лукомъ и стрѣлою. Между приобскими татарами Ермакъ возбудилъ удивленіе и ужасъ огнестрѣльнымъ оружіемъ своей дружины, особенно «невидимыми стрѣлами», поражавшими враговъ, не смотря на щиты ихъ [3]).

Тогда какъ въ шведской Лапландіи уже въ концѣ первой половины 18-го столѣтія огнестрѣльное оружіе совершенно вытѣснило лукъ и стрѣлу, мнѣ привелось лично убѣдиться цѣлое столѣтіе спустя, что народы въ низовьяхъ Енисея, (не говорю уже о моихъ пріятеляхъ, Асинскихъ Самоѣдахъ Таймырскаго края) всѣ безъ исключенія довольствовались лукомъ и стрѣлой. Между тѣмъ негры африканскихъ прибрежныхъ странъ уже двумя столѣтіями раньше запаслись огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кромѣ русскихъ поселенцевъ, въ мое время огнестрѣльное оружіе было только у Тунгусскаго племени (со включеніемъ Долганъ, Ламутовъ и Юкагировъ). Это были извѣстныя мелкопульныя винтовки, которыя на всемъ сѣверѣ Европейской Россіи служатъ главнымъ образомъ для стрѣлянія куропатокъ и бѣлокъ и по-видимому заведены тамъ въ первой половинѣ 18-го столѣтія [4]). При состязаніи въ стрѣльбѣ, которое я устроилъ на прибрежьяхъ Охотскаго моря, оказалось, что Тунгусы съ недлинными дулами, въ 4 или 5 пядей длины, которые они клали на подставки въ 2 или $2^1/_2$ пяди вышины, на 100 шаговъ рѣдко дѣлали промахъ въ четвертушку бумаги, часто даже попадали въ нее довольно близко къ центру.

Тунгусъ въ прибрежныхъ странахъ Охотскаго моря содержалъ свою винтовку очень чисто; главнымъ образомъ онъ дѣлалъ это вѣроятно потому, что ружье сильно засорялось отъ плохаго пороха. Не успѣешь, бывало, оглянуться, какъ Тунгусъ опять уже отвинтилъ казенный винтъ и чиститъ дуло.

---

1) Witsen, II, стр. 5, 433.

2) Müller, Samml. Russ. Geschichte, III, стр 488; IV, стр. 223.

3) Тамъ-же, VI, 264, 265.

4) Въ 1733 гогу Черемисы употребляли лукъ и стрѣлы, тогда какъ у сосѣдей ихъ, Чувашей и Вотяковъ, уже были винтовки (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 327, 379). Но еще при Георги (Reise, II, стр. 597) Вогулы были вооружены луками.

Въ мое время въ округѣ Удскаго Острога трудно было пріобрѣсти винтовку дешевле 100 руб. асс., хотя на Уралѣ она тогда стоила отъ 2—5 рублей, а перевозка изъ Екатеринбурга въ Якутскъ обходилась не дороже 7 рублей. Давленію со стороны купцовъ, торгующихъ этимъ необходимымъ товаромъ, мѣстному управленію въ то время слѣдовало противопоставить конкурренцію. Въ настоящее время дѣло приняло, кажется, другой оборотъ [1]).

Кромѣ мелкопульныхъ винтовокъ въ мое время только въ верховьяхъ Амура встрѣчались мѣстами винтовки большихъ размѣровъ, пріобрѣтенныя, какъ говорили, въ Ташкентѣ и слывшія подъ именемъ Солорнскихъ винтовокъ.

О странномъ короткомъ прикладѣ, да еще болѣе странномъ, открытомъ снаружи замкѣ, пружина котораго усиливается или совершенно замѣняется упругой деревянной дужкой, о выдолбленной деревяшкѣ съ желобомъ для литья, въ которомъ, посредствомъ раздуванія горящихъ углей, топится свинецъ для пуль, и о тому подобныхъ, поражающихъ насъ, первобытныхъ особенностяхъ, я не стану распространяться, такъ какъ это всѣмъ хорошо извѣстно.

По видимому не только апатія, но и послѣдствія прежнихъ порядковъ, были причиною, почему бѣднымъ кочевникамъ долго не представлялась возможность запастись лучшимъ оружіемъ. Длинный рядъ мелкихъ возстаній, послѣдовавшихъ за занятіемъ Сибири, повлекъ за собою неоднократное подтвержденіе строжайшаго запрещенія снабжать сибирскихъ туземцевъ огнестрѣльными припасами [2]).

Вслѣдствіе этого дѣло дошло до такой несообразности, что правительство, оставивши продажу пороха за собою, своихъ же собственныхъ подданныхъ, для которыхъ охота составляетъ единственный источникъ пропитанія, и у которыхъ подать взимается въ видѣ добытыхъ ими мѣховъ, лишало огнестрѣльныхъ принадлежностей. На замѣчаніе Палласа [3]), что Башкиры сами приготовляютъ для себя порохъ, на жалобу Крузенштерна [4]) относительно недостатка пороха въ Камчаткѣ, на заявленіе Уваровскаго [5]), требовавшаго отъ своего начальства уже въ 1827 году, чтобы въ Удской край вмѣсто дозволенныхъ до того времени 2 пудовъ, впрочемъ также не отпускавшихся (см. главу

---

[1]) По письменному сообщенію Радде, на Амурѣ не было недостатка въ винтовкахъ и въ его время хорошую маленькую винтовку можно было купить за 10 руб. сер. И по словамъ Черкасова (Записки охотника Восточн. Сибири, 1867, стр. 13), путешествовавшаго 20 лѣтъ послѣ меня, винтовка въ Забайкальѣ стоитъ отъ 15 до 3 руб. сер. Очевидно тамъ дѣлу помогли вооруженія по случаю занятія Амура.

[2]) Такое распоряженіе было сдѣлано напр. еще въ 1700 году (Словцовъ, Историч. обозр. Сибири, II, стр. 468). При Стеллерѣ (Kamtschatka, стр. 178) огнестрѣльное оружіе было запрещено Камчадаламъ и самъ Стеллеръ подвергся слѣдствію за то, что уступилъ Камчадаламъ пороху. Въ Палласово время (Reise, II, стр. 74) Башкирамъ не позволено было имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе, и въ Якутскѣ я самъ еще засталъ приказаніе не отпускать жителямъ пороху, хотя они большею частью питались дичью.

[3]) Reise, II, стр. 63.

[4]) Reise, II, стр, 258.

[5]) Найдено мною въ Якутскомъ архивѣ.

о Тунгусахъ), ежегодно посылалось 10 пудовъ пороху (и 20 пудовъ свинцу) не обращалось никакого вниманія. Прибывъ въ Удской Острогъ, я, вопреки указанію правительства, не засталъ тамъ ни малѣйшаго количества пороху, которое могло бы быть отпущено въ мое распоряженіе. Изъ пороха же, все-таки находившагося у Тунгусовъ, имъ приходилось дѣлать непомѣрно большіе заряды, потому что онъ былъ слишкомъ слабъ [1]).

Затронутыя тутъ несообразности не могли бы удержаться столько времени, если бы въ охотничьемъ быту кочевниковъ вообще ружье не играло лишь второстепенной роли до тѣхъ поръ, пока дебри оставались настоящими первобытными дебрями. Отчасти огнестрѣльное оружіе достаточно замѣняется лукомъ и стрѣлой. Пока не представляется случая, во всякое время, безъ труда, добывать огнестрѣльныя принадлежности, до тѣхъ поръ кочевникъ благоразумно придерживается оружія собственнаго изготовленія.

На первый взглядъ лукъ Таймырскихъ Самоѣдовъ по-видимому чрезвычайно простъ; при всемъ томъ однакоже требуется немало опытности и искусства, чтобы толково приготовить для него дерево смолистыхъ корней глубоко-сѣверной лиственицы. За тѣмъ весь лукъ, при помощи налимнаго клея, красиво обклеивается берестою и вслѣдствіе того отчасти укрѣпляется, отчасти предохраняется отъ прониканія сырости въ дерево и отъ ослабленія упругости. Дознанныя опытомъ, самыя слабыя части лука укрѣпляются посредствомъ неоднократнаго обматыванія ихъ берестою. Въ заключеніе кобылка (*a*) по обоимъ концамъ придаетъ луку больше упругости и правильно распредѣляетъ напряженіе различныхъ частей лука. Нужно замѣтить, что лукъ натягивается не по направленію дуги, какъ могутъ думать непосвященные въ это дѣло, а въ противоположную сторону.

Лукъ Таймырскихъ Самоѣдовъ.

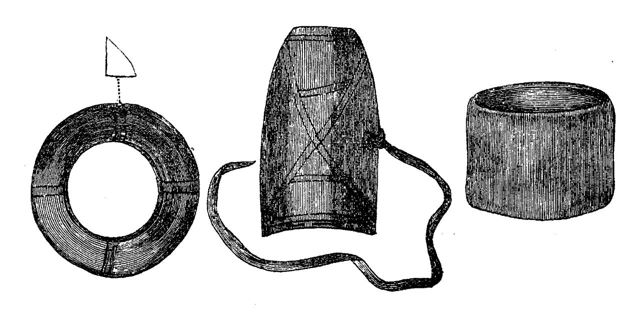
Отъ поврежденій и главнымъ образомъ отъ сырости лукъ защищается футляромъ, сдѣланнымъ изъ шкуры сѣв. оленя, а на морскихъ прибрежьяхъ изъ тюленьей шкуры. На XV-й таблицѣ изображенъ самоѣдскій футляръ въ полномъ его блескѣ. Тщательно исполненные узоры могутъ служить нашимъ дамамъ доказательствомъ, что самоѣдскія женщины опередили ихъ по части любезной внимательности.

У Юкагировъ упругость лука усиливается, какъ извѣстно, тѣмъ, что онъ обкладывается пластинками носоваго нароста отъ ископаемаго носорога; Чукчи употребляютъ китовый усъ и т. д.

---

[1]) При этомъ случаѣ считаю нелишнимъ упомянуть о слѣдующемъ, непонятномъ для меня обстоятельствѣ. Вслѣдствіе-ли необыкновенной стужи, перенесенной моей прекрасной двустволкой (Бартмеръ), или по другой причинѣ, выстрѣлы изъ нея стали такъ слабы, что въ Апрѣлѣ и Маѣ дробинки мои отлетали только на 30—40 шаговъ и лежали разбросанными по снѣгу. «Вотъ тебѣ твои стрѣлы», говорили мнѣ Самоѣды, которые подбирали ихъ и приносили ко мнѣ.

Неизбѣжную принадлежность лука составляетъ предохраненіе натягивающей его руки отъ обратнаго отскакиванія тетивы. Это предохранительное приспособленіе (у Русскихъ **наручка**) имѣетъ либо видъ металлическаго щитка, который ремнемъ прикрѣпляется вокругъ сгиба руки и прикрываетъ мѣсто около пульса, либо видъ кольца, которое или дѣлается изъ металла, или бываетъ только наперсткообразнымъ кускомъ трубчатой кости, насаживается на большой палецъ и задерживаетъ обратный ударъ тетивы.

Приспособленіе противъ обратнаго удара тетивы.

Значительный выборъ стрѣлъ встрѣчается даже у Таймырскихъ Самоѣдовъ, приборы которыхъ вообще отличаются большою простотою. На слѣдующей страницѣ изображена вся моя коллецкія стрѣлъ изъ Таймырскаго края.

a, *b*, *h* назначены для крупныхъ животныхъ, вплоть до сѣв оленя; *c* имѣетъ конусообразный костяной наконечникъ и служитъ для нанесенія широкой раны при недальнемъ разстояніи выстрѣла; *f*, *g*, *i* употребляются для птицъ, преимущественно гусей, а *e* остяцкій обращикъ, т. е. тупая стрѣла, которою Остяки убиваютъ бѣлокъ. Она не портитъ шкуры, но на тупомъ концѣ ея дѣлаются разныя нарѣзки (*d*) для усиленія удара [1]).

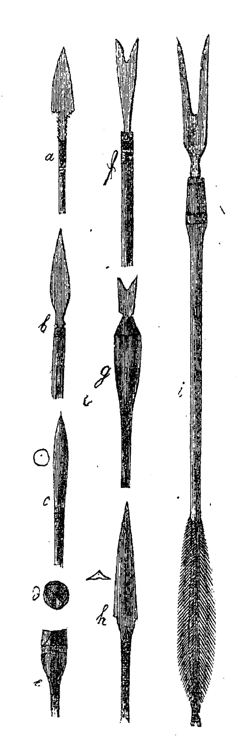
Такимъ образомъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ недостаетъ развѣ только свистящей бурятской стрѣлы, наконечникъ которой просверленъ такъ, что стрѣла не только шипитъ, но и свиститъ, подобно просверленнымъ пулямъ. Она остроумно придумана, для пусканія вслѣдъ за убѣгающими четвероногими, которыя на время пріостанавли-

---

[1]) Ниже, въ главѣ о Долганахъ, будутъ приведены якутскія названія, которыми обозначается каждый видъ этихъ стрѣлъ. Срав. также стр. 606, гдѣ говорится о самострѣлахъ.

ваются, прислушиваясь къ свисту, и тѣмъ даютъ стрѣлку время прицѣлиться. Обыкновенно это достигается простымъ свистаніемъ, либо подражаніемъ голосу каркающаго ворона или воющаго волка.

Стрѣльбу изъ лука я представлялъ себѣ болѣе успѣшною. Самоѣды, которымъ приходится довольствоваться только этимъ оружіемъ, не отличались ни ловкостью прицѣла, ни дальними и сильными выстрѣлами. Однажды, при санной облавѣ, когда я изъ каждаго ствола убилъ по сѣв. оленю и взялся за винтовку, чтобы убить вожака стаи, стараго самца, ружье осѣклось. Пока я успѣлъ насадить новый пистонъ, животное уже ускакало далеко въ тундру, но посланною ему въ слѣдъ пулею мнѣ все-таки удалось раздробить ему голенную кость какъ-разъ надъ правою пяткою. Олень мой, прихрамывая, медленно подвигался впередъ. Чтобы ознакомиться съ дѣйствіемъ стрѣлъ, я предложилъ Самоѣдамъ доконать животное. Одинъ за другимъ подъѣзжалъ къ нему шаговъ на 30 или на 40, соскакивалъ съ саней, спускалъ свою стрѣлу и уѣзжалъ въ величайшемъ страхѣ. Тутъ я въ первый разъ узналъ, что раненный сѣв. олень самецъ, подобно лосю, иногда можетъ сдѣлаться охотнику опаснымъ; при добродушіи этихъ животныхъ мнѣ никогда это не приходило въ голову. Одиннадцать стрѣлъ пронзило бѣдное животное, прежде нежели оно пало. Изъ нихъ двѣ попали въ ребра, желѣзный наконечникъ согнулся отъ удара въ кость и стрѣла повисла безвредно; двѣ другія стрѣлы пронзили животъ, такъ что концы торчали съ другой стороны; остальныя засѣли болѣе или менѣе глубоко въ разныхъ мѣстахъ туловища. Самоѣды постоянно разсказывали мнѣ о сѣв. оленяхъ, которые хотя и были сильно ранены, все-таки уходили. Это мнѣ напомнило убитаго спутниками Врангеля медвѣдя, въ которомъ сидѣли три стрѣлы отъ прежняго преслѣдованія[1]). Только одинъ Самоѣдъ пытался стрѣлять на лету поморниковъ, которые подлетаютъ очень близко и долго висятъ на одномъ мѣстѣ. Онъ приманивалъ ихъ брызгами воды, которыя производилъ весломъ. Но и онъ не попадалъ въ птицу.

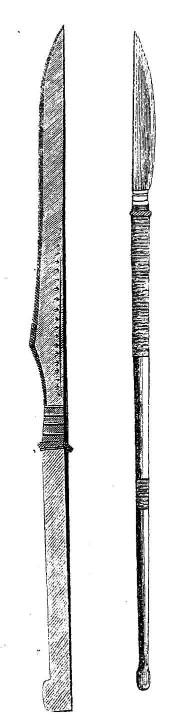
Стрѣлы Таймырскихъ Самоѣдовъ.

---

[1]) Врангель, Путешествіе II, стр. 69.

У Забайкальскихъ Тунгусовъ, славящихся своимъ искусствомъ стрѣлять изъ лука, я уже засталъ огнестрѣльное оружіе и потому не имѣлъ случая любоваться ихъ искусствомъ.

Неудовлетворительное дѣйствіе стрѣлъ повело къ употребленію средствъ, усиливающихъ это дѣйствіе. Должно казаться страннымъ, что ядовитыя стрѣлы употребляются и на глубокомъ сѣверѣ, который вѣдь пользуется особою привиллегіею, т. е. изъятъ природою отъ опасныхъ ядовитыхъ веществъ растительнаго и животнаго царства, свойственныхъ теплымъ климатамъ. Это вспомогательное средство по-видимому распространилось вдоль береговъ Великаго Океана до Сибири. По словамъ Зибольда [1]) Айно смазываютъ свои стрѣлы для медвѣжьей охоты аконитовымъ ядомъ. О сѣверныхъ сосѣдяхъ ихъ, Курильцахъ и Камчадалахъ, равно какъ о Корякахъ, Чукчахъ и Юкагирахъ, со временъ Стеллера, говорятъ тоже самое [2]). Этотъ-же обычай перешелъ, говорятъ, и на Манджурскихъ Тунгусовъ. О дальнѣйшемъ его распространеніи въ Сибири мнѣ ничего не извѣстно. Но отравленіе пометовъ (приманокъ) посредствомъ целибухи — способъ, употреблявшійся уже древними Римлянами, — распространилось съ Запада по всей Сибири до восточныхъ береговъ ея [3]). Я уже говорилъ (стр. 558) о необходимости особенной поддержки этой методы, такъ какъ въ глуши она безопасна и хищныя животныя легко идутъ на приманку [4]).

Медвѣжья рогатина изъ Якутстка. Русск: отказъ; якутск. Bataja. На Богаиидѣ

Вообще же охота въ Сибири основана главнымъ образомъ на самомъ точномъ знакомствѣ съ характеромъ животныхъ, ихъ образомъ жизни, привычками и т. д. По-этому Сибиряки преимущественно любятъ разставлять ловушки; въ гораздо меньшей степени они стрѣлки и несравненно бо́льшая часть животныхъ добывается не оружіемъ какого-бы то ни было рода. Даже страшнаго своего соперника, медвѣдя, сибирскій кочевникъ встрѣчаетъ не огнестрѣльнымъ оружіемъ, а рогатиной, которую Тунгусъ дѣлаетъ длиною въ 6 футовъ и, на случай надобности, у мѣста соединенія рукоятки съ желѣзомъ, привязываетъ коротенькимъ ремнемъ небольшой поперечный валекъ, чтобы устранить слишкомъ глубокое про-

---

1) Fauna Japonica, Mammalia, p. 29.

2) Steller, Kamtschatka, стр. 27, 94, 236. Шелеховъ, Странствованія, стр. 91.

3) Въ Чаунскомъ заливѣ, по Запискамъ Сибир. Отд. Геогр. Общ., кн. III, стр. 99.

4) Поселенцы въ низовьяхъ Енисея очень требовали

никаніе ея въ мясо. За тѣмъ свирѣпо наступающему сопернику рогатину втыкаютъ въ грудь и вмѣстѣ съ тѣмъ свободный конецъ ея упираютъ въ землю, такъ что медвѣдь накалывается собственною тяжестью.

На сколько Тунгусъ отважно вступаетъ въ бой съ медвѣдемъ, на столько боятся этого животнаго обитатели тундръ, Русскіе, Самоѣды, Якуты, къ которымъ оно забирается лишь изрѣдка. Они привыкли охотиться не на медвѣдей, а на сѣв. оленей.

Упражненіе, съ ранней молодости, сообщаетъ человѣку первобытной природы невѣроятное умѣнье отыскивать почти совершенно изгладившіеся слѣды животныхъ. Онъ читаетъ по нимъ, какъ по книгѣ, что̀ дѣлало животное, которое онъ отыскиваетъ, что̀ оно будетъ дѣлать сегодня или завтра въ такое-то и такое-то время. За тѣмъ ему уже не трудно подстеречь свою добычу и, подкрадываясь какъ кошка, напасть на нее въ расплохъ; не трудно засѣсть, гдѣ слѣдуетъ, или въ безграничной пустыни загнать любое животное какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ поджидаетъ товарищъ охотника. Онъ неподражаемый мастеръ подкрадываться и для этой цѣли употребляетъ также сѣв. оленя [1]), на длинномъ поводѣ, въ замѣнъ стрѣлковаго коня. Если же снѣгъ глубокъ, или весною покрытъ настомъ, то Тунгусъ опять на иной ладъ подражаетъ волку, т. е. соединяется по возможности съ другимъ охотникомъ и пускается въ запуски. Такъ напр. въ тундрѣ, на границѣ лѣсной растительности, караулятъ сѣв. оленей. Имъ осторожно отрѣзаютъ путь въ тундру и этотъ маневръ удается кочевникамъ, какъ было сказано, такъ хорошо, что они вдвоемъ гонятъ другъ къ другу животныхъ не только въ горахъ, но и на ровной степи, даже если они охотятся на антилопъ [2]). Сѣв. оленей понемногу оттѣсняютъ къ лѣсу и часто травля начинается только подъ вечеръ назначеннаго для охоты дня. На чрезвычайно легкихъ охотничьихъ лыжахъ преслѣдуютъ животныхъ до тѣхъ поръ, пока они едва дышатъ, за тѣмъ настигаютъ ихъ, и не рѣдко закалываютъ ножемъ, не рѣдко же на нѣсколько шаговъ не попадаютъ въ нихъ стрѣлою, потому что и охотникъ до такой степени запыхается, что ему даже не всегда удается натянуть лукъ. Такимъ-же образомъ охотятся и на лося и часто при благопріятномъ снѣгѣ онъ, съ трудомъ пробѣжавъ двѣ мили, уже болѣе не въ состояніи трогаться съ мѣста. Закалываніе же его рисковано, потому что онъ сильно бодается и бьется.

Въ горахъ Тунгусъ бродитъ по хребтамъ и заглядываетъ въ долины. Завидѣвъ животное или услышавъ его, потому что звукъ несется кверху, онъ какъ молнія спускается на лыжахъ своихъ въ долину и настигаетъ стаю прежде, нежели она успѣетъ ускакать отъ него. На Алданскомъ хребтѣ я бесѣдовалъ съ двумя тунгусскими братьями, кото-

---

целибухи. Это весьма понятно, потому что, во-первыхъ, они терпятъ большіе убытки въ количествѣ сѣв. оленей, а во-вторыхъ, мѣха хищныхъ животныхъ доставляютъ большія выгоды. Въ мое время въ Дудинѣ росомаха стоила еще отъ 12 до 20 руб., а волкъ, за котораго прежде платили до 50 руб., отъ 10 до 25 руб. Все это на ассигнаціи.

[1]) Маньчикъ. Нѣкогда такая охота происходила и въ Лапландіи.

[2]) Срав. напр. Радде въ Beitr. zur Kenntniss des Russ. Reiches, p. 369.

рымъ при глубокомъ снѣгѣ и настѣ въ теченіи трехъ недѣль удалось заколоть до 600 сѣв. оленей. Пригодились имъ единственно шкуры этихъ оленей.

Въ другомъ мѣстѣ и въ другое время Тунгусъ высматриваетъ слѣдъ лося или оленя, преслѣдуетъ животное осторожно и медленно, но безпрерывно, не даетъ ему возможности поѣсть, ночуетъ, преслѣдуетъ его на другой, на третій день, пока оно наконецъ дѣлается его жертвой. Обыкновенно оно становится слишкомъ смѣлымъ.

Всего этого Самоѣдъ не въ состояніи продѣлать, потому что онъ плохой ходокъ. Но пріятель мой Тойчумъ, Асинскій старшина, показалъ мнѣ, что и Самоѣды занимаются травлей, хотя въ совершенно другомъ родѣ. Былъ Октябрь мѣсяцъ и тундра была уже покрыта глубокимъ снѣгомъ, который бури еще не успѣли ни смести, ни сбить; онъ былъ рыхлъ. Впрягши въ сани двухъ здоровыхъ сѣв. оленей, Тойчумъ пустился въ погоню за песцомъ, постоянно перерѣзалъ ему путь и вскорѣ довелъ его до утомленія. Изнемогавшее животное стало описывать вокругъ саней все меньшіе круги и Тойчуму приходилось употребить въ дѣло всю поворотливость своихъ оленей. Забава кончилась тѣмъ, что Тойчумъ сбросилъ съ саней свой мѣховой ножной мѣшокъ, совершенно утомленный песецъ залѣзъ подъ него, и ловкій возница на запыхавшихся оленяхъ привезъ намъ свой трофей. Въ другой разъ, когда мы во время сильной вьюги замѣтили песца, откапывавшаго мышей, Тойчумъ подъѣхалъ къ нему съ подвовѣтренной стороны, соскочилъ съ саней и, снявъ съ себя верхнюю шубу, такъ ловко подползъ къ песцу, что схватилъ за хвостъ усердно лакомившагося звѣря прежде, нежели онъ успѣлъ опомниться. Песецъ столь же неостороженъ, какъ его землячки на глубокомъ сѣверѣ, бѣлыя альпійскія куропатки, которыхъ на открытой тундрѣ Самоѣдъ одинъ загоняетъ въ сѣть. Послѣдняя состоитъ большою частью, изъ 5 крыльевъ, каждое длиною въ 5 шаговъ. Ячейки величиною въ 4 квадр. дюйма, стѣнка, вышиною всего въ $1^1/_2$ фута, выпукло ниспадаетъ на землю между туго натянутыми на палки бичевками. Такую сѣтку разставляетъ Самоѣдъ, когда находитъ стаю бѣлыхъ куропатокъ; за тѣмъ заходитъ къ нимъ съ тыла, преспокойно гонитъ ихъ къ сѣткѣ, и, нагибаясь, прокрадывается то туда, то сюда, чтобы дать птицамъ необходимое направленіе. Догнавши ихъ до самой сѣтки, онъ съ крикомъ выскакиваетъ, куропатки взлѣтаютъ и запутываются въ ячейкахъ сѣти.

Чтобы вкратцѣ покончить дѣло съ охотой кочевниковъ на птицъ, считаю еще только нужнымъ замѣтить, что нѣсколько тысячъ гусей и лебедей, убиваемыхъ во время линянія на тундренныхъ озерахъ, да множество тетеревовъ и рябчиковъ, добываемыхъ Тунгусами, по временамъ не мало содѣйствуютъ увеличенію съѣстныхъ запасовъ кочевниковъ. Дубина, лукъ да стрѣла, винтовки и простыя ружья, всякаго рода ловушки, капканы и силки употребляются въ дѣло для добыванія гусей.

Однимъ словомъ, способовъ добыванія животныхъ, смотря по обстоятельствамъ, безконечно много. Не являются на помощь насты и вьюги, такъ охоту облегчаютъ то комары, то прибой волнъ, то шумъ горныхъ потоковъ и т. п. Кромѣ того, у каждаго

животнаго есть своя слабая сторона: такъ напр. сѣв. олень чуетъ присутствіе человѣка, по запаху, едва-ли не за версту и въ такомъ случаѣ тотчасъ убѣгаетъ, но за то, подобно медвѣдю, сравнительно плохо слышитъ и видитъ.

Такъ мнѣ привелось быть свидѣтелемъ не совсѣмъ понятнаго для меня случая. Въ началѣ Мая, подъ 72° с. ш., въ Таймырской тундрѣ, когда мы съ Самоѣдами медленно подвигались къ сѣверу, при незначительномъ туманѣ, небольшая стая дикихъ сѣв. оленей быстро направлялась прямо на нашъ караванъ. Поднялся страшный шумъ и крикъ, при чемъ Самоѣды приподнимались и стояли на своихъ саняхъ, но все это ничего не помогало. Наконецъ они ухватились за конецъ башлыка своего рубашкообразнаго верхняго тулупа, скидывая эту шубу черезъ голову, стали съ адскимъ шумомъ раскачивать ее и махать руками, пока животныя не повернули назадъ и не убѣжали въ открытую тундру. Самоѣды, встревожившіеся со страху, что дикіе сѣв. олени увлекутъ за собою свободно слѣдовавшихъ за караваномъ запасныхъ сѣв. оленей, утверждали, что въ это время года сѣв. олень страдаетъ насморкомъ и что, вслѣдствіе этого, животное, вообще столь осторожное, становится просто нахальнымъ [1]).

Самый удобный случай для успѣшной охоты, преимущественно на сѣв. оленей и козуль, представляютъ регулярныя странствованія этихъ животныхъ, на которыя они собираются цѣлыми тысячами (срав. стр. 366). Бывали времена, когда одинъ охотникъ съ лодки своей закалывалъ до 100 животныхъ, при переправѣ ихъ вплавь [2]).

Кочевникъ положительно можетъ разсчитывать на то, что добыча его не уйдетъ отъ него, когда она отправилась въ воду. По этому Самоѣдъ подстерегаетъ сѣв. оленей въ удобныхъ мѣстахъ въ лодкѣ. Часто животныя и безъ всякаго видимаго повода охотно идутъ въ воду. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ двѣ оленицы съ своими телятами добровольно вошли въ Таймырское озеро, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разстоянія до противоположнаго берега было болѣе географической мили. Особенно это бываетъ въ Таймырскомъ краѣ въ то время, когда молодыя альпійскія бѣлыя куропатки начинаютъ летать, т. е. отъ половины до конца Іюля. Трава и ивовые побѣги уже становятся жесткими, и по временамъ, даже такъ глубоко на сѣверѣ, появляются насѣкомыя; по-этому сѣв. олени заходятъ въ горы, за лишайниками. При этомъ самцы бываютъ спокойнѣе и легче позволяютъ загонять себя въ опредѣленныя мѣста.

Чтобы облегчить себѣ этотъ трудъ, Самоѣды разставляютъ въ тундрѣ ряды маленькихъ колышковъ, на которые насаживаютъ головки изъ дерна, землею кверху. Этимъ они замѣняютъ лѣтомъ свои зимнія мастерски придуманныя махалки.

Для послѣднихъ они тщательно собираютъ чернобурыя крылья черныхъ гусей, сушатъ ихъ въ растопыренномъ видѣ, попарно кладутъ одно противъ другаго, и посредствомъ колышка соединяютъ ихъ въ одно неподвижное цѣлое. Каждая пара этихъ крыльевъ

[1]) Геденштрёмъ (Отрывки о Сибири, стр. 114) испыталъ нѣчто подобное.

[2]) Точно тоже самое повторяется въ Сѣв. Америкѣ, въ такъ называемыхъ deer-passes (напр. King, I, стр. 245, 255).

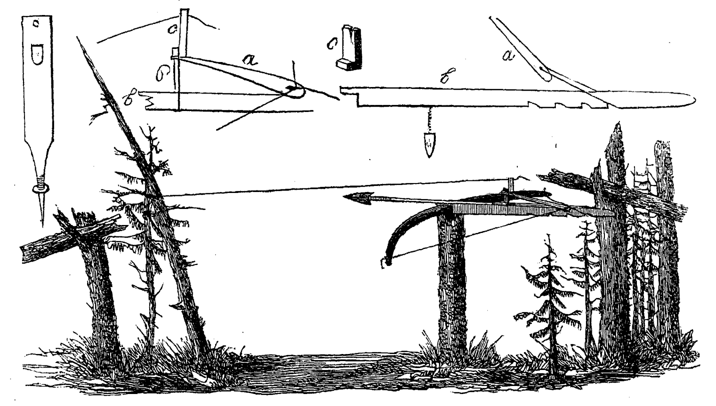
составляетъ махалку и короткимъ ремнемъ привязывается къ пруту въ 3 фута длины. За тѣмъ выѣзжаютъ на сѣв. оленяхъ по крайней мѣрѣ въ 4 или 5 саняхъ, порядкомъ нагруженныхъ мѣшками съ такими махалками и развѣдываютъ тундру указаннымъ выше (см. стр. 594) способомъ. Какъ скоро показываются животныя, такъ въ 2 или болѣе саней впрягаютъ лучшихъ сѣв. оленей, по 3 въ каждые, кладутъ на нихъ всѣ махалки, во весь опоръ несутся впередъ, все болѣе удаляясь одни отъ другихъ, и черезъ каждые 30 или 50 шаговъ вкось втыкаютъ въ снѣгъ прутъ съ крыльями, попеременно то болѣе высокій, то болѣе низкій, т. е. болѣе короткій прутъ. Крылья эти покачиваются даже при совершенно тихой по-видимому погодѣ. Несясь все далѣе въ тундру, эти сани такимъ образомъ натыкаютъ на снѣгѣ очертанія громадной воронки и въ тоже время объѣзжаютъ замѣченную стаю на такомъ разстояніи, что забираются ей въ тылъ. Потомъ, по возможности спокойно, начинаютъ загонять стаю въ пространство, обставленное махалками до тѣхъ поръ, пока она подойдетъ къ съуженому концу воронкообразнаго пространства. Тутъ на самомъ опасномъ поворотѣ, примѣрно шаговъ на сто отъ стрѣлковъ, лежащій въ засадѣ загонщикъ внезапно выскакиваетъ, скидываетъ съ себя мѣховую рубаху черезъ голову, размахиваетъ ею и руками и кричитъ. Такимъ неистовымъ крикомъ Самоѣды не даютъ животнымъ времени опомниться и до такой степени увѣрены въ своемъ успѣхѣ, что къ удивленію моему мы, три стрѣлка, залегшіе конечно изъ-подъ вѣтра, повалены были въ снѣгъ не рядомъ, а по одной линіи одинъ позади другаго, и дѣйствительно подвергались опасности, что насъ животныя задавятъ. При этомъ черноволосые, да чернобурые отъ грязи Самоѣды надѣваютъ на голову и на лобъ маленькіе, бѣлые колпаки изъ оленьей шкуры, чтобы лучше укрыться. Мнѣ пришлось лежать на животѣ, спутники же мои, сидя на поджатыхъ подъ себя ногахъ, свернулись какъ складные ножи.

У Самоѣдовъ сцена измѣняется, принимая, то тутъ, то тамъ, новую или другую форму, тогда какъ въ области лѣсной растительности Тунгусъ въ одиночествѣ, въ которомъ онъ является, достигаетъ того-же посредствомъ засѣкъ [1]). На Становомъ хребтѣ я нѣсколько дней сряду ѣхалъ вдоль такихъ засѣкъ. Обыкновенно онѣ тянутся по хребтамъ возвышенностей; одно дерево за другимъ надрублено на высотѣ лосиной груди и повалено для загражденія пути. На 40, 60 или болѣе шаговъ разстоянія, въ болѣе рѣдкихъ мѣстахъ, по которымъ животныя обыкновенно проходятъ быстрѣе, поваленъ болѣе толстый стволъ и оставленъ проходъ шага въ полтора. Но въ этихъ проходахъ встрѣчаетъ животныхъ не охотникъ, а либо силки, либо ямы, либо самострѣлы. Точно «Hage» древнихъ Германцевъ.

Силокъ, этотъ простой охотничій приборъ, употребляется для ловли, начиная съ рябчиковъ, бѣлокъ, горностаевъ и соболей до животныхъ оленьей породы и медвѣдя. Для ловли послѣдняго Гиляки разставляютъ большія ремневыя петли, которыя укрѣ-

[1]) По якутски: toṅgú, по тунгуски: ogór.

пляются между двумя стволами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ глубоко протоптанныя тропинки, ведущія высоко на верху вдоль скалистаго отвѣснаго прибрежья, спускаются къ морю, такъ что часто ни справа, ни слѣва нѣтъ другой дороги. Такимъ-же образомъ разставляются силки въ засѣчныхъ проходахъ, а на мелкую дичь силки раскладываются преимущественно по стволамъ валежника, особенно тамъ, гдѣ такой стволъ служитъ мостомъ черезъ рѣчку. По такимъ стволамъ любятъ перебираться, главнымъ образомъ, не только бѣлки, горностаи, а въ особенности соболи, но и рябчики. Прикрѣпленный къ стволу силокъ соединяется съ камнемъ. Какъ только звѣрекъ попался въ силокъ и начинаетъ метаться, такъ камень съѣзжаетъ съ своей подставки и давитъ животное. Иногда, въ другомъ мѣстѣ, упругій сучекъ, разгибаясь, замѣняетъ камень. Тоненькими, прикрѣпленными къ шесту, силками изъ лошадинаго волоса или китоваго уса ловятъ даже рыбъ.

Тунгусскій самострѣлъ въ засѣчномъ проходѣ.

Интересное примѣненіе силка мы встрѣчаемъ у Самоѣдовъ, особенно въ Таймырской тундрѣ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда течка у сѣв. оленей достигаетъ высшей степени, выбираютъ смирныхъ самцовъ, отличающихся безупречною типичностью цвѣта. На развѣтвленія роговъ его раскладываютъ съ большимъ искусствомъ большую ремневую петлю. Когда на томъ или другомъ мѣстѣ недостаетъ необходимаго зубчика, то рога просверливаютъ, втыкаютъ коротенькій колышекъ и на добытую тѣмъ опору надѣваютъ петлю. Вооруживъ его такимъ образомъ, Самоѣды отправляются въ тундру противъ вѣтра и спускаютъ самца, какъ скоро покажется стая. Вожакъ стаи тотчасъ выступаетъ противъ приближающагося соперника, начинается бой, рога скрещиваются и дикій самецъ вскорѣ попадается въ петлю, такъ что не въ состояніи уйти, когда Самоѣдъ подъѣзжаетъ на помощь своему домашнему животному.

Впрочемъ, въ засѣчныхъ проходахъ устраиваютъ главнымъ образомъ не столько силки, сколько волчьи ямы и самострѣлы. Послѣдніе заслуживаютъ ближайшаго разсмотрѣнія, потому что должны быть причислены къ самымъ искуснымъ охотничьимъ приспособленіямъ кочевниковъ.

Лукъ[1]) дѣлается незатѣйливо изъ смолистаго корня лиственицы и все вниманіе обращено только на выборъ хорошаго дерева. Его защемляютъ въ щель древеснаго пня[2]) и посредствомъ кола, вбитаго передъ нимъ примѣрно на полфута, предохраняютъ отъ сдвиганія животнымъ; прикрываютъ его также вѣтвями. Тетива[3]), выдубленный на манеръ замши, слегка прокопченный, не смазанный жиромъ кожаный ремень, въ дождливую погоду, правда, нѣсколько растягивается, но за то дерево лука отъ сырости тѣмъ сильнѣе напрягается. Опасаются только чрезмѣрнаго натяженія дерева, ослабляющаго дѣйствіе на столько, что онъ не сохраняетъ болѣе прежней упругости, когда за дождемъ наступаетъ сухая погода[4]).

На лукѣ лежитъ безперая стрѣла, которая, страннымъ образомъ, получаетъ совершенно различныя названія, смотря по тому, костяной ли у нея наконечникъ или желѣзный, и оканчивается ли онъ простыми крючками (для соболей) или въ видѣ гарпуна[5]). Послѣдній предназначенъ для соболей, преимущественно же для выдръ. Наконечникъ стрѣлы находится приблизительно на шагъ отъ средины прохода, или отъ слѣда, потому что самострѣлъ ставится не только въ засѣкахъ, но и по слѣдамъ животнаго тамъ, гдѣ оно протаптываетъ себѣ тропу. Такіе самотрѣлы дѣлаютъ лѣсъ опаснымъ для путниковъ и немалому числу ихъ уже пришлось убѣдиться въ этомъ. Такъ какъ чрезвычайно важно установить вышину стрѣлы именно такъ, какъ это дознано давнимъ опытомъ, то изображенный на рисункѣ слѣва мѣрникъ[6]) составляетъ необходимую принадлежность самострѣловъ. Черезъ отверстія такихъ мѣрниковъ, на нѣкоторомъ разстояніи наводится стрѣла, для правильной установки ея. Конецъ ея долженъ слегка смотрѣть вверхъ и это обстоятельство такъ важно, что если одинъ крючекъ наконечника обломанъ, то неповрежденную сторону его поворачиваютъ кверху.

Слабая сторона самострѣловъ заключается въ томъ, что необходимо знать, какого

---

1) По якутски: ajá, по тунгусски: börkānj.

2) По якутски: ägahä, по тунгусски { у Учурскихъ Тунгусовъ: tjülömnaj'. / у Кангаласскихъ Тунгусовъ: tāna.

3) По якутски: Kirís'j, по тунгусски: īlj.

4) Палласу (Reise, III, стр. 352) хвалили, правда, тетивы изъ конопля, крапивы или Linum perenne, но я нашелъ, что Тунгусы избѣгали ихъ, потому что въ дождливую погоду напряженіе лука, какъ отъ дерева его, такъ и отъ растительнаго волокна тетивы, становится слишкомъ велика.

5) На Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ я узналъ слѣдующія названія:

Стрѣла съ костянымъ наконечникомъ по якутски: biljtös'j; по тунгусски: tschāhámdra.

Стрѣла съ желѣзнымъ наконечникомъ по якутски: äbänj; по тунгусски: djūgogi.

Соболиная, заячья стрѣла по якутски: badár; по тунгусски: bièrä.

Стрѣла съ гарпуннымъ наконечникомъ по якутски: uhúl; по тунгусски: uhulkān (Кангаласскимъ Тунгусамъ не извѣстна). Срав. еще главу о Долганахъ.

6) По якутски: cholò; по тунгусски: ulkàwon.

рода животное можно ожидать, потому что каждое животное требуетъ другой мѣры установки, если вы хотите, чтобы стрѣла хорошо попала въ цѣль. Необходимо не только различнымъ образомъ устанавливать вышину стрѣлы надъ землей для каждой породы животныхъ, но и натягивать приводный волосъ [1]) различнымъ образомъ, съ тѣмъ, чтобы стрѣла спускалась лишь тогда, когда животное, смотря по длинѣ своего тѣла, пододвинулось надлежащею частью своего туловища подъ линію выстрѣла [2]).

На стрѣлахъ, выставляемыхъ противъ лосей, оленей или сѣв. оленей, дѣлаются въ двухъ или трехъ мѣстахъ зарубки, съ противоположныхъ сторонъ, съ тою цѣлью, чтобы стрѣлы эти, вонзясь въ тѣло, обламывались, но не могли бы быть сброшены; въ особенности олени не легко гибнутъ отъ стрѣлы, и, по увѣренію Тунгусовъ, умѣютъ излечивать свои раны, посредствомъ цѣлительныхъ растеній. Для мѣстъ, гдѣ слѣдуетъ дѣлать эти зарубки, также существуютъ вполнѣ опредѣленная, установленная опытомъ, мѣра, даже особыя названія [3]).

Приводъ видѣнъ на политипажѣ. На прикладѣ (*b*)[4]) сдѣланы три или четыре зарубки, дающія возможность натягивать лукъ въ различной степени. Язычекъ (*a*) [5]) захватываетъ за взводный клинъ (*c*), выступъ котораго удерживается петлею (*б*) [6]), свободно скользящею по прикладу въ ту и другую сторону.

Неудобное обстоятельство, заключающееся въ томъ, что животное, неожиданно наткнувшись на самострѣлъ, вслѣдствіе неразсчитанной на него установки, или безнака-

[1]) По якутски на Становомъ хребтѣ: ys'ö'n; на Алданскомъ Билирѣ, у самострѣловъ на зайцевъ: kylý; тунгусски: s'irä'nj.

[2]) Я засталъ у Тунгусовъ слѣдующіе размѣры:

	Вышина стрѣлы надъ землей.	Запасная длина приводнаго волоса сверхъ мѣры растяженія,
для лося	41″	21″ до 18″
» сѣв. оленя	37″	14″
» медвѣдя	24″	14″ до 10″
» волка	25″ до 24″	6″ до 4″
» рыси, кабарги и козули	17″ до 16″	2″ когда стрѣла выставлена на слѣдъ, или о, если можно ожидать, что набѣжитъ кабарга или козуля. Когда же для приманки положены лишайники, въ особенности бородатые мхи, то дѣлается запасъ въ 4″.
» росомахи	10″ до 9″	4″ до 2″
» лисицы	11″ до 10″	3″ до 2″
» выдры и соболя	$5^1/_2$″	—
» бѣлки	$2^1/_2$″	0

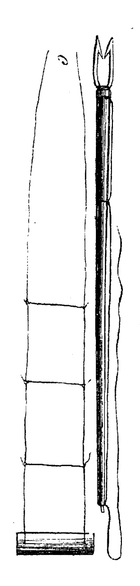
[3]) Первая зарубка дѣлается на $5^1/_2$″ отъ конца и называется по тунгусски: munkördīn. Другая, $3^1/_2$″ дальше отъ конца, называется: ortónnin. Третья, опять на $3^1/_2$″ далѣе, называется: ölgy'nnan.

[4]) По якутски: khollorúk; по тунгусски: lotahaj'.

[5]) По якутски: elberä'kh; по тунгусски: chjurjugún. — Для самострѣловъ на зайцевъ приманка состоитъ изъ такихъ березовыхъ прутиковъ, которые, будучи прогрызаны, освобождаютъ приводъ. По якутски они называются: känty'k.

[6]) По якутски: bietschugajá; по тунгусски (у Кангаласскихъ Тунгусовъ): agenä'konj.

занно уходитъ или не получаетъ смертельной раны, вызвало измѣненіе въ томъ, что лукъ и стрѣла устанавливаются отвѣсно. Но и отвѣсная установка годна только для малорослыхъ животныхъ, начиная отъ кабарги до болѣе мелкихъ, потому что для вѣрности выстрѣла необходимо, чтобы лукъ не былъ поставленъ слишкомъ высоко, хотя стрѣла и направляется по отвѣсу. Отвѣсный самострѣлъ годенъ, слѣдовательно, только для всякаго рода мелкихъ животныхъ, но не для лося, сѣв. оленя, медвѣдя и волка. Преимущественно онъ разсчитанъ на соболя, а потому оканчивающаяся зубчиками стрѣла посредствомъ сплетеннаго изъ жилъ шнурка прикрѣпляется къ дереву, такъ какъ соболь очень живучъ и легко уходитъ.

Соболиная стрѣла съ приспособленіемъ для отвѣснаго прибора [1]).

Тунгусскимъ засѣкамъ въ Сибирскихъ горныхъ лѣсахъ соотвѣтствуютъ необозримые ряды ловушекъ (**пастники**, отъ слова **пасть**) въ тундрахъ глубокаго сѣвера. Онѣ предназначаются для песца и разставляются самыми сѣверными поселенцами разныхъ народностей. Онѣ похожи на засѣки не потому, что принуждаютъ животныхъ идти извѣстными путями, а по обширности своего расположенія, вслѣдствіе которой песецъ, куда бы онъ ни шелъ по безграничной тундрѣ, не можетъ не наткнуться на какую-нибудь ловушку или пасть, приманка которой щекотитъ носъ проголодавшемуся бѣдняку. Онъ находится въ положеніи пьяницы, котораго, куда бы онъ ни повернулся, и справа и слѣва манятъ къ себѣ кабаки. Прекраснѣйшія намѣренія кончаются тѣмъ, что послѣдній, также какъ и первый, попадаются въ ловушку. Количество ловушекъ, разставленныхъ по всему бездревесному прибрежью Ледовитаго океана до предѣла лѣсной растительности, почти невѣроятно. Гдѣ я ни бывалъ въ тундрѣ, на **Хатангѣ**, на **Хетѣ**, **Боганидѣ**, **Дудыптѣ**, **Пясинѣ**, и въ **Авамской** тундрѣ, которую эксплоатируютъ Долгане, повсюду она была испрещрена рядами ловушекъ и очевидно это въ такомъ-же родѣ продолжается дальше на востокъ, за **Колыму**. Каждый рядъ идетъ въ меридіанномъ направленіи и простирается отъ предѣла лѣсной растительности къ сѣверу перѣдко на два и даже на три градуса широты. На **Хетѣ** людямъ приходилось выѣзжать очень рано, съ восходомъ солнца, чтобы въ тотъ-же вечеръ доѣхать до лѣснаго предѣла, т. е. только до начала своихъ пастниковъ. Поэтому каждый хозяинъ пастника — а у инаго ихъ три — строитъ по крайней мѣрѣ одинъ охотничій шалашъ [2]), стоящій на противоположномъ концѣ пастника и дающій возможность переночевать въ немъ и

[1]) По якутски: ǖtkölj; по тунгусски: tjü'wka.

[2]) Или «отъѣзжее зимовье»; въ Приколымскомъ краѣ: «балаганъ, поварня».

обождать непогоду. Такъ какъ р. Новая течетъ на значительномъ разстояніи отъ предѣла лѣсной растительности, съ З. на В., то она [1]) почти на всемъ своемъ протяженіи обставлена такими шалашами. Каждый хозяинъ пастниковъ разставляетъ по нѣскольку сотъ, даже до 500 пастей, такъ что на осмотръ пастниковъ, на выниманіе пойманныхъ животныхъ, на разстановку приманокъ и т. п., уходитъ нѣсколько дней. Первый владѣлецъ пастниковъ, съ которымъ я познакомился (на Хатангѣ), возвратился домой черезъ цѣлую недѣлю, замѣтивъ, что на этотъ разъ ему удалось отдѣлаться довольно скоро, потому что онъ ничего не засталъ. Вслѣдствіе этого пастники объѣзжаются среднимъ числомъ только разъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ лишь въ особенно удачный годъ въ Таймырскомъ краѣ выдается счастливый случай, что на 8 и даже на 6 пастей попадется одинъ песецъ. Хорошій годъ [2]) бываетъ не раньше какъ черезъ 3 года, но добываніе шкуръ сильно уменьшается, пожалуй на одну треть, вслѣдствіе того, что при непомѣрномъ количествѣ песцовъ, они вѣчно голодны и варварски поѣдаютъ не только сдохшихъ, но и живыхъ плѣнныхъ. Кромѣ того, ловушки нерѣдко ревизуются волками прежде, нежели хозяиномъ. Но самымъ опаснымъ разбойникомъ оказывается россомаха, которая, говорятъ, набираетъ большіе запасы и портитъ пасти. За тѣмъ доходъ еще уменьшается тѣмъ, что шкура песца рѣдко вполнѣ хороша, и изъ извѣстныхъ низкихъ сортовъ двѣ шкуры всегда идутъ за одну.

Но, несмотря на всѣ ловушки, судьба песца иногда все-таки устраивается лучше, чѣмъ бы можно было думать. Такъ напр. въ тундрѣ мы нашли охотничій шалашикъ, который чрезъ дверь и окошко до верху наполнился снѣгомъ. Очистивъ его, добывъ съ ближайшаго озера стекло для окна, и выждавъ добрый часъ, пока вода съ потолка перестала капать, мы влѣзли въ шалашъ и провели въ истопленномъ ящикѣ комфортабльную ночь, хотя около очага почти можно было сгорѣть, а стѣны старались уравнить внѣшнюю температуру въ —27° Р. съ теплотою нашего тѣла. Впослѣдствіи мы узнали, что хозяинъ этого шалаша умеръ и теперь не было никого, кто бы взялся настороживать пастникъ, разставлять приманку и. т. д. При первобытныхъ порядкахъ случается нерѣдко, что домъ и усадьба остаются въ запустѣніи, потому что нѣтъ никого, кто бы вступилъ въ обладаніе наслѣдствомъ и оно предоставляется любому лицу.

Ловушки, въ которыя ловятъ песцовъ, придавливаютъ животное, въ родѣ изображенной далѣе заячьей ловушки, съ тою только разницею, что первыя устраиваются покрѣпче и снабжаются двумя давящими бревнами.

Ловушка или пасть [3]) по бокамъ обставляется кольями [4]), которые вбиваются въ землю. Конецъ давящаго бревна [5]) образуетъ, какъ показано съ лѣвой стороны, сомкнутую

---

[1]) Отъ Калтарова зимовья внизъ по рѣкѣ.

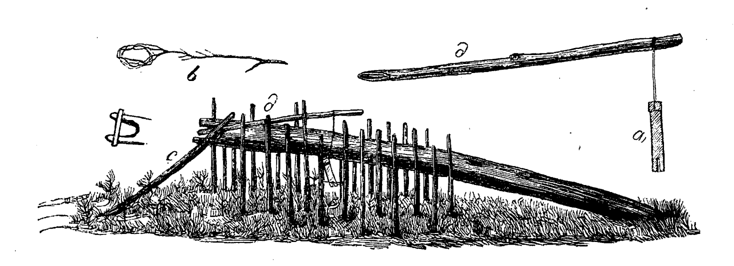
[2]) Зима 184½ года въ Таймырской тундрѣ дала богатую добычу.

[3]) По якутски: s'ochs'ó.

[4]) По якутски: s'erdita.

[5]) По якутски: bamy'k.

вилку; въ нее сбоку входитъ подпорка (*c*)[1]) которая, упираясь въ одинъ изъ боковыхъ кольевъ[2]), поддерживается перекладиной (*d*)[3]) и приводомъ (*a*)[4]) до тѣхъ поръ, пока послѣднiй молодою вѣткою (*b*)[5]) и кольцеобразно сплетенными концами ея припирается къ одному изъ боковыхъ кольевъ. Вмѣсто вѣтки, которую предлагаютъ прогрызть зайцу, песцу кладутъ кусокъ мяса отъ попавшагося въ ловушку предшественника его.

Пасть для зайцевъ.

Пасть эта бываетъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, начиная отъ мелкихъ до такихъ, которыя приспособляются для медвѣдей[6]). Дерево для песцовыхъ ловушекъ привозится въ тундру съ большимъ трудомъ отъ предѣла лѣсной растительности. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, прибѣгаютъ и къ каменнымъ плитамъ. Ловушки изъ ледяныхъ глыбъ, употребляемыя Эскимосами, въ Таймырскомъ краѣ неизвѣстны.

Другая ловушка, приспособленная для мелкихъ животныхъ: бѣлокъ, горностаевъ, хорьковъ и. т. д., прекрасно помогавшая намъ ловить лемминговъ и мышей, и справедливо предлагаемая для ловли сусликовъ, основана на примѣненiи лука къ придавливанiю животнаго. Это такъ называемый чиркапъ, способъ установки котораго указанъ на

1) По якутски: bwuragás'.

2) По якутски: baganatá.

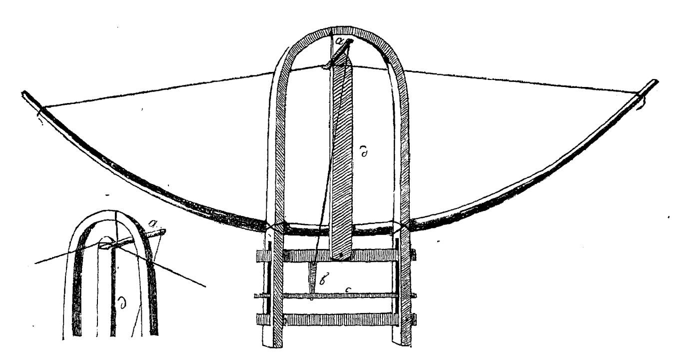
3) По якутски: eljbrä'g.

4) По якутски: kymmitá.

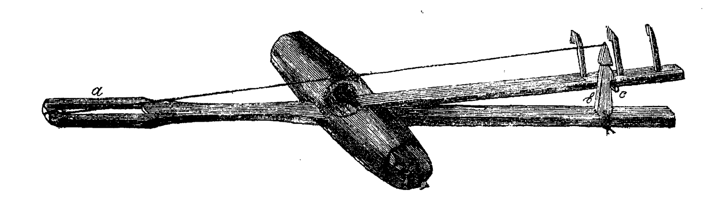
5) По якутски: tarderà.

6) Можетъ быть Цесарево извѣстiе, что Германцы надрубали деревья, придавливавшiя лосей и оленей, какъ скоро эти животныя прислонялись къ нимъ, должно быть также отнесено къ такой придавливающей ловушкѣ?

прилагаемомъ рисункѣ. Животное защемляется, когда оно, принимаясь за приманку, надавливаетъ на подножку (*c*).

Болѣе жестоко дѣйствуетъ и потому менѣе удобенъ нижепоказанный приборъ, издалека ударяющій своими зубцами въ жертву (въ *a*). Пружиною служитъ сильно скрученная бичевка, которая скрыта въ углубленіи главной положенной поперекъ части и по желанію сильнѣе можетъ быть закручиваема и натягиваема.

Упомянемъ еще разъ (срав. стр. 558) объ оригинальномъ, также слишкомъ жестокомъ, но при всей его простотѣ остроумномъ, способѣ ловли посредствомъ заостренныхъ кусковъ китоваго уса, которые скручиваютъ въ маленькіе клубки, смачиваютъ и въ такомъ замороженномъ видѣ обкладываютъ приманкой. Не только волки, но и бѣлые медвѣди, говорятъ, попадаются такимъ образомъ въ руки охотниковъ, когда проглоченные клубки, растаявъ въ кишкахъ, раскручиваются и распарываютъ внутренности.

О степени страданія животныхъ, убиваемыхъ такимъ образомъ, равно какъ самострѣлами и пастями, можно судить по тому обстоятельству, что охотники и мѣхопромы-

шленники, по качеству волосъ и менѣе плотному сидѣнію ихъ въ шкурѣ, хорошо умѣютъ отличать мѣхъ животныхъ, замученныхъ такимъ образомъ, отъ мѣха тѣхъ, которыя быстро убиты и съ которыхъ тотчасъ-же содрана шкура. По видимому у первыхъ происходитъ такое-же разложеніе крови, какъ у животныхъ, добытыхъ способомъ травли. Даже при морозахъ, доходящихъ до замерзанія ртути, это разложеніе совершается быстро, или, можетъ быть, прямо припорціонально силѣ такихъ морозовъ. По крайней мѣрѣ отъ кабарги, пойманной въ пасти во время самой свирѣпой зимней стужи, сильно воняло, когда ее сварили. Наружный слой тѣла въ короткое время замерзаетъ въ непроницаемую оболочку, мѣжду тѣмъ какъ внутреннія части сохраняютъ еще теплоту крови. Получился бы такой-же результатъ, если бы животное, у котораго кровь еще тепла, заключить въ тѣсноприлегающій къ нему плотный ящикъ.

Говоря о способахъ ловли, которыми съ помощью приманокъ обманываютъ животныхъ, нельзя не упомянуть и о лизаніи соли. Сдѣланное надъ животными оленьей породы наблюденіе, что они, особенно весною, чрезвычайно жадно облизываютъ и глотаютъ землю, пропитанную солью, повело къ тому, что стали не только подстерегать ихъ тамъ, гдѣ отъ природы находятся подобныя мѣста, но и устраивать искусственныя лизни такого рода. Дѣйствительно животныя льнутъ къ подобнымъ мѣстамъ такъ сильно, особенно раннею весною, что дернъ совершенно растаптывается и земля превращается въ какую-то грязную кашу.

Но при этомъ интересно одно обстоятельство, проливающее неожиданный свѣтъ на психическую сторону жизни животныхъ. Тамъ, гдѣ животныхъ преслѣдуютъ, они такъ осторожны, что малѣйшее колебаніе въ теченіяхъ воздуха, малѣйшій обратный вѣтерокъ вспугиваетъ ихъ, потому что они чуятъ скрытаго охотника. Для устраненія этого обстоятельства, охотники придумали вышки, которыя устраиваютъ на деревьяхъ, скрываясь такимъ образомъ въ болѣе высокихъ слояхъ воздуха. За тѣмъ оказалось, что столь осторожныя вообще животныя не обращаютъ никакого вниманія на огонекъ, который разводитъ охотникъ, чтобы защититься отъ комаровъ. Притомъ дымъ отбиваетъ запахъ, выдающій человѣка. Этимъ-то и пользуется сибирскій охотникъ. Въ Сѣв. Америкѣ умудрились еще гораздо лучше: тамъ обкладываютъ вышку дерномъ, на которомъ поддерживаютъ веселый огонекъ, сожигая смолистое дерево, а подъ вышкой въ темнотѣ прячется охотникъ. Животныя, не боясь огня, подходятъ къ нему шаговъ на 20, и даже въ темную ночь представляютъ охотнику вѣрную цѣль, особенно если онъ, въ избѣжаніе ослѣпляющаго дѣйствія огня, вооружится зачерненнымъ забраломъ.

Это спокойствіе животныхъ при видѣ дыма и огня можно объяснитъ только такимъ образомъ: мы должны считать его слѣдствіемъ наблюденія животныхъ, которымъ съ одной стороны ежегодно приходится имѣть дѣло съ луговыми, степными и лѣсными пожарами; съ другой же стороны имъ по опыту извѣстно, что люди, ночью сидящіе за огнемъ, ни для одного животнаго не опасны, а напротивъ того, будучи ослѣплены огнемъ, безнаказанно могутъ быть разсматриваемы животными на самомъ близкомъ разстояніи. Кромѣ

того, лѣсныя животныя, подобно домашнимъ, нерѣдко, говорятъ, находятъ себѣ защиту отъ насѣкомыхъ около многочисленныхъ костровъ, которые разводятся для домашнихъ животныхъ. Невольно вспоминаешь при этомъ, что и четвероногіе хищники по пятамъ преслѣдуютъ степной пожаръ, чтобы поѣдать обнаженныхъ грызуновъ, и что въ Африкѣ, въ случаѣ пожаровъ въ деревняхъ, насѣкомоядныя хищныя птицы появляются немедленно, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, для добыванія вспуганныхъ огнемъ насѣкомыхъ [2]).

Не только за желаніе полакомиться, но и за священный огонь любви, животнымъ приходится жизнью расплачиваться предъ коварнымъ человѣкомъ. Мы уже видѣли, какъ въ этомъ отношеніи въ Сентябрѣ прирученный сѣв. олень предаетъ въ руки Самоѣдовъ отборнѣйшихъ стадныхъ вожаковъ. Для приманки оленей, Тунгусъ подражаетъ громкому крику ихъ во время течки, воспроизводя хриплый ревъ ихъ, раздающійся по горамъ и долинамъ, посредствомъ изображеннаго тутъ инструмента.

Есть еще, говорятъ, трубы, сдѣланныя изъ большой веретенообразной морской раковины, у которой кончикъ на столько отрѣзываютъ, что кажется, какъ будто въ ней просверлено небольшое отверстіе.

Тунгусская труба для приманки оленя [1]).

Можно приманивать, говорятъ, и лосей. Впрочемъ иногда вмѣсто оленя къ охотнику подкрадывается тигръ, какъ это въ мое время случилось съ Буральцами на Букульдивынѣ.

Самцовъ козули и кабарги приманиваютъ свисткомъ; послѣднихъ сдѣланной на подобіе гобойнаго мундштука кудрей изъ бересты, длиною въ 1″, шириною въ ½″.

Гибельнѣе всего становится свистокъ для самокъ кабарговыхъ, до тѣхъ поръ, пока дѣтенышъ еще малъ и тщательно прячется. Онѣ тотчасъ кидаются на свистъ и обыкновенно впослѣдствіи является дѣтенышъ къ матери и раздѣляетъ горькую судьбу ея.

Помимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ удачъ, случающихся тому или другому охотнику въ видѣ чернобурой лисицы, даже помимо морскихъ выдръ, высшую цѣну въ глазахъ охотника имѣютъ такъ называемые панты. Пантами называются оленьи рога, пока они въ первую половину лѣта, приблизительно до конца Іюня, еще мягки, покрыты волосами (лыкомъ) и концы ихъ еще шишковаты. Добиваются ихъ чрезвычайно потому, что выстрѣлъ, убивающій оленя съ парой хорошихъ пантовъ, доставляетъ счастливому бѣдняку, за одни рога, отъ китайскихъ купцовъ 150 руб. сер. [3]). На вопросъ мой, къ чему Китайцамъ нужны такіе панты, спрошенный Тунгусъ отвѣтилъ мнѣ такими пантоминами, которыя довольно ясно указывали на любителей

---

[1]) Любопытно было бы узнать форму трубъ, которыми приманиваютъ оленей на Кавказѣ.

[2]) Heuglin, Reisen in Nordost-Afrika, 1857, p. 16.

[3]) Гюкъ (Voyage, I стр. 25) говоритъ, что въ Китаѣ ихъ оцѣниваютъ въ 150 унцій серебра.

женскаго пола. Странно, что наша materia medica мало знаетъ объ этомъ дѣйствіи cornu cervi, которое все-же должно быть очень сильно, потому что за нее платятъ такія огромныя деньги[1]).

За пантами самую цѣнную добычу составляетъ соболь. При этой охотѣ особенно важна хорошая собака (срав. стр. 528). Кромѣ того, тутъ много зависитъ отъ счастья. Если напр. на кустарномъ кедрѣ бываетъ много плодовъ, то на такой годъ охота испорчена, потому что соболь покидаетъ долины и отыскиваетъ кедровые орѣхи на возвышенностяхъ. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряли Тунгусы. Конечно, это возможно, но все-таки я желалъ бы оставить открытымъ вопросъ: не гоняется ли соболь скорѣе за мышами, бѣлками и разными птицами, которыя всѣ имѣютъ гораздо больше права находить кедровые орѣхи весьма вкусными.

Въ трудности и почти невозможности преслѣдовать соболя въ предѣлахъ растительности кустарныхъ кедровъ я убѣдился 20-го Октября на Становомъ хребтѣ. Повсюду лежалъ глубокій снѣгъ; мы шли по свѣжему слѣду и вскорѣ спустили собаку. Она быстро стала подвигаться впередъ, изъ лѣса все выше въ область кустарнаго кедра. Не смотря на —27° Р., которые показывалъ термометръ, не смотря на то, что я сбросилъ тулупъ и въ матросской рубашкѣ слѣдовалъ за собакой, у меня скоро потъ градомъ сталъ струиться по лбу. Уже прежде, въ отдѣлѣ о сибирской растительности, говоря о кустарномъ кедрѣ, я мимоходомъ замѣтилъ, что̀ значитъ забраться въ сѣть, образуемую перепутавшимися сучьями кустарныхъ кедровъ. Проходишь большія пространства и нога не проникаетъ до земли, но вдругъ она проваливается и засядетъ внизу, въ промежуткахъ между раздробленными глыбами скалъ, наверху въ непроходимой путаницѣ переплетенныхъ между собою сучковъ. Теперь представьте себѣ эту путаницу еще прикрытою толстыми слоями снѣга, которые, лежа на густомъ хвойникѣ кедровъ, еще плотнѣе придавливаютъ сучья. Сверху на васъ безпрестанно падаютъ комья снѣга, ноги перепутываются, вы безпрестанно падаете въ снѣгъ, а внизу кроется особый прикрытый сверху безснѣжный міръ лабиринтообразныхъ ходовъ, сводовъ, погребовъ, какъ бы созданныхъ для гибко извивающагося соболя. Вскорѣ ему удалось на столько забѣжать впередъ, что собака потеряла его слѣдъ. Но на сколько въ лѣсу мнѣ показалось тепло, на столько теперь на возвышенности охватилъ меня немилосердый вѣтеръ. Хотя со лба потъ скатывался крупными каплями, но шапка примерзла къ волосамъ и къ покрытымъ ледяными сосульками бровямъ; особенно тягостно было и даже раздражало нервы немедленное смерзаніе вѣкъ рѣсницами, какъ только при морганіи они прикасались другъ къ другу. Это была одна изъ самыхъ трудныхъ моихъ экскурсій и я возвратился въ шалашъ, вполнѣ убѣдившись, что соболи дѣйствительно стоятъ платимыхъ за нихъ дорогихъ цѣнъ. Другой разъ собака

[1]) У кого подъ рукою сочиненіе «Das veränderte Russland, 1744, I», тотъ пусть прочтетъ въ немъ стр. 71. Въ Маймачинѣ, едва я успѣлъ войти въ городъ, и у меня на улицѣ стали просить «шампанскихъ мухъ». Непомѣрное количество шампанскаго, которое въ то время истребляли золотопромышленники, подало Китайцамъ поводъ къ забавному смѣшенію.

выгнала соболя изъ-подъ огромной кучи валежника, нагроможденной горнымъ потокомъ во время половодья. Соболя трудно выкурить, хотя и зажжешь огонь надъ вѣтромъ. На этотъ разъ онъ все-таки вылѣзъ, но, скача по глубокому рыхлому снѣгу, едва показалъ раза два свою спину, и два выстрѣла мои позволили мнѣ только заглянуть въ подснѣжный міръ, въ который нырнулъ мой соболь.

Хорошая ловля соболей рѣдко продолжается долгое время. Даже осенью, которою ограничивается охота на соболей съ собакою, необходимы еще ясная погода, благопріятное паденіе снѣга и т. п. Въ мое время, 27-го Октября, когда дня два сряду продолжалась слякоть, стали говорить, что на нынѣшній годъ конецъ охотѣ на соболей. Зимою дни слишкомъ темны и слишкомъ коротки; весною же слишкомъ много снѣга на хвойныхъ деревьяхъ въ лѣсу и упадающій съ нихъ снѣгъ уничтожаетъ слѣдъ животныхъ.

Часто и соболій мѣхъ бываетъ съ большими недостатками; но Тунгусы въ этомъ отношеніи очень смѣтливы: то они растягиваютъ шкурки, то чернятъ ихъ ягодами Empetrum, то разводятъ слегка курящійся огонекъ изъ сырыхъ сучьевъ кустарнаго кедра и дымомъ чернятъ волоса и т. п.

Но и въ первобытной природѣ оправдывается практичность системы мелкаго сбора. Самую крупную статью дохода доставляютъ вообще охотнику бѣличьи шкурки, тѣмъ болѣе, что количество бѣлокъ увеличивается по мѣрѣ уменьшенія количества соболей. Помѣщая ниже нѣкоторыя извѣстія о хозяйствѣ Тунгусовъ, мы будемъ имѣть случай сообщить въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній на уменьшеніе количества соболей. Бѣлка представляетъ еще то удобство, что охота на нее прерывается только на время самыхъ сильныхъ зимнихъ морозовъ, происходитъ и осенью и весною, и можетъ производиться въ видѣ дополненія къ земледѣлію, въ такое время, когда долгая зима сковываетъ почву.

Смотря по годамъ, успѣшность и этой охоты бываетъ различна. Тунгусы не знали, какими словами описать несмѣтное количество бѣлокъ, появившихся въ рѣчной области большаго Аима осенью, передъ моимъ пріѣздомъ. Будь у насъ достаточно пороху и свинцу, говорили они, каждому можно бы было убить по 2,000 штукъ. Въ слѣдующую за тѣмъ весну мѣстность опустѣла: по крайней мѣрѣ 4 Тунгуса, которыхъ я встрѣтилъ въ концѣ Апрѣля въ Алданскихъ горахъ и которые отправлялись въ путь на 2 вьючныхъ лошадяхъ, возвращались каждый всего съ 50—100 бѣличьими шкурками, убивъ кромѣ того нѣсколько лосей и сѣв. оленей. На притокахъ нижней части Амура въ мое время было еще столько соболей, что Тунгусы убивали тамъ бѣлокъ только между прочимъ. Притомъ у нихъ были уже не крочешныя винтовки, а штуцера довольно большаго калибра, разсчитанные на большихъ животныхъ.

Правильнѣе всего въ мое время охота на бѣлокъ производилась въ Забайкальѣ. Столь-же правильно, какъ тамъ воздѣлывалась земля, столь-же аккуратно тамошніе хлѣбопашцы и козаки, по окончаніи полевыхъ работъ, отправлялись на охоту за бѣлками; при

этомъ нѣкоторые заходили очень далеко, вглубь Китайскихъ владѣній. Въ этихъ континентальныхъ, большею частью плоскогорныхъ странахъ, во всякомъ случаѣ подверженныхъ вліянію нагорной степи и пустыни, падаетъ такъ мало снѣгу, что лыжи не употребляются и даже неизвѣстны. Въ случаѣ нужды лошадь вездѣ находитъ подножный кормъ. На нее навьючиваютъ провизію, и охотникъ почти всегда идетъ пѣшкомъ. Но такъ какъ лошади цѣлый день, пока охотникъ бродитъ по лѣсамъ, стоятъ на привязи и только ночью могутъ пастись, то онѣ очень, говорятъ, выбиваются изъ силъ.

Кто не можетъ отлучиться на долго, тотъ охотится по близости. У охотниковъ такого рода, встрѣченныхъ много въ Селенгинскомъ краѣ, дѣла на этотъ разъ шли плохо. Въ двѣ или три недѣли лучшіе охотники убили не болѣе 6 штукъ; у многихъ было только по 3 и по 4 шкурки, тогда какъ въ хорошій годъ можно добыть вдесятеро больше.

Тѣ, которые могли собраться въ дальній путь, отправлялись на 2 и даже на $2^1/_2$ мѣсяца въ горные лѣса: нѣкоторые вверхъ по Нерчѣ въ Становой пограничный хребетъ, къ верхнимъ притокамъ Олекмы, Тунгира, Витима; другіе, тронувшись съ истоковъ Амура (Срѣтенска) уходили на Уръ, къ Албазихѣ, многіе даже далеко вверхъ въ область рѣки Панги. Въ хорошіе годы приходилось до 300 бѣлокъ на ружье. Годъ моего пребыванія былъ чрезвычайно неблагопріятенъ, такъ что въ $1^1/_2$ мѣсяца лучшій охотникъ привезъ домой всего 60 штукъ, т. е. по 10 штукъ на недѣлю. Въ этомъ году охотники на Урѣ и на Пангѣ были счастливѣе, чѣмъ на Олекмѣ.

Приманкой, увлекающей людей въ такую даль, служитъ премія на бѣлокъ, т. е. возможность добыть также двухъ-трехъ соболей, тогда какъ по близости соболи уже почти совершенно истреблены. Кромѣ того въ такую дальнюю глушь манитъ человѣка еще богатая придаточная добыча: крупныя, мясныя животныя, да цѣнность ихъ кожъ.

Такъ какъ эти охотничьи экспедиціи происходили весьма регулярно, то нашлось много людей, которые устраивали дѣло поудобнѣе, строили себѣ на наиболѣе нравившихся имъ мѣстахъ охотничьи шалаши, на плотахъ спускались въ окрестности прежняго Албазина, чтобы беречь лошадей, и т. п. Такимъ образомъ даже въ самомъ дикомъ и безлюдномъ первобытномъ лѣсу все-таки можно было набресть на шалаши.

Соколиная охота, столь обычная у кочевниковъ южныхъ степей, у Киргизовъ и Калмыковъ, не производится ни въ тундрахъ, ни въ области лѣсной растительности, отдѣляющей эти сѣверныя степи отъ южныхъ, хотя нѣкогда именно сѣверъ Сибири долженъ былъ доставлять множество соколовъ, требовавшихся ко дворамъ. Герберштейнъ [1]) говоритъ: «за этою рѣкою (Печорою) находятся большія и высокія горы, ко«торыя простираются до прибрежья. На нихъ не растутъ ни деревья, ни трава. . . . На

[1]) Moskowiter wunderbare Historien, 1567, p. 92, 182.

«этихъ горахъ гнѣздятся соколы (Gyrfalcken). . . . Между послѣдними находится бѣлый «видъ съ пестрыми крыльями, называемый Herodii».

Въ Сибири существовали [1]) особые кречетники и сокольничьи помощники для двора. Царю Алексѣю Михайловичу въ 1669 году доставлено было водою, черезъ Холмогоры и Вологду, 77 кречетовъ, а осенью еще 22. На нихъ отпускались кормовыя деньги [ежедневно по 2 деньги на птицу], сдѣланы были особыя сани, обтянутыя рогожами и войлокомъ и т. п. [2]).

---

[1]) Журналъ Коннозоводства за 1842 годъ, стр. 35.

[2]) Дополненія къ актамъ историческимъ, V, стр. 435.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Общія свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ Сибири.

Одну изъ весьма существенныхъ принадлежностей возложенной на меня экспедидиціи на самый глубокій сѣверъ Сибири, снаряженной въ 1842 году С.-Петербургскою Академіею Наукъ, составлялъ, по плану предпріятія, лингвистическій этнографъ. Между тѣмъ назначеніе и отправка его продлились почти до моего возвращенія изъ Сибири.

Съ какимъ умѣніемъ, съ какимъ искреннимъ научнымъ самоотверженіемъ, съ какою преданностью дѣлу, пренебрегшею даже таившимся въ немъ зародышемъ смерти, наконецъ съ какимъ успѣхомъ Кастренъ выполнилъ свою задачу, объ этомъ ученому міру повѣдали посмертныя его сочиненія [1]), обработанныя и изданныя трудами академика Шифнера.

Такимъ образомъ на мою долю выпала только зоофизіологическая сторона этнографическаго наблюденія, которая впрочемъ въ то время вообще еще была, такъ сказать, въ пеленкахъ. Сначала, т. е. тамъ, гдѣ болѣе продолжительное пребываніе предоставляло мнѣ нѣсколько свободнаго времени, я съ величайшимъ усердіемъ занимался измѣреніемъ череповъ различныхъ народностей, съ которыми я встрѣчался. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1843 года поѣздка моя въ пустыни глубокаго сѣвера значительно замедлилась отъ необходимѣйшихъ матеріальныхъ приготовленій къ ней. Впослѣдствіи мнѣ пришлось странствовать, и странствовать безостановочно, да еще большею частью въ самое дурное время года, чтобы одолѣть неизмѣримыя пространства, которыя я долженъ былъ пройти. Лѣтомъ мнѣ удалось работать нѣсколько болѣе осѣдло, но и 1843—1844 годы я провелъ въ безлюдныхъ пустыняхъ.

Когда главное мое сокровище, нѣсколько тысячъ копотливыхъ измѣреній, произведенныхъ мною надъ черепами Остяковъ, Юраковъ, разныхъ Самоѣдскихъ племенъ, Тунгусовъ, Долганъ, сѣверныхъ Якутовъ, потонуло, какъ извѣстно, во время погибели нашей лодки на Таймырскомъ озерѣ, то мнѣ уже нельзя было снова приняться за такой-же трудъ, потому что народы разбрелись и мнѣ удалось бы собрать развѣ только какіе-нибудь лоскутки. Въ

---

[1]) A. Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. A. Castrén's Wörterverzeichniss aus den samojedischen Sprachen, 1855, и цѣлый рядъ изслѣдованій по части языковъ остяцкаго, тунгусскаго и т. д.

особенности же меня одолѣвала бездна другихъ работъ[1]), и я долженъ былъ торопиться въ отдаленный Якутскъ, для производства ожидавшихъ меня тамъ геотермическихъ наблюденій.

Все, что уцѣлѣло отъ этнографической коллекціи, читатель найдетъ на приложенныхъ къ этому выпуску 14 таблицахъ типическихъ головъ, встрѣченныхъ мною въ началѣ 1843 года. За вѣрность изображеній я могу поручиться, потому что на мѣстѣ сличалъ ихъ съ оригиналами со всею точностью систематическаго зоолога-видодѣлителя, а потомъ, когда ихъ рисовали на камнѣ, не допустилъ ни малѣйшихъ художническихъ прикрасъ.

Кромѣ этихъ портретовъ, я нахожу въ дневникахъ своихъ разныя этнографическія замѣтки, изъ которыхъ хочу сообщить тутъ нѣкоторыя данныя. О томъ, что я собралъ

---

[1]) Воспоминаніемъ о моихъ погибшихъ трудахъ у меня остались только слѣдующія измѣренія, которыя я привожу здѣсь какъ матеріалъ для сравненій, пригодный, можетъ быть, для инаго этнографа:

A) Бурятъ Банзаровъ съ широкимъ черепомъ и типическимъ монгольскимъ лицомъ.

Въ средней лицевой линіи (1–9):

	Миллиметр.
1) Отъ того мѣста на лбу, гдѣ начинались волоса, до промежутка между внутреннимъ концомъ бровей	53
2) Отъ послѣдняго мѣста до переносицы (шва носовой кости)	10
3) Оттуда до линіи щелей вѣка	9
4) Оттуда до нижняго конца носа	50
5) Отъ носовой стѣнки до отверстія рта (вышина верхней губы)	27
6) Оттуда до подбородка	46
7) Линія щели вѣка находится выше ушнаго отверстія	27
8) Внутренній уголъ глаза находится ниже линіи щели вѣка (отверстіе которой очень узко)	$0,_5$
9) Внѣшній уголъ глаза находится ниже линіи щели вѣка (отверстіе которой очень узко)	$0,_{25}$
10) Нижняя часть ушной мочки (почти недостающей) выше нижняго конца носа	15
11) Вся длина наружнаго уха	$70,_5$
12) Отъ внутренняго угла глаза горизонтально до основанія носоваго хребта	12
13) Ширина носоваго хребта	$9,_5$
14) Наибольшая ширина лица въ скуловыхъ сводахъ	123
15) Вся длина тѣла	1601
16) Отъ плеча до локтя (сбоку)	280
17) Отъ локтя до ручной кисти	238
18) Оттуда до корня средняго пальца	80
19) Длина средняго пальца	113
20) Длина большаго пальца	69
21) Ширина руки у корня пальцевъ	82

Слѣдовательно, щель вѣка, хотя была узка и у наружнаго угла оканчивалась складкою кожи, все-же не тянулась косо кверху; носъ широкъ; пальцы длинны и тонки, за исключеніемъ коротковатаго большаго пальца. Цвѣтъ кожи ясно показываетъ распредѣленіе чернаго пигмента и потому кажется черновато-блеклымъ, въ сравненіи съ смуглой отъ солнца кожи нашихъ крестьянъ подъ 58° шир., имѣющей бурый цвѣтъ.

	A) Тиманск. Самоѣдъ. Монгольск. типъ.	B) Канинск. Самоѣдъ. Финнск. типъ.
	въ англійск. дюймахъ.	
1) Вышина тѣла	$50,_{33}$	$46,_4$
2) маховая его сажень	$54,_5$	—
3) Вышина послѣдняго шейнаго позвонка (надъ землею)	$40,_5$	36
4) Вышина начала грудной кости	$38,_{58}$	$35,_{75}$
5) » гребня тазовой кости (crista oss. ill.) и пупа	$37,_{25}$	$33,_{75}$
6) Вышина spina ant. sup. oss. ilei	35	32
7) » symphysis oss. pub.	$32,_{25}$	$28,_5$
8) » trochanter	$31,_5$	$29,_{25}$
9) » колѣна (нижній край Patella)	$17,_{25}$	15
10) Длина ноги	$9,_2$	$8,_8$
11) » передней части руки	11	$9,_3$
12) » руки (отъ кисти до конца сред. пальца)	$6,_{83}$	$6,_{75}$
13) Ширина плечъ (со включеніемъ рукъ)	$14,_1$	$14,_8$
14) Разстояніе между сосками	$7,_3$	$7,_3$
15) Ширина таза (отъ одного trochanter до другаго)	$12,_1$	$10,_7$
16) Зрачекъ	темнобурый	желтобурый.

и разные филологическо-этнографическіе матеріалы, ученому міру стало достаточно извѣстно потому, что они подали поводъ такому знаменитому филологу, какъ Бётлингку, своротить съ главнаго пути изслѣдованій, которыми онъ постоянно занимался прежде, и посвятить нѣсколько лѣтъ подробному изученію Якутскаго языка, т. е. побочному труду, который между тѣмъ можетъ поспорить съ главнымъ трудомъ иныхъ ученыхъ.

Сборникъ словъ, собранныхъ мною у береговыхъ Юраковъ, Тавгинскихъ и Енисейскихъ Самоѣдовъ, равно какъ у Тунгусовъ, также не совсѣмъ остался незамѣченнымъ. Акад. Шифнеръ воспользовался имъ для интересныхъ сравненій, при обработкѣ Кастреновыхъ сборниковъ словъ [1]). Для правильнаго пониманія этихъ сравненій, позволю себѣ замѣтить тутъ, что тщательно пріучивъ ухо вслушиваться въ звуковыя отличія произношенія, я употреблялъ много вниманія на возможно вѣрное выслушиваніе и передаваніе звуковъ. По этому алфавитъ нашъ, дѣйствительно, вскорѣ показался мнѣ неудовлетворительнымъ. Я прибѣгнулъ къ надписыванію одной надъ другой двухъ буквъ, между которыми заключался слышанный мною звукъ. По этому желанье отстоять мой собственный способъ передачи звуковъ не сочтутъ, надѣюсь, за неумѣстное самолюбіе, хотя, правда, такой основательный филологъ, какъ Кастренъ, послѣдовалъ по моему слѣду. Если напр. Кастрену слышалось только *п*, а я постоянно находилъ нужнымъ ставить звукъ, колеблющійся между *п* и *ф*, или если я передъ *к* и *т* указывалъ сильное или слабое придыханіе, то я очевидно не довольствовался звукомъ *п*, или звуками *к* и *т* безъ придыханія, слѣдовательно иной разъ, можетъ быть, точнѣе подмѣчалъ звукъ, или встрѣчалъ людей, иначе произносившихъ слова.

Акад. Шифнеръ совершенно справедливо указываетъ на то, какъ трудно бываетъ правильно понимать звуки первобытнаго народа, у котораго органы произношенія устроены совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Кромѣ того, я полагаю, что лингвистъ, имѣющій возможность пользоваться заблаговременно придуманнымъ алфавитомъ сравнительнаго языкознанія новѣйшаго времени, не смотря на это великое удобство, можетъ подвергнуться невыгодѣ предвзятаго систематизирующаго обобщенія, невыгодѣ, которая нисколько не смущаетъ простаго, немудрствующаго дилеттанта, прислушивающагося только къ произношенію словъ. Бывало слушаешь, навостривъ уши, и все-таки никакъ не уловишь полу-бормотнаго, полу-гортаннаго, полу-носоваго, полу-проглоченнаго глухаго звука первобытнаго человѣка. Языкъ этихъ первобытныхъ народовъ, казалось мнѣ, находится въ дѣтскомъ состояніи и въ томъ отношеніи, что даже произношеніе не приняло еще совершенно твердой формы, и что каждый кочевой родъ, даже любое отдѣльное лицо вправѣ произносить звукъ на свой ладъ.

---

[1]) См. вышепривед. сочиненіе, стр. XIV—XIX. Тунгусскія замѣтки мои сообщены акад. Шифнеромъ въ изданномъ имъ небольшомъ соч. Кастрена: Grundzüge der Tungusischen Sprachlehre, 1856, стр. XI—XV и стр. 119—139.

Послѣднее обстоятельство даже поразило меня среди русскихъ поселенцевъ въ низовьяхъ Енисея. Они жили въ то время чрезвычайно изолированно, и этимъ-то недостаткомъ взаимныхъ сношенiй я объяснялъ себѣ нѣкоторыя странности въ произношенiи русскихъ словъ, иногда чрезвычайно меня поражавшiя. Такъ напр. были поселенiя, въ которыхъ не только у всѣхъ членовъ семейства, но и у всѣхъ другихъ, постепенно перебравшихся туда, домочадцевъ различнаго происхожденiя, преобладало шепелянiе [1]. Мнѣ казалось, что это примѣры особенностей, усвоенныхъ привычкою, а не унаслѣдованныхъ вслѣдствiе особаго устройства органовъ произношенiя.

При этомъ случаѣ не мѣшало бы согласиться на счетъ нѣкоторыхъ названiй степеней родства. Изъ писемъ Кастрена [2] я вижу, что акад. Шёгренъ не былъ доволенъ его способомъ употребленiя названiя племя (Stamm). Я намѣренъ удержать слово родъ (Geschlecht) для подраздѣленiя народности тѣхъ сибирскихъ туземцевъ, между которыми должно предположить близкое семейное родство. Слово племя (Stamm) заключаетъ въ себѣ болѣе обширное понятiе и соотвѣтствуетъ слову ордѣ (Horde) [3]. Вождь или начальникъ племени искони получаетъ титулъ князца [4]. Едва-ли не каждая изъ различныхъ сибирскихъ народностей дѣлится на племена, за исключенiемъ развѣ такихъ, которыя уже начали исчезать.

Въ видѣ введенiя къ нижеслѣдующимъ извѣстiямъ, предпосылаю прилагаемое изображенiе новой церкви и старой колокольни въ Туруханскѣ. Пусть точный рисунокъ съ нихъ станетъ говорить за меня тамъ, гдѣ Кастренъ смотрѣлъ на дѣло иначе, чѣмъ я. Мнѣ постройка показалась весьма изрядной по отношенiю къ тому, что мы вправѣ требовать отъ заштатнаго города подъ пустыннымъ полярнымъ кругомъ. Кастренъ же [5]) говоритъ: «для прiѣзжаго человѣка въ Туруханскѣ церковь очень трудно отличить отъ солянаго магазина». Упряжныя собаки въ городѣ ему показались страшными, я же нашелъ (см. стр. 525), что онѣ были трусливы. Поселенiя ему пока-

---

[1]) Какъ-то въ Нижне-Имбатскомъ и Баклановскомъ, напр. низайсе; сибко; усли запрекать; стѣсвiй уроменецъ (вм. уроженецъ). Буква *в* пропускалась; напр. мѣстѣ (вм. вмѣстѣ): *р* часто вовсе не произносилось; вм. *л* употреблялось *и*.

Все это такъ напоминало мнѣ нашихъ Эстовъ, что я усердно, но тщетно старался отыскать связь съ финскимъ племенемъ.

Подобнымъ образомъ Редовскiй въ своемъ рукописномъ дневникѣ замѣтилъ, что у крестьянъ въ Инѣ, на Охотскомъ морѣ, было странное произношенiе, напр. Осхипъ, вм. Осипъ.

[2]) Reiseberichte und Briefe, стр. 142.

[3]) Въ мое время мѣстное управленiе создало искусственную неизмѣнную грань, установивъ, что небольшой народъ въ болѣе чѣмъ 100 душъ муж. пола нужно называть ордой, а при меньшемъ числѣ душъ — родомъ.

[4]) Изъ нихъ Гантимурскiе князцы въ Забайкальѣ возводились, какъ извѣстно, въ дворянское достоинство. Обдорскiе князья—являющiеся въ царскомъ титулѣ, получали дипломы и почетные кафтаны. Одинъ изъ нихъ дошелъ до того, что сталъ чувствовать свое достоинство. Онъ обзавелся тѣлохранителемъ, и когда его разбирала охота выказать свой санъ, то онъ отъ времени до времени бросалъ на землю свою шапку, которую тѣлохранитель долженъ былъ поднимать.

[5]) Reiseberichte und Briefe, 1865, стр. 234.

зались невыносимыми; по моему мнѣнію они были сносны и, для приваловъ въ глуши, неоцѣнимы. Кастренъ, въ ущербъ другимъ кочевникамъ, питалъ особенную любовь

Церковь въ Туруханскѣ.

къ Остякамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ ближайшихъ родичей Финновъ; онъ восхваляетъ добродѣтели и извиняетъ недостатки ихъ. Я же не видѣлъ болѣе жалкаго и испорченнаго Сибиряка-туземца, какъ Остяка, и не знаю другаго спасенія для этого народа, какъ сглаженія его національности, сліянія съ Русскими, и полнаго поглощенія его послѣдними, хотя я вполнѣ того мнѣнія, что правительству необходимо загладить много ошибокъ своихъ въ отношеніи къ другимъ народнымъ племенамъ и что не слѣдуетъ затрогивать самостоятельный характеръ большей части ихъ.

Но вернемся къ дѣлу.

Что касается наружнаго вида Сибирскихъ туземцевъ, то путешественнику вскорѣ становится яснымъ, что, не смотря на поразительныя типическія особенности, на которыя онъ повсюду натыкается, послѣднія все-таки потому только такъ бросаются въ глаза, что составляютъ противоположность европейскимъ физіономіямъ, среди которыхъ онъ выросъ. Если мы станемъ поближе входить въ сравнительное различеніе Сибирскихъ туземцевъ, если станемъ сравнивать народъ съ народомъ, племя съ племенемъ, родъ съ родомъ, или наконецъ отдѣльныя личности одного и того-же рода между собою, то передъ нами станутъ возникать, все сбивчивѣе и сбивчивѣе, такія различія, которыя

намъ, сообразно съ лингвистическими и историческими изслѣдованіями, придется объяснять все-таки одинаковымъ способомъ, т. е. тѣмъ, что въ теченіи доисторическихъ тысячелѣтій жители Сибири въ огромныхъ размѣрахъ мѣняли между собою мѣста пребыванія своего, а еще болѣе скрещивались, вслѣдствіе кровныхъ помѣсей. Конечнымъ же результатомъ этихъ помѣсей для зоотехника, занимающагося скрещиваніемъ скота, оказывается, что обратившееся въ непоколебимый догматъ ученіе о математически-формулированныхъ условіяхъ помѣси, т. е. о полукрови, четверти крови, трехъ четвертяхъ крови и т. д., совершенно неправильно. Больше всего, напротивъ того, намъ приходится удивляться возвращенію скрещенныхъ индивидуумовъ къ первоначальному типу, совершается-ли это возвращеніе уже въ первомъ поколѣніи, или только въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній; какъ только различные типы народовъ, племенъ или родовъ скрещивались между собою, такъ является возврашеніе или къ типу отца, или къ типу матери. Но рѣзче всего монгольскій типъ высказывается всегда у женщинъ, у которыхъ въ молодые годы появляется недурная кошачья физіономія, съ широкими скулами и яблокообразно выдающимися щеками, со впадиною снизу, переходящею въ довольно острый подбородокъ.

Можно бы было подумать, что я нѣкоторыя убѣжденія, добытыя въ послѣднія 30 лѣтъ изъ результатовъ производившихся мною скрещиваній, теперь, по легкопонятному самообману, переношу и на сибирскихъ туземцевъ. По этому я очень радъ, что у меня есть неопровержимое доказательство на то, что я съ такими-же убѣжденіями возвратился уже изъ Сибири, и что они только еще болѣе подтвердились моими наблюденіями надъ домашними животными.

Нижеслѣдующее извлеченіе изъ изустнаго доклада, читаннаго мною 5-го Марта 1847 года въ засѣданіи Импер. Русскаго Геогр. Общества, но не помѣщеннаго ни въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ, будетъ служить доказательствомъ[1]), которымъ я дорожу.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду два самоѣдскихъ семейства зимою посѣщали нашу столицу. Денежный разсчетъ побудилъ корыстолюбивыхъ аферистовъ преподнести намъ эти этнографическія рѣдкости. Успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Со всѣхъ сторонъ стекались любопытные, всѣ осматривали, на ледяномъ покровѣ Невы, этотъ странный на-

---

[1]) Заимствую его буквально изъ St. Petersb. Zeitung, 1847, № 76, 77, изъ статьи, озаглавленной слѣдующимъ образомъ: «Die Samojeden in Petersburg als Gegenstand ethnographischer Forschung. Nach einem von Herrn v. Middendorff... gehaltenen Vortrage» Этотъ рефератъ въ свое время возбудилъ много желчи. Показавъ съ одной стороны, что черепа, хранившіеся тогда спеціально какъ славянскіе типы, болѣе всего отличаются характеристическими признаками финскаго типа, принявъ съ другой стороны разсмотрѣніе черепа обезьяны за исходную форму для видоизмѣненій человѣческаго черепа, я расшевелилъ пчелиный рой квасного національнаго чувства. Меня стали честить названіемъ единомышленника сочинителя эпиграммы на Буле. Какъ съ тѣхъ поръ Дарвинова теорія успѣла все-таки охладить чувства людскія относительно происхожденія человѣка отъ обезьяны!

Столь-же положительно, какъ въ этомъ рефератѣ, я уже за два года передъ тѣмъ противопоставилъ также Лапландцевъ — финское племя, Самоѣдамъ — Монгольскому племени. Въ то время, т. е. въ 1840 году, когда я посѣтилъ Бѣлое море, я еще не зналъ Самоѣдовъ съ финскимъ типомъ лица (срав. Baer und Helmersen, Beiträge z. Kenntn. d. Russ. Reiches, 11-tes Bändchen, 1845, p. 172.)

родецъ, жалкій шалашъ ихъ, который долженъ былъ защищать ихъ отъ самой сильной стужи, и помѣщавшуюся въ немъ Самоѣдку, съ утра до ночи глодавшую сырыхъ, замерзшихъ рыбъ. По осмотрѣ всего этого, быстрою рысью катались на саняхъ, въ которыя впрягалась рогатая четверка — однимъ словомъ Самоѣды между нами превосходно довели свою роль до конца. Они продержались, съ почетомъ и барышемъ, долѣе италіянской оперы и почти столько-же времени, сколько вольтижеры. На этотъ разъ они покинули насъ съ намѣреніемъ лишить насъ на нѣсколько лѣтъ своего интереснаго знакомства и пребываніе ихъ, которое за границею безъ сомнѣнія породило бы ученѣйшія объемистыя изслѣдованія, совершенно безслѣдно прошло бы мимо насъ среди столичной суматохи, если бы рѣзецъ г. Митрейтера не сохранилъ для потомства грубыхъ лицъ ихъ съ такою вѣрностью и отчетливостью, за которую иное благообразное и благородное лицо чисто-кавказскаго типа должно позавидовать этимъ рожицамъ [1]).

Тогда какъ частыя большія морскія экспедиціи новѣйшаго времени доставили намъ точныя изображенія самыхъ отдаленныхъ народовъ и дали намъ возможность въ одной галлереѣ разставить для сравнительнаго изученія сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, у насъ до сихъ поръ не было изображеній многочисленныхъ кочевниковъ, бродящихъ по внутреннимъ частямъ нашей континентальной Сибири. Вотъ почему коммиссія, которая назначена была для обсужденія плана сибирскаго путешествія автора, постановила издать всѣ привезенные имъ, набросанные г. Брантомъ, портреты Самоѣдовъ, Юраковъ, Остяковъ, Тунгусовъ, Юкагировъ, Долганъ и Якутовъ. Но коль скоро признавалось нужнымъ издать портреты первыхъ, то безспорно важно было имѣть возможность сравнить нашихъ самыхъ западныхъ Самоѣдовъ Европы съ самыми восточными Сибирскими Самоѣдами, чтобы получить точку опоры въ пользу или противъ тождественности ихъ тѣлосложенія Если, однакоже, мы посмотримъ, чего мы достигли собственно въ этомъ отношеніи, то намъ со стыдомъ придется сознаться, что мы умѣемъ строго различать мышей европейской части края, населеннаго Самоѣдами, но этнографически еще не опредѣлили людей. Въ классическомъ сочиненіи Причарда[2]) мы находимъ, пожалуй, на стр. 225, изображе-

---

[1]) Передъ нами двѣ таблицы, изъ которыхъ одна изображаетъ двухъ Канинскихъ, другая двухъ Тиманскихъ Самоѣдовъ. Уже при разсмотрѣніи этихъ портретовъ, каждый долженъ убѣдиться въ необыкновенномъ талантѣ упомянутаго художника. Г. Митрейтеръ обладаетъ такою удивительною твердостью руки и такою изощренностью глаза по части правильнаго пониманія размѣровъ и соразмѣрности, что всѣ дѣлаемые имъ портреты тотчасъ прямо самъ рисуетъ на камнѣ. Такимъ образомъ составлены и эти два листка. Рисунокъ сдѣланъ такъ вѣрно и такъ отчетливо, что даже критикующій глазъ этнографа не съумѣлъ отыскать въ немъ нималѣйшей ошибки и что, слѣдовательно, эти точные индивидуальные портреты нисколько не грѣшатъ противъ истины и сдѣланы безъ всякой предвзятой системы, которая часто бываетъ неизбѣжна, когда рукою художника управляетъ критика этнографическаго изслѣдователя.

Двѣ таблицы, о которыхъ тогда говорилось, предназначались уже въ то время для предлежащаго сочиненія и съ прибавленіемъ другихъ портретовъ приложены къ этому выпуску на таблицахъ III и IV. Академикъ Шифнеръ присоединилъ ихъ въ уменьшенномъ масштабѣ къ путевымъ воспоминаніямъ Кастрена. Въ Русской Фаунѣ Симашко также уже помѣщены нѣкоторые изъ издаваемыхъ тутъ портретовъ. Но правда, что до сихъ поръ приходилось ожидать ключа къ пониманію этихъ изображеній.

[2]) The natural history of man by J. C. Pritchard. London 1845.

*

ніе Самоѣдской головы, но она очевидно взята изъ стариннаго путешествія Голландца Де-Брюинса [1]). Можетъ быть это есть единственное существующее изображеніе этого народнаго племени, но во всякомъ случаѣ оно скорѣе напоминаетъ о состояніи нашей этнографіи въ началѣ прошлаго столѣтія, чѣмъ о характерѣ Самоѣдской физіономіи. Лобъ выше Талейрановскаго, который у Каруса представленъ какъ образчикъ мыслящей головы: глаза и ротъ кавказскаго происхожденія и только выдающіяся скулы могутъ служить намекомъ на монгольскую расу.

Первый достовѣрный матеріалъ для будущаго сравнительнаго изслѣдованія даютъ лишь наши рисунки. Если мы станемъ разсматривать каждую пару въ отдѣльности, то нельзя не убѣдиться въ сходствѣ чертъ мужскаго и женскаго лица; а если мы обѣ пары будемъ сравнивать между собою, то насъ поразитъ разница въ обоихъ типахъ лицъ. Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что это только портреты двухъ самоѣдскихъ паръ, случайно занесенныхъ въ нашу столицу, а никакъ не подобранные представители того или другаго типа лица. Съ перваго же взгляда васъ поражаютъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ узковатые и наискось внаружу и кверху прорѣзанные впавшіе глаза, совершенно плоская переносица (glabella), сильно выдающіяся скулы и довольно значительно выступающія челюсти (prognathous, — Причарда). У Канинскихъ Самоѣдовъ всѣ эти признаки имѣютъ противоположный характеръ: глазное отверстіе также не можетъ быть названо большимъ, но все-таки оно замѣтно больше, чѣмъ у Тиманскихъ, и прорѣзано совершенно горизонтально, такъ что наружный глазной уголъ находится на одной плоскости съ внутреннимъ или, пожалуй, еще ниже. Сами глаза очень близки къ верхней части глазной впадины. Переносица большею частью не такъ широка и не такъ плоска, какъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ, но посреди ея возвышается узенькій и выдающійся сверху книзу хребетъ, образуемый носовыми костями. Скулы развиты меньше, чѣмъ у Тиманцевъ и, хотя спереди довольно похожи на скуловыя очертанія послѣднихъ, но, будучи разсматриваемы сбоку, во всякомъ случаѣ, выдаются гораздо меньше, а слѣдовательно и меньше закрываютъ носъ, чѣмъ у Тиманцевъ. Челюсти выдаются меньше (prognathous — Причарда), что весьма бросается въ глаза, если мы станемъ сравнивать женщинъ, а при сравниваніи мужчинъ становится яснымъ только тогда, когда, по примѣру Каруса, рисуешь профили одинъ надъ другимъ.

Точное численное опредѣленіе всѣхъ этихъ различій посредствомъ пропорцій должно составлять задачу этнографіи, какъ зоологически классифицирующей науки; здѣсь мы должны довольствоваться тѣмъ, что намъ удалось достигнуть поразительнаго дѣйствія наглядности и убѣдиться въ томъ, что портреты Тиманскихъ Самоѣдовъ во всемъ соотвѣтствуютъ признакамъ монгольской расы и въ особенности полярнаго семейства (polar-family), что съ другой стороны оба Канинскихъ Самоѣда очень близко похожи на типъ финскихъ народовъ, и притомъ во всякомъ случаѣ больше всего на Лапландцевъ. Входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе этихъ частностей намъ не позволяетъ цѣль этой статьи.

[1]) Cornelius de Bruins Reizen over Moskovie etc. Amsterdam 1711.

Если за тѣмъ мы пожелали бы переступить за предѣлы разсмотрѣнія этихъ портретовъ и, опираясь на него, вывести общее заключеніе, то послѣднее могло бы только состоять въ томъ, что по кровному происхожденію своему Самоѣды смѣшаный народъ, образовавшійся изъ смѣшенія финскихъ и монгольскихъ народовъ. При этомъ можетъ быть допущено, хотя и съ малою вѣроятностью, что Тиманскіе Самоѣды происходятъ отъ Монголовъ, а Канинскіе отъ Финновъ. Скорѣе можно предположить, что въ этой помѣси участвуютъ оба племени, но въ различной степени, т. е. съ преобладаніемъ въ первомъ случаѣ монгольскихъ, въ послѣднемъ — финскихъ элементовъ.

Вопросъ о томъ, согласуются ли съ этими выводами результаты лингвистическихъ розысканій, или нѣтъ, не долженъ смущать этнографическаго изслѣдователя, потому что намъ не трудно указать случаи, когда народъ въ теченіи времени мѣнялъ свой прежній языкъ на новый. Чѣмъ менѣе подвинулась цивилизація какого нибудь народа, чѣмъ больше становилась несоразмѣрность, слѣдовательно чѣмъ значительнѣе былъ перевѣсъ новаго языка надъ прежнимъ по части понятій и словъ, тѣмъ безслѣднѣе могъ изгладиться языкъ предковъ. Большое количество примѣровъ этого рода очевидно относится къ доисторическому періоду Сибири, но для того, кто все-таки еще захотѣлъ бы усомниться въ этомъ, мы приведемъ примѣръ Киргизовъ, который столько-же замѣчателенъ, сколько пока еще непонятенъ. Они несомнѣнно по рожденію и безъ всякой помѣси принадлежатъ къ монгольскому племени, а между тѣмъ говорятъ языкомъ кавказскихъ Турко-Татаръ. Единство языка двухъ народовъ нисколько еще не доказываетъ природнаго ихъ единства, точно также, какъ на оборотъ различіе языка не доказываетъ природнаго ихъ различія. Изъ этого слѣдуетъ, что изъ природнаго единства или различія еще нельзя выводить заключенія о единствѣ или различіи языка, а изъ послѣднихъ нельзя выводить заключенія о природномъ единствѣ или различіи. Вопросъ о соплеменности народовъ окончательно должна рѣшать соматическая этнографія, и только въ такомъ случаѣ, когда она подтверждаетъ результаты лингвистическихъ изслѣдованій. они могутъ считаться достовѣрными и несомнѣнными. Что касается Самоѣдовъ, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что лингвистическія изслѣдованія подтвердятъ данныя указанія [1]).

У Гиляковъ (Айно) еще въ гораздо большей степени, чѣмъ у Самоѣдовъ, можно строго отличать два совершенно различныхъ типа лица. Противъ предположенія, что это случайныя измѣненія, ежедневно встрѣчающіяся на каждомъ шагу, какъ выраженія личныхъ или свойственныхъ нѣкоторымъ семействамъ особенностей въ формѣ головы и лица, авторъ возстаетъ самымъ положительнымъ образомъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій, произведенныхъ имъ на мѣстѣ. Чѣмъ замкнутѣе въ самомъ себѣ (продолжаетъ онъ), чѣмъ необразованнѣе народъ, чѣмъ одностороннѣе его образъ жизни, чѣмъ незначительнѣе разница между сословіями, тѣмъ болѣе внѣшній видъ его получаетъ

---

[1]) В. Иславинъ, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Спб. 1847.

замѣчательное однообразіе. Сначала путешественнику только съ большимъ трудомъ удается подмѣчать индивидуальныя черты отдѣльныхъ лицъ орды, которую онъ посѣтилъ, и часто происходятъ презабавныя ошибки. Физіономіи отдѣльныхъ личностей теряются въ общемъ физіономическомъ впечатлѣніи, какъ въ стадѣ овецъ, пока продолжительное упражненіе не разовьетъ въ путешественникѣ взора овчаря, который, среди сотни животныхъ своего стада, узнаетъ каждую отдѣльную овцу по ея особой физіономіи. Доказательствомъ этому служатъ портреты Юраковъ, снятые авторомъ во время его путешествія въ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ одно отъ другаго. Однажды случилось, что самоѣдскую вдову, нѣсколько недѣль сряду починявшую одежду путешественниковъ, авторъ все-таки не узналъ потому, что она умылась. Единственный отличительный признакъ ея составляли особенности грязи на ней. При смѣшеніи кочевниковъ помѣси весьма односторонне возвращаются къ типу отца или матери, тогда какъ у цивилизованныхъ народовъ онѣ несравненно больше склонны заимствовать одну черту у отца, другую — у матери и вслѣдствіе этого образуютъ безконечное количество переходныхъ членовъ.

Впрочемъ цѣль этихъ строкъ не заключалась въ одномъ только желаніи доказать, что намъ необходимо совершенно отказаться отъ мысли о тѣлесномъ единствѣ всѣхъ тѣхъ нашихъ сѣверныхъ кочевниковъ, которые говорятъ на одномъ и томъ-же языкѣ, и что уже въ доисторическое время нѣкоторыя національности на сѣверѣ были поглощены другими въ такомъ-же родѣ, въ какомъ еще теперь Самоѣды поглощаются Зырянами и Тунгусами, а Тунгусы, въ свою очередь, Якутами и т. д. Нѣтъ, онѣ хотѣли также побудить къ собиранію матеріаловъ, которые дали бы возможность съ тѣлесной точки зрѣнія составить самостоятельную этнографію нашихъ мелкихъ разбросанныхъ народностей. Необходимо поторопиться, потому что съ каждымъ днемъ изглаживаются грани тамъ, гдѣ вчера онѣ еще были видны. Считаемъ нелишнимъ напомнить о томъ, что мы люди и что изученіе высшаго творенія природы справедливо должно стоять выше изученія мышей, жуковъ и всего остальнаго зоологическаго добра. Собираніе череповъ не есть впрочемъ единственное средство къ добыванію данныхъ для болѣе твердыхъ основаній этнографіи тѣлесной стороны человѣка. Если черепа будутъ доставляться такъ рѣдко, какъ до сихъ поръ, и если мы не будемъ знать въ точности, какимъ личностямъ они принадлежали, то они скорѣе могутъ спутать, чѣмъ разъяснить наши знанія. Всякому извѣстно, что религіозные обычаи и воззрѣнія загораживаютъ путь самому усердному собирателю череповъ или, пожалуй, угодятъ не по добру пожалованіемъ въ морозный край, и что съ другой стороны рѣдко удается собрать точныя свѣдѣнія о томъ человѣкѣ, которому черепъ принадлежалъ при жизни. Всѣ эти затрудненія намъ очень легко избѣгнуть, если мы станемъ изучать головы живыхъ людей. Такимъ способомъ намъ можно накопить въ самое непродолжительное время чрезвычайно богатый матеріалъ, который именно вслѣдствіе этого богатства и вытекающей изъ него многосторонности будетъ служить мѣриломъ. Только этимъ способомъ мы и будемъ въ состояніи представить кабинетному краніоскопу возможность провѣрить этнографическую задачу, рѣшенную имъ

дома. Все дѣло заключается только въ томъ, чтобы съ крумциркулемъ въ рукѣ измѣрять различныя головы различныхъ націй и добытыя мѣры размѣщать по рубрикамъ.

Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ несправедливо обращали слишкомъ мало вниманія на лицевую часть черепа, которая даже въ систематикѣ животныхъ играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей. Если бы и прежде на лицевую часть обращено было вниманіе во всѣхъ, а не въ отдѣльныхъ только случаяхъ, то не укоренилось бы много ошибочныхъ взглядовъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что форма черепа американскаго близко сходна съ формою черепа монгольскаго. Вслѣдствіе почти непреодолимой трудности раскрыть путаницу формъ американскихъ череповъ, большею частью искусственно искаженныхъ, этнографы ухватились за поразительную форму лица и стали ее ставвить рядомъ съ постояннымъ конькомъ въ пользу Монголовъ, т. е. съ Калмыками. Но послѣдніе только одна отрасль этой огромной расы, представляющая гораздо больше различій въ національностяхъ, чѣмъ разныя народности Европы! За то каждаго поразитъ большое сходство Долганскаго старшины Мани, съ котораго авторъ распорядился снять портретъ, съ Онопатонгой, старшиной американскихъ Omawhaws, который у Мортона[1]) изображенъ на заглавномъ листѣ и представляетъ единственный портретъ Индѣйца. По нашимъ понятіямъ ихъ можно бы было признать за двоюродныхъ и даже за родныхъ братьевъ. Оба портрета, правда, единственные, которые существуютъ, но отнюдь не подобраны, ради сравненія, изъ цѣлой коллекціи. Въ Европѣ это сходство рѣшительно ничего не значитъ; даже для Азіи оно, само по себѣ, только намекъ, а въ связи съ другими — руководящая нить. Эта нить должна обратиться въ якорный канатъ, когда съ нею тѣсно сплетется историческая ткань. Но изъ того, что въ приведенномъ случаѣ лица и habitus доселѣ одни могли служить опорою для большей половины мнѣній даже противъ намековъ нѣкоторыхъ историческихъ указаній, каждый тѣмъ убѣдительнѣе можетъ уразумѣть, что мы придаемъ этимъ признакамъ больше значенія невольно и по какому-то внутреннему чувству, хотя они еще совершенно лишены научной оболочки. Но не слѣдуетъ пренебрегать правиломъ, которому насъ научаетъ чтеніе исторіи систематической зоологіи. Хорошіе рисунки вездѣ послужили основаніемъ для рѣзкаго разграниченія видовъ. Основательное изслѣдованіе началось со времени цитированія опредѣленныхъ изображеній; за ними послѣдовали понемногу описанія, которыя цѣлыя столѣтія сряду полировались и получали бо́льшую опредѣленность, пока наконецъ (правда въ слишкомъ незначительномъ кругу) мы дошли до окончательной отдѣлки главной статьи, т. е. до математическаго метода распредѣленія видовъ (на основаніи численныхъ данныхъ и измѣреній).

---

[1]) S. C. Morton, Crania Americana. Philadelphia 1839. Comptes-rendus de l' Acad. des Sciences de Paris, 1845, Juillet, p. 4, 7 etc.

И такъ первый мой тезисъ, представленный безъ малаго 30 лѣтъ тому назадъ, былъ тотъ, что Самоѣды, по кровному происхожденію своему, смѣшанный народъ, образовавшійся изъ смѣшенія финскихъ и монгольскихъ народовъ.

Это положеніе вполнѣ подтверждено, какъ я предсказывалъ заранѣе, лингвистическими изслѣдованіями Кастрена, который прямо говоритъ[1]): «Къ тому-же самому результату насъ приводитъ и самоѣдское племя, которое въ родствѣ съ одной стороны съ финскимъ племенемъ, съ другой съ семействомъ монгольскихъ народовъ». Обоими путями, зоологически- и филологически-этнографическимъ, оба мы, совершенно разносторонніе изслѣдователя, пришли къ одному и тому-же выводу, который, слѣдовательно, тѣмъ болѣе, кажется, заслуживаетъ довѣрія.

Сказанное мною въ то время о Киргизахъ, я теперь, посѣтивъ ихъ[2]), снова могу подтвердить еще положительнѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе моихъ изслѣдованій въ Башкиріи, оно примѣнимо также къ Башкирамъ тѣмъ болѣе, что различіе лошадиныхъ породъ въ сѣверной и южной Башкиріи помогаетъ доказать несомнѣнно столкновеніе различныхъ національностей.

Мое наблюденіе надъ Гиляками, о которомъ тамъ говорится, подтвердитъ, надѣюсь, акад. Шренкъ. Отъ сопровождавшихъ меня Якутовъ и Тунгусовъ Гиляки замѣчательно отличались своими кругловатыми формами лица; особенно у женщинъ были почти совершенно круглыя, полнолунныя лица. Противоположность монгольскихъ или же опять кавказскихъ типовъ между Гиляками Тугурскаго залива была такъ поразительна, что я не могъ не приписать ея сильному кровному смѣшенію туземнаго населенія съ русскими удальцами, во время занятія страны при низовьяхъ Амура, въ то время, когда заложники ихъ показывались даже въ Москвѣ[3]). У такихъ личностей скулы почти совсѣмъ не выдавались, да и въ глазахъ не было ничего монгольскаго. Были между ними такія лица, которыхъ въ европейской одеждѣ нельзя бы было отличить отъ Европейцевъ. У одного Гиляка были двѣ жены, изъ которыхъ одну, по нашимъ понятіямъ, можно было назвать красивою, а другая могла быть крайне-китайскою красавицею. Слѣдовательно тутъ искони происходили самыя замѣчательныя помѣси[4]).

Если мы примемъ во вниманіе постоянныя взаимныя передвиженія туземныхъ кочевниковъ; если мы сообразимъ, что сибирскіе туземцы покупаютъ жену у родителей, что эта покупка легко опять разстраивается, что нѣкогда, а у Самоѣдовъ еще и въ мое время, одна изъ обязанностей гостепріимства состояла въ томъ, что гостю предоставлялось право свободно располагать женою и дочерью хозяина, что нисколько не казалось страннымъ, когда (напр. казакамъ, золотопромывальщикамъ и т. д.) Тунгуски и женщины другихъ племенъ мужьями уступались за извѣстное вознагражденіе на лѣтнее или на зимнее

---

[1]) Reiseberichte und Briefe, 1856, p. 22.

[2]) Срав. мое изслѣдованіе о Барабѣ.

[3]) Müller, Samml. Russ. Gesch. I, 2 p. 303, 341, и II, p. 293. Это было около половины 17-го столѣтія.

[4]) Уже Мюллеръ (Samml. Russ. Gesch. III, 2, p. 92) говоритъ, что во время занятія Русскими, многіе Камчадалы и Камчадалки содержались плѣнными на Курильскихъ островахъ.

время, что у якутскихъ (да и русскихъ) торговцовъ, объѣзжавшихъ кочевниковъ на нѣсколько тысячъ верстъ, въ мое время нерѣдко въ 2, 3, 4, далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, были, да безъ сомнѣнія и теперь еще есть, маленькія избы, гдѣ въ каждой жила туземка, большею частью Тунгусска, нерѣдко со множествомъ дѣтей, оказывавшихся отводками остававшагося въ городѣ законнаго семейства торговца[1]); если мы все это взвѣсимъ, то во всякомъ случаѣ нужно удивляться не столько многочисленнымъ переходнымъ типамъ, сколько существованію характерныхъ типовъ. Въ прежнія времена Русскіе очень часто покупали дѣтей у кочевниковъ и впослѣдствіи нерѣдко усыновляли ихъ. Я самъ у поселенцевъ очень часто находилъ дѣтей, наружность которыхъ свидѣтельствовала о ихъ происхожденіи. Большею частью это были спасенныя отъ голодной смерти, часто найденныя въ чумахъ, круглыя сироты. Будучи усыновлены, они потомъ входили въ составъ семейства, но иногда возвращались въ тайгу (пустыню).

Не рѣшаясь останавливаться на мелочахъ, я позволю себѣ просмотрѣть съ моимъ читателемъ приложенныя таблицы рисунковъ, но предварительно считаю нужнымъ увѣрить его, что путешествующему этнографу въ Сибири неоднократно представляется случай не только изощрять, но и провѣрять свою наблюдательность. Такъ, напр., въ поселеніи Осиновѣ первый-же Чувашъ, котораго я увидѣлъ, выдалъ себя своимъ эстскимъ произношеніемъ русскаго языка. Въ поселеніи Зырянскомъ киргизская помѣсь ссыльнаго вполнѣ оправдалась подтвержденіемъ, что онъ родомъ съ Семипалатинской линіи.

Сымскій Остякъ, который на 1-ой таблицѣ преспокойно сидитъ на бочепкѣ, не подозрѣвая, что это наполенная порохомъ бочка нашей экспедиціи, вмѣстѣ съ женой и ребенкомъ отличается несомнѣннымъ типомъ чисто-финскаго происхожденія, хотя и живетъ въ крайнемъ юго-восточномъ углу распространенія этого народа. На сѣверѣ Скандинавскаго полуострова я не съумѣлъ бы отличить его отъ Лапландца. Люди эти такіе-же несомнѣнные Финны, какъ изображенные на III-ьей таблицѣ самые западные Канинскіе Самоѣды, отличительные признаки которыхъ нами разсмотрѣны выше и которые, діагонально противоположно, въ Европѣ, живутъ въ самомъ крайнемъ сѣверо-западномъ углу распространенія Самоѣдовъ. Енисейскій Самоѣдъ Сылкинъ, на табл. V-ой нѣм. изданія также можетъ считаться типичнымъ Финномъ, тѣмъ болѣе, что у него чрезвычайно широко раскрытые глаза. Но цвѣтъ его кожи болѣе былъ похожъ на цвѣтъ монгольской, чѣмъ на цвѣтъ остяцкой кожи.

Противоположностью этому финскому типу являются намъ два другихъ вполнѣ выразившихся типа. Я разумѣю, во-первыхъ, татарско-якутское лицо, кавказской расы, на табл. VI-ой, 3, изображающее Долгана Мани́. Характеристическую черту его составляютъ пре-

[1]) Этотъ обычай заимствованъ, можетъ быть, у китайскихъ торговцевъ, посѣщавшихъ приамурскій край. Послѣдніе оставляютъ дѣтей своихъ въ тайгѣ. Іакинѳъ, «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи» 1848, I, стр. V. — И наши государственныя учрежденія точно также очень часто подаютъ поводъ къ значительнымъ помѣсямъ. Въ Сибири издавна многіе туземцы зачисляются въ мѣстное казачество. Тунгусъ, котораго я встрѣтилъ на Билирѣ, былъ сынъ обывателя города Якутска и его братъ находился еще въ этой категоріи. Онъ же, какъ рожденный до свадьбы, былъ включенъ въ списки Тунгусовъ.

обладаніе (но не выдающееся положеніе) верхней челюстной части и удлиненная оттого форма лица, въ особенности удлиненный носъ съ рѣзко приподнятымъ кверху сгибомъ, нѣсколько напоминающимъ орлиный носъ. Въ сравненіи съ двумя другими типами, линія, проведенная черезъ оба внутреннихъ глазныхъ угла, дѣлитъ голову на нижнюю продолговатую и верхнюю короткую половину. Въ слегка выдающихся скулахъ и малораскрытой глазной щели высказывается на лицѣ Мани́ незначительная доля монгольской примѣси. Въ поселеньѣ Бахтинскомъ, по этой удлиненной формѣ лица, мнѣ, къ большому моему удовольствію, удалось отыскать между Остяцкими Самоѣдами двухъ сосланныхъ туда Минусинскихъ Татаръ, хотя они почти по всѣмъ признакамъ въ замѣчательной степени похожи были на первыхъ.

Во-вторыхъ, передъ нами положительные типы третьей, т. е. монгольской расы, но они являются въ двухъ формахъ, составляющихъ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга подраздѣленія, а именно: у однихъ широкіе, у другихъ высокіе черепа.

Что̀ я разумѣю подъ этимъ, станетъ понятнымъ читателю, если я укажу ему на табл. IV-ую, изображающую самоѣдскую чету съ положительно широкими черепами, равно какъ на Тунгусовъ Савилія (табл. V), Черемокъ, табл. IV, 1; Тюприна (табл. VIII), и Шантаула (табл. IX). (Двѣ послѣднія въ нѣмецкомъ изданіи). Широкія и выдающіяся скулы, большія глазныя впадины, обозначенныя уже высокими дугообразными бровями, тѣмъ болѣе узкая, косо внаружу и [по крайней мѣрѣ на видъ также] кверху идущая глазная щель, широкая вдавленная glabella (переносица) и протянутые впередъ жевательные органы вполнѣ достаточны, чтобы этимъ лицамъ придать совершенно монгольскій типъ.

Такими-же типичными Монголами являются двѣ тунгусскія головы на V-ой 1 и 2, таблицѣ, у которыхъ однакоже, при этомъ, въ противоположность предыдущимъ, черепъ такъ высокъ, что онъ гораздо выше идетъ поверхъ линіи, соединяющей оба внутреннихъ глазныхъ угла, чѣмъ ниже этой линіи, до подбородка. Это почти такъ называемая башенная голова. Менѣе высокочерепными, но сходными съ ними въ томъ, что надъ скулами до лба голова en face съуживается, оказываются головы Юкагиро-Тунгуса на табл. I-ой, Долгана Гаврилы Палькова на табл. VI-ой, 2, и Якутки съ Учура на табл. VI, 1. У нихъ оба вышеприведенныя измѣренія равны между собою.

У широкочерепнаго монгольскаго лица эти два размѣра также сходны, но лобовыя шишки хорошо видны и отстоятъ другъ отъ друга, такъ что, вслѣдствіе этого, лобъ получаетъ четыреугольный видъ, а лицо разумное выраженіе. И дѣйствительно, при этой формѣ лица умственныя способности безъ исключенія казались мнѣ немалыми. Кромѣ того, я на высокопоставленномъ врачѣ, на сынѣ извѣстнаго ученаго, на воспитанномъ въ Петербургѣ филологѣ и т. д. могу доказать прекрасныя, фактически заявленныя умственныя способности при означенной широкочерепной и широколобной формѣ монгольскаго типа, потому что въ указанныхъ лицахъ несомнѣнно течетъ монгольская кровь. При этомъ монгольскій глазъ придаетъ умному лицу лукавое выраженіе.

Еще прежде чѣмъ я успѣлъ добраться до Сибири, меня поразило, что у двухъ Калмыковъ, пріѣхавшихъ изъ степи въ Казань, точно также, какъ у разсмотрѣнныхъ нами тунгусскихъ головъ, у одного былъ положительно широкій, у другаго положительно высокій черепъ. Если бы мнѣ не удалось видѣть это, то я принялъ бы распаденіе на двѣ упомянутыя формы за особенность, свойственную Тунгусамъ, потому что у Забайкальскихъ Бурятъ и Монголовъ, являвшихся мнѣ самыми типичными Монголами, я встрѣчалъ одни только широкіе черепа. Упомянутыя двѣ различныя формы развитія череповъ очевидно должны зависѣть отъ двухъ различныхъ способовъ оссификаціи черепныхъ швовъ.

Принявъ за исходную точку вышеразсмотрѣнные три основныхъ типа моихъ портретовъ, нетрудно будетъ объяснить и остальныя физіономіи, заключающіяся между ними.

Такимъ образомъ можно замѣтить, что между Тунгусами встрѣчаются только монгольскія формы лица; изъ нихъ у Савилія на табл. V-ой, и Черемокъ на табл. IV-ой 1, такой-же широкій черепъ, какъ у Самоѣдовъ на табл. IV-ой. Но при этомъ у Савилія совершенно якутская форма носовой части лица, точно такъ какъ у Шантаула (табл. IX нѣм. изд.). Самыя монгольскія лица Самоѣдовъ всегда можно было отличать отъ Тунгусскихъ по кругловато-овальному очертанію первыхъ, тогда какъ у Тунгусовъ были болѣе продолговатыя лица. Это относилось къ обоимъ поламъ.

У Якутокъ на табл. VI-ой, не смотря на то, что онѣ раздѣлены нѣсколькими тысячами верстъ (одна изъ нихъ съ Учура, другая, Одаӥ, съ Хеты), такія типичныя монгольскія лица, что ихъ нельзя отличить отъ Тунгусокъ. По всей вѣроятности онѣ и монгольскаго происхожденія, потому что только по близости у Амура, у китайскихъ Нигидальцевъ-Тунгусовъ, я встрѣчалъ еще болѣе типичныя китайско-японскія монгольскія лица. Въ сравненіи съ ними Якутъ съ Хеты, изображенный на XII таблицѣ нѣм. изд., кажется Русскимъ съ небольшою примѣсью тунгусской крови. Къ такимъ явленіямъ на Хетѣ, какъ мы увидимъ ниже, представляется особенно много поводовъ. Хотя у Мирона Тюприна (табл. VIII нѣм. изд.) положительно тунгусскіе глаза и носъ, но совершенно круглая форма лица его, соотвѣтствующая предыдущему лицу, все-таки напоминаетъ также о русской, если не финской примѣси.

Снова просматривая таблицы съ самаго начала, мы замѣтимъ, что Юкагиръ на табл. I-й на столько-же не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ Тунгусъ, на сколько у остяцкаго семейства несомнѣнно чисто-финскія лица. Остякъ Укта́, на табл. I-ой также Финъ, только менѣе типиченъ, да притомъ заплылъ отъ жира, но представляетъ особенный интересъ потому, что принадлежитъ къ Енисейскимъ Остякамъ, языкъ которыхъ Кастренъ, какъ мы увидимъ ниже (въ главѣ о Енисейскихъ Остякахъ), считаетъ совершенно своеобразнымъ.

За финно-монгольскую помѣсь я готовъ признать Юраковъ на табл. II-ой 4, 6, 7, 8. Они, и въ профили (см. нѣм. изд.), отличаются чрезвычайною однородностью, столь-же ре-

гулярно встрѣчающеюся при извѣстныхъ скрещиваніяхъ въ скотоводствѣ и напоминающею замѣчательное однообразіе формы муловъ, которая постоянно составляется изъ разнообразныхъ элементовъ, но неизмѣнно слагается въ одинъ и тотъ-же типъ. Всѣ они очень короткоголовы; у женщины Фхыддо (нѣм. изд.), кромѣ того, лобъ сильно подается назадъ. У Юрака Агатé (нѣм. изд.) замѣчательны чисто монгольскія высокія брови, слѣдовательно монгольская широкая глазная впадина, съ довольно узкими глазными щелями и незначительно выдающимися скулами.

Въ Самоѣдахъ на табл. V-ой нѣм. изд. также много финскаго, хотя глаза у Нгуфо свидѣтельствуютъ о монгольскомъ происхожденіи. О слѣдующихъ затѣмъ таблицахъ до X-ой нѣм. изд. включительно мы уже говорили.

Долганъ Гаврила Пальковъ на табл. VI-ой 2, представляетъ самое поразительное изъ всѣхъ лицъ. Онъ вовсе не былъ такъ тупоуменъ, какимъ кажется, и при здравомъ человѣческомъ разсудкѣ отличался такими прекрасными правилами, какихъ я бы желалъ иному благородному Европейцу. Средняя часть его лица отличается полною длиною якутскаго типа, но глазная щель и носъ отзываются монгольскою примѣсью. Очень низкій лобъ составляетъ индивидуальную уродливость. У Прыса Палькова нѣм. изд., вслѣдствіе осѣдлой поселенской жизни и питанія рыбою, зажирѣвшее тунгусско-русское лицо.

Вотъ что мы хотѣли сказать о формѣ черепа и лица. Для яснаго пониманія географическихъ случайныхъ причинъ разнообразной помѣси разсматриваемыхъ нами народовъ, необходимо представить себѣ положеніе ихъ мѣстопребываній и принять въ соображеніе, что иное племя въ теченіи всего года проходитъ двѣ-три тысячи верстъ и забирается очень далеко, не стѣсняясь опредѣленными границами.

Мѣста жительства различныхъ народовъ въ низовьяхъ Енисея я старался указать на II-ой картѣ атласа, приложеннаго къ нѣмецкому изданію моего Путешествія, и акад. Шмидтъ могъ только подтвердить мои показанія относительно посѣщенныхъ имъ съ тѣхъ поръ странъ въ низовьяхъ Енисея. Но, вслѣдствіе спеціальныхъ изслѣдованій Кастрена, распредѣленіе красокъ впредь должно подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыя мы попытаемся тутъ выяснить.

Кастренъ самъ, и притомъ къ концу своего путешествія, замѣтилъ[1]), что его труды «не могутъ быть напечатаны въ настоящемъ ихъ видѣ» и при жизни старался отыскать ученаго, который, по его стопамъ, долженъ былъ заняться обработкою его матеріаловъ. Такъ какъ ему не удалось сдѣлать это, то довольно трудно изъ объемистыхъ томовъ составить себѣ общій краткій выводъ. Постараемся свести результаты Кастреновыхъ отчетовъ, чтобы ясно увидѣть, на сколько совпадаютъ выводы соматическихъ и лингвистическо-историческихъ изслѣдованій.

По языкамъ Кастренъ[2]) дѣлитъ туземцевъ всей сѣверо-западной Сибири на

1) Угорскихъ, т. е. Вогуловъ и Остяковъ, и

2) Самоѣдскихъ.

[1]) Reiseberichte und Briefe, 1856, стр. 452.

[2]) Тамъ-же, стр. 166.

Первые живутъ въ рѣчной области низовьевъ Оби (вверхъ до Иртыша) и въ рѣчной долинѣ низовьевъ Иртыша, а послѣдніе — въ рѣчныхъ областяхъ Таймыра, Пясины, низовьевъ Енисея и вверхъ по лѣвому берегу его, на всемъ пространствѣ, которое заключается между среднимъ теченіемъ Оби и Енисея къ югу до лежащаго поперекъ передъ ними Чулыма.

Обитателей этого послѣдняго пространства [1]) сибирскіе Русскіе большею частью принимали за Остяковъ, но уже Клапротъ и Шёгренъ [2]) указывали на ихъ самоѣдскій языкъ. Кастренъ придалъ этой догадкѣ величайшую достовѣрность [3]).

Далѣе къ западу Самоѣды простираются за Тазъ и низовья Оби до восточнаго прибрежья Бѣлаго моря.

Самоѣдскій языкъ дѣлится на 3 главныхъ нарѣчія [4]): 1) сѣверо-западное, 2) сѣверовосточное и 3) южное или остяцко-самоѣдское.

Каждое изъ этихъ нарѣчій дѣлится на поднарѣчія, ведущія самыми разнообразными сплетеніями отъ одного нарѣчія къ другому [5]).

На сѣверо-западномъ главномъ нарѣчіи, кромѣ Самоѣдовъ Европейской Россіи, говорятъ Обдорскіе и Касымскіе Самоѣды, да Юраки [6]), простирающіеся отъ лѣваго берега нижняго Енисея до рѣчной области нижняго Таза.

Къ сѣверо-восточному или Тавгынскому (или Авамскому) главному нарѣчію Кастренъ пріурочиваетъ всѣхъ Самоѣдовъ, кочующихъ къ востоку отъ Пясины [7]) (Авамскихъ и Водеевскихъ Самоѣдовъ), и Енисейскихъ Самоѣдовъ, которые зиму проводятъ на лѣвомъ берегу нижняго Енисея, а лѣтомъ отчасти (Карасинцы) на самомъ глубокомъ сѣверѣ уходятъ на правый берегъ его и добираются до рѣчной области Пыры. Подъ именемъ Енисейскихъ Самоѣдовъ разумѣются Хантайцы, Карасинцы и Баи [8]). Это сѣверо-восточное главное нарѣчіе распадается на четыре поднарѣчія [9]).

Южное, остяцко-самоѣдское нарѣчіе, самое чистое выраженіе котораго слѣдуетъ искать, примѣрно, около р. Кеты, дѣлится на два поднарѣчія, томское и туруханское.

---

[1]) Къ нему принадлежатъ рѣчныя области Ваха, Тыма, Васюгана, Кета и верховья Сыма и Елогуя. Такимъ образомъ Самоѣды простираются до сѣв.-восточной оконечности Барабы, а Остяки до сѣв.-западнаго конца ея. Самоѣды обхватываютъ Остяковъ съ сѣвера, востока и юга.

Встрѣчались мѣстами отдѣльныя самоѣдскія семейства (Евши) до устья Иртыша (стр. 66, 67); на Надымѣ, Ляминъ Сорѣ; производить ихъ слѣдуетъ отъ Касыма.

[2]) Тамъ-же, стр. 509.

[3]) Тамъ-же, стр. 119, 127, 134.

[4]) Тамъ-же, стр. 462, 139, 150, 237, примѣч.

[5]) Такъ юракское поднарѣчіе очень — даже почти совершенно — сходно съ обдорскимъ (стр. 262, 266), а тазское поднарѣчіе на столько-же, если не болѣе, близко къ нарымскому, сколько послѣднее къ чулымскому (стр. 255, 261).

[6]) Стр. 235, прим. 3; стр. 255, 259, 265, 461. У Таза, къ югу до Кудасея (или Кудосья, какъ мнѣ называли эту рѣку).

[7]) По словамъ Кастрена (стр. 266, 278), всѣ они говорятъ на одномъ поднарѣчіи.

[8]) Пыру называли Кастрену Турой (стр. 245); она впадаетъ съ запада въ нижнюю Пясину.

[9]) Тавгынское, затѣмъ Хантайское и Карасинское съ одной и Байхинское поднарѣчіе съ другой стороны (стр. 279), и наконецъ Камассинцское въ южной Сибири (стр. 381)

Изъ нихъ первое представляетъ три видоизмѣненія [1]), а второе обнимаетъ Тазскихъ [2]) [или] (Тымско-Караконскихъ) Самоѣдовъ.

Это нарѣчіе простирается слѣдовательно къ сѣверу до средняго теченія Таза [3]), къ югу до Чулыма и средней Оби. У Курейки, Нижней Тунгуски и нѣкоторыхъ мелкихъ рѣчекъ на небольшомъ протяженіи переходитъ и за правый берегъ Енисея [4]).

Кромѣ этихъ различныхъ подраздѣленій самоѣдскаго языка, у средняго теченія Енисея появляется еще языкъ — енисейско-остяцкій — и притомъ въ двухъ поднарѣчіяхъ, изъ которыхъ одно на Имбакѣ, другое южнѣе, на Сымѣ. Языкъ этотъ, по словамъ Кастрена, очень разнится отъ финско-самоѣдскихъ языковъ и, по всей вѣроятности, обломокъ своеобразнаго семейства языковъ, находящагося лишь въ дальнемъ родствѣ съ финско-самоѣдскими языками [5]); родъ китайскаго безъ полной флексіи. По Кастрену Енисейскіе Остяки составляютъ, кажется, послѣдній остатокъ нѣкогда распространеннаго и могущественнаго племени, отъ котораго уцѣлѣло нѣсколько сотъ душъ.

На столько, слѣдовательно, все хорошо выяснилось; лишь на счетъ Юраковъ дѣло для меня не совсѣмъ ясно. Кастренъ, вездѣ пріурочивающій ихъ къ сѣверо-западному главному нарѣчію, на стр. 277 говоритъ, что языкъ береговыхъ Юраковъ [6]) «до последней мелочи сходенъ съ тазовскимъ нарѣчіемъ, но нѣсколько разнится отъ обдорскаго». Въ другомъ же мѣстѣ (стр. 235) Кастренъ прямо говоритъ, что подъ Тазскими Самоѣдами онъ разумѣетъ только два рода или племени, причисленные къ Тымско-Караконской управѣ. Но они говорятъ, какъ мы знаемъ, на южномъ главномъ, т. е. на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчіи. Съ другой стороны (стр. 266) Кастренъ увѣряетъ, что юракское нарѣчіе почти совершенно (fast auf ein Haar) сходно съ обдорскимъ.

При всемъ томъ я предполагаю тутъ ошибку со стороны Кастрена и думаю, что береговыхъ Юраковъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ причислить къ сѣверо-западному главному нарѣчію. Собранные мною у нихъ образчики языка не возвращены мнѣ гг. лингвистами, такъ что я болѣе не въ состояніи разъяснить себѣ дѣло.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще о томъ, что Кастренъ [7]) по историческимъ причинамъ возстаетъ противъ предположенія о гиперборейской или полярной расѣ. Уже въ 1840 году, увидѣвъ у Бѣлаго моря съ одной стороны Самоѣдовъ, съ другой — Лапландцевъ, я также отвергъ это предположеніе съ соматической точки зрѣнія [8]).

---

[1]) Нижнее на Вахѣ и Тымѣ; среднее на Кетѣ; верхнее на Чулымѣ (стр. 167, 463).

[2]) Стр. 235, прим. 3-ье. Было бы, кажется, лучше оставить названіе Тазскихъ Самоѣдовъ, потому что въ административныхъ спискахъ это имя уже дано одному отдѣлу Юраковъ (см. ниже главу о Самоѣдахъ).

[3]) Въ упомянутомъ соч. стр. 255.

[4]) Тамъ-же, стр, 236. Сюда относятся Карасинскіе Самоѣды (обыкновенно Остяки) на Курейкѣ; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, которые живутъ на противоположномъ лѣвомъ берегу Енисея и принадлежатъ къ сѣв.-восточному главному нарѣчію (стр. 235).

[5]) Стр. 250, 280, 281, 291, 292.

[6]) Они живутъ между устьями Енисея и Таза и зимуютъ преимущественно на Соленой и на Кетѣ, впадающихъ съ запада въ рукавъ нижняго Енисея.

[7]) Стр. 394.

[8]) Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reiches, XI, 1845, p. 172.

Хотя Кастренъ въ одномъ мѣстѣ по-видимому сильно колеблется на счетъ своихъ мнѣній о довольно близкомъ сродствѣ Самоѣдовъ и Финновъ [1]), но впослѣдствіи онъ опять подтверждаетъ все [2]). Онъ приводитъ много словъ въ доказательство сродства [3]) и выводитъ это сродство изъ общей исходной точки обоихъ народовъ, т. е. Алтая [4]). Пріискивая затѣмъ еще общія данныя, составляющія переходъ отъ финскаго и самоѣдскаго къ татарскому, манджурскому и тунгусскому [5]), и открывая съ перваго же взгляда въ бурятскомъ языкѣ точки соприкосновенія съ самоѣдскимъ [6]), Кастренъ даже начинаетъ сомнѣваться въ томъ, существуетъ-ли извѣстная разница между кавказскою и монгольскою расою людей. Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно [7]), и не смущается тѣмъ, что естествоиспытатели ссылаются на различную форму череповъ. «Замѣчателенъ фактъ, (продолжаетъ онъ), что у европейскаго Финна кавказскій, у азіятскаго монгольскій типъ, что Турокъ въ Европѣ похожъ на Европейца, въ Азіи на Азіятца. Но если все-таки хотятъ отстаивать это различіе расъ физіологическимъ путемъ, то одну половину финскихъ и тюркскихъ племенъ нужно причислить къ кавказской, другую къ монгольской расѣ — а это было бы нелѣпо».

Почему же? Кастренъ упустилъ изъ виду, что онъ самъ больше всѣхъ привелъ свидѣтельствъ въ пользу сліянія и еще болѣе рѣзкой замѣны языковъ въ Сибири, а потому ему слѣдовало не отрицать вѣроятности тѣлеснаго смѣшенія различныхъ типовъ, а напротивъ того, подтвердить ее съ лингвистической точки зрѣнія [8]). Различіе между разными поднарѣчіями и нарѣчіями одного и того-же языка самъ онъ, главнымъ образомъ, приписываетъ вліянію чужихъ языковъ [9]). Въ остяцкомъ онъ находилъ примѣсь то русскаго, то татарскаго, то самоѣдскаго; въ нижнемъ остяцко-самоѣдскомъ поднарѣчіи замѣтилъ много словъ, взятыхъ съ остяцкаго, а въ верхнемъ — вліяніе татарскаго языка [10]); хантайское и карасинское поднарѣчія примыкаютъ, по его мнѣнію, къ тавгынскому нарѣчію и напоминаютъ о сосѣдствѣ Юраковъ, между тѣмъ какъ байское поднарѣчіе по-видимому заимствовало кое-что изъ енисейско-остяцкаго [11]) и т. д.

Въ южной Сибири онъ встрѣчаетъ повсюду отатарившихся Самоѣдовъ, обрусѣвшихъ Коттовъ и т. д., т. е. полнѣйшія замѣны языковъ.

Какъ вышеприведенный сводъ результатовъ Кастреновыхъ тщательныхъ лингвистическихъ изслѣдованій, и наше вышеизложенное разсмотрѣніе портретовъ, такъ и немногія историческія извѣстія, а еще гораздо убѣдительнѣе теперешняя географическая спутанность мѣстожительствъ всѣхъ упомянутыхъ народовъ, единогласно и несомнѣнно

---

[1]) Стр. 137. — [2]) Стр. 160.

[3]) Стр. 69—74. Уже такого профана, какъ меня, который зналъ только эстскій языкъ, поразило множество сходныхъ словъ, какъ напр. и тутъ и тамъ munna; самоѣдское s'ejmae вмѣсто эстскаго silma; тунгусское nadáldra вмѣсто эстскаго näddal.

[4]) Стр. 91. — [5]) Стр. 76. — [6]) Стр. 394. — [7]) Стр. 161.

[8]) Тогда только, когда мною это уже было написано, мнѣ стала извѣстна выходка Кастрена противъ антропологовъ (Castrén, Ethnolog. Vorlesungen über die Altaischen Völker, p. 11 и 12). Возраженіе издателя, акад. Шифнера (тамъ-же, стр. VII) освобождаетъ меня отъ особаго опроверженія, которое впрочемъ заключается въ приведенныхъ выше данныхъ.

[9]) Стр. 121. — [10]) Стр. 167. — [11]) Стр. 279.

свидѣтельствуютъ о чрезвычайно сильномъ смѣшеніи, которому въ теченіи временъ подверглись туземные народы Сибири.

Изъ теперешнихъ сѣверныхъ Сибиряковъ я готовъ признать первоначальными обитателями Тунгусовъ, типичный, распространенный по всѣмъ возвышенностямъ сѣверной Сибири горный народъ, который постепенно, пожалуй, и могъ подвинуться болѣе къ сѣверу, но все-таки вездѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, удерживаетъ свои горныя мѣста пребыванія при такихъ условіяхъ, какимъ остальные кочевые народы не въ состояніи подчиниться.

Отрѣзанные, въ видѣ острова, остатки Самоѣдовъ на Алтаѣ, которые и Кастренъ призналъ таковыми, доказываютъ, что Самоѣды, будучи вѣроятно не столько вытѣснены съ Алтая, сколько обращены въ отчаянное бѣгство [1]), не могли остановиться ни въ Барабинской степи, ни въ первобытныхъ лѣсахъ между Обью и Енисеемъ, но, оставивъ на мѣстѣ обезсиленныхъ бѣгствомъ, устроили себѣ новую родину только тогда, когда пробрались чрезъ широкій лѣсной поясъ и опять увидѣли передъ собою степь на самомъ крайнемъ сѣверѣ. Тутъ-то, среди тундры, они и засѣли, сдавленные съ одной стороны обитавшими къ западу Финнами, именно Остяками, а съ другой — живущими въ лежащихъ къ юго-востоку горахъ Тунгусами.

Лишь къ сѣверу передъ ними широко открывалась совершенно необитаемая прибрежная европейско-азіятская полоса, по которой они и распространились. Вслѣдъ за Остяками, Самоѣдами и Тунгусами, внизъ по большимъ рѣкамъ, тронулись Русскіе завоеватели. Но на Ленѣ ихъ успѣли уже опередить Якуты, въ свою очередь очевидно вытѣсненные переселеніемъ средне-азіятскихъ народовъ, ринувшихся также на Европу. Впрочемъ Якуты, приведшіе съ собою въ сѣверную Сибирь татарскую лошадь, которая до тѣхъ поръ въ области лѣсной растительности вовсе не была извѣстна, явились въ Сибири болѣе въ качествѣ промышленныхъ торговцевъ, чѣмъ завоевателями. При своей изворотливости, гибкости, страсти барышничать и заниматься спекуляціями, они играли на дальнемъ востокѣ роль жидовъ, съ тою только разницею, что вездѣ выказывали готовность усвоивать мѣстные, приспособленные къ природѣ края, нравы и обычаи болѣе простодушныхъ туземцевъ и сливаться съ ними, не утрачивая однакоже при этомъ своего превосходства надъ ними.

Будучи тѣснимы Русскими, Якуты разсѣялись до Ледовитаго океана, къ востоку отъ Лены, а съ другой стороны были отброшены на западъ до Таймырскаго края и до окрестностей Туруханска, гдѣ они потомъ, опять скорѣе другихъ туземцевъ, слились съ русскими поселенцами. Слѣды постепеннаго передвиженія Якутовъ, подобно слѣдамъ прониканія Русскихъ, можно изобразить на картѣ Сибири въ видѣ цвѣтныхъ червообразныхъ фигуръ, которыя вслѣдъ за теченіемъ большихъ рѣкъ тянутся до Ледовитаго океана.

Какъ на европейскомъ сѣверѣ Самоѣды эксплоатируются, развращаются, вытѣсня-

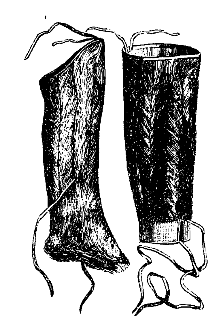
---

[1]) По словамъ Плано Карпини, Оготаемъ, сыномъ Чингисъ-Хана. Срав. Witsen, p. 13.

ются и поглощаются дѣятельными и смѣлыми Зырянами, принадлежащими къ финскому племени, какъ на Оби Русскіе такимъ-же образомъ поступаютъ съ Остяками, опять финскаго племени, и какъ въ томъ и другомъ случаѣ правительство, уже давно обратившп на это вниманіе, не находитъ средства помочь горю, такъ и тунгусскіе да самоѣдскіе народы Сибири, мало по малу, Якутами обращаются въ Татаръ.

Болѣе общею типичною чертою Сибирскихъ туземцевъ, нежели различная форма головъ, съ которою мы ознакомились, служитъ маленькая нога, особенно у Самоѣдовъ и Тунгусовъ. Помимо незначительнаго ихъ роста, нога ихъ, даже при исключительно бóльшей длинѣ тѣла, поразительно мала и во всякомъ случаѣ короче 8 англ. дюймовъ. Ни мнѣ, ни спутникамъ моимъ, невозможно было надѣть даже самые просторные сапоги кочевниковъ, хотя форма Самоѣдскихъ сапоговъ, напоминающая слоновую ногу, устраняетъ всякое препятствіе, которое могъ бы представить высокій подъемъ ноги. Хотя неразвитость самоѣдскихъ ногъ сначала я и приписывалъ привычкѣ Самоѣдовъ сидѣть, поджавъ подъ себя ноги, и тому, что они на время, такъ сказать, почти разучиваются ходить, но все-таки болѣе положительныя данныя для разрѣшенія вопроса намъ могутъ представить лишь точныя сравнительныя измѣренія и сопоставленія съ ногами безпрерывно странствующихъ Тунгусовъ. Не составляютъ-ли уже крошечныя ноги первобытную особенность монгольской расы, и не потому-ли у Китайцевъ вошла въ моду крайность, непомѣрное изувѣчиванье женскихъ ногъ?

Что касается цвѣта коренныхъ жителей сѣв. Сибири, то я не могу признать повсемѣстнымъ желтоватый тонъ, который нѣкоторые хотѣли приписать цѣлой расѣ, принявъ за основаніе монгольскіе народы, живущіе южнѣе. При чрезвычайно сильномъ отраженіи свѣта, о которомъ я уже говорилъ на стр. 313, нельзя удивляться весьма сильному загару лица, какъ онъ переданъ съ натуры на табл. VII и X нѣм. изд. Стужа, дымъ и изобиліе грязи не мало служатъ къ усиленію смуглости кожи, и если Русскіе, да пожалуй и Якуты, казались, можетъ быть, нѣсколько менѣе смуглыми, то это должно было все-таки считать слѣдствіемъ меньшаго дѣйствія дыма и грязи. Цвѣтъ неприкрытыхъ одеждою частей тѣла туземцевъ вообще былъ одинаковъ съ цвѣтомъ кожи русскихъ лицъ. Но я долженъ замѣтить, что между Монголами у нѣкоторыхъ личностей дѣйствительно былъ нѣсколько желтоватый цвѣтъ кожи, особенно тамъ, гдѣ мнѣ представлялся случай сопоставлять ихъ съ Остяками, которые болѣе казались блёклаго цвѣта. Чрезъ смуглую кожу Монгола, въ особенности же Монголки, довольно часто просвѣчиваетъ свѣжій румянецъ молодости.

Сапогъ Самоѣда Таймырскаго края. Набедренные штаны Тунгуса.

Характеристическую черту Монголовъ составляли черные жесткіе волосы на головѣ, равно какъ рѣденькіе усы и

борода, которые впрочемъ, страннымъ образомъ, и у финскихъ типовъ Сибири растутъ почти столь-же плохо [1]).

У сѣверныхъ кочевниковъ сплошь сухое, мускульное, жилистое тѣлосложеніе. Между всѣми Самоѣдами я видѣлъ только одного, нѣсколько толстоватаго человѣка. Онъ страдалъ ожирѣніемъ и былъ мнѣ предъявленъ своими соплеменниками какъ рѣдкость. Впрочемъ полярный Монголъ столько-же расположенъ къ дородности, сколько и южный Монголъ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ мнѣ въ Хантайскомъ поселеніи толстобрюхій откормленный Самоѣдскій мальчишка, котораго усыновилъ богатый поселенецъ и который, благодаря безразсудной любви къ нему новыхъ родителей, отъ неумѣренной ѣды и бездѣлья обратился въ какой-то безобразный чурбанъ, едва переваливавшійся съ одной ноги на другую. У Якутовъ, равно какъ и у Киргизовъ, можно встрѣтить поразительные образщики такого-же рода. Среди населенія, укрѣпляющагося постоянною подвижностью, откормленные богатые старшины народа составляютъ какую-то отвратительную противоположность.

Въ началѣ моей встрѣчи съ туземцами меня поразило, какъ въ Остякахъ, такъ и особенно въ Тунгусахъ, какое-то совершенно особое дѣйствіе ихъ мускуловъ урывками. Преимущественно это проявлялось въ языкѣ ихъ. Слова произносились до такой степени толчками, что часто казалось, какъ будто человѣкъ старался преодолѣть расположеніе къ заиканію. Они вырывались съ особенною силою и прекращались внезапно оторваннымъ послѣднимъ слогомъ. Даже пятнадцатилѣтній тунгусскій юноша, съ пятаго года жизни воспитывавшійся между Русскими въ Троицкомъ монастырѣ и совершенно свободно говорившій по-русски, отличался такою-же особенностью, разговаривая на томъ и на другомъ языкѣ.

Въ тѣлодвиженіяхъ также замѣтно было проявленіе такихъ толчковъ. Такъ какъ эта особенность была свойственна кочевникамъ и финскаго и монгольскаго племени, то мнѣ казалось, что тутъ повторялся какъ бы тотъ-же самый энергическій способъ дѣйствій мускуловъ, который отличаетъ арабскаго коня отъ лошади низменныхъ странъ. Къ сожалѣнію, въ моемъ дневникѣ нигдѣ больше ничего объ этомъ предметѣ не говорится. Успѣлъ-ли я привыкнуть къ этой особенности? Или это только мѣстное явленіе на среднемъ Енисеѣ?

Европеецъ, надѣющійся, что въ глуши самаго безпріютнаго сѣвера ему наконецъ удастся отдохнуть отъ повелительницы міра, моды, вскорѣ разочаровывается въ своей надеждѣ, видя, что мода властвуетъ вездѣ, куда только успѣлъ проникнуть человѣкъ на земномъ шарѣ. Само собою разумѣется, что я не говорю тутъ о разнообразіи нарядовъ и о томъ, на сколько покрой ихъ приспособленъ къ различнымъ условіямъ жизни, при которыхъ каждый народъ ведетъ свое хозяйство. Въ этомъ отношеніи разсудительный

---

[1]) Таймырскихъ Самоѣдовъ такъ поражала моя густая борода, что по ней они вывели заключеніе о моей старости и называли меня Войкунанку, т. е. «старикомъ». Славная европейская лысина съ парикомъ подѣйствовала бы на нихъ конечно несравненно больше, но уничтожила бы выводъ о глубокой старости.

путешественникъ научается со дня на день правильнѣе судить о томъ, что сначала ему казалось страннымъ, или, пожалуй, смѣшнымъ. И даже чѣмъ онъ разсудительнѣе, тѣмъ чаще онъ ловитъ самого себя на усвоенныхъ привычкою, а потому одностороннихъ и предвзятыхъ сужденіяхъ, которыми запасся у себя дома. Очень трудно относиться къ дѣлу совершенно объективно. Тамъ только мы научаемся понимать, сколько рутиннаго въ нашихъ жизненныхъ привычкахъ, и какъ мало онѣ соотвѣтствуютъ полнѣйшей практичной сущности.

Существуютъ только два средства, чтобы вникнуть въ эти условія безъ всякаго предубѣжденія; или нужно всмотрѣться какъ можно ближе въ наши высшія европейскія положенія съ ихъ волшебною обстановкою всяческаго приличія и всяческой мнимой важности, или необходимо цѣликомъ влѣзть въ шкуру кочевника; одѣваться, укрываться, питаться и жить какъ кочевникъ, и стараться, такъ-ли или не такъ, дѣлать то, что̀ онъ дѣлаетъ. Не успѣешь оглянуться, какъ чувствуешь себя разбитымъ на всѣхъ пунктахъ, какъ въ надменномъ Европейцѣ не останется слѣда спѣси, и ему станетъ ясно, какъ день, что въ первобытныхъ условіяхъ жизни заключаются своего рода совершенства, которыя развиваются посредствомъ тысячелѣтнихъ усовершенствованій до тѣхъ поръ, пока они въ данномъ направленіи становятся недоступными для дальнѣйшаго совершенствованія и вступаютъ въ періодъ оцѣпенѣнія. Спѣсивый Европеецъ, не упускающій случая сначала устраивать все по-своему, лучше глупыхъ туземцевъ сѣверной Азіи, вскорѣ, послѣ жестокихъ уроковъ (которые своеобразность природы и жизненныя условія неминуемо даютъ ему, изолированно стоящему культурному человѣку), отказывается отъ всякаго умничанья и, если не хочетъ погибнуть, можетъ сохранить себя только тѣмъ, что самъ превращается въ кочующаго Азіятца. Онъ ежечасно начинаетъ сознавать, что все его европейское житье-бытье кроется только въ обмѣнѣ промышленныхъ, торговыхъ и подобныхъ выгодъ соціальнаго хозяйства. Но вѣдь какъ скоро истощается запасъ пороха, портится курокъ или дуло, изнашиваются привезенное бѣлье и верхнее платье и т. д.!

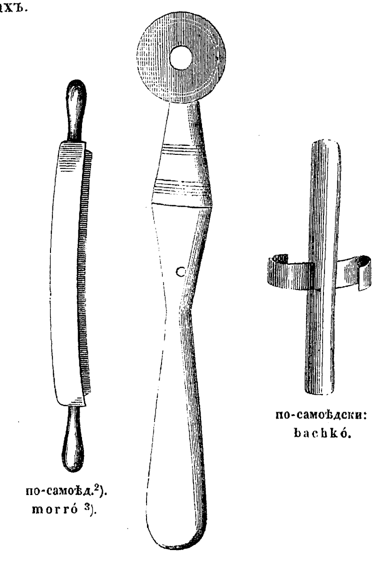
Да, переходы отъ лука и стрѣлы къ огнестрѣльному оружію, отъ мѣховой къ тканой одеждѣ, составляли скачки, повергавшіе человѣка въ новый міръ. Я живо припоминаю чувство сожалѣнія, которое я испыталъ, когда, вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, прочелъ въ Динглеровомъ Polytechnisches Journal подробное описаніе и громкое восхваленіе необыкновенныхъ преимуществъ новаго изобрѣтенія по части отдѣлки замши при помощи мозговъ и яичнаго желтка. Это было ничто иное, какъ способъ, искони мастерски употребляемый полярными народами Сибири, но болѣе усовершенствованный ими сначала посредствомъ разныхъ мелкихъ уловокъ, а въ заключеніе посредствомъ прокапчиванія, и позволяющій дѣйствительно превосходно выдѣланную замшевую шкуру подвергать сырости безъ малѣйшаго вреда. Дѣло въ томъ, что мягкость [вопреки сильнѣйшей стужѣ] и сухость мѣховой одежды составляютъ необходимыя условія для того, чтобы человѣкъ могъ переносить сильнѣйшую степень мороза. Чтобы правильно понять чрезвычайную важность этихъ свойствъ, нужно только вдуматься въ противоположную

крайность. Охотникъ, который захотѣлъ бы лучше уберечь себя отъ мороза при помощи свѣжо-содранныхъ шкуръ сѣв.оленей, заснулъ бы, закутавшись, пожалуй прекрасно, но на слѣдующее утро увидѣлъ бы, что безъ чужой помощи безвыходно замерзъ бы въ самыхъ тѣсныхъ оковахъ.

Вотъ почему всѣ сѣверяне тщательно снимаютъ все съ себя на ночь, что тѣмъ необходимѣе, чѣмъ сильнѣе морозъ, которому они намѣрены противостать подъ открытымъ небомъ или въ шалашѣ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 322) я уже коснулся этого предмета. Такъ просто разрѣшается непонятное для непосвященнаго въ дѣло извѣстіе старика Витсена[1], что Самоѣды «werpen hare kleederen des nachts buiten de tente».

Этимъ-то и объясняется превосходная отдѣлка замши у полярныхъ народовъ.

Я нашелъ даже, что чѣмъ болѣе я удалялся отъ центровъ цивилизаціи въ Сибири, тѣмъ техника дубленія была болѣе развита. Ближе къ нимъ, у Остяковъ, Тунгусовъ и Самоѣдовъ, встрѣчались, правда, еще тѣже самые болѣе усовершенствованные инструменты, которые употребляются и Русскими въ Сибири и изображены на прилагаемыхъ рисункахъ.

Дубильная скребница.

Примѣч. Палка слѣва длиною въ 15 дюймовъ, съ желѣзными концами; средняя палка длиною въ 2 фута, съ желѣзною круглою пластиною. У Тунгусовъ рукоятка ея была длиннѣе, такъ что она, когда одна нога положена на другую, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняла роль швальнаго пресса, лежавшаго на одномъ колѣнѣ. Палка справа была длиною въ 10 дюймовъ, а изогнутое въ видѣ *s* желѣзо шириною въ 2 дюйма.

[1]) Witsen, II, p. 543.

[2]) На асинскомъ нарѣчіи.

[3]) Русскіе поселенцы называли этотъ инструментъ: кóдеро.

У Авамской Самоѣдки я купилъ въ Таймырской тундрѣ изображенную внизу скребницу первобытнѣйшаго рода. При всемъ томъ дерево было симметрически обдѣлано съ бо̀льшимъ искусствомъ, чѣмъ вышеозначенные приборы, гладко отполировано и украшено красивымъ узоромъ. Но желѣзо у этихъ людей составляло еще такую большую рѣдкость, что его нельзя было добыть. Вмѣсто него обращенная въ лезвіе сторона *a* была обмазана искусственно приготовленнымъ, чрезвычайно вязкимъ рыбьимъ клеемъ и плотно обставлена остроугольными осколками кремневаго кварца, столь-же острыми какъ обломки стекла.

Не смотря на несовершенство этого инструмента, замшевыя шкуры, выдѣланныя Авамскими Самоѣдами, принадлежали къ самымъ лучшимъ [1]). Недостатокъ желѣза у этихъ Самоѣдовъ женщины ихъ замѣняли при дубленіи отчасти прилежаніемъ и терпѣніемъ въ механической обработкѣ, да неусыпнымъ скобленіемъ и треніемъ, отчасти знаніемъ и тщательностью въ дальнѣйшей химической обработкѣ. Европейскій техникъ, пожалуй, станетъ смѣяться надъ этимъ, но увидѣвъ, какъ печень сѣв. оленя, а затѣмъ и мозгъ его да желтокъ отъ яицъ морскихъ птицъ, сперва тщательно пережевываются мастерицами, при этомъ усердно смачиваются слюною, и уже потомъ употребляются при натираніи и слѣдующемъ за нимъ распариваніи шкуръ, не нужно обладать физіологическими познаніями, чтобы признать важное значеніе чрезвычайно разрѣшающаго дѣйствія слюны при этомъ производствѣ. Участіе, которое наслюниваніе принимаетъ въ перевариваніи пищи, въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ успѣху дубленія. Шкуры смазываются пережеванною кашицею, свертываются и въ такомъ положеніи, въ видѣ подушекъ — очевидно для нагрѣванія, необходимаго для броженія — остаются нѣсколько дней. Затѣмъ со шкуры все соскабливаютъ, въ случаѣ надобности снова смазываютъ ее, опять предоставляютъ броженію и т. д. У южныхъ Тунгусокъ я встрѣтилъ такое-же употребленіе жеванія. Отваренную сначала печень жуютъ, а потомъ про запасъ либо сгущаютъ, когда предстоитъ теплая погода, либо сохраняютъ замороженною.

Замшевую кожу дубятъ мозгомъ, а замшевую шкуру (покрытую волосами) печенью. Маленькія шкурки, напр. съ ногъ выхухоли, скоблятся, потомъ сшиваются и затѣмъ уже дубятся.

Но возвратимся къ разсмотрѣнію моды, о которой начали говорить, и прежде всего укажемъ на то, что нами утрачены многія принадлежности покроя и наряда, которыя были въ употребленіи у нашихъ предковъ и которыми мы научаемся дорожить у кочевниковъ, вслѣдствіе необыкновенной ихъ практичности. Для примѣра я напомню объ употреблявшихся нѣкогда, особенно на корабляхъ, набитыхъ листьями кожаныхъ мѣшкахъ, въ которые залѣзали на ночь. Подобный мѣшокъ единственное средство, позволяющее безопасно лечь спать подъ открытымъ небомъ при стужѣ, доходящей до за-

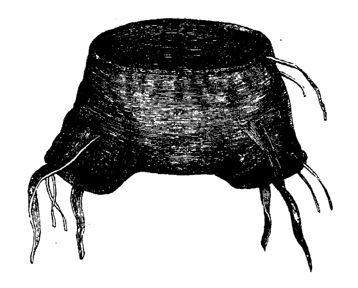
---

[1]) Уже при первомъ знакомствѣ съ Европейцами, Самоѣды отличались именно этимъ. Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 557.

мерзанія ртути. Гдѣ у насъ не было приготовленныхъ такимъ образомъ мѣховыхъ мѣшковъ, тамъ мы спасались только тѣмъ, что ложились по два, антиподами другъ къ другу, пряча ноги до туловища одинъ въ рубашкообразномъ тулупѣ (сокуй) другаго, вслѣдствіе чего эти тулупы смыкались и составляли одинъ общій мѣшокъ. Это опять напоминаетъ обычай предковъ спать вдвоемъ въ одномъ мѣшкѣ. Нашимъ Эстамъ такіе мѣшки часто могли бы очень пригодиться.

Другой примѣръ представляетъ употреблявшееся также нашими предками дѣленіе теперешнихъ штановъ на двѣ части, которое и въ настоящее время положительно было бы полезно нашему сельскому работнику, нашимъ сельскимъ хозяевамъ, лѣсничимъ и любителямъ охоты. Въ центральныхъ горахъ Европы такое дробленіе штановъ [«Beinhösl» и «Gasshose»], благодаря своей практичности, удержалось до сихъ поръ. Ту часть штановъ, которая служитъ набедреннымъ футляромъ [1]), мы уже изобразили на стр. 639); другую часть составляютъ туловищные штаны (см. прилагаемый рисунокъ), къ которымъ привязываются набедренные штаны.

Въ глубокомъ рыхломъ снѣгѣ нагорныхъ лѣсовъ мы вскорѣ ознакомились съ необыкновенною выгодою такого двоенія, потому что даже при 15—20 градусахъ холода, во время труднаго перехода, еще до вечера наши колѣна были промочены и намъ приходилось сушить прикрывавшую ихъ одежду, чтобы не лишиться способности продолжать странствованіе. Мягкіе смазные сапоги прибрежныхъ жителей сѣверныхъ морей [2]), дотолѣ служившіе намъ превосходно, оказались совершенно негодными для такихъ прогулокъ въ рыхломъ снѣгѣ нагорныхъ лѣсовъ.

Туловищные штаны Тунгуса.

Заговоривши о двойственномъ дѣленіи, считаю нелишнимъ упомянуть еще объ одномъ такомъ двоеніи, также ока-

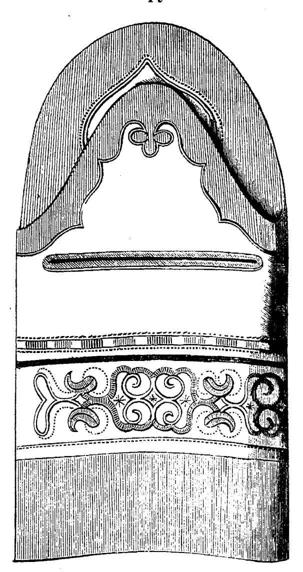
[1]) Мы встрѣчаемъ его и у Сѣвероамериканцевъ подъ мѣткимъ названіемъ «leggin». Тунгусы называли его künnü.

[2]) Сары Якутовъ, у которыхъ Верхоянскіе пользуются особенною извѣстностью. Большею частью они сдѣланы изъ лошадиной шкуры, только на половину дублены, очень сильно пропитаны ворванью и за тѣмъ прокопчены. Такъ какъ у нихъ, какъ и у всей остальной обуви кочевниковъ, мягкія подошвы, сдѣланныя изъ такой-же кожи, то ихъ рѣдко носятъ недѣлю; на прибрежныхъ утесахъ и скалистыхъ горахъ они часто держатся лишь одинъ день. При отличной легкости и плотности, они тѣмъ не хороши, что пропитываются насквозь, промокши растягиваются въ половину, и слишкомъ скользятъ на мокрой травѣ или мхѣ. Лучшіе сары выходятъ, говорятъ, изъ шкуры двухгодовыхъ коровъ.

Впрочемъ легкую и при всемъ томъ тихую, крадущуюся походку кочевниковъ очевидно слѣдуетъ приписать ихъ обуви, которая позволяетъ подкрадываться къ дичи, нѣжностью своею вынуждаетъ носящаго эту обувь обращать вниманіе какъ и на что онъ наступаетъ и всегда быть готовымъ, въ случаѣ непригоднаго шага, немедленно переносить центръ тяжести тѣла на другую ногу.

зывающемся полезнымъ. Я разумѣю рукавицу у южныхъ Тунгусовъ, которая устроена такъ, что часть, прикрывающая большой палецъ, составляетъ положительную оппозицію второй части прикрытія пальцевъ. Указательный палецъ часто перебѣгаетъна помощь большому. Схватываніе и удерживаніе предмета облегчается этою клещеобразною формою. Разрѣзъ въ основаніи части, прикрывающей большой палецъ, это такое придуманное полярными народами средство, которымъ ученый, обязанный дѣлать разнаго рода тонкія наблюденія, топографическія съемки и т. д., не можетъ нахвалиться. Къ счастію, кочевникъ, которому постоянно приходится возиться съ упряжью и сѣдельнымъ приборомъ, также вынужденъ, при сильнѣйшихъ морозахъ, выставлять на мгновеніе голые пальцы [1]). Можно тотчасъ-же опять спрятать ихъ, благодаря этому разрѣзу, который, будучи густо обшитъ мѣховой опушкой, тѣмъ лучше заграждаетъ путь морозу, чѣмъ больше сдвинутъ сгибъ руки. У Самоѣдовъ рукавицы составляютъ нераздѣльное продолженіе рукавовъ, къ которымъ онѣ пришиты, такъ что часто Самоѣды представляютъ забавную позу, когда вытаскиваютъ обѣ руки изъ рукавовъ, чтобы согрѣть ихъ въ поясномъ мѣшкѣ тулупа, а рукава стоятъ оттопырившись отъ туловища.

Послѣ разныхъ замѣтокъ, вызванныхъ разсмотрѣніемъ практической стороны модъ, я возвращаюсь къ модѣ, вызванной роскошью. Удивительно какъ глубоко засѣло эстетическое чувство уже въ первобытномъ человѣкѣ, хотя сначала оно и высказывается только въ разукрашиваніи одежды. Оно тѣмъ болѣе удивительно, что къ кочевнику вообще, а въ особенности полярному, никакъ нельзя приложить цивилизаціонный масштабъ употребленія мыла. Онъ еще живетъ въ Гомеровскомъ періодѣ, и незнакомъ съ мыломъ, а знаетъ развѣ только щелочное мытье, употребляемое Алеутами, Коряками, сѣверо-западными Американцами и Готтентоттами [2]). Даже у Европейца, пріѣзжающаго въ его пустыни, очень скоро исчезаетъ охота мыться въ теченіи продолжительной зимней поло-

Покрой рукавицы Нигидальскихъ Тунгусовъ.

[1]) У Забайкальскихъ охотниковъ я нашелъ, что для облегченія такихъ манипуляцій, вмѣсто теплыхъ рукавицъ, употреблялся при длинныхъ рукавахъ родъ пульсонагрѣвателей изъ пушистаго мѣха (затычка), какъ бы мѣховое кольцо, прикрывавшее всю длину пальцевъ. Оно очень практично.

[2]) Щелочные растворы, выдѣляемые ихъ собственными мочевыми органами.

вины года. При такой грязи, отъ которой немытыя физіономіи часто, а мытыя уже непремѣнно, низачто не узнаешь, женщины каждую свободную минуту посвящаютъ не только убранству своего собственнаго и дѣтскаго наряда, но и наряжанію мущинъ своего племени. Между тѣмъ всякому извѣстно, что тамъ на женщинахъ и такъ уже лежитъ рабское бремя безконечныхъ домашнихъ хлопотъ, между тѣмъ какъ мущина считаетъ своею обязанностью только изготовлять деревянную посуду и приборы для ловли животныхъ, пасти стада, заниматься охотою и рыболовствомъ. Дѣло доходитъ до того, что пріятель мой Тойчумъ, князецъ Асинскихъ Самоѣдовъ, при всемъ уваженіи, которое онъ мнѣ оказывалъ, все-таки считалъ меня и моихъ спутниковъ весьма несчастными людьми, находившимися въ неслыханной бѣдѣ, потому что обязаны были заботиться о своемъ хозяйствѣ. Указавъ мѣсто привала и отпустивъ сѣв. оленей, везшихъ его, онъ не выходилъ изъ своихъ саней. Какъ онъ, такъ и остальные мущины орды сидѣли совершенно равнодушно, преисполненные чувствомъ собственнаго достоинства, не шевеля ни однимъ пальцемъ, хотя женщины въ это время выбивались изъ всѣхъ силъ и иной разъ казалось сомнительнымъ, удастся ли имъ, при установкѣ шалашей, совладать съ свирѣпою борьбою мощныхъ стихій. Распредѣленіе труда въ тундрѣ разграничено, правда, до того, что женщина никогда не входила и не смѣетъ входить въ лодку.

Какъ бы свирѣпо погода ни бушевала, женщина, уставивъ сначала шалашъ, должна отправиться за льдомъ для котла, должна набрать охабку кроющихся подъ снѣгомъ малорослыхъ ивъ, самое жалкое изъ всѣхъ топливъ, или расколоть на дрова привезенные пни. Кончилась стряпня, начинаются безустальное нянчанье дѣтей, выколачиванье, сушка и починка сильно поврежденныхъ стѣнокъ чума, одежды, а въ особенности обуви, заготовленіе впрокъ рыбы и мяса на безконечно долгую зиму и т. д. Каждая свободная минута употребляется на дубленіе неотдѣланныхъ шкуръ, и хотя вездѣ проглядываетъ Эвва, но все-таки я скорѣе готовъ сообщаемый Гофманомъ фактъ [1]) истолковать въ пользу чрезвычайнаго прилежанія жены кочевника, чѣмъ выставлять на видъ искусство этихъ женщинъ притворяться.

Едва горитъ огонекъ среди зимней полярной ночи; чадъ и дымъ вылетаютъ изъ полусухаго, гнилаго топлива и затемняютъ свѣтъ въ чумѣ. Слезы безостановочно струятся изъ воспаленныхъ глазъ, а женщина сидитъ лицомъ къ огню, выкраиваетъ лоскутокъ за лоскуткомъ по красивому узору, сортируетъ волосы по цвѣтамъ, прицѣпляетъ разныя мелкія привѣсочки и кисточки, краситъ и шьетъ, сшиваетъ и вышиваетъ, нанизываетъ

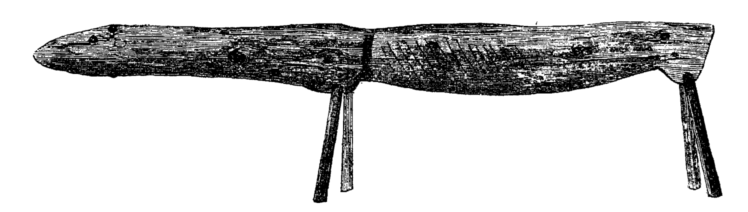
[1]) Pae-Choi und das Uralgebirge, p. 105. Гофманъ говоритъ, что Самоѣдскія женщины считаютъ стыдомъ, если ихъ застанутъ безъ дѣла, хотя у нихъ въ сущности страсть къ бездѣльничанью также велика, какъ у мущинъ. Когда вы, продолжаетъ Гофманъ, неожиданно войдете въ чумъ или юртъ, то женщины немедленно принимаются за первую попадающуюся подъ руки работу и такъ усердно перебираютъ руками, какъ будто онѣ все время были заняты и работаютъ отъ всей души. Обыкновенно онѣ принимаются за дубленіе, растирая руками кусокъ шкуры. Случалось намъ иногда пріѣзжать въ юртъ поздно, когда обитатели его уже спали. Еще въ темнотѣ женщины схватывали кусокъ шкуры и т. д.

бисеринку за бисеринкой на самодѣльныя нитки, которыя она съумѣла расщепить и спрясть изъ сухихъ жилокъ сѣв. оленя.

Не туфли, не подушечку для дивана вышиваетъ она въ досужій часокъ, при яркомъ освѣщеніи, портя глаза, и не по купленному, на половину уже готовому образцу. Нѣтъ, не довольствуется Тунгуска однимъ кисетомъ, а рядитъ съ головы до ногъ всѣхъ дорогихъ ея сердцу, да и самое себя, въ великолѣпнѣйшее, блистательнѣйшее шитье. Что̀ значатъ въ сравненіи съ ними произведенія нашихъ наемныхъ изготовителей нарядовъ? самые блестящіе костюмы или парадные мундиры нашихъ самыхъ щегольскихъ гвардейцевъ? Развѣ еще камергеръ можетъ сравниться съ нарядныымъ Тунгусомъ, потому что и у него шитье тянется по запретной части тѣла[1]).

Теперь взглянемъ еще разъ на дѣло и посмотримъ на жертвующую собою модистку, которая сама никогда не моется и одежда которой, когда чумъ долго запертъ, до такой степени наполняетъ его рѣзкимъ кислымъ запахомъ, что даже вонючіе Китайцы прозвали эти народы «вонючими Татарами»[2]). Въ какомъ видѣ она представляетъ себѣ божество, управляющее ея судьбою? въ какія формы и краски облекаетъ она это высшее проявленіе человѣческой силы воображенія?

Два ниже изображенныхъ идола Асинскихъ Самоѣдовъ сами пусть отвѣтятъ на эти вопросы.

Божество Асинскихъ Самоѣдовъ въ видѣ сѣв. оленя.

Грубая фигура этого божественнаго сѣв. оленя[3]), взятая съ жертвеннаго мѣста на р. Таймырѣ, была сдѣлана изъ дерева лиственницы. Передняя темная точка, отверстіе отъ выпавшаго сука, изображала глаза. Нѣсколько выше и позади ея была просверлена дыра, въ которую очевидно продѣто было подражаніе рогамъ. Лопатки, ребра и тазъ принадлежатъ къ наиболѣе удачнымъ частямъ этого художественнаго произведенія.

Другой идолъ, домашній божокъ, котораго я привезъ отъ Таймырскихъ Самоѣдовъ, изображенъ на слѣдующей страницѣ съ двухъ сторонъ.

---

1) Срав. политипажи въ главѣ о Тунгусахъ.

2) Tmo-ta-Dze, по Гюку, Voyage I, стр. 65.

3) Срав. Castrén, Reiseberichte und Briefe, стр. 179 и 168. Сѣверные Самоѣды даютъ божеству эпитетъ «стража сѣв. оленя», опасаясь употреблять во зло настоящее его имя Num.

Это кусокъ лиственичнаго дерева, воплощенный шаманомъ Loh или духъ[1]), который опиравшемуся на него старику, страдавшему каменною болѣзнью, долженъ былъ служить талисманомъ противъ другихъ злѣйшихъ страданій. Верхній конецъ составляетъ голову, чрезвычайно грубо вырѣзанную, съ обычнымъ заостреніемъ темени. Двѣ голубыя стеклянныя бусы, играющія роль глазъ, придаютъ ему видъ какого-то привидѣнія. Нѣсколько ниже помѣщена жестяная фигура, которая должна изображать сѣв. оленя; съ противоположной стороны палки ему соотвѣтствуютъ какія-то очертанія лицъ. Старикъ крѣпко держался своего домашняго божка. Только мои увѣренія, что нужно сжечь этотъ шаманскій талисманъ, прежде чѣмъ можетъ подѣйствовать мое средство — лѣкарство высшаго шамана, за котораго меня принимали, передали это сокровище въ мои руки.

Какую непростительную свободу позволила себѣ фантазія благочестивыхъ художниковъ при изображеніи этихъ божествъ; какъ мучительно-аккуратно, напротивъ того, тутъ-же дѣйствовала мода; какъ образовательно она вынудила неотесаннаго дикаря выдти изъ грубаго, первобытнаго состоянія.

Самоѣдскій домашній божокъ.

Ни выборъ покроя, ни выборъ матеріала и цвѣта она не предоставила свободной фантазіи дикаря. Съ всеподавляющимъ деспотизмомъ мода даже въ первобытной глуши все предусмотрѣла, все въ точности установила. Горе тому, кто бы рѣшился пренебречь ея требованіями; горе ему въ Европѣ, горе и въ Азіи!

Уже издали узнаешь длинноволосаго, растрепаннаго Самоѣда по его кокардѣ. Надо лбомъ, на мѣховой его шапкѣ, торчитъ хвостикъ сѣв. оленя, несомнѣнно отличая его отъ сосѣда Юрака. Жена его спереди, сверху до низу, покрыта, какъ броней, болтающимися, брянчащими щитками изъ мѣдныхъ пластинокъ. Совершенно иначе одѣвается Тунгусъ съ своей косичкой; на другой ладъ наряжаются также Якутъ и жена его.

Тутъ кормятся черныя и бѣлыя собаченки особаго рода, единственно съ тою цѣлью, чтобы украсить шапку Самоѣдки длинными, жесткими волосами, дико развѣвающимися вокругъ косматой, черноволосой головы; тамъ для украшенія нѣкоторыхъ частей наряда выше всего цѣнится шкура какого-нибудь баснословнаго въ глазахъ полярнаго Самоѣда, никогда не виданнаго имъ живот-

[1]) Срав. Castrén, Reiseberichte und Briefe, 1856, p. 169.

наго [1]), напр. козы, лошади или жеребенка; въ другомъ мѣстѣ шерсть росомахи или лоскутокъ рысьей шкуры составляетъ такую необходимую принадлежность извѣстной части одежды, что мѣха ихъ продаются по непомѣрно-высокимъ цѣнамъ.

При вышиваніи не только узоры, но и цвѣтъ бусъ подчинены совершенно опредѣленнымъ правиламъ. Какъ въ торговлѣ съ сѣверо-американскими туземцами вскорѣ оказалось, что для кушаковъ-вампумъ требуются черныя и бѣлыя бусы, такъ мы читаемъ уже въ прошломъ столѣтіи [2]), что Якутамъ нужны были бѣлыя, синія и черныя, Бурятамъ красныя, Тунгусамъ зеленыя стекляныя бусы. Это тѣмъ болѣе странно, что къ моему удивленію я убѣдился въ почти невѣроятной неспособности Самоѣдовъ и Тунгусовъ отличать извѣстные цвѣта. Объ этомъ уже говорено акад. Шифнеромъ, на основаніи собранныхъ мною перечней словъ [3]). Не только у Самоѣдовъ желтый, зеленый и синій цвѣта нерѣдко обозначаются однимъ названіемъ, но и у южныхъ Тунгусовъ я встрѣтилъ неумѣнье отличать близко сходные между собою цвѣта. Я не могу согласиться съ акад. Шифнеромъ въ томъ, что такое отсутствіе способности различать цвѣта происходитъ отъ недостатка упражненія въ распознаваніи цвѣтовъ. Тунгусъ обсыпанъ стеклярусомъ разныхъ цвѣтовъ, со вкусомъ нанизаннымъ его женою. Вопросъ, почему эта неспособность различать цвѣта, довольно часто встрѣчающаяся въ Европѣ у отдѣльныхъ личностей, составляетъ почти всеобщую принадлежность первобытныхъ народовъ, вопросъ этотъ требуетъ ближайшаго изслѣдованія; можетъ быть причина явленія, при необыкновенной дальнозоркости этихъ людей, заключается въ несовершенствѣ ахроматіи глаза. Они въ состояніи отличать, послѣ долгаго раздумыванія, только самые яркіе тоны упомянутыхъ цвѣтовъ. Всѣ темноватые цвѣта они называютъ просто «чернымъ». Сначала я потѣшался надъ ними, когда они, разсматривая мою таблицу цвѣтовъ, не умѣли отличать положительно желтый цвѣтъ ни отъ синяго, ни отъ зеленаго, не говорю уже о неумѣніи отличать другъ отъ друга оба послѣднихъ цвѣта; но впослѣдствіи я пересталъ осмѣивать такія явленія, потому что даже мои добродушные и веселые Самоѣды не на шутку обижались этимъ.

И такъ, всѣ требованія моды искони установились на неумолимо твердыхъ основахъ. Богоподобная, безсмертная мода, прости, что я такъ часто хулилъ тебя! Ты неоспоримо древнѣйшаго, самоѣдско-тунгусскаго происхожденія, несомнѣнно созданіе небесной милости. Кто рѣшался сомнѣваться въ этомъ, тотъ пусть взглянетъ на помѣщенные ниже политипажи, на которыхъ изображены нѣкоторыя одежды Самоѣдовъ, Тунгусовъ и Якутовъ, да сравнитъ ихъ съ идолами на предыдущей страницѣ. Табл. XV-ая нѣм. изд.,

---

[1]) Мой бараній тулупъ я выдавалъ за медвѣжью шкуру. Друзья мои на глубокомъ сѣверѣ съ ужасомъ разсматривали его. — Во времена Витсена (II, стр. 432, 433) Остяки цѣнили собачій мѣхъ выше соболя и украшали соболью шубу собачьимъ мѣхомъ.

[2]) Müller, Sammlung Russisch. Geschichte, III, стр. 491, 489.

[3]) Castrén's Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen, 1855, p. XIX.

*

рис. 2-ой, также показываетъ намъ, какъкрасиво Самоѣдка убираетъ сайдакъ своего мужа, какъ Долганка, посредствомъ чрезвычайно красиво составленной привѣски, старается удержать свою плотно-обмотанную косу въ надлежащемъ положеніи. Но рис. 1-ый, на той-же таблицѣ, можетъ служить намъ доказательствомъ (въ сравненіи съ чисто-самоѣдскимъ кафтаномъ, изображеннымъ въ главѣ о Самоѣдахъ), до чего можетъ довести вкусъ, если первобытная мода столкнется съ цивилизаціей. Впрочемъ легко можетъ статься, что этотъ тулупъ самоѣдскаго старшины не гермафродитъ, а только подражаніе европейскому образцу. Можетъ быть, такой видъ имѣли въ прошломъ столѣтіи почетные кафтаны, которые раздавались Москвою знатнѣйшимъ вождямъ туземцевъ и опоясывались коротенькою саблею, какъ мнѣ самому привелось видѣть это на Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ. Въ нашъ вѣкъ Петербургъ высылалъ туда красные кафтаны, обшитые золотыми галунами. На темномъ грязномъ фонѣ туземцевъ, при вспыхивающихъ огонькахъ въ шалашѣ, такой парадный нарядъ напоминалъ появленіе Саміеля на нашихъ сценахъ [1]).

Отъ бубенчиковъ, которыми Самоѣдки убираютъ свои косы, да отъ параднаго украшенія, которымъ служитъ Тунгускамъ изображенная на табл. XV-ой привѣска къ косѣ, наши дамы, правда, изволили отказаться; но цвѣтъ человѣческаго чувства изящнаго, наши образованныя дамы все еще уродуютъ свое тѣло привѣшиваніемъ серегъ. Непонятно, почему имъ угодно такъ упорно отставать отъ нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ въ томъ отношеніи, что онѣ не просверливаютъ для подобныхъ привѣсокъ, если не губу, то по крайней мѣрѣ стѣнку между ноздрями, какъ это дѣлаютъ Гольдскія Тунгуски на Амурѣ. Въ виду этого, право, неудивительно, что и сибирскіе туземцы татуируютъ себя.

У чванныхъ, любящихъ наряжаться, Тунгусовъ я неоднократно встрѣчалъ татуированныя лица. Фигуры вытравляются тоже по однажды установленному образцу, какъ это видно на табл. IV-ой. Уже со временъ первыхъ этнографическихъ изслѣдованій Сибири имѣются извѣстія о татуированіи Тунгусовъ и о томъ, что оно производится посредствомъ шитья [2]). Очевидно, оно проникло изъ южной Азіи и съ береговъ Тихаго Океана въ самыя сѣверныя страны. Уже Марко Поло [3]), говоря о татуированіи, называлъ его индѣйскимъ искусствомъ. Странно только то, что, не смотря на плотное укутываніе тѣла въ полярныхъ странахъ, фигуры, непосредственно и неизгладимо вытрав-

---

[1]) Такіе парадные наряды неоднократно испрашивались для тѣхъ туземцевъ, которыхъ, въ угоду ихъ тщеславію, удавалось убѣдить сначала подарить на государственныя надобности нѣсколько сотъ сѣв. оленей. Считаю нелишнимъ замѣтить, что одинъ изъ такихъ щедрыхъ жертвователей успѣлъ совершенно обѣднѣть, прежде чѣмъ ему могъ быть присланъ парадный кафтанъ. Ничѣмъ нельзя было убѣдить честнаго кочевника принять этотъ кафтанъ. Такой важный нарядъ, говорилъ онъ, назначенъ великимъ государемъ богачу. Я (бѣднякъ) въ теперешнемъ своемъ положеніи не вправѣ осквернить эту державную волю.

[2]) Gmelin, Reise I, p. 358. Das veränderte Russland, 1774, I, p. 164. Кастренъ (Reiseber., p. 221) встрѣтилъ татуированныхъ Тунгусовъ на Сымѣ.

[3]) Bürck, Die Reisen des Venezianers Marco Polo, 1845, p. 498.

ленныя на кожѣ, все-таки проложили себѣ путь ко всѣмъ народамъ глубокаго сѣвера. Татуируются не только сѣверо-американскіе Индѣйцы, жители Кадьяка [1]), Алеуты и Чукчи [2]), но даже Эскимосы въ Comittee-Bay, и притомъ послѣдніе до единаго [3]).

Тѣмъ болѣе татуированіе въ Сибири нельзя считать особенностью однихъ Тунгусовъ. На р. Новой я видѣлъ татуированную Самоѣдку [4]); у Остяковъ [5]) и Якутовъ [6]) также встрѣчали татуированныхъ. Но упомянутой Самоѣдки татуировано было не лицо, а рука. Вдоль поверхной кровопускательной вены, наискось снаружи и сверху, во внутрь и книзу, слѣдовали три кругловатыхъ пятна, сопровождавшіяся двумя другими, неправильно размѣщенными пятнами. Операція произведена была въ ранней молодости, посредствомъ вшиванія скрученной изъ жилы нитки, намазанной углемъ. Вшиваніе это, какъ незначительно оно ни было, сопровождалось сильною краснотою и опухолью.

Татуированіе мало по малу, кажется, начинаетъ все болѣе выходить изъ употребленія, прежде же производилось чаще и во всякомъ случаѣ распространено было между всѣми народами. Съ завоеваніемъ Сибири должна была также наступить новая эра и въ отношеніи одежды. Туземцамъ, рядившимся прежде въ мѣха соболей и выдръ, пришлось совершенно отказаться отъ такихъ дорогихъ мѣховъ [7]). Уже во времена Стеллера [8]), Камчадалы всѣ носили рубашки. Въ мое время додумались до нихъ, или даже до зипуновъ, только самые богатые Якуты и Тунгусы. Теперь, вѣроятно, все это уже опять совершенно измѣнилось, потому что сбытъ товаровъ въ безпредѣльныя азіятскія страны чрезвычайно усиливается.

Доселѣ мы разсматривали вліяніе моды и видѣли, что корень ея пускаетъ живѣйшіе побѣги въ продолженіи грубѣйшаго, первобытнаго состоянія человѣка. Цивилизація успѣла чрезвычайно разнообразно видоизмѣнить и художественно развить первобытныя моды, но не преминула вмѣстѣ съ тѣмъ значительно усилить дурачества первобытной моды.

Взглянемъ еще на нѣкоторыя первобытныя явленія, заслуживающія, кажется, вниманія.

Въ тѣсномъ помѣщеніи Тойчумоваго чума съумѣли размѣститься 18 человѣкъ, старыхъ и молодыхъ. Между ними было восемь женщинъ, и при всемъ томъ тутъ, гдѣ нельзя было шевельнуть локтемъ, не затронувъ сосѣда, царило величайшее согласіе. Даже въ высшей степени рѣзвымъ дѣтямъ, которыхъ чрезвычайно рѣдко наказывали, нельзя было возбудить ссоры между матерями, къ большому стыду культурнаго человѣка. Но

---

[1]) Впрочемъ уже Лисянскій, Путеш. II, стр. 74, говорилъ, что тамъ начало выводиться татуированіе.

[2]) Сарычевъ, Путеш. II, стр. 110, 126.

[3]) Rae, p. 39, 58.

[4]) У европейскихъ Самоѣдовъ Ал. Шренкъ (I, p. 486) не нашелъ никакихъ слѣдовъ татуированія.

[5]) Сибир. Вѣстн. IV, стр. 45. — Pallas, Reise III, p. 41. — Ermann, I, 638; II, 36.

[6]) Gmelin, Reise I, p. 70, съ рисункомъ.

[7]) Въ сѣв.-западной Америкѣ Загоскинъ (Пѣшеходная опись, I, стр. 172) еще полстолѣтія тому назадъ, засталъ у туземцевъ одежды изъ собольихъ и выдровыхъ шкуръ.

[8]) Kamtschatka, p 308.

уже и тутъ это счастливое состоянiе общественнаго строя одержимо порожденiями коммунизма, мечты котораго Асинцы осуществили посредствомъ несчастной долевой системы [1]), равно какъ и тѣмъ, что у нихъ самый жалкiй бѣднякъ и самый великiй богачъ вели совершенно одинаковый образъ жизни. Голышъ живетъ на счетъ богача, а богачъ, у котораго нѣсколько тысячъ сѣв. оленей и который, по нашимъ понятiямъ, капиталистъ, живетъ ничѣмъ нелучше любаго нищаго земляка своего. А все-таки богачъ имѣетъ то преимущество передъ нимъ, что въ плохiя времена онъ не умретъ съ голоду, потому что при всемъ коммунизмѣ и при всемъ первобытномъ гостепрiимствѣ являются и для нихъ нѣкоторыя, и притомъ весьма тѣсныя ограниченiя, какъ скоро распространится паника всеобщаго бѣдствiя и голодная смерть грозитъ прикрыть своимъ саваномъ не только того или другаго, а цѣлыя племена. Стада самаго богатаго хозяина быстро уменьшаются, какъ только началось бѣдствiе и кто въ нынѣшнемъ году насчитываетъ нѣсколько тысячъ головъ, у того на слѣдующiй годъ, можетъ быть, не будетъ ни одной, если наступитъ безпощадный падежъ. Не смотря на такiя превратности судьбы, Самоѣды и Якуты обозначаютъ качества «бѣдный» и «дурной» однимъ и тѣмъ-же словомъ. Какъ это знаменательно! [2]).

До какой степени въ нашемъ общественномъ строѣ многое обусловливается только условнымъ приличiемъ, это вскорѣ можно подмѣтить въ самоѣдскомъ чумѣ: гдѣ 18 человѣкамъ обоего пола, да еще нѣсколькимъ гостямъ, собакамъ, разнымъ приборамъ, очагу и т. д. приходится умѣститься въ чумѣ, имѣющемъ 3 саж. въ поперечникѣ, и непогода часто нѣсколько дней сряду не позволяетъ выходить изъ чума, гдѣ, кромѣ необходимости самымъ тщательнымъ образомъ осушать нижнее платье, насѣкомыя заставляютъ при каждомъ случаѣ снимать тулупъ, какъ только огонь въ чумѣ разгорится сильнѣе, тамъ не можетъ быть рѣчи о стыдливости въ европейскомъ смыслѣ. Что въ этомъ отношенiи дѣти кочевниковъ нѣсколько опередили деревенскую молодежь Европы, это само собою разумѣется. Но меня удивилъ оригинальный способъ выговора, сдѣланнаго мнѣ Тунгусомъ. Нашъ чумъ былъ наполненъ гостями, которыхъ я угощалъ чаемъ. При коверканiи языка я, говоря о дочери главнаго гостя, стоявшей возлѣ него, сдѣлалъ промахъ и произнесъ слово сынъ. Не долго думая, отецъ отдернулъ занавѣсъ, чтобы зоологически наглядно доказать мнѣ передъ всей почтенной компанiей, на сколько жестоко я ошибаюсь.

Въ другой разъ мнѣ привелось видѣть нѣчто несравненно худшее, а именно какъ Тунгусскiй мальчикъ, передъ цѣлымъ обществомъ, успокаивалъ плакавшаго въ люлькѣ брата своего на манеръ иныхъ негодныхъ кормилицъ и нянекъ, — обстоятельство, заставившее физiолога сильно призадуматься, такъ какъ при всемъ томъ мнѣ нерѣдко встрѣчались между Тунгусами престарѣлые отцы грудныхъ дѣтей (срав. главу о Тунгусахъ)

---

[1]) См. ниже въ главѣ объ Асинцахъ.

[2]) Нѣчто подобное встрѣчается также въ эстскомъ, и даже въ шведскомъ языкѣ («дурной народъ»).

Между тѣмъ Тунгуски часто долго чванились, прежде нежели мнѣ удавалось упросить ихъ, чтобы они мнѣ спѣли пѣсню. Tout comme chez nous. Но, рѣшившись наконецъ пѣть послѣ долгаго хихиканія, онѣ совершенно простодушно высказывали слова и мысли, которыя перо мое отказывается переводить. А при всемъ томъ сколько смысла въ тунгускомъ преданіи, по которому названіе крутой скалистой стѣны Сырраджёкъ, въ основаніи Тугурскаго залива, производится отъ имени чрезвычайно искусной въ вышиваніи Тунгуски. Она и сестра ея (говоритъ это преданіе), подобно другимъ дѣвушкамъ того-же племени, обыкновенно занимались шитьемъ на упомянутой скалѣ, представляющей такую веселую, дальнюю перспективу. Однажды, расположившись на скалѣ, старшая сестра шила какъ-то лѣниво, пѣла пѣсни и поглядывала на море. Будучи спрошена младшею сестрою, что съ нею, она поцѣловала ее вмѣсто всякаго отвѣта, поручила ей много поклоновъ и бросилась въ море.

Это единственный проблескъ мысли о самоубійствѣ, который мнѣ удалось открыть у сибирскихъ туземцевъ.

На перекоръ-же сказанному отсутствію стыдливости, горе той самоѣдской дѣвушкѣ, которая, перемѣняя обувь, выкажетъ свою босую ногу [1]). Самоѣдка и краснѣетъ до такой степени, что волненіе ея просвѣчиваетъ даже сквозь слой грязи въ палецъ толщины. Это проявленіе краски и чувство, служащее ему основою, весьма естественно и неразрывно связано съ неугомоннымъ біеніемъ сердца. Эта стыдливость относительно ногъ совершенно условна, и ничуть не менѣе условна, чѣмъ наше отвращеніе отъ лошадинаго мяса или нисколько не предосудительное въ чумовомъ быту проявленіе чистоплотности Самоѣдки, которая кончикъ своего языка, необыкновенно искусно, пропускаетъ не только по верхней губѣ, но и глубоко въ ноздри своего сопливаго любимца, чтобы очистить ихъ; ничуть не менѣе условна, чѣмъ усиленіе того «пожиранія» и щелканія, о которомъ говорится въ главѣ о Самоѣдахъ по случаю изображенной тамъ спинной скребницы, до степени внимательнаго поднесенія отъ жены мужу [2]), или чѣмъ наше упорное сопротивленіе ѣсть мясо сѣв. оленей, задушенныхъ на самоѣдскій ладъ, при чемъ Око́ мнѣ замѣтилъ совершенно справедливо: «вѣдь вы же ѣдите птицъ и рыбъ, пойманныхъ въ сѣтяхъ и силкахъ»; не менѣе условна, чѣмъ старинная сыновняя обязанность у Чукчей, отправлять роднаго отца, по его желанію, на тотъ свѣтъ, когда онъ состарится и соскучится жизнью; наконецъ не менѣе условна, чѣмъ свѣтскость Долгана, который уже слышалъ, что Европейцы считаютъ мокроты нечистотою, и, разговаривая со мною, высокопочтеннымъ, непосредственнымъ посланцемъ изъ столицы солнцеподобно возсѣдающаго на престолѣ самодержца, изо всей силы харкаетъ въ руку и держитъ въ ней нечистоту, чтобы укрыть ее отъ моихъ глазъ.

Потому именно, что онъ слышалъ, что̀ прилично и что̀ неприлично, тотъ-же Долганъ уже умѣлъ принимать со скромною благодарностью то, что я ему давалъ въ изоби-

---

[1]) Почему именно ногу? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ, можетъ быть, стр. 639.

[2]) Prinz Max, Reise II, p. 138. — Вѣдь нѣсколько столѣтій тому назадъ Phtirophagi жили въ нашей теперешней Европейской Россіи.

ліи, и не быть назойливымъ, между тѣмъ какъ Самоѣды — эта нищенствующая братья вѣчно сытыхъ и ненасытныхъ — подобно избалованнымъ дѣтямъ, становились все требовательнѣе, все безстыднѣе, чѣмъ больше я имъ давалъ.

Но эти-же ненасытные, которые, въ моемъ присутствіи, передъ боченкомъ съ водкой предавались звѣрской необузданности [1]), съ непоколебимою твердостью не поддавались искушенію, когда я, отправившись на нѣсколько мѣсяцевъ къ полюсу, оставилъ тотъ-же боченокъ, и бутылки, открыто и безъ присмотра на тундрѣ. Тойчумъ былъ правъ, увѣряя меня, что мнѣ нечего опасаться какого бы то ни было похищенія и совѣтуя вспомнить, что съ той лодки, которую я осматривалъ и которая, какъ я ему говорилъ, выброшена на тундру уже сто лѣтъ тому назадъ, не взятъ ни одинъ гвоздь, потому что это собственность солнцезарнаго царя. Между тѣмъ, еще въ мое время, для самыхъ сѣверныхъ Самоѣдовъ гвозди, и вообще желѣзо, были дороже лучшаго золота.

Откуда же у этихъ бѣдняковъ, необузданно предающихся своимъ страстямъ и алчности, является такая образцовая честность? Откуда берется эта сила самообладанія рядомъ съ такими дѣтскими выходками? Откуда столько правдивости, столько вѣры и довѣрія, такое точное выполненіе даннаго обѣщанія?

Какъ часто мнѣ приходилось убѣждаться въ послѣднемъ, хотя стихіи напускали на слабаго человѣка цѣлый рой своихъ фурій; въ такихъ случаяхъ, казалось, сверхъестественныя силы непогодъ такъ и напрашивались служить отговоркою.

Означенные вопросы, кажется мнѣ, чрезвычайно важны какъ для государственныхъ людей, такъ и для друзей человѣчества. Безъ сомнѣнія, недостаточно предположить, что перечисленныя выше добродѣтели основаны единственно на прирожденномъ нравственномъ чувствѣ, т. е. такъ сказать на инстинктѣ, и на вытекающемъ изъ ежедневной общественной жизни ученіи, что безъ честности и довѣрія, безъ неприкосновенности собственности, не возможно существовать при всѣхъ коммунистически-гостепріимныхъ обычаяхъ. Это заставляло бы предполагать необыкновенную твердость характера, который у Самоѣда, дѣтски-предающагося минутному влеченію, не достаетъ.

Скорѣе можно, да и необходимо предположить, что въ еще болѣе грубыя времена самой первобытной жизни, когда не только старшина, но и каждая глава семейства по своему усмотрѣнію располагалъ жизнью и смертью своихъ приближенныхъ, установлены были такія тяжкія и немедленныя наказанія за проступки противъ истины и честности, за ложь и воровство, что боязнь совершить такіе проступки не только путемъ преданія искоренила ихъ, но и мало по малу перешла въ плоть и кровь людей. Съ этимъ выраженіемъ моимъ иной скептикъ все-таки, можетъ быть, согласится, если я для примѣра укажу на первостепенно-породистую лягавую собаку, которая по наслѣдственно перешедшей на нее, второй, т. е. привитой, природѣ, не шевелясь, стоитъ передъ дичью и къ досадѣ охотника, при сильнѣйшемъ истощеніи, ни за что не станетъ ѣсть костей дичи, если бы даже онѣ были поджарены на маслѣ. Оба эти качества никакъ не могли быть прирожденными

[1]) Срав. главу о Самоѣдахъ.

свойствами ея со временъ первобытныхъ порядковъ, иначе она бы сдохла съ голоду и вымерла окончательно.

Я могу привести еще другое убѣдительное доказательство изъ настоящаго быта нашего края. Еще недавно въ нашихъ губерніяхъ полевое и луговое воровство было, можно сказать, совершенно неслыханное явленіе, даже тамъ, гдѣ лѣсъ, желѣзо, веревки и т. п. крестьяне считали общимъ достояніемъ. Доискиваясь причины, мы найдемъ ее во времена зачатковъ распространенія хлѣбопашества въ Европѣ тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ уже успѣла подрасти народная масса. При невозможности охранять разбросанные поля и луга, тогдашняя варварская эпоха установила ужасное наказаніе: пойманнаго на мѣстѣ вора на томъ-же полѣ, которое имъ было обкрадено, по горло зарывали въ землю, и за тѣмъ сохою отрывали у него голову. Гнусная жестокость эта, которую можно простить только тогдашней эпохѣ едва возникавшихъ культурныхъ зачатковъ, принесла однакоже благодѣтельные плоды прогрессивному устройству человѣческаго общества.

Мы дожили до того, что ложно-понятая гуманность уничтожила благодѣтельное вліяніе тѣхъ варварскихъ временъ, т. е. вторую природу, что она даже баранту Киргизской степи, наглое конокрадство, распространило до нашихъ самыхъ западныхъ границъ. Она подготовила неизбѣжныя послѣдствія неурядицы, которая лишь путемъ беззаконной самозащиты, линча и «краснаго пѣтуха» совершенно постепенно можетъ довести опять до исчезнувшей прежней безопасности.

Интересно, хотя и прискорбно, было видѣть у Самоѣдовъ первые зачатки подобной-же деморализаціи. При всей удивительной правдивости и честности, у нихъ уже оказывались двѣ слабыя стороны, которыя мнѣ удалось отыскать лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства съ ними, потому что во всемъ остальномъ правдивость ихъ была безупречна. Тамъ, гдѣ начинало появляться больше чиновнаго движенія, показанія ихъ о количествѣ добытыхъ мѣховъ, равно какъ о числѣ сѣв. оленей, постоянно были умышленно невѣрны. Грабежи и требованія о дальнѣйшей перевозкѣ, которымъ эти добродушныя и слабыя дѣти природы подвергались со стороны чиновниковъ, казаковъ, священниковъ и торговцевъ, успѣли уже освятить ложь въ этомъ отношеніи.

Тутъ, какъ и вездѣ, святая невинность первобытныхъ людей разрушалась соприкосновеніемъ съ культурой, которая подкрадывалась къ нимъ въ образѣ неодолимой водки въ рукахъ самыхъ алчныхъ и часто самыхъ отвратительныхъ элементовъ. Да и можно ли было ожидать другаго исхода, когда даже священники, которыхъ имъ посылали, назначались въ эти глухія мѣста возвѣстителями слова Божія въ наказаніе за проступки всякаго рода и за дурное поведеніе. Путешественники всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о томъ, что съ этой стороны къ кочевникамъ рѣдко являлось доброе, а главнымъ образомъ приходило только дурное [1]). Сама государственная система обращенія въ христіанство,

---

[1]) На память могу призвать въ свидѣтели Кастрена, Кривошапкина, Пршевальскаго, которые не убоялись откровенно высказать объ этомъ всю правду. Въ святой невинности, въ началѣ моего путешествія, я спросилъ сосланнаго въ Дудино священника: оказываются ли Самоѣды доступными христіанскому уче-

награжденіе одного парою сапоговъ и красною рубахою, другаго освобожденіемъ на три года отъ податей, да поощреніе священника-миссіонера за обращеніе столькихъ-то тысячъ душъ, система эта въ самомъ основаніи своемъ была безнравственна. Такъ дѣла шли нѣкогда и еще тридцать лѣтъ тому назадъ. Весьма понятно, что путешественники почти всегда лучше всего отзывались о некрещенныхъ кочевникахъ.

Вернемся къ высказанному мною выше предположенію о томъ, что цѣлымъ народамъ можно привить вторую натуру. Не могу не признаться откровенно моимъ либеральничающимъ противникамъ, что у туземцевъ дѣти растутъ почти безъ всякой выправки. Но за то и нужно принять въ соображеніе, что при этомъ нѣтъ никакой сентиментальности европейской дѣтской любви. Не смотря на то, путешественника вскорѣ поражаетъ безусловное повиновеніе младшихъ сородичей старшимъ. Гдѣ бы ни появлялся младшій, его тотчасъ-же заставляютъ или рубить дрова, или сгонять сѣв. оленей и т. п. Онъ исполняетъ все это не переча, безъ малѣйшаго промедленія и всегда охотно, какъ будто это ему доставляетъ удовольствіе. Такимъ-же образомъ всякій туземецъ относится къ стоящему выше его чиновнику. Дѣлаются возраженія, вызываемыя мѣстностью и природными условіями вообще, но коль скоро вы по чему-либо считаете нужнымъ не принимать ихъ въ соображеніе, вы можете быть увѣрены въ безпрекословномъ повиновеніи.

Можно-ли объяснить это иначе, чѣмъ предложеннымъ мною способомъ? Не обязаны-ли мы, именно на основаніи этого, возлагать тѣмъ большую отвѣтственность на начальствующихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находится возможность цѣлыя племена человѣческаго рода или предавать вѣрной погибели, или выводить, по возможности непосредственно, изъ завиднаго дѣтскаго состоянія на степень культурнаго быта.

При сообщеніи свѣдѣній о Тунгусахъ и Якутахъ намъ представится случай ясно увидѣть разницу въ прирожденныхъ способностяхъ разныхъ народовъ. Въ сравненіи съ корыстолюбивымъ, предпріимчивымъ Якутомъ, или быстрымъ, отважнымъ, готовымъ на убійство Тунгусомъ, Самоѣдъ остался добродушнымъ и мирнымъ существомъ, не смотря на свое кровавое, безжалостное охотничье ремесло, не смотря на частыя возстанія, нападенія и рѣзни въ первое время покоренія Самоѣдовъ. Якуты и Тунгусы губители медвѣдей, Самоѣды ловцы сѣв. оленей. Народъ, который разставляетъ ловушки не въ состояніи произвести героевъ. Это очевидно основано на прирожденномъ внутреннемъ свойствѣ Самоѣдовъ ягнятъ глубокаго сѣвера, и очевидно побудило ихъ искать убѣжища отъ притѣсненія въ области крайней безпріютности почвы.

Единственный случай уголовнаго преступленія, совершеннаго между Самоѣдами,

---

нію, и набожны ли они. «Ну, (отвѣтилъ онъ мнѣ), какъ бы ни былъ благочестивъ этакій Самоѣдъ, больше песцовой лапы онъ не дастъ».

Другой священникъ, объѣзжавшій Тунгусовъ въ Алданскихъ горахъ, неподалеку отъ Якутска, посвятилъ меня въ дѣло еще ближе. Вотъ его слова: «Получивъ то, что слѣдуетъ священнику, принимаешь угощеніе. За тѣмъ слѣдовало твое угощеніе, и за него онъ долженъ дать что нибудь. Потомъ за совершеніе обряда. Потомъ начинается торгъ. Наконецъ прощальный подарокъ, а если онъ тебѣ не нравится, то самъ пошаришь и посмотришь, не спряталъ ли онъ чего. Да наконецъ попросишь себѣ еще чего-нибудь у жены». Всякій объѣздъ доставлялъ этому священнику до 200 соболей.

лѣтъ за двадцать до моего пріѣзда къ нимъ, тотъ-же самый, о которомъ Третьяковъ говоритъ тридцать лѣтъ спустя. Но и этотъ случай былъ слѣдствіемъ суевѣрнаго страха, въ видѣ появляющагося повсюду одинаковымъ образомъ страшнаго преданія о ликантрофіи.

Сильнѣйшею изъ всѣхъ прирожденныхъ кочевнику, упорно дѣйствующихъ страстей оказывается охота свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто. Сотни питомцевъ и усыновленныхъ дѣтей, смолоду воспитанныхъ русскими поселенцами, вскорѣ представили примѣры удивительнѣйшихъ побѣговъ дѣтей въ степь, замѣчательнѣйшихъ возвращеній взрослыхъ къ кочевой жизни.

Енисейскіе Остяки.

Мнѣ привелось столкнуться съ ними лишь совершенно мимоходомъ, при проѣздѣ изъ Енисейска въ Туруханскъ. Они простирались далеко на правый берегъ Енисея, такъ какъ въ мое время Каменная Тунгуска была занята одними только этими Остяками, которые въ Сумароковѣ вели дѣла съ торговымъ міромъ. На Нижней Тунгускѣ они также жили до пороговъ. Я не сталъ бы печатать свои короткія замѣтки, которыя я помѣстилъ о нихъ въ своемъ дневникѣ, если бы Кастренъ не призналъ этихъ Остяковъ за особенно замѣчательный народецъ, который нѣкогда былъ великъ, а теперь вымираетъ и представляетъ лишь отдаленное сходство съ Финнами, Угрскими Остяками и Самоѣдами. При наклонности Кастрена къ выискиванію сродства, это много значитъ.

Такъ какъ мнѣ, вслѣдствіе задержки при проѣздѣ, удалось распорядиться изображеніемъ какъ разъ Енисейскихъ Остяковъ (табл. I), то я очень радъ, что у изображенныхъ личностей были очевидно типичныя физіономіи, потому что съ вышесообщеннымъ мнѣніемъ моимъ объ этихъ портретахъ, набросаннымъ мною уже въ Сибири, вполнѣ согласуется, какъ я теперь вижу, и отзывъ Кастрена, который высказалъ другими словами тоже самое, говоря[1]): «Въ наружности ихъ монгольскій элементъ не такъ бросается въ глаза, какъ у Самоѣдовъ и Тунгусовъ... По характеру они очень похожи на насъ, Финновъ. Это добрый, тихій, мирный, бѣдный и неприхотливый народъ. Они живутъ охотою и рыболовствомъ и ведутъ кочевой образъ жизни. По вѣроисповѣданію они принадлежатъ къ православной церкви, но преданы шаманству и поклоняются тремъ мощнымъ божествамъ: 1) богу неба, котораго называютъ Эсъ, 2) богу преисподней, котораго зовутъ Имля, и 3) богу земли, которымъ оказывается медвѣдь».

Что мои портреты изображаютъ Енисейскихъ Остяковъ, въ томъ служатъ порукою не только мѣста пребыванія послѣднихъ, рѣки Сымъ и Имбáкъ, но случайно и нѣ-

---

[1]) Reiseberichte und Briefe p. 251. Въ своихъ Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker (стр. 87) Кастренъ повторилъ о Енисейскихъ Остякахъ почти тоже самое. Онъ выводитъ ихъ изъ Саянскихъ горъ и опредѣляетъ число ихъ едва въ тысячу податныхъ душъ.

*

которые собранные у нихъ обрацики языка, оставшіеся у меня отъ матеріала, переданнаго мною гг. лингвистамъ. Безъ сомнѣнія, они послужатъ неопровержимымъ доказательствомъ [1]).

Сымцы называли своихъ Имбацкихъ родичей: Tygybāndjāng͡; Тунгусы назывались у нихъ: Fúmb$\frac{\text{ä}}{\text{a}}$n.

Составленное мною въ Назимовѣ описаніе этихъ людей гласитъ слѣдующее: «Изображенный человѣкъ (табл. I) смотритъ Финномъ; у его товарища нѣсколько болѣе монгольская физіономія, съ кругловатымъ очертаніемъ лица, съ довольно широкой glabella, и едва-едва наискось прорѣзаннымъ глазомъ. У обоихъ, особенно на головѣ, черные, какъ смола, волоса, но безъ всякаго блеска (чѣмъ и отличаются отъ одинаково-черныхъ европейскихъ волосъ) и жесткостью похожіе на тонкіе лошадиные волосы. Борода и усы очень рѣдкіе. Въ послѣднихъ къ угламъ рта нѣсколько волосковъ подлиннѣе. Маленькіе живые глаза, съ темно-кофейнымъ зрачкомъ, который рѣзко отдѣляется отъ бѣлка глаза. Цвѣтъ лица у перваго грязный, желтовато-чалый, у втораго — цыганско-бурый.

У женщины самая несомнѣнная финская физіономія, которая выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе я ее сравниваю съ моимъ типичнымъ эстскимъ слугою; при всемъ томъ скуловыя кости сильно развиты. Волосы не такъ черны, какъ у мущины Зрачекъ голубовато-сѣраго цвѣта [2]). Продолговатый овалъ лица отличается отъ тупаго кверху кругловатаго овоида мущинъ, у которыхъ лицо, въ сравненіи съ женскимъ, особенно по тому, какъ оно обросло волосами, и по подвижности маленькихъ глазъ, носитъ на себѣ монгольскіе слѣды».

---

[1]) При отдачѣ главнаго матеріала я, къ сожалѣнію, забылъ оставить себѣ копію съ ключа, т. е. съ нѣмецкихъ фразъ, которымъ соотвѣтствуютъ остяцкія. По всей вѣроятности это тѣже самые вопросы, которые приведены въ Кастреновыхъ Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre, 1856, p. 137. Обращики эти были мои первыя замѣтки; притомъ мы очень спѣшили.

№ 1. úge kajbos (bu kajbos, ты имѣешь) chä' sär fynnjäsär (сѣв. олень). bisäp (братъ) dagár kajbos.

№ 2. ab-chöm chä ísdyb īs, san amboksym (завтра, а ennōg значитъ сегодня) fynnjä īs īsdyb.

№ 3. kīsölchom (вчера; буква *l* произносится твердо, какъ русское твердое *л*) siir dóge (три, произносится почти какъ французское *dogue*).

№ 4. ab-bísöp chām ādjade (нѣмое *e*).

№ 5. bispuöm ōnäm.

№ 6. ab ōp ādjad.

№ 7. op-bisöp noontschīsho.

№ 8. ōpda sär bógas eng͡ (произносится въ носъ) bisöp sār. одинъ — chógda; два — ynä; три — dóge; четыре — ziä; пять — chájä; шесть — aas (мягкое *s*); семь — ons (мягкое *s*); восемъ — bósem; девять — débet; десять — désjat; двадцать — āāks; тридцать — dúngas; большой — chája; малый — fynnjäs (мягкое *s*); наибольшій — s'amyi chája; палецъ — tok.

Вышеприведенное продиктовалъ мнѣ Сымскій Остякъ, Өедоръ Алексѣевъ, въ Назимовѣ. Другой же Остякъ Сымской волости, Король Улиновъ Спиридонъ, при Васькѣ Василіи K$\frac{\text{ö}}{\text{y}}$ndja (что̀ означало львиную голову??) привелъ мнѣ слѣдующія слова, отличающіяся отъ предъидущихъ: одинъ — kógdo; два — ynn$\frac{\text{ä}}{\text{a}}$ng͡; три — dōng$\frac{\text{ä}}{\text{a}}$ng; четыре — zi$\frac{\text{ä}}{\text{a}}$ng; пять — chā$\frac{\text{ä}}{\text{a}}$ng; шесть — aa's (твердое *s*); семь — óns; восемъ, девять, десять — по-русски, какъ выше; одиннадцать — chus$\frac{\text{ä}}{\text{a}}$mmagé; двѣнадцать — ynn$\frac{\text{ä}}{\text{a}}$mmagé; тринадцать — d$\frac{\text{o}}{\text{y}}ng\frac{\text{ä}}{\text{a}}$mmagé; шестнадцать — āas'-ögge; семнадцать — óns'-ögge (твердое *s*); восемнадцать — wós'em-áge; десять рублей — chō rubljä.

[2]) Онъ очевидно указывалъ на переходъ къ бѣлокурымъ Остякамъ, какъ ихъ описываетъ Палласъ (Reise III, p. 39).

Этой подвижности глазъ соотвѣтствовала отмѣченная мною въ Осиновскомъ манера этихъ людей говорить урывками, и такая-же особенность во всѣхъ движеніяхъ, напр. въ поклонахъ. Восьми- или девятилѣтній остяцкій мальчикъ, изображенный въ профиль (на табл. I-ой нѣм. изд.), по смерти обоихъ родителей, умершихъ отъ нервической горячки (голоднаго тифа?), былъ усыновленъ русскими поселенцами. Если бы жители деревни пришли въ чумъ только днемъ позже, то всѣ три оставшіяся сироты умерли бы съ голоду.

У означеннаго мальчика была типичная финская физіономія, съ финскими глазами, но монгольскимъ, почти кругообразнымъ очертаніемъ лица, совершенно черными волосами и темно-коричневымъ зрачкомъ, желтобурымъ цвѣтомъ лица, румяными щеками (потому что онѣ были вымыты). Превосходные зубы. Очень жирное лицо и толстое тѣло. Отсюда, можетъ быть, отчасти происходитъ особая, перекачивающаяся походка: очень маленькіе, быстрые шаги при незначительномъ подниманіи ногъ, какъ походка человѣка, который торопится перебраться чрезъ опасныя мѣста трясины и нигдѣ не рѣшается плотно наступить, чтобы не провалиться въ болото.

При этой походкѣ подошва ноги ложилась почти вдругъ, не начиная съ пятки.

Два другихъ Остяка, которыхъ я видѣлъ на Енисеѣ, также поражали своими неуклюжими головами и животами на тонкихъ ногахъ. Вслѣдствіе этого я отмѣтилъ у себя въ дневникѣ, что не берусь отличить любой остяцкій черепъ отъ киргизскаго, но готовъ распознать ихъ скелеты.

На Курейкѣ, въ чертѣ полярнаго круга, я видѣлъ на Енисеѣ самыхъ сѣверныхъ Остяковъ, съ такимъ явно финскимъ лицомъ, что они чрезвычайно напомнили мнѣ Лапландцевъ. Я очень доволенъ тѣмъ, что нахожу въ своемъ дневникѣ слѣдующую замѣтку объ осѣдломъ Остякѣ въ Игарскомъ поселеніи (подъ $67^2/_3{}^\circ$ с. ш.; изъ Баіскаго рода): «вѣроятно это Самоѣдъ, потому что у него совершенно другая наружность, чѣмъ у Остяка, котораго я третьяго дня видѣлъ на Курейкѣ».

Одежда Сымскихъ Остяковъ была русская, также какъ и названія чиселъ 8, 9 и 10; только обувь свидѣтельствовала о быстроногомъ охотникѣ первобытнаго лѣса.

Въ то время, около половины Февраля, люди плохо питались зайцами, которыхъ ловили въ ловушкахъ. Во всей Сибири я не видѣлъ такихъ жалкихъ кочевниковъ, какъ Остяковъ у Бахтинскаго поселенія. Въ лохмотьяхъ, дрожа отъ холода, они приходили ко мнѣ жаловаться, что имъ отпускаютъ слишкомъ мало зерноваго хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ и тѣмъ лишаютъ ихъ возможности отправляться въ болѣе лѣсистыя мѣстности, для добыванія мѣховъ и пищи. Одинъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ, и только благодаря поддержкѣ со стороны поселенцевъ, перенесъ голодный тифъ, и страдалъ еще болью въ икрахъ. Мнѣ разсказывали, что умирали не только отдѣльныя лица, но даже цѣлые чумы. Одинъ Остякъ, обратившійся ко мнѣ за милостынею, оставилъ въ чумѣ семь душъ, получивъ, правда, въ Январѣ 10 пудовъ муки, но въ Февралѣ только 70 фун-

товъ, потому что задолжалъ казнѣ болѣе 300 руб. асс., и убилъ въ теченіи зимы всего 20 бѣлокъ.

Повторялась старинная исторія о постепенной гибели этихъ народовъ. Они погибали при соприкосновеніи съ развитіемъ культуры, въ особенности съ наплывомъ золотыхъ пріисковъ и неизбѣжнаго съ ними разгула. Казна, въ теченіи многихъ лѣтъ слишкомъ великодушно поддерживавшая ихъ изъ своихъ запасныхъ магазиновъ, этимъ деморализировала ихъ. О возвратѣ займа не могло быть и рѣчи. За тѣмъ насталъ періодъ, обнаружившій, что большая часть запасовъ все-таки растрачена въ видахъ обогащенія чиновниковъ. Когда наконецъ бѣднякамъ, съ каждымъ годомъ все болѣе должавшимъ (у нѣкоторыхъ долгъ простирался до 1000 руб.), прекратили выдачу продовольствія, то они стали умирать съ голоду.

Я отмѣтилъ у себя въ дневникѣ, что при такихъ данныхъ, по моему мнѣнію, нельзя требовать отъ государства иной помощи, какъ распредѣленія дѣтей между русскими поселенцами. Заправляющую всѣмъ водку вѣдь все-таки нельзя запретить.

Во время печатанія вышеизложеннаго, я успѣлъ ознакомиться съ изслѣдованіемъ Кастрена о языкѣ Енисейскихъ Остяковъ, просмотрѣннымъ и изданнымъ г. акад. Шифнеромъ [1]). Въ немъ указывается близкое сродство Енисейскихъ Остяковъ съ Аринами и Коттами, изъ которыхъ Кастрену удалось еще отыскать всего пять человѣкъ, жившихъ на притокѣ Кана.

Кастренъ различаетъ (стр. VIII) два главныхъ нарѣчія Енисейскихъ Остяковъ: 1) Сымское (на р. Сымѣ и между деревнею Анцыферово и Каменной Тунгуской); 2) Имбацкое (отъ Бахты до Курейки). Затѣмъ (стр. 157) Кастренъ говоритъ еще о Бахтинскомъ поднарѣчіи Имбацкаго діалекта и о Назимовскомъ поднарѣчіи Сымскаго діалекта.

Во всякомъ случаѣ образцики языка, помѣщенные мною на предыдущихъ страницахъ, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что сообщенные мною портреты безспорно изображаютъ Енисейскихъ Остяковъ.

Самоѣды со включеніемъ Юраковъ.

Имя Самоѣдовъ впервые по-видимому является въ печати въ 1246 году у Плано Карпини, хотя этотъ народъ сталъ извѣстенъ уже 50 лѣтъ до того. Ремезову [см. Приложеніе къ его первой картѣ Сибири] въ то время были извѣстны только три самоѣдскихъ племени, тогда какъ у Якутовъ онъ приводитъ семь племенъ.

---

[1]) Castrén, Versuch einer Jeniséj-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre, 1858.

Въ мое время, согласно отчетамъ управленія Туруханскаго округа, по переписи, произведенной въ 1838 году, считалось Самоѣдовъ и Юраковъ:

	муж. пола.	женск. пола.
1) Тымско-Караконскихъ Остяцкихъ Самоѣдовъ	325	300
2) Байскихъ [1]) } Енисейскихъ Самоѣдовъ	109	30
3) Карасинскихъ } Енисейскихъ Самоѣдовъ	112	93
4) Хантайскихъ } Енисейскихъ Самоѣдовъ	118	121
5) Береговыхъ Юраковъ	75	69
6) Тазскихъ или Березовскихъ Юраковъ	166	163
7) Авамскихъ Самоѣдовъ	202	214
8) Водеевскихъ Самоѣдовъ	44	44
	1151	1034
Далѣе Енисейскихъ Остяковъ:		
9) Верхне-Имбацкихъ	151	108
10) Нижне-Имбацкихъ	162	129
11) Карасинскихъ	52	49
	365	286

Въ чрезвычайной ненадежности этой переписи я убѣдился при сравненіи ея съ прежнею переписью 1834 года. Даже крещенные Остяки сами жаловались мнѣ, что главный священникъ ихъ внесъ указанныхъ ими покойниковъ только въ видѣ исключенія. При всемъ томъ эта перепись сходна съ Кривошапкинскимъ [2]) исчисленіемъ народа за 1860 годъ, нѣсколько увеличившимся. Не сходны показанія о Береговыхъ Юракахъ [3]).

Значащіяся въ табл. II (см. атласъ картъ нѣм. изд. предлежащаго Путешествія) мѣста пребыванія ихъ показаны правильно; но очертанія красками требуютъ исправленія согласно лингвистическому распредѣленію, значащемуся на стр. 635 и слѣд.

Тѣ, которые полагаютъ, что «къ сѣверу Самоѣды простираются до Ледовитаго океана» явно ошибаются (ошибка эта неоднократно повторяется и у Кастрена), потому что въ области р. Енисея, а въ особенности въ Таймырскомъ краѣ, Самоѣды нигдѣ не простираются до Ледовитаго океана. Вслѣдствіе этого, лѣтомъ 1843 года, мнѣ удалось только слегка ознакомиться съ этимъ народомъ, такъ какъ въ срединѣ лѣта я подвигался въ безлюдную пустыню. До сѣвернаго берега Таймырскаго озера, равно какъ до Нижняго Таймыра, Самоѣды уже не простирались.

24-го Іюля, согласно уговору, нагналъ меня въ послѣдній разъ мой пріятель Тойчумъ, старшина Асинскихъ Самоѣдовъ, съ расторопнымъ парнемъ Авамской орды. Оба они, какъ предпріимчивые люди, заглянули дальше всѣхъ къ полюсу, и на

[1]) 1 и 2 приводились подъ именемъ Остяковъ. Самъ Кастренъ называетъ ихъ Остяцкими Самоѣдами.

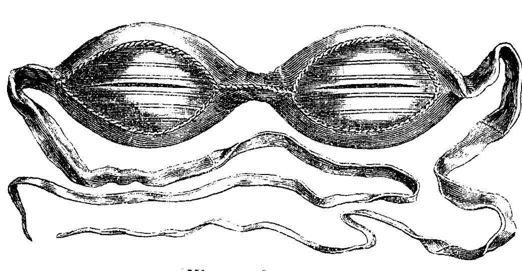
[2]) Енисейскій округъ и его жизнь, 1865, II, стр. 146.

[3]) Такъ какъ Кривошапкинъ насчитываетъ у нихъ только 29 душъ мужск. и 23 души женскаго пола, то эта разница совершенно непонятна.

прощаніе, съ высоты горнаго хребта, указали мнѣ мѣсто, гдѣ Нижній Таймыръ вѣроятно прорѣзаетъ горы или, какъ они выразились, «ломаетъ камень». Сами они, преслѣдуя сѣв. оленей, добрались только до западныхъ глубокихъ заливовъ Таймырскаго озера и поспѣшно возвратились, наткнувшись на слѣды прежняго пребыванія тамъ людей, на могилы, съ стоящими надъ ними памятниками, санями, снова пробудившими въ нихъ вѣру въ обращавшіяся между ними страшныя преданія о дальнемъ глубокомъ сѣверѣ. Когда-то давно, такъ гласило преданіе, оттуда прибыли и Чукчи, не для завоеванія страны, а для того, чтобы взглянуть на нее. Были они народъ одноногій, а между тѣмъ ни одинъ Самоѣдъ не могъ обогнать ихъ при бѣганіи въ запуски. Жили они по направленію къ полюсу, по ту сторону моря[1]). Пріятель Тойчумъ умолялъ меня не забираться слишкомъ далеко и не оставаться тамъ слишкомъ долго. Что въ умной головѣ его мрачныя преданія всетаки не успѣли заглушить всѣ зачатки запретныхъ сомнѣній на счетъ этихъ догматовъ, это доказывали отеческія наставленія, которыя давалъ мнѣ Тойчумъ, поручая мнѣ, куда бы я ни пришелъ, хорошенько обращать вниманіе въ той преисподней на мѣста, гдѣ проходятъ сѣв. олени, особенно на тѣ, гдѣ они перебираются чрезъ воды, на линяющихъ гусей и утокъ, на передвиженія рыбъ и т. п.

Такимъ образомъ мои сношенія съ Самоѣдами ограничивались проѣздомъ туда и обратно, и часто приводили меня отъ одного нарѣчія на слѣдующій день къ другому, котораго спутники мои не понимали болѣе. Вотъ отчего мои замѣтки такъ незначительны.

Первыхъ Самоѣдовъ я встрѣтилъ 26-го Марта на Енисеѣ, въ поселеніи Игарскомъ (67⅔°с.ш.). Ихъ называли Юраками, но это были **Енисейскіе Самоѣды** Байскаго рода. Въ сравненіи съ Енисейскими Остяками, за которыми они слѣдовали, они производили очень пріятное впечатлѣніе. Одѣтые съ головы до ногъ въ превосходныя двойныя мѣховыя рубахи, они являлись какъ бы броненосцами, мѣдные снѣговые очки казались забраломъ, а огромный пришитый башлыкъ надежнымъ шлемомъ, который по временамъ откиды-

Мѣдные снѣговые очки.

[1]) Не стану входить тутъ въ разсмотрѣніе того, что такое могло бы значить нѣкогда болѣе западное распространеніе Чукчей, но не могу не замѣтить, что я былъ весьма пораженъ, когда въ первый разъ услышалъ, что Асиицы зовутъ топоръ towa$\frac{h}{k}$a. Это очень напоминаетъ томагаукъ сѣверо-американскихъ туземцевъ.

вается назадъ и обнаруживаетъ находящіяся подъ нимъ и тѣсно прилегающія къ головѣ шапочки [изъ нѣжныхъ телячьихъ шкурокъ]. Богатый мѣдный поясъ вожака, неизмѣнное копье въ 3 саж. длины, для управленія сѣв. оленями, висящій рядомъ лукъ на саняхъ, и лыжи подъ исподомъ саннаго сидѣнія дополняютъ вооруженіе. Впечатлѣніе это усиливалось какъ-бы военнымъ порядкомъ и однообразіемъ вооруженія. Большею частью они сидѣли на саняхъ, поджавъ подъ себя обѣ ноги, или держа одну изъ нихъ на готовѣ на полозьяхъ.

Въ наши тяжело-нагруженныя нарты они впрягали по три сѣв. оленя, очевидно требуя отъ послѣднихъ слишкомъ много. Возлѣ каждой нарты усаживался возница на высокихъ саняхъ, въ которыя впрягались два сѣв. оленя. Возжею управлялось только лѣвое животное, впряженное въ нарту, а оно тянуло за собою двухъ остальныхъ, недоуздокъ которыхъ прикрѣплялась къ подпругѣ сосѣда (срав. стр. 498). Сѣв. олени, не успѣвшіе еще сбросить всѣ рога, открытымъ ртомъ и высунутымъ языкомъ своимъ производили тяжелое впечатлѣніе.

Лица этихъ Самоѣдовъ (табл. II и III вверху) отличались отъ тунгусскихъ менѣе выдающимися, особенно впередъ, скулами. Ширина лба хотя и была меньше широты лица въ скулахъ, но разница эта была незначительна; у Тунгусовъ же верхняя часть лица и черепа имѣла пирамидальную, съуживающуюся кверху форму (срав. напр. Юкагира по табл. I), или при широкомъ, какъ бы четыреугольномъ лбѣ оказывалась всежъ еще бóльшая ширина въ скулахъ.

Рѣзцы большею частью косо выдавались впередъ; вслѣдствіе этого губы были вздернуты, хотя верхняя челюсть не выдавалась замѣтно впередъ. Губы, въ связи съ чрезвычайно темнымъ цвѣтомъ кожи, придавали странному виду этихъ людей что-то негроподобное. Тѣ части тѣла, которыя обыкновенно прикрыты, отличались однако довольно свѣтлою кожею.

Необыкновенная подвижность и суетливость ихъ весьма поражала, въ сравненіи съ Остяками. Все дѣлалось почти бѣгомъ. Едва только успѣешь нѣсколько остановиться, какъ уже каждый немедленно соскакивалъ, выколачивалъ полость и постелью саней, чтобы она оставалась сухою, и небольшою сабелькою, сдѣланною изъ рога сѣв. оленя, соскабливалъ съ ремней на сѣв. оленяхъ грязь, снѣгъ и ледъ.

Кромѣ Игарскаго поселенія, къ сѣверу, я на возвратномъ пути (13-го Ноября) въ Плахинѣ (68° с. ш.) возобновилъ знакомство съ этими Самоѣдами Байскаго рода [1]) (табл. III вверху), признававшими себя сородичами Карасинскихъ Самоѣдовъ.

Распрошеннаго мною старшину ихъ звали Kjellóma; при крещеніи ему дано было имя Гаврилы, потому что родъ ихъ постоянно крестили. По его словамъ они сами называютъ себя Ваё (-Týdsho, т. е. Орда).

Хантайскихъ Самоѣдовъ они называютъ .... S'omátu;

---

[1] Они называются также подгородными, потому что живутъ около Туруханска, на рѣчкахъ Байха.

Береговыхъ Юраковъ (Толстоносскихъ Самоѣдовъ) Lóbbö;
Авамскихъ Самоѣдовъ .... Tābo;
Водеевскихъ Самоѣдовъ .... Tābo-os's'ja;
Тунгусовъ .... Os's'ja;
Долгановъ .... Dolgāne;
Якутовъ .... Jakúta;
Остяковъ .... Bággo.

Енисей они называли Djéddos'i.

Они занимаются рыболовствомъ, вмѣстѣ съ Хантайскими Самоѣдами, главнымъ образомъ на р. Кетáрѣ; закалываютъ лишь небольшое количество сѣв. оленей на водныхъ переправахъ; убиваютъ такъ мало гусей, что на зиму остаются безъ запасовъ; не имѣютъ неводовъ. Хотя они говорятъ, что Остяки стрѣляютъ изъ луковъ лучше ихъ, но сами все-таки нападаютъ на медвѣдя въ берлогѣ его.

Между Плахинымъ и Лузинымъ (69° с. ш.) я познакомился съ некрещеными **Хантайскими** Самоѣдами. Старшину ихъ звали $\frac{A}{y}$nkúlej Olowin. Онъ вносилъ ясакъ въ Лузинѣ и принадлежалъ къ роду Ямки. По его словамъ, у него самого было только до 30 сѣв. оленей (?), а у сородичей по 10 — 20 головъ. Одинъ изъ нихъ впрочемъ славился особеннымъ богатствомъ по части сѣв. оленей.

Кормились они преимущественно рыболовствомъ, которымъ занимались въ озерахъ и небольшихъ рѣкахъ до перваго расширенія Енисея (Толстый Носъ), главнымъ же образомъ въ рѣкахъ Кетáрѣ (Русскіе называютъ ее Кетой) и Соленой, источники которыхъ они не посѣщаютъ и не знаютъ. Самое большое озеро ихъ края называется Nădăd; въ окружности оно простирается верстъ на 150. Въ него заходятъ всякаго рода лохи, но не заходятъ ни омули, ни осетры, ни стерляди. Самоѣды эти не посѣщаютъ ни р. Таза, ни моря, и простираются никакъ не дальше втораго расширенія устья Енисея, и по другую его сторону до Пыры. Тоже самое мы находимъ уже 100 лѣтъ тому назадъ, въ лагъ-букахъ Минина. Ни къ западу, ни къ востоку, они не сталкиваются съ какими-нибудь сосѣдями. Страна ихъ плоска и лишь послѣ переправы чрезъ второе расширеніе на правый берегъ Енисея, они доходятъ (подъ 72° с. ш.) до черныхъ слоистыхъ скалъ. До нихъ они считаютъ 20 аргишей, т. е. кормовокъ сѣв. оленей или дней ѣзды.

Къ югу сосѣди ихъ—Карасинскіе Самоѣды, старшина которыхъ Балайка (Русскіе называли его Филькой) раскинулъ свой чумъ въ 2 геогр. миляхъ отъ Лузина.

Они, Хантайскіе Самоѣды, сами называютъ себя S'ómātu (tý$\frac{d}{sh}$ju, т. е. родъ); Карасинскихъ Самоѣдовъ зовутъ Bāē, а Береговыхъ Юраковъ — Lówwöo (Juráki tý$\frac{d}{sh}$ju).

Енисей называется ими Djēddos'i, а Русскіе Ljuotscha, такъ что это названіе, за незначительными измѣненіями, встрѣчается отъ Китая до Таймырскаго края.

Переводчика, помогавшаго мнѣ объясняться съ ними, звали Соваловымъ; слѣдовательно онъ назывался точно также, какъ старшина, съ которымъ сто лѣтъ тому назадъ приходилось имѣть дѣло моряку Минину, что̀ доказываютъ лагъ-буки [1]). Слѣдовательно у этихъ Самоѣдовъ фамильныя имена.

О татуированіи эти люди не имѣли никакого понятія; для обозначенія «города» у нихъ не было выраженія.

Луки свои, если они не были куплены у Остяковъ, изготовляли они сами; кромѣ того они считались хорошими кузнецами, которые сами дѣлали наконечники копій и стрѣлъ, огнива и разныя украшенія, а потому они были очень падки на желѣзо и гвозди.

Тѣмъ болѣе меня поразило извѣстіе, что женщины покупаютъ рыбій клей на Енисеѣ.

Лишь при началѣ Пясины (у Веденскаго поселенія) я познакомился въ Ноябрѣ съ Береговыми Юраками. Юракъ, служившій мнѣ переводчикомъ, находился на службѣ поселенца Лаптукова и назывался Манóрра (срав. табл. IV нѣм. изд.); отца его звали Вы́імя; общаго фамильнаго имени у нихъ не было.

Береговые Юраки сами называ́ютъ себя Jöndjör;
Хантайскихъ Самоѣдовъ зовутъ ...... Mãndu;
Авамскихъ » » ...... Tágg$\frac{\bar{o}}{y}$s';
Водеевскихъ » » ...... Tágg$\frac{\bar{o}}{y}$s os's'ja;
Тунгусовъ » ...... oss'ja;
Долгановъ » ...... tingus';
Якутовъ » ...... Jakút.

Енисей они называли Jentas'ī.

Старшина ихъ Саббіа вносилъ ясакъ въ Толстомъ Носѣ (70° с. ш.). Орда жила частью на лѣвомъ берегу нижняго Енисея, преимущественно же на малой Кетѣ, частью на правомъ берегу, гдѣ къ сѣверу у нея не было сосѣдей, а рядомъ съ ними жили Хантайскіе Самоѣды.

Лодки, даже луки и стрѣлы, они покупали. Волосы на головѣ они большею частью стригли, оставляя только кайму съ длинными прядями позади ушей.

Въ Введенскомъ-же я познакомился и съ Тавгынскими [2]) или Авамскими Самоѣдами. Старшина ихъ N͡goaró Trudágin, прозванный при крещеніи Іудой Уксусниковымъ, изображенъ на табл. XV-ой нѣм. изд., рис. I, въ шутовскомъ костюмѣ, т. е.

[1]) И у А. Шренка (I, стр. 629) мы встрѣчаемъ имя Апицынъ, которымъ называлось аристократическое самоѣдское семейство сѣверной Европы. Это-же самое имя я встрѣчалъ также въ старыхъ лагъ-букахъ.

[2]) Русскіе называютъ ихъ Тавскими или Авамскими Самоѣдами. Но называли ихъ также дикой ордой.

*

въ своемъ нарядномъ мундирѣ (срав. стр. 650). Къ послѣднему принадлежалъ еще дурацкій колпакъ изъ очень толстаго, чернаго, желтаго и краснаго сукна, съ бѣлой каймой вокругъ лица. Его родичи везли меня изъ лежащаго на полпути отъ Дудина поселенія Коева до Введенскаго.

Орда состоитъ, говорятъ, изъ 20 чумовъ и расположилась на тундрахъ праваго берега Енисея, отъ котораго она далеко и не уходитъ. На сѣверѣ она простирается до впадающей въ Пясину рѣки Фыры (Пыры), за которую рѣдко уходитъ; во всякомъ случаѣ она никогда не добирается до моря; на западъ рѣдко доходитъ до р. Голчихи ($71^1/_2$° с. ш.); на востокѣ столь-же рѣдко до Агáпы, или даже до р. Таймыра [1]).

На вопросъ мой, почему они не доходятъ до моря, они пресерьозно отвѣчали мнѣ, что неоднократно пытались сдѣлать это, но что тамъ бродятъ бѣлые медвѣди цѣлыми стадами и постоянно опять вытѣсняютъ Самоѣдовъ. Они говорили о нихъ, какъ объ особой націи, умѣющей удержаться въ своей странѣ. Если вышлешь туда 8 человѣкъ, то бѣлые медвѣди немедленно высылаютъ протихъ нихъ 12 человѣкъ своей братіи.

Вскорѣ оказалось, что эта орда говоритъ на языкѣ, отличающемся отъ языка Хантайскихъ Самоѣдовъ, и конечно приписывала себѣ употребленіе настоящаго самоѣдскаго языка.

Авамскіе Самоѣды сами называли себя Njä- (Táns'a, т. е. орда);
Хантайскихъ Самоѣдовъ они зовутъ S'omātu;
Береговыхъ Юраковъ » » Lóbbö (Juráki-Táns'a);
Водеевскихъ Самоѣдовъ » » A'ssjä, или также Njä-āja (т. е. Тунгусскіе Самоѣды);
Тунгусовъ » » Ā̄ja;
Долгановъ » » Dolgáne.

Имя Tābo, которымъ Хантайскіе Самоѣды называютъ Авамскихъ, послѣдніе сами произносятъ Tāūbö. Они увѣряли меня также, что Юраки зовутъ ихъ Tāūss'ób, а не $\mathrm{Tagg}\frac{o}{y}\mathrm{s}$', какъ мнѣ продиктовали сами Юраки.

Тавгынскіе или Авамскіе Самоѣды были малаго роста; среднимъ числомъ не выше $4^2/_3$ англ. фут. Физіономія ихъ напоминала финскій типъ и далеко не казалась такою монгольскою, какъ физіономія тѣхъ Самоѣдовъ, которыхъ я видѣлъ на восточномъ берегу Бѣлаго моря, въ Европейской Россіи. Носъ и у нихъ отличался самоѣдскимъ характеромъ, т. е. былъ коротокъ, со впадиною по срединѣ, и безъ малаго могъ бы быть названъ некрасивымъ вздернутымъ кверху носомъ. Въ глазахъ почти не было ничего монгольскаго. Вслѣдствіе меньшаго, чѣмъ у Монголовъ, и обращеннаго книзу выступа скулъ, очертаніе лица получаетъ кругловатую форму. Кромѣ того, эти Самоѣды, у кото-

[1]) Кастренъ получилъ точнѣйшія свѣдѣнія о мѣстахъ пребыванія Тавгынскихъ Самоѣдовъ: кромѣ одного рода на Пырѣ, кочевали два рода на берегахъ Пясины и 5 родовъ при р. Таймырѣ. Всѣ эти роды, равно какъ и 19 ясачныхъ Самоѣдовъ на Хатангѣ, говорятъ на одномъ итомъ-же нарѣчіи и въ лингвистическомъ отношеніи не отличаются другъ отъ друга (см. вышеупом. сочиненіе, стр. 245, 266, 278).

рыхъ лобъ округленъ равномѣрнѣе, отличаются отъ Тунгусовъ, у которыхъ лобъ часто кажется угловатымъ.

Впрочемъ и въ этой ордѣ встрѣчались нѣкоторые гораздо болѣе монгольскіе черепа; особенно женскій полъ отличался по-видимому болѣе монгольскимъ отпечаткомъ. Зоотехническія наблюденія позволяютъ предполагать, что при несомнѣнно происходившей тутъ помѣси преобладало вліяніе монгольскихъ предковъ съ отцовской стороны. Вслѣдствіе еще мало-развитаго жевательнаго органа, дѣти и молодыя дѣвушки также кажутся довольно красивыми, въ смыслѣ монгольскаго покроя; во всякомъ случаѣ послѣднія красивѣе молодыхъ Лапландокъ. Финскіе признаки выступаютъ отчетливѣе подъ старость, при исчезаніи жироваго слоя. Старухи отвратительно дурны собою. Одинъ старикъ до такой степени былъ похожъ на знакомаго Эста моей родины, что и слуга мой вскорѣ воскликнулъ: «да вѣдь это Korter hone Jürri!» Ли́ца чрезвычайно бураго цвѣта; но когда начнешь разсматривать ихъ въ чумѣ и сравнивать съ стѣнами его, то все-таки наконецъ задаешь себѣ вопросъ, не закопчена ли кожа на лицахъ точно также, какъ дубленая замшевая кожа чума.

Меня очень поразили три сѣдыхъ старика, потому что до того времени мнѣ не случалось еще видѣть ни одного туземца съ сѣдинами.

Въ первый разъ мнѣ представился случай взглянуть на домашнюю жизнь Самоѣдовъ, такъ какъ они, ради ускоренія моей поѣздки чрезъ Малую Низовую Тундру, поставили посреди ея 4 шалаша (чума) для смѣны упряжныхъ животныхъ.

Эти Самоѣды были снаряжены лучше Долганъ, въ хорошихъ шубахъ и какъ бы въ вооруженіи (ср. стр. 663 и политипажъ на стр. 556); по этому они и казались выше того роста, который показывала мѣрильная лента. Это былъ расторопный, веселый, добродушный народъ; особенно молодежь. Притомъ я впослѣдствіи узналъ, что Авамскіе Самоѣды считаются не только самымъ богатымъ изъ всѣхъ Самоѣдскихъ племенъ, но и самымъ искуснымъ, потому что они сами ковали даже наконечники для своихъ копій, а на глубокомъ сѣверѣ это искусство имѣетъ большое значеніе, такъ какъ съ нимъ связано богатство по части желѣза. Дѣйствительно у нихъ были желѣзные капканы, коегдѣ тунгусскія желѣзныя трубки, а у самой богатой женщины была даже желѣзная цѣпочка, служившая вмѣсто ремня для возжанія сѣв. оленей и производившая въ этой тундрѣ такой-же эффектъ, какой производитъ на нашихъ балахъ самая роскошная бриліантовая діадима.

Съ женщинами по-видимому обращались хорошо; но онѣ находились въ такомъ подчиненіи, что не претендовали даже на водку. За то онѣ постоянно держали трубку въ зубахъ. Какъ хорошія хозяйки, онѣ забирали рыбьи шкурки, которыя мы при ѣдѣ бросали въ сторону. Юпки ихъ были обвѣшаны плетеными ремнями и ниспадавшими съ пояса, въ перемежку, черными и красными ремешками. Краски для окрашиванія послѣднихъ онѣ покупали отъ торгашей. Женщинъ сразу можно было узнавать по ихъ бѣлымъ колпакамъ, внутренняя кайма которыхъ была украшена длинноволосымъ чер-

нымъ мѣхомъ. Несчастныя жертвы этой моды воспитывались въ образѣ маленькихъ, тявкающихъ, черныхъ шпицовъ, которые держались въ чумѣ на привязи. На исподней одеждѣ тѣло было покрыто 4—6 серпообразными мѣдными пластинками, на бедрахъ находилось съ полдюжины мѣдныхъ поперечныхъ полосокъ, сверху и снизу оканчивавшихся неподвижнымъ кольцомъ, посредствомъ котораго эти полоски были пришиты къ женскимъ штанамъ. Справа болталось огниво, слѣва мѣдный игольникъ. Разныя другія металлическія привѣски чрезвычайно звонкимъ стучаніемъ и брянчаніемъ своимъ свидѣтельствовали о подвижности женщинъ и служили для возбужденія вниманія окружавшихъ ихъ лицъ.

Маленькія дѣти лежали голыми передъ огнемъ, въ чумѣ, на небольшихъ шкурахъ; водяной мохъ (Sphagnum) принималъ въ себя нечистоты. Мѣшки изъ шкуры налима висѣли на готовѣ для укладки въ нихъ дѣтей на время похода. Дѣти, которыя были по старше, носили штанишки, около паха также обшитые кольцами, а на шеѣ разныя жестяныя украшенія и стеклянныя бусы. При всемъ томъ они удовлетворяли естественныя потребности свои въ чумѣ, на глазахъ передъ всѣми. Мальчики, которые были по старше, пріятельски боролись между собою, замахивались руками другъ на друга, вверхъ и внизъ, дрались на кулачкахъ или пытались колотить одинъ другаго по лицу.

Сильная дѣтская любовь выражалась у обоихъ половъ посредствомъ цѣлованія, и самъ отецъ нерѣдко укачивалъ дѣтей. Старшина посылалъ ко мнѣ дѣтей, выпрашивать хлѣба. Цѣлованіе очевидно составляло принадлежность высшаго свѣтскаго обращенія: каждый членъ орды, входившій въ чумъ, подходилъ къ старшинѣ и отпускалъ ему по поцѣлую въ обѣ щеки.

Вѣроятно вслѣдствіе большей численности этой орды, мнѣ въ разныхъ мѣстахъ представлялись все новыя знатныя особы, которыя разсчитывали на угощеніе, напр. десятскій (какъ мнѣ сказалъ переводчикъ) K$\frac{ö}{y}$m$\frac{i}{y}$ss'i, старшина N̄g$\frac{ö}{e}$g$\frac{i}{y}$rmi, и наконецъ еще другой старшина (по авамски: Bārwötu), князецъ по имени Laturánta, также въ шутовской одеждѣ и дурацкомъ колпакѣ.

Его Степенство, импонировавшее ростомъ своимъ въ 5 футовъ (слѣдовательно великанъ между карликами), изволило принять меня въ чумѣ съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства, что мнѣ къ счастью легко было не расхохотаться. Слѣва, въ глубинѣ чума, разложена была для меня шкура сѣв. оленя. Справа, но нѣсколько позади его, усѣлась весьма невзрачная супруга его; на лѣво отъ него, т. е. между нами обоими, усадили переводчика.

Съ достоинствомъ, не хуже любыхъ европейскихъ владыкъ, Латуранта сталъ расспрашивать меня о новостяхъ всемірнаго города, которымъ на этотъ разъ оказывался Туруханскъ. Онъ настойчиво допытывался, на сколько справедливъ слухъ о томъ, что на Тунгускѣ появилась оспа [1]), наконецъ вынулъ недавно полученную имъ бумагу, т. е.

[1]) То была краснуха, которая вскорѣ послѣ того сыграла надо мною такую плохую шутку.

предписаніе начальства, и попросилъ меня истолковать ему пустое содержаніе этой бумаги. На вопросъ, что̀-же ему собственно слѣдуетъ дѣлать, я передалъ Его Степенству иголку и показалъ ему, какъ такого рода бумаги, если бы онѣ еще стали поступать къ нему, нужно нанизывать одну на другую на нитку, присовокупивъ, что этимъ онъ исполнитъ долгъ хорошаго вѣрноподданнаго. Здравому природному уму Его Степенства угодно было разразиться такимъ козлиноголосымъ смѣхомъ, что я слышу его, чудится мнѣ, еще до сихъ поръ. Оправившись нѣсколько, онъ вынулъ, изъ обитаго жестью ящика, квитанціи въ уплатѣ ясака, которыя имъ тщательно сберегались. Потомъ онъ подкрѣпилъ себя ржаными лепешками [1]), которыя жена его сняла съ огня, и за тѣмъ начался судъ.

Выступилъ истецъ и съ разстановкою сталъ излагать свое дѣло. Старшина отвѣчалъ, растягивая послѣдніе слоги словъ. Неоднократно мнѣ слышалось протяжное ā̄ō. Разинувъ рты, всѣ въ благоговѣйной тишинѣ прислушивались къ приговору оракула. Между тѣмъ у судьи языкъ неожиданно развязался: какъ мельничное колесо уста его быстро съ крикомъ извергали рядъ словъ и вдругъ замолкли. Судья, такъ объяснилъ мнѣ переводчикъ, приказалъ истцу пока пріостановить искъ за отсутствіемъ отвѣтчика. Дѣло шло о какомъ-то мнимомъ обманѣ. По окончаніи своихъ владѣтельскихъ обязанностей, Его Степенство изволило обогрѣться рюмкою водки, которая развязала ему языкъ и побудила его вступить со мною въ непринужденную бесѣду. Онъ много разсказывалъ о голодѣ, бывшемъ лѣтъ 30 тому назадъ и уничтожившемъ половину всей орды. Тогда и рыболовство и охота на сѣв. оленей были неудачны. На слѣдующій же годъ корму всякаго рода и пушныхъ животныхъ было такое изобиліе, какъ и комаровъ. Въ другой разъ случился падежъ домашнихъ животныхъ, такъ что одной части его орды пришлось прозимовать въ землянкахъ на лѣтнемъ предѣлѣ ихъ охотничьихъ угодій. Однимъ изъ такихъ несчастныхъ явился ко мнѣ Койпо́да. Ему приводилось разводить огонь въ землянкѣ только разъ въ недѣлю. Въ тундрѣ я встрѣтилъ такого рода землянку съ пристройкой, сложенной изъ камней въ видѣ изогнутаго хода, для предохраненія землянки отъ метелей. Много лѣтъ тому назадъ, разсказывали мнѣ, и Русскіе бывали тамъ, на глубокомъ сѣверѣ. Такимъ образомъ одно столѣтіе успѣло уже обратить память о громадныхъ экспедиціяхъ въ какое-то смутное преданіе.

Этихъ Самоѣдовъ называли «дикими», вѣроятно потому, что они противились крещенію, мало сходились съ поселенцами и, сознавая свое богатство и независимость, дѣйствовали самостоятельно. Не только главнаго священника, но и неограниченнаго повелителя Туруханскаго края, засѣдателя, они бросили въ тундрѣ (за то, что онъ по-барски обходился съ ними, а, можетъ быть, и колотилъ ихъ) и ушли съ своею упряжью, ссылаясь впослѣдствіи на то, что голодъ заставилъ ихъ уйти, потому что эти господа не хотѣли подѣлить съ ними свои ржаные сухари.

---

[1]) Такъ называемые Röski сѣверной Финляндіи.

Суевѣріе проявлялось тутъ въ видѣ самыхъ разнообразныхъ тяжкихъ грѣховъ. Голову убитаго дикаго сѣв. оленя нужно было съѣдать сырою, потому что грѣшно варить ее; грѣшно было, что наша собака обгрызала кости дикихъ сѣв. оленей и т. п. Эта орда находилась совершенно подъ вліяніемъ своего шамана; дошло до того, что при возвращеніи моемъ Асинскіе Самоѣды разсказывали мнѣ, что изъ зависти къ славѣ великаго шамана, которую я снискалъ себѣ въ тундрѣ въ качествѣ волшебнаго стрѣлка, врачевателя и тѣмъ, что ежедневно имѣлъ чародѣйныя сношенія съ приборами неба и земли, ультрамонтанскій авамскій шаманъ, подстрекаемый злокозненнымъ асинскимъ товарищемъ своимъ, запретилъ своему племени выставить мнѣ къ началу зимы сѣв. оленей на возвратный путь, какъ мы уговорились съ ними весною. Вслѣдствіе этого я отправилъ асинскаго парня, передавъ ему ножны отъ моего охотничьяго ножа, продѣвъ въ ихъ кольца мою собачью плетку, и поручилъ ему отнести мою посылку къ Авамскимъ Самоѣдамъ да сказать имъ, что я, старикъ (срав. стр. 640, примѣч.), намѣренъ получить ее обратно на условленномъ мѣстѣ.

Въ теченіи лѣта я на столько сдѣлался Самоѣдомъ, что узналъ, какъ мнѣ слѣдуетъ поступать. Мою символическую посылку вполнѣ поняли и оцѣнили. Я засталъ сѣв. оленей, гдѣ слѣдовало, среди безпредѣльной тундры; вмѣстѣ съ тѣмъ возвратились ко мнѣ и ножны мои.

Поведеніе Латуранты, исполненное достоинства своего рода, чрезвычайно отличалось отъ клянчанія стариковъ его орды. Правда, что дѣло шло о томъ, какъ бы добыть хоть одинъ глоточекъ жизненнаго эликсира. Одинъ изъ стариковъ не ограничился умильнымъ поглядываніемъ на боченокъ, чмоканіемъ, облизываніемъ губъ, медвѣжьимъ ворчаніемъ, а растянулся на снѣгѣ во всю длину, чтобы, лежа на спинѣ, увидѣть снизу хоть частичку бочки, потому что сверху на нартѣ она была обвязана шкурами. Украдкой намъ, то тутъ, то тамъ, стали показывать сначала пару лапокъ, а потомъ и цѣлую шкуру песца, чтобы побудить насъ къ промѣну.

Латуранта взималъ, въ моемъ присутствіи, свой пай, т. е. десятую долю пойманной рыбы, но ему и въ голову не приходила мысль угостить хотя бы своихъ гостей изъ собственной орды. Отъ меня, какъ важнаго сановника, по-видимому, ожидали угощенія, почти какъ обязанности.

De Samojeden zyn in omgang de beesten schier gelyk.
Witsen, 1692, II, стр. 543.
De Volken Piasidaer genaemt zijn de slimste Duivel-dinaers....
..van Gods Heilige Engel weten deze Luiden niets to zeggen.
Witsen, 1705, II, p. 639, 640.

Больше всего мнѣ пришлось имѣть дѣло съ Водеевскими Самоѣдами или съ Асями, потому что они кочуютъ въ рѣчной области Боганиды, Дудыпты [1]) и Верхняго Таймыра, и доходятъ лѣтомъ до южнаго берега Таймырскаго озера ($74^1/_2{}^\circ$ с. ш.); слѣдовательно. это самые сѣверные жители Таймырскаго края. На юго-западъ сосѣди ихъ — Авамскіе Самоѣды. Енисей они называютъ Djāntagé.

Въ тундрѣ всѣ единогласно утверждали, что Водеевцы не настоящіе Самоѣды. Мы дѣйствительно видѣли, что всѣ самоѣдскія племена, Баи, Береговые Юраки, Авамскіе Самоѣды, Долгане и Якуты одинаково называютъ ихъ Тавгынскими (Авамскими) Тунгусами. Сами они называли себя Асями.

Нѣсколько поколѣній тому назадъ, такъ разсказывалось въ тундрѣ, Тунгусы, предки Асей, по случаю тяжелаго времени въ хребтахъ, переселились съ истоковъ Хеты и Хатанги къ сѣверу въ тундру. Въ дѣйствительности этого факта нельзя было сомнѣваться, и если, какъ полагаетъ Кастренъ, Тавгынское племя прежде простиралось дальше на западъ, то во всякомъ случаѣ это могло относиться только къ Авамскимъ и Енисейскимъ Самоѣдамъ. Но и Аси утверждали, что въ прежнее время ихъ было больше и что они распространялись дальше по р. Таймыру. Впрочемъ упомянутое происхожденіе ихъ казалось невѣроятнымъ, потому что въ нихъ нельзя было подмѣтить ничего тунгусскаго, и по наружному виду, по одеждѣ, образу жизни и языку, это были Самоѣды. Они были Самоѣды въ такой-же степени, въ какой былъ сотоварищъ ихъ по зимнимъ квартирамъ Окò, котораго при всемъ томъ считали Долганомъ. Въ главѣ о Долганахъ объяснена эта путаница.

На Асяхъ я снова замѣтилъ упомянутыя уже выше (стр. 624) особенности наружнаго вида Самоѣдовъ. И у нихъ рѣзко выступали монгольскія черты лица, особенно у дѣвушекъ, тогда какъ у мущинъ онѣ часто совершенно отступали на второй планъ. Я сказалъ у дѣвушекъ, желая обратить также вниманіе на то, что монгольскій типъ выдается тѣмъ рѣзче, чѣмъ полнѣе лицо, благодаря молодости, либо хорошему питанію. Вслѣдствіе этого кажется, что у старухъ менѣе проявляются монгольскія черты лица. Стоитъ только привыкнуть къ кошачьему очертанію монгольскаго лица и даже Европейцу, пожалуй, понравятся иныя свѣжія лица молодыхъ дѣвушекъ. Широкая, почти четыреугольная верхняя часть лица оканчивается внизу клиномъ. Изъ продолговатыхъ, обра-

[1]) Эту рѣку они называли Tudíptu, а Таймырское озеро, подобно каждому морскому заливу, Djáma. Скалы (у Таймырскаго озера) они звали $Ny\frac{dd}{r}i$. Названія нѣкоторыхъ мѣстъ у Асей значатся на спеціальной картѣ Таймыра въ атласѣ картъ нѣм. изд.

щенныхъ внаружу и кверху, узенькихъ глазныхъ щелей выглядываютъ быстрые, темные, съ виду маленькіе, глаза. У мущинъ почти всегда остроконечный носъ, непосредственно выдающійся изъ плоскаго углубленія между глазными впадинами.

Волоса, безъ исключенія черные и жесткіе, образуютъ у мущинъ очень рѣденькіе усы, которые часто ограничиваются нѣсколькими волосками въ углахъ рта; вмѣсто бороды также кое-гдѣ являются волоски подъ подбородкомъ. Но и эти немногіе волоски, особенно козлиной бородки, нерѣдко стригутся.

Аси также отличаются очень маленькими ногами. Они ходятъ на кривыхъ, вывернутыхъ внаружу, и обхватывающихъ одна другую ногахъ. Это очевидно слѣдствіе сидѣнія на совершенно поджатыхъ подъ тѣло ногахъ.

Проживъ съ Асями нѣсколько мѣсяцевъ, я успѣлъ подмѣтить только единственный признакъ, по-видимому свидѣтельствовавшій о происхожденіи ихъ отъ Тунгусовъ: національно-тунгусскую пляску, исполненную ими всего одинъ разъ и безъ всякаго одушевленія, со сплетенными руками. Восклицая heira, hojna, они притаптываютъ ногами [1]. Такъ какъ эта пляска, говорятъ, неизвѣстна Авамскимъ Самоѣдамъ, которые во всемъ остальномъ почти тождественны съ Асями, то это дѣйствительно возбуждаетъ наше вниманіе [2]. Какъ бы то ни было, но настоящею любимою пляскою Асей была чисто самоѣдская медвѣжья пляска, съ которою мы тутъ познакомимся нѣсколько ближе.

Мущины, женщины и дѣти въ перемежку берутся за руки и составляютъ кругъ. Поворачивая всѣ, въ одинъ темпъ, лѣвую руку и лѣвое плечо во внутрь круга, и выдвигая въ тоже время правое плечо внаружу, они приподнимаютъ правую ногу на столько, что она лишь пальцами касается земли и медленно описываютъ ею полукругъ передъ лѣвой ногой, потомъ переносятъ тяжесть тѣла на правую ногу и быстрымъ урывчатымъ движеніемъ влѣво откидываютъ лѣвую ногу на бокъ, по направленію круга пляшущихъ. При первомъ темпѣ правое плечо, вмѣстѣ съ правой ногой, подвигается вовнутрь, къ центру круга, а при второмъ темпѣ опять быстро отставляется назадъ. Въ постоянномъ повтореніи этихъ двухъ эволюцій и заключается вся пляска, шикъ которой очевидно основанъ на переходѣ отъ возможно медленнаго перваго темпа къ самому по возможности быстрому и урывчатому выполненію втораго темпа. Столь-же важную роль играетъ и музыка, которою сопровождается пляска: при первомъ темпѣ требуется напряженное, возбуждаемое втягиваніемъ воздуха, хрипѣніе, которое должно быть какъ можно болѣе глубоко и сипло. Другой-же темпъ подкрѣпляется испусканіемъ втянутаго воздуха и отрывчатымъ откашливаніемъ въ родѣ хрюканія. Музыка несомнѣнно должна выражать медвѣжье ворчаніе, а второй темпъ — прыжокъ на противника, послѣ того какъ при первомъ темпѣ медвѣдь приподнялъ тѣло на заднія лапы. Мнѣ привелось видѣть, какъ они исполняли эту пляску во время сильной метели на открытой тундрѣ съ такимъ благоговѣйнымъ усердіемъ, что

---

[1]) Castrén, Reiseber. und Briefe, p. 246.

[2]) Этому обстоятельству я готовъ былъ придать большое значеніе; но къ моему удивленію ни Тиманскіе, ни Канинскіе Самоѣды не были знакомы съ медвѣжьей пляской, а знали только тунгусскую съ восклицаніемъ ihej'ra.

наконецъ, снѣгъ былъ утоптанъ какъ токъ, и съ пляшущихъ ручьемъ струился потъ. «Tout comme chez nous», пробормоталъ я про себя и сталъ напѣвать Гейне-скій стихъ: «tanzen um die Bundeslade;... tanzen betend mit den Füssen».

Чтобы исчерпать запасъ свободныхъ искусствъ у моихъ полярныхъ друзей, я считаю нелишнимъ сообщить еще ноты къ баснѣ, которую я передалъ гг. лингвистамъ и которая частью распѣвалась, частью произносилась речитативомъ.

Пѣсня поется сильно въ носъ и интонація звуковъ весьма шатка.

Затѣмъ возвратимся къ тунгусскому происхожденію Асинскихъ Самоѣдовъ. На сколько языкъ ихъ вполнѣ согласовался съ языкомъ Авамскихъ Самоѣдовъ, на столько тунгусскій языкъ былъ имъ совершенно незнакомъ. Выселеніе ихъ изъ горъ совершилось, должно быть, весьма давно [1]), и перемѣна главнымъ образомъ произведена самоѣдскими женщинами. Старшина ихъ, единственный крещеный въ ордѣ, нарѣченный Михайломъ Портнягинымъ, прозывался N$\overset{\ddot{o}'}{\underset{y}{-}}$g g$\overset{\ddot{o}}{\underset{o}{-}}$s'i. Онъ кое-какъ коверкалъ русскій языкъ, хорошо говорилъ по якутски, но при всемъ томъ не понималъ тунгусскаго языка. Онъ принялъ крещеніе, само собою разумѣется, потому, что былъ самый хитрый, а потому былъ также шаманомъ своей орды. Такое скопленіе несогласныхъ между собою должностей встрѣчалось въ тундрѣ нерѣдко и напоминало Европу.

19-го Мая стар. ст. я тронулся съ этими Асями, которые, сильно пострадавъ отъ эпидеміи, теперь уже довольно поздно покинули свои зимовья на Боганидѣ съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ защиты лѣснаго предѣла, и постепенно послѣдовать за тянувшимися къ сѣверу дикими сѣв. оленями и перелетными птицами. Во главѣ каравана двигался, въ арматурѣ, описанной выше на стр. 663, пріятель мой Тойчумъ, ростомъ всего въ 4 фута, но честный человѣкъ и умная голова.

Шагомъ, и только изрѣдка мелкою рысцею, мы ежедневно проѣзжали отъ 3 до 4 геогр. миль, особенно потому, что за недостаткомъ сѣв. оленей, приходилось впрягать даже коровъ, недавно отелившихся, и молодой скотъ.

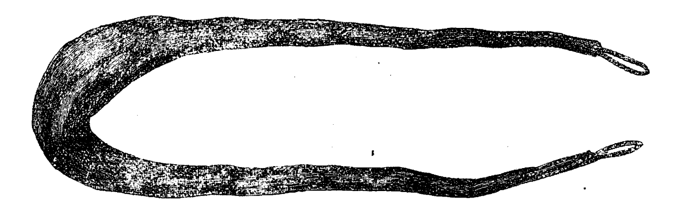
Важнымъ гусинымъ шагомъ слѣдовалъ длинный въ полсотню рядъ саней нашего каравана. Во главѣ, какъ сказано, Тойчумъ, торжественно, съ поднятымъ вверхъ копьемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ пикой, бичемъ, тормазомъ, опорой при крутыхъ боковыхъ покатостяхъ, справщикомъ сбруи, и даже ломомъ, когда нужно добыть воду. Вслѣдъ за вожакомъ ѣхали женскія сани [2]), въ которыя впряжены были наиболѣе спо-

[1]) Въ 1614 году Таймырскихъ Самоѣдовъ впервые обложили податью (Müller, Samml. Russ. Gesch. VIII, p. 49). Были-ли это Авамскіе Самоѣды? или тогда участвовали въ этомъ уже и Аси?

[2]) Т. е. по формѣ. Женскія сани, на которыя кладется поклажа, выше и шире мужскихъ. Вся длина ихъ составляла 99", вышина подпорокъ 27" до дна саней, и на 8" выше для поддерживанія боковыхъ досокъ сидѣнья. Ширина

*

койные на ходу сѣв. олени; на этихъ саняхъ лежали крошечныя санки, въ которыхъ тщательно припрятанъ былъ идолъ орды. Затѣмъ слѣдовала пара мужскихъ саней, за ними наши нарты, потомъ опять мужскія сани, за которыми тянулся длинный рядъ женскихъ саней съ поклажей, и наконецъ еще стадо съ погонщиками, скакавшими то вправо, то влѣво, чтобы сгонять животныхъ.

Самоѣдскій, набитый волосомъ, хомутъ сѣв. оленя.

На одной части женскихъ саней лежали стойки для шалашей, шкуры для покрышки ихъ (njúk), запасы топлива, лодки [1]) съ двулопатными веслами, разнаго рода снасти для ловли животныхъ и домашняя утварь. Другія сани были тщательно покрыты шкурами и обвязаны ремнями; въ нихъ находились съѣстные припасы. На нѣкоторыхъ разложены были мѣха для удобнаго сидѣнья больныхъ, для женщинъ и дѣтей. Даже нѣсколько мѣховыхъ собакъ сидѣло на саняхъ, тогда какъ бо́льшая часть, на привязи, бѣжали возлѣ саней.

По временамъ вожакъ другому, смѣняющему его лицу указываетъ направленіе пути, а самъ скачетъ на возвышеніе, выкуриваетъ трубку, посматриваетъ во всѣ стороны и, подобно полководцу, пропустивъ мимо себя весь караванъ, вслѣдъ затѣмъ опять отправляется во главу шествія. Tout comme chez nous. Въ качествѣ вожаковъ они считаютъ себя важными лицами, да и дѣйствительно задача ихъ не легка, потому что необходимо позаботиться и объ оленьемъ мхѣ, и о льдѣ для воды, и о топливѣ, хотя бы это были однѣ только криворослыя ивы, и о возможно лучшемъ успѣхѣ по части ловли рыбъ, сѣв. оленей и песцовъ, и о защитѣ отъ непогодъ.

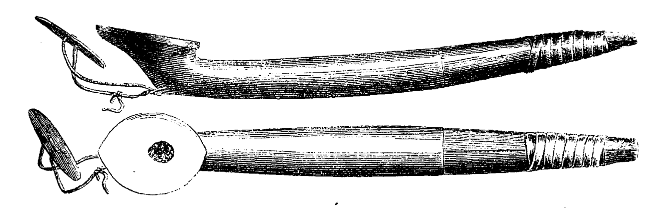
Наконецъ, сообразивъ порядкомъ все это, онъ втыкаетъ въ снѣгъ копье свое, притягиваетъ къ себѣ, не сходя съ саней, впряженныхъ въ нихъ сѣв. оленей, развязываетъ имъ ремни и отпускаетъ ихъ въ тундру. Затѣмъ, неподвижно продолжая сидѣть на поджатыхъ подъ себя ногахъ, онъ съ удивительнымъ спокойствіемъ вытаскиваетъ изъ-за голенища мѣховыхъ сапоговъ своихъ трубку [2]) изъ мамонтовой кости, изображенную тутъ въ половину настоящей величины. Пуговка съ ремешкомъ служитъ для лучшаго привѣшиванія трубки.

сидѣнья была на днѣ въ 35″, сверху въ 32″. Спинка возвышалась надъ боками на 8″ и находилась всего на 36″ надъ дномъ. Отвѣсно подъ нею конецъ полозьевъ, отъ подпорки въ 19″ до самой задней изъ трехъ, отстоящихъ одна отъ другой на 15″.

[1]) Mȳnduj, лодка; tuōfs'a, весло.

[2]) Въ мое время за такую трубку платили отъ полупесца до цѣлаго песца; за мѣдный нагрудникъ или за бедренникъ также песца; за лодку до 20 песцовъ.

Мундштукъ составляетъ раздвоенная трубка изъ лиственичнаго дерева, которую въ крайней нуждѣ растираютъ въ табакъ. Впрочемъ, потребность въ курительномъ матеріалѣ чрезвы-

Мамонтовая трубка въ полвеличины.

чайно незначительна, потому что въ трубкѣ едва помѣщается треть того, что входитъ въ наперстокъ, да кромѣ того, изъ шубы вырываются волоса, которыя кладутся подъ табакъ и, вмѣстѣ съ трутомъ, усиливаютъ дѣйствіе его. Дѣлается нѣсколько глубокихъ по самыя легкія затяжекъ, часто сопровождающихся наркотическимъ самозабвеніемъ или даже одуреніемъ, и куренію конецъ. Но тѣмъ чаще оно повторяется. Прекрасный полъ (въ особенности старыя вѣдьмы) также постоянно передаютъ другъ другу трубку, хотя бы она и была набита только шерстью сѣв. оленей и стружками. Но это, конечно, дѣлается не на привалахъ, потому что въ то время, когда мущины не трогаются съ мѣста и цѣлыми часами сидятъ при шумѣ непогодъ, не теряя терпѣнія и не понукая, изрѣдка даже спятъ, съежившись на саняхъ и запрятавъ ноги въ мѣховой мѣшокъ [1]), въ то время женщины находятся въ лихорадочномъ движеніи. Онѣ устраиваютъ чумъ, который снимается очень скоро, но нерѣдко устанавливается лишь съ величайшимъ усиліемъ.

Сгребаютъ снѣгъ, разстилаютъ на землѣ двѣ-три доски, съ прекрасно изолирующими рогожами, сплетенными изъ прутьевъ, и покрываютъ ихъ подержанными шалашными шкурами. Ставятъ конусообразно стойки въ видѣ продолговатаго, расширяющагося по бокамъ овала, и вдвигаютъ дощечку порогомъ для дверей. Чрезвычайной ловкости требуетъ, особенно при степной бурѣ, прикрѣпленіе шалашныхъ шкуръ, которыя внизу обкладываются снѣгомъ Дверное отверстіе, въ случаѣ надобности, завѣшивается вдвое. При слишкомъ сильномъ дымѣ, съ подвѣтренной стороны устраивается отверстіе. Затѣмъ садятся на мягкія шкуры. Долго Европеецъ не въ состояніи удерживаться отъ смѣха, когда новый обитатель чума на четверенькахъ вползаетъ чрезъ низенькое дверное отверстіе, усаживается, приподнимаетъ вверхъ ноги, показывая всей компаніи ту часть тѣла, гдѣ спина лишается честнаго своего имени, потомъ съ такимъ-же шумомъ, какъ напр. пѣтухъ, хлопающій крыльями, бьетъ одну ногу объ другую, чтобы стряхнуть въ огонь

---

[1]) Куколь, такъ называется сшитая спереди мѣшкомъ шкура сѣв. оленя, висящая сзади на спинкѣ саней и служащая полостью и спальнымъ мѣшкомъ.

приставшій къ нимъ снѣгъ и затѣмъ спокойно поджимаетъ подъ себя ноги, подобно раку, какъ складной ножикъ — недосягаемо для самаго благовоспитаннаго салоннаго Европейца.

Между тѣмъ женщины уже нарубили дровъ и льду, или осенью подъ снѣгомъ отыскали криворослыя ивы, навѣшиваютъ котелокъ (Nītt$\frac{a}{o}$) и разводятъ огонь[1]), при чемъ неустанно дѣйствуетъ неизбѣжный мѣхъ[2]); но на перекоръ ему часто сырое, даже грубое, топливо до того наполняетъ чумъ дымомъ и ѣдкимъ чадомъ, что глаза съуживаются въ крошечную щелку, мускулы въ лицѣ судорожно сжимаются и Дарвиніанецъ смѣло могъ бы доказывать, что отъ этого-то и происходитъ монгольская форма глазъ, подобно тому, какъ широкое лицо средне-азіатскихъ Монголовъ приписывалось расширенному отъ верховой ѣзды тазу, въ которомъ развивается зародышъ.

Въ котлѣ почти всегда варится мясо сѣв. оленя, которое, если въ шалашѣ ждутъ еще другія семейства, часто уже вынимается полусырымъ. Наваръ остается въ котлѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ чашей и тарелкой. Смотря по надобности, этотъ наваръ употребляютъ какъ питье. Столь-же просто устроено дѣло съ ложкой; для черпанія употребляется большой желѣзный ковшикъ (Bāss'a-kītta), изъ котораго непосредственно хлебаютъ супъ. Корыто (sīljä'$\frac{ch}{k}$a), деревянная чаша (kītta) и ложка изъ мамонтовой кости (kuj) въ обыденной жизни принадлежатъ уже къ предметамъ роскоши. Мясо хватаютъ пальцами, запускаютъ въ него зубы и ножемъ отрѣзываютъ кусокъ снизу кверху, передъ самымъ кончикомъ носа.

Кто въ добавокъ хочетъ вытереть запачканные пальцы, тому, вмѣсто полотенца, подаютъ тѣльныя перья бѣлыхъ куропатокъ.

Если охота неудачна, то являются на сцену, небольшими порціями, запасы послѣдняго сезона: мороженыя или слегка копченыя рыбы[3]), либо также вяленыя[4]), рубленыя, сохраненныя въ салѣ и рыбьемъ жирѣ, и высушеные вѣтромъ гуси (некопченые), зашитые въ мѣшки изъ шкуръ почти безчешуйной кунджи[5]). Въ видѣ лакомствъ являются также колбасообразныя рыбьи шкуры, набитыя жирными брюшными и спинными кусками лоховъ[6]), или колбасы, начиненныя лакомымъ надбрюшнымъ и кишечнымъ жиромъ сѣв. оленей, или гусинымъ жиромъ, составляющимъ прекраснѣйшій десертъ.

---

[1]) Трутомъ служитъ имъ трава $\frac{ch}{f}$ǖu (вѣроятно Artemisia Tilesii Ledeb.), натираемая углемъ.

[2]) kāāj, конечно безъ клапановъ.

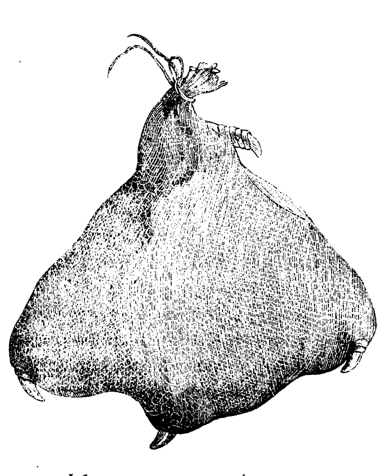
[3]) Такъ называемая вообще Jukola, которую Аси называютъ Fäggö.

[4]) Юлкта русскихъ поселенцевъ; Аси называютъ $\frac{F}{Ch}$urs'u.

[5]) Nilimā.

[6]) Ва́рка русскихъ поселенцевъ; у Асей: s'ōbo.

Весьма оригинальны сосуды, изъ которыхъ вынимаются съѣстные припасы и лакомства. То мнѣ подавали для наливанія водки флаконъ, снятый съ ноги лебедя или служившій сѣв. оленю желчнымъ пузыремъ, то сосудъ изъ гусиной шкуры, разрѣзанной сзади между ногами, выпотрошенной и, по перевязкѣ шеи, ногъ и крыльевъ, начиненной фаршемъ; то является бочка, сдѣланная изъ приготовленной такимъже образомъ шкуры олененка, которая выпотрошена черезъ ротъ и у которой потомъ, когда ее начинятъ, презабавно торчатъ четыре подвязанныхъ обрубка ногъ; то рыбныя шкуры, кишки сѣв. оленей и т. п. При необыкновенно ловкомъ снятіи кожи и разрѣзкѣ добытаго мною сѣв. оленя, желудокъ очистили, калитку закрыли, закрутивъ ее и задѣлавъ колышкомъ, и затѣмъ тщательно наполнили кровью.

Лебединая нога для храненія жира.

Народъ слишкомъ легко принимается за закалываніе олененка, и при маломальски наполненномъ людьми чумѣ двухгодовое животное исчезаетъ за однимъ ужиномъ. Часто мущины только слишкомъ лѣнивы, чтобы трогаться съ мѣста. Обрѣченнаго на закаланіе олененка я спасъ тѣмъ, что уговорилъ спутниковъ своихъ не убивать его; отправился человѣкъ въ степь, въ озаренную солнцемъ ночь и черезъ нѣсколько часовъ привезъ двадцать съ чѣмъ-то бѣлыхъ куропатокъ, которыхъ онъ загналъ въ сѣть. Вскорѣ отъ нихъ остались однѣ кишки, висѣвшія надъ очагомъ для копченія. Климатъ требуетъ обильной пищи и стараніе начинить желудокъ обращается въ обычай. Притомъ мясная пища переваривается такъ легко, что я вскорѣ началъ съѣдать порціи, вѣсомъ чуть-ли не втрое болѣе того, что я привыкъ ѣсть дома.

Когда наступаютъ тяжкія времена—а рѣдко проходитъ весна, которая за беззаботную небережливость не наказывала бы нуждою,—то съѣдаютъ волковъ, лисицъ и песцовъ. Одинъ Самоѣдъ выпросилъ у насъ выброшенныя нами кишки сѣв. оленей, которыя уже цѣлую недѣлю гнили возлѣ нашего чума подъ лучами незаходившаго солнца. Правда, что мѣсяца два спустя мы дорого бы дали, если бы сами могли съѣсть ихъ.

Вообще котлу приходится работать меньше, чѣмъ бы можно было думать, потому что рыбы большею частью поѣдаются въ сыромъ, свѣжемъ или замороженномъ видѣ. Голову убитаго дикаго оленя нужно съѣдать въ сыромъ видѣ, если не хочешь совершить

грѣха. Уши, спинной жиръ, вымя, печень и кишечный жиръ убитаго сѣв. оленя, составляющіе чрезвычайно лакомые кусочки, охотники любятъ съѣдать сырыми на мѣстѣ боя; глотаютъ даже часть пищи, содержащейся въ кишечномъ каналѣ, считая ее средствомъ противъ цынги. На ушахъ, которыя были отданы мнѣ, какъ счастливому стрѣлку, убившему оленя, я чуть-было не выломалъ себѣ зубовъ и все-таки не могъ справиться съ ними, но печенью, которая еще дымилась, я не могъ вдоволь насладиться. По ушамъ Аси узнаютъ, жиренъ-ли сѣв. олень, или нѣтъ. У перехода отъ ушнаго хряща къ затылку, слѣдовательно вокругъ подъемнаго мускула уха, набирается отлагающійся въ клѣтчатую ткань жиръ, который ощупывается въ видѣ каната. Тутъ-то и кроется вся суть распознаванія жирности животнаго ощупью углей.

Растительная пища, даже мука, по-видимому не пользовалась почетомъ. Только во время голода весною я встрѣтилъ Самоѣда, который откапывалъ и съѣдалъ въ сыромъ видѣ корни, какъ мнѣ казалось, астрагалуса. Онъ увѣрялъ меня, что иногда они и варятъ ихъ.

Мущины ловятъ рыбу, охотятся и стерегутъ сѣв. оленей; послѣдніе каждый вечеръ сгоняются къ чуму, обыкновенно-же сами собираются, часто становятся чрезвычайно нахальными и при всякомъ внезапномъ испугѣ, того и гляди, чуть не опрокидываютъ шалашей. Въ дурную погоду чинятся сани, шесты и приборы. Важную роль играетъ коловоротъ, который долженъ находиться на всѣхъ мужскихъ саняхъ, потому что бо́льшая часть починокъ производится перевязками.

Если бы Самоѣды были лучше вооружены, то они несравненно успѣшнѣе могли бы устроить свое хозяйство. Стрѣльба ихъ изъ луковъ, какъ мы уже замѣтили (стр. 600), весьма неудовлетворительна, а желѣзо на р. Таймырѣ такъ рѣдко, что, благодаря двумъ-тремъ гвоздямъ, я сдѣлался благодѣтелемъ Асинца, котораго постигло несчастіе, что онъ не могъ отыскать выпущенную имъ послѣднюю стрѣлу. Какъ ни искусенъ способъ загонки сѣв. оленей, но онъ лишь тогда сопровождается лучшимъ успѣхомъ, когда удается принудить животныхъ къ переправѣ черезъ значительныя водныя пространства. Только приборы для ловли песцовъ могутъ быть названы удовлетворительными, потому что щемилки изъ привезенныхъ съ предѣла древесной растительности стволовъ, на которые кладутся камни, тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію, чѣмъ онѣ проще и, слѣдовательно, чѣмъ больше ихъ тянется по всей тундрѣ въ видѣ почти непрерывнаго, часто даже параллельно идущаго, ряда ловушекъ. Съ другой стороны у Самоѣдовъ нѣтъ также недостатка въ лисьихъ капканахъ, которые разставляются передъ выходами изъ песцовыхъ норъ и наконецъ должны достигнуть своей цѣли, хотя иной тертый калачъ заставляетъ ждать себя дня три, прежде чѣмъ нужда заставитъ его влѣзть въ капканъ.

При всемъ томъ слѣдовало-бы облегчить пріобрѣтеніе лисьихъ капкановъ и во всякомъ случаѣ было бы необходимо развить его при помощи возможно большаго распространенія хорошо насталенныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, а въ особенности волчьихъ капкановъ (срав. стр. 557), къ которымъ не мѣшало бы еще присоединить стрих-

нинъ. Волки и росомахи—злѣйшіе враги сѣвернаго оленеводства, большею частью не попадаются въ ловушки.

Недостаетъ также у Самоѣдовъ неводовъ, и вся ихъ рыбная ловля, по крайней мѣрѣ въ Таймырскомъ краѣ, ограничивается жалкими ставными сѣтями. Главный спросъ долженъ бы быть на пеньковую пряжу, а между тѣмъ торговля и тамъ, въ глуши, преимущественно избираетъ предметы роскоши и во время осенняго довольства Самоѣдовъ надѣляетъ и соблазняетъ этихъ часто голодающихъ, иногда даже умирающихъ съ голоду, дѣтей природы, табакомъ, мѣдными украшеніями, стеклянными бусами, полосками сукна и т. п., охотнѣе же всего водкою. Купцы производятъ рыбную ловлю лучше на собственный счетъ, при помощи обѣднѣвшихъ кочевниковъ, en gros.

Большіе невода были бы тѣмъ болѣе умѣстны, что Самоѣды привыкли заниматься ловлею сообща. Только въ началѣ лѣта стояло нѣсколько отдѣльныхъ шалашей на Верхнемъ Таймырѣ, и мы явились къ нимъ кстати неустанными передавателями извѣстій между сосѣдями, которые вовсе не видѣлись между собою и жадно распрашивали насъ о житьѣ-бытьѣ своихъ родичей, тѣмъ болѣе, что въ то время эпидемія похитила много жертвъ. Но уже въ концѣ Іюля Асинцы на Верхнемъ Таймырѣ стали собираться цѣлыми обществами, которыя на общій счетъ сгоняли сѣв. оленей на воды, загоняли линявшихъ гусей въ разставленныя сѣти и т. п.

Это не должно удивлять насъ, потому что коммунистическій обычай, сложившійся изъ первоначальнаго гостепріимства первобытныхъ порядковъ, какъ ракъ, разъѣдаетъ самоѣдское хозяйство. Я разумѣю дѣлежъ добычи на доли. За каждымъ хорошимъ охотникомъ слѣдуютъ праздные бѣдняки, потому что всякій, являющійся къ хозяину убитаго животнаго въ то время, когда охотникъ еще не успѣлъ разрѣзать добычу, вправѣ не только участвовать въ ѣдѣ, но и получить долю шкуры. Такимъ образомъ случилось, что Тойчумъ въ продолженіи всего лѣта ничего не получилъ и что первую шкуру, которая пришлась на его долю, доставилъ ему мой выстрѣлъ въ концѣ лѣта. Мой сотоварищъ по охотѣ Коммисси собственноручно закололъ четырехъ сѣв. оленей при переправѣ ихъ черезъ воду, а все-таки ему досталась доля, т. е. шкура и половина мяса, лишь отъ десятаго животнаго, убитаго имъ въ теченіи лѣта 1843 года. Рядомъ съ этимъ коммунистическимъ обычаемъ губятъ ихъ религіозный обычай, снабжать покойниковъ въ дальній путь принадлежавшимъ имъ имуществомъ, а въ особенности поминки, для которыхъ убивается огромное количество сѣв. оленей, съѣдаемыхъ при этомъ оставшимися въ живыхъ.

Податями обложены были Асинцы очень умѣренно: имъ приходилось платить каждому только по парѣ песцовыхъ шкуръ, которая оцѣнивалась въ 5 руб. асс., тогда какъ сосѣди ихъ, Тунгусы и Долгане, должны были вносить ясакъ изъ 4 песцовъ. Прежде Асинцы удерживали даже морду съ лапками, но теперь на это смотрѣли строже. Въ мое время песцовая лапа употреблялась какъ размѣнная монета и составляла $1/_{12}$ часть единицы, т. е. цѣлаго песца, шкура котораго цѣнилась въ 2 руб. 40.

При взиманіи подати старшины, по-видимому, поступали весьма прилично, тогда

какъ на казенныхъ сборщиковъ податей, казацкихъ унтеръ-офицеровъ и казаковъ, жаловались, что они не умѣютъ писать прямо, какъ я пишу. Такой-то и такой-то, говорили мнѣ, «пишетъ слишкомъ криво», такъ что приходится всегда платить больше, а иногда и еще во второй разъ».

Власть старшинъ, въ качествѣ главныхъ судей, по-видимому была очень велика. Очевидно это расширенная патріархальная власть, потому что однажды Око сильно поколотилъ своего женатаго сына, жившаго отдѣльно отъ него. Это было единственное наказаніе, которое мнѣ привелось видѣть у Самоѣдовъ. Уваженіе къ старшему выражалось у Асинцевъ впрочемъ только тѣмъ, что какъ мущины, такъ и женщины, подходили къ нему и цѣловали его, если они встрѣчались съ нимъ лѣтомъ въ первый разъ. Старшины судятъ и наказываютъ по усмотрѣнію и по существующимъ обычаямъ. При моемъ незнакомствѣ съ послѣдними, я иногда затруднялся рѣшеніемъ вопроса, относившагося къ наслѣдственнымъ раздѣламъ, поступавшимъ ко мнѣ на апелляцію. Со мною вполнѣ соглашались въ томъ, что изъ лицъ, оставшихся въ живыхъ, двоюродный братъ, усыновленный сынъ и племянникъ должны получать свою часть. Но общее недоразумѣніе возбудилъ мой приговоръ, чтобы изъ имущества умершаго въ мое время старшины, не оставившаго по себѣ наслѣдниковъ, одна треть была отдана тремъ самымъ бѣднымъ сиротамъ племени.

Одна вдова получила въ наслѣдство сѣверныхъ оленей своего мужа, а весь охотничій приборъ его достался тому, который принялъ вдову къ себѣ въ чумъ. Казалось, что останься вдова бездѣтной, все перешло бы къ родственникамъ покойнаго мужа.

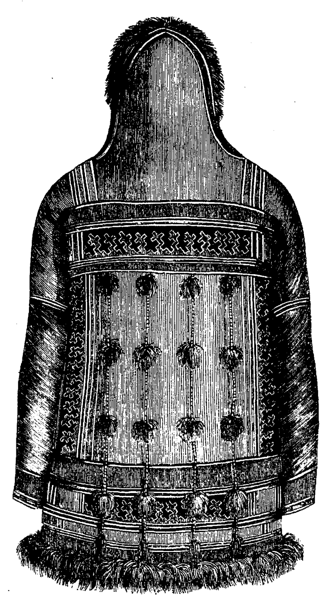
Большое затрудненіе заключается для пріѣзжаго въ томъ, что у Асинцевъ, также какъ у Береговыхъ Юраковъ (срав. стр. 665), нѣтъ фамильныхъ названій. Этимъ для нашего брата, да очень скоро и для Самоѣдовъ, прекращается всякая преемственность. Отца Тойчума звали напр. Тонкòва. Кромѣ приведенныхъ уже прежде именъ, считаю нелишнимъ, ради образца, привести имена моихъ асинскихъ сотоварищей по охотѣ; ихъ звали: Nantúa, Naturánta, Nauránta, Motlja, Mohná, Nakaraka.

Стоитъ сказать еще нѣсколько словъ о женщинахъ.

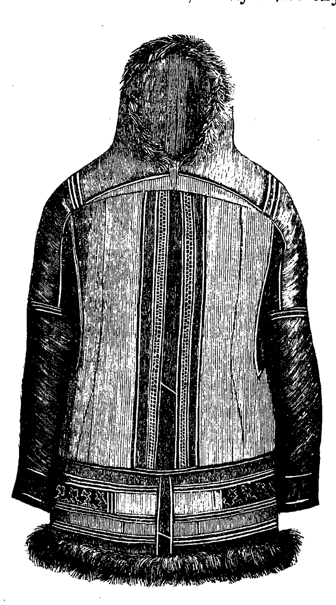
Женщины дубятъ, шьютъ, чинятъ, вышиваютъ, какъ только выдается свободная минута. О произведеніяхъ ихъ по части шитья мы уже говорили на стр. 647. На слѣдующей страницѣ изображенъ обыденный нарядъ Асинца, собственно лѣтняя одежда, называемая n͡jäd$\frac{a}{o}$ly. Жена для Самоѣда также необходима, какъ нашимъ знатнымъ барамъ камердинеръ, камеръ-юнгферъ, главный поваръ, дворникъ, модный портной, обойщикъ и т. п. Все это самоѣдская женщина соединяетъ въ одномъ лицѣ. Безъ женской свиты ни одинъ Самоѣдъ не тронется въ путь, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда онъ увѣренъ, что наткнется на готовый ночлегъ, на чумы.

Да, такая трудолюбивая жена кладъ, и потому умный Самоѣдъ, если ему маломальски позволяютъ средства — а это рѣдко случается — заводитъ себѣ двухъ женъ. Если

онъ самъ не нуждается въ двухъ женщинахъ, то одну отдаетъ въ наймы, что бываетъ особенно выгодно въ такомъ случаѣ, когда кромѣ собственнаго пая, слѣдующаго ему,

Полушубокъ Асинскаго Самоѣда сзади.

Тотъ-же полушубокъ спереди.

какъ хозяину, по обычаю достается еще другой пай на долю жены. Такъ объяснилъ мнѣ это семейное дѣло тунгускій старшина Сантаулъ, счастливецъ, успѣвшій запастись четырьмя женами. Конечно, что все это значитъ въ сравненіи съ униженіемъ женщины на основаніи средневѣковаго права seigneurerie у европейскаго земскаго дворянства.

Если такой Крезъ по части стадъ, какъ напр. Окò, въ состояніи нанять себѣ въ батраки Самоѣда, то онъ, кромѣ харчей и новой одежды съ головы до ногъ, обязанъ дать ему сѣв. оленя, за годовые труды его, считая срокъ отъ одного лѣта до другаго. Такое вознагражденіе соотвѣтствуетъ высокой рентѣ.

Чтобы добыть себѣ жену, нуженъ капиталъ, да притомъ большой капиталъ. Дочь-невѣста не тягость, а дорогое сокровище; это своего рода капиталъ. Нѣтъ ничего легче, какъ пріискать ей мужа. Поэтому нужно содержать ее хорошо. Почти за полстолѣтіе до меня, сестра старшины Натура́нты, который и въ мое время счастливо правилъ своимъ народомъ, всюду была извѣстна своею разсудительностью, бережливостью и безпреко-

*

словностью—буквально такъ перевелъ мнѣ разсказъ переводчикъ мой. Тщетно домогался ея руки цѣлый рядъ жениховъ. Цѣна за нее была слишкомъ высока. Наконецъ одинъ Самоѣдъ, слывшій въ то время за богача, купилъ ее для своего сына въ качествѣ второй жены. Онъ далъ отцу 5 голубыхъ песцовъ, 45 песцовъ, 5 волковъ, стадо въ 90 сѣв. оленей, 8 аршинъ краснаго сукна. не говоря уже о котлахъ и о всей принадлежности домашняго хозяйства. Кромѣ того цѣлое собраніе женскихъ мѣдныхъ панцырныхъ пластинокъ было замѣнено сѣв. оленями[1]). Громко раздавалась слава такой женщины и ясно доказывала, что Самоѣдъ, хотя и отдаетъ жену свою въ наймы, все-таки лучше инаго Европейца умѣетъ цѣнить умственныя достоинства женщины.

Старшій сынъ богача Окó женился на Авамской Самоѣдкѣ, заплативъ за нее 16 песцовъ, 2 волковъ, 40 сѣв. оленей, шкуры для чума, котлы и т. п. снаряды.

Пріятель мой Тойчумъ, хотя и старшина, но былъ бѣднякъ. За свою дочь онъ получилъ только 30 песцовъ, 2 волковъ и 20 сѣв. оленей, но въ свою очередь долженъ былъ отдать на обзаведеніе 10 сѣв. оленей, котлы и др. принадлежности. Но по опыту, говорилъ онъ, ему извѣстно, что сѣв. олени, пріобрѣтенные такимъ путемъ, какъ-то не идутъ въ прокъ, т. е. дохнутъ, разрываются волками и т. д.

Иногда приданое невѣсты, по-видимому, очень понижаетъ цѣну за нее. Такъ напр. видно было изъ разсказа, что невѣста должна имѣть на готовѣ новую одежлу для жениха, т. е. полушубокъ, совершенно бѣлые сапоги съ красными суконнымикаемками и т. д., что она должна получить въ приданое два отдѣленія новыхъ покрышекъ на чумъ и домашніе приборы всякаго рода, наполняющіе обыкновенно отъ 8 до 10, а въ экстренныхъ случаяхъ до 20 саней, изъ которыхъ въ каждые впряжено по 1, а въ невѣстины 2 сѣв. оленя. Все это достается молодой четѣ.

Слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ устраивается мѣна, да и на слѣдующій годъ молодая чета посѣщаетъ родителей и обязана привезти имъ новый нарядъ, и за это получаетъ отъ нихъ 2 сѣв. оленя.

Что основу брака составляетъ идея обмѣна, это доказываетъ также слѣдующій случай. Второй сынъ Окó, слѣдовательно сынъ очень богатаго человѣка, женился на дочери старшины Натуранты, т. е. на аристократкѣ. За нее отецъ Окó отдалъ свою дочь, т. е. сестру жениха, служившую Натурантѣ до тѣхъ поръ, пока онъ выдалъ ее замужъ ради своей пользы.

Переговоры часто длятся съ полгода и больше. Сватъ получаетъ за свои хлопоты сѣв. оленя.

Церемоній сватовства, сговора и приводовъ невѣсты, которыхъ мнѣ самому неудавалось видѣть, потому что все это дѣлается во время зимняго отдыха, я не стану описывать. Хотя ихъ и можно считать гражданскимъ бракомъ, но онѣ несравненно сложнѣе европейскихъ, и при всемъ томъ, бракъ легко разстраивается, конечно, при удовлетворительномъ возвращеніи вещей.

---

[1]) **Кастренъ**, въ упом. соч. стр. 56, также сообщилъ намъ высокую цѣну жены у Остяковъ.

Вообще съ женщиною, несмотря на униженіе ея, обращаются хорошо. Никогда я не видѣлъ, чтобы женщинъ истязали; даже бранныя слова большая рѣдкость. Какъ нѣчто неслыханное разсказывали, что Окȯ колотитъ жену свою, да преимущественно изъ ревности. Вдова, невѣстка Тойчума, лишившаяся уже двухъ мужей, хвалила мнѣ обоихъ, но все-таки увѣряла, что если бы сынишка не былъ такъ молодъ и уже умѣлъ бы ловить бѣлыхъ куропатокъ, то она не стала бы болѣе помышлять о третьемъ мужѣ.

Затѣмъ обратимся снова къ разсмотрѣнію того, что женщины шьютъ и вышиваютъ. Къ наряду принадлежитъ, какъ извѣстно, рубашкоподобная исподняя одежда, обращенная мѣхомъ во внутрь и заступающая мѣсто нашего фланелеваго бѣлья; есть нѣсколько видовъ ея [1]); затѣмъ штаны (Fonīä) и такъ-называемые чулки (Tōngada). Женскіе штаны, украшенные на поясѣ шитымъ узоромъ, нераздѣльно соединены съ грудною частью [2]), которая сдерживается подтяжками, оставляя спину открытою. Верхнія женскія шубы не смыкаются въ видѣ рубашки, а открыты спереди; да и шапка ихъ не соединяется съ верхней шубой.

Въ шалашѣ въ хорошее время года люди часто ходятъ голыми, въ однихъ только штанахъ; особенно они голыми ложатся спать въ свои спальные мѣшки, да обыкновенно вдвоемъ.

Кромѣ кистевыхъ ремней и различныхъ украшеній, на спинной части полушубка (см. рисунокъ на стр. 681), шкура еще расписана красками. Обыкновенно, а въ особенности на дѣтскихъ одеждахъ, которыя болѣе всего разукрашиваются, изображены четыреугольныя фигуры на спинѣ и сдѣланныя въ видѣ подтяжекъ полоски черезъ плечи. Бѣлая и красная краски смѣняются поочередно. Ремневыя косички также состоятъ изъ черныхъ, красныхъ и бѣлыхъ полосокъ.

Особенно отличается, какъ и у нашихъ дамъ, головной уборъ; но онъ неизмѣнно строго слѣдуетъ модѣ. Вышеупомянутое убранство шапки, съ длиннымъ чернымъ собачьимъ волосомъ мохнатыхъ шпицовъ, оканчивается и спереди чѣмъ-то въ родѣ пушистаго хвостика, который отчасти прикрываетъ лицо, но при вѣтрѣ важно развѣвается, какъ перья на шлемѣ.

Впрочемъ, женщины, когда онѣ принарядятся, совершенно обвѣшаны мѣдными бляхами и вплетенными въ косы бубенчиками и бусами. Но я разъ только нашелъ, что онѣ дѣйствительно имѣли статный видъ, т. е., когда онѣ насъ посѣтили среди лѣта и когда въ буквальномъ смыслѣ ихъ нельзя было узнать, потому что онѣ вымылись.

Татуированіе лица, въ видѣ украшенія, у Самоѣдовъ, по-видимому, дѣйствительно не въ употребленіи. Между Асинцами я встрѣтилъ, однакоже, трехъ молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ на правой рукѣ, отчасти на внутренней сторонѣ локтеваго сгиба, отчасти косо, вдоль поверхной вены, были три черныхъ пятна въ рядъ. Онѣ вшиваются съ ранней

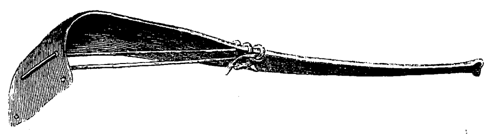
1) Коротенькій тулупъ съ шапкой мнѣ назвали nī táku; длинный tónn$\frac{o}{u}$.

2) Bajku. Покрой ея какъ въ Германіи у мальчиковъ сельскихъ жителей.

молодости посредствомъ жильныхъ волоконъ, вычерненныхъ углемъ. Можетъ быть, это употребляется въ видѣ предохранительнаго средства отъ болѣзней, потому что противъ столь обычнаго въ чумахъ, чрезвычайно чувствительнаго лома въ поясницѣ татуирный швъ служитъ какъ отводное средство; вслѣдствіе этого спина Натуранты представляла цѣлый рядъ образчиковъ такого рода. Кромѣ лома въ поясницѣ, которымъ и я сильно страдалъ, нерѣдкою болѣзнью оказывалась парша. Что жесткія невзгоды, которымъ подвергаютъ себя эти люди, не позволяютъ имъ достигать старости, это доказывалось тѣмъ, что во всей Асинской ордѣ былъ одинъ только старикъ. Онъ страдалъ неспособностью поднимать верхніе вѣки, но съумѣлъ помочь своему горю искусно придуманной повязкой въ видѣ буквы Т, которая спереди расходилась вилкообразно мимо обѣихъ сторонъ носа и подтягивала вѣки вверхъ.

Впрочемъ, кожа на тѣлѣ этихъ людей татуирована еще иначе, чѣмъ мы тотчасъ описали, а именно въ видѣ кровавыхъ точекъ, благодаря безсчисленнымъ обитателямъ ихъ одежды, съ которыми они тщетно борются (срав. стр. 53 и 653). Къ точкамъ присоединяются рубцы, образующіеся отъ расчесыванія тѣла. Это страданіе заставило ихъ обзавестись особымъ инструментомъ, который въ чрезвычайно утонченныхъ туалетныхъ магазинахъ нашихъ встрѣчается въ видѣ длинной, изогнутой щетки, изображающей спинную скребницу.

Прототипъ этого рафинированнаго инструмента является у Самоѣдовъ въ видѣ тонкаго обрѣзка отъ рога сѣв. оленя, конецъ котораго передъ огнемъ согнутъ подъ прямымъ угломъ и ремнями удерживается въ этомъ положеніи. Чтобы объяснить значеніе этой скребницы, я долженъ возвратиться къ неподражаемо забавному описанію Стеллера[1]). Сообщивъ очень интересныя замѣтки о «пожираніи» и щелканіи, онъ продолжаетъ: «Если же они (т. е. Ительмяны) хо«тятъ вполнѣ ублажить себя, то они снимаютъ кухлянку, садятся голыми передъ огнемъ, «берутъ веревку, сплетенную изъ сухихъ корней Alsines marinae portulacaefoliae, во«дятъ ее обѣими руками по спинѣ и отъ удовольствія дѣлаютъ умильнѣйшія фи«зіономіи».

Спинная скребница Асинскаго Самоѣда.

Вознесемся отъ этихъ земныхъ горестей и радостей къ болѣе высокимъ предметамъ. Религіозный интересъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, на удачѣ и неудачѣ въ охотѣ и ловлѣ, хотя домашнему истукану приходится заботиться еще о многомъ другомъ. Выше (стр. 647) мы уже имѣли случай ознакомиться съ двумя домашними истуканами. Ни Окò,

---

1) Beschreibung des Landes Kamtschatka, 1774, стр. 199.

ни Тойчумъ не рѣшились показать мнѣ своихъ домашнихъ божковъ, освященныхъ шаманомъ. Это были какія-то куклы. Одинъ изъ моихъ казаковъ разсказывалъ мнѣ, что какой-то Береговой Юракъ возилъ съ собою, за истукана, отца своего, высохшаго въ черную мумію. Меня посѣтилъ Асинецъ, у котораго на шеѣ, на ремнѣ висѣлъ въ видѣ амулета, крошечный мѣшечекъ, наполненный золою особаго рода.

Кромѣ такихъ истукановъ Асинцы поклоняются также естественнымъ достопримѣчательностямъ. На высокомъ берегу р. Таймыра я нашелъ камень, изображающій, если дать волю фантазіи, верхнюю часть человѣческаго тѣла. Вокругъ него были навалены необыкновенно большія окаменѣлости и такъ-называемыя причуды природы; изъ нихъ одинъ камень, который долженъ былъ изображать птицу, искусственно нѣсколько былъ подтесанъ. Уваженіе къ Тойчуму и зависимость отъ него не позволяли мнѣ присвоить себѣ и увезти неизвѣстный дотолѣ видъ между упомянутыми окаменѣлостями; онъ и теперь еще лежитъ тамъ. На этомъ жертвенникѣ мнимыя уста фигуръ густо были обмазаны жиромъ и кровью [1]). При этомъ случаѣ я узналъ, что на р. Агапѣ, на высокомъ остромъ холмѣ, среди безлѣсной тундры, поставлена довольно большая засохшая ель съ сучьями. Каменный фундаментъ, въ который она упирается, обмазанъ кровью и жиромъ; рядомъ лежатъ принесенныя въ жертву деньги, бусы, мѣдныя кольца, стрѣлы и т. д. На Енисеѣ, ниже Дудина, на равнинѣ лежитъ, говорятъ, огромной величины камень. При немъ также совершаются приношенія и Самоѣды оправдывали ихъ тѣмъ, что «вѣдь такой тяжелый камень могъ принести туда только са̂мъ Творецъ лично». Въ честь домашняго истукана по временамъ совершаются также возліянія.

Грѣховъ насчитывается безчисленное множество; тутъ также признается за грѣхъ варить голову убитаго сѣв. оленя, или не откидывать глазъ его далеко за себя, черезъ плечо. Если уши не съѣдаются тотчасъ-же, то ихъ необходимо отбрасывать такимъ-же образомъ или съѣдать уже впослѣдствіи, когда пройдетъ время травли сѣв. оленей; ѣсть убитыхъ животныхъ собаки не смѣютъ, волки-же и лисицы могутъ; убивать животное, подлежащее закаланію, иначе, чѣмъ посредствомъ задушенія, грѣшно и заставляетъ человѣка хворать и т. д. Но различныя племена, повидимому, различно относятся къ такимъ охотничьимъ заповѣдямъ. Такъ, напр. Хантайцы ѣли чаекъ и поморниковъ, какъ лакомство, тогда какъ Авамцы не смѣли ихъ ѣсть. Асинцы питали отвращеніе къ большому нырку (Eudytes glacialis) и увѣряли, что онъ убиваетъ людей, другія же племена охотились на него.

Болѣе всего опасны отношенія всего священнаго къ женщинамъ, которыхъ положительно считаютъ нечистыми. Живо припоминаю выраженіе ужаса на лицѣ моего пріятеля Тойчума, которое я не умѣлъ объяснить себѣ. Въ пылу наблюденій я положилъ свой Шмалькальденскій компасъ на сани, чтобы удобнѣе занести въ дневникъ градусы,

---

[1]) Самоѣды ограничиваются по крайней мѣрѣ символическимъ откармливаніемъ своихъ истукановъ, но нѣкоторыя киргизскія племена примѣняютъ эту процедуру и къ своимъ почтеннымъ гостямъ (Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. II, стр. 284).

которые онъ показывалъ. «Женскія сани», воскликнулъ Тойчумъ, «ты ужасно грѣшишь въ отношеніи къ твоему идолу». Чтобы успокоить пріятеля, мнѣ пришлось совершить надъ моимъ компасомъ систематическія очистительныя церемоніи, точно, какъ будто я находился въ Римѣ. Женщина ни за что не смѣетъ перерѣзать путь каравану; она должна притаиться къ стѣнѣ, когда мущина хочетъ выдти изъ чума и т. п.

Такой-же щекотливый пунктъ составляетъ оберeганіе охотничьихъ снарядовъ, крыльевъ для травли сѣверн. оленей, и остальныхъ охотничьихъ принадлежностей, отъ оскверненія женщинами. Случается, что охота нѣсколько разъ шла не такъ, какъ желали. Начинаютъ допрашивать богослова и чародѣя, шамана, который, благодаря непосредственному божественному откровенію, все знаетъ и, вслѣдствіе непосредственнаго сношенія съ божествомъ, можетъ узнать еще и больше того. На первый разъ онъ отвѣчаетъ, что «крылья устали». Они должны отдохнуть, хотя великолѣпнѣйшая для охоты погода какъ разъ приглашаетъ васъ воспользоваться кратковременностью глубокаго сѣвера. Но тутъ, конечно, ничего не подѣлаешь; остаешься въ чумѣ и спишь цѣлый день. И я долженъ былъ остаться въ чумѣ, но легко успѣлъ обуздать свое нетерпѣніе, вспомнивъ о жаркосухихъ воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ на родинѣ, въ самое горячее время сѣнокоса въ дождливые годы. При всемъ томъ однакоже охота опять-таки неудачна. Снова допрашиваютъ шамана и на этотъ разъ онъ отвѣчаетъ: «слѣдуетъ теперь допросить боговъ, безъ нихъ я не знаю болѣе что̀ дѣлать». Тогда возбуждается вопросъ: «надъ сколькими сѣв. оленями слѣдуетъ шаманствовать?» Встрѣчаются иногда такіе важные случаи, когда шаманствуютъ даже надъ 20 сѣв. оленями; въ такомъ случаѣ церемонія можетъ продолжаться дня три. Money and time. Шаманъ приводитъ себя въ восторженное состояніе, показываетъ свои извѣстные фокусы, позволяетъ даже отрѣзать ему голову, заговариваетъ больныхъ, которымъ истинная вѣра и помогаетъ и т. п. Наконецъ, сѣв. оленей закалываютъ, рты боговъ порядкомъ смазываютъ жиромъ и подкрашиваютъ кровью, шаманъ открываетъ кутежъ и все кидается на жертвенное мясо, исчезающее, какъ по волшебному мановенію, между зубами людей, незадолго передъ тѣмъ предававшихся умилительному благоговѣнію. Остатки дѣлаются достояніемъ шамана.

Само собою разумѣется, что шаманъ играетъ главную роль и тогда, когда приходится проложить путь усопшему къ будущей жизни, и опять все дѣло вертится на пированіи.

Во время странствованія моего съ Асинцами умерла старуха. Вмѣстѣ съ лучшею ея одеждою, въ такомъ-же сидячемъ положеніи, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ европейскихъ могилахъ каменнаго періода, ее зашили и притомъ (такъ какъ, благодаря нашей экспедиціи, ей удалось быть схороненной великолѣпнѣйшимъ образомъ) въ кусокъ старой парусины. Затѣмъ ее завернули въ часть шалашной покрышки, вынесли изъ чума чрезъ боковое отверстіе (но ни за что на свѣтѣ въ дверь) и посадили на женскія сани, украшенныя кусками красной кожи, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ ей лично скарбомъ, мѣдными украшеніями и т. п. Впрягли двухъ сѣв. оленей, которыми правили изъ другихъ саней.

Въ такомъ видѣ отправились въ тундру, куда и нашъ старшина поѣхалъ въ этотъ день, потому что ему приходилось копьемъ своимъ заколоть двухъ сѣв. оленей — а вмѣстѣ съ тѣмъ и съѣсть лучшіе куски. Такъ какъ покойница была бѣдная женщина, оставившая по себѣ дочь съ маленькимъ сыномъ, то съ единственною частью шалашной покрышки[1]), съ санями, разными приборами и одеждою, и съ сѣв. оленями, покойной отдана была для будущей жизни большая часть ея имущества.

У осиротѣвшихъ, которые, вслѣдствіе похоронъ, лишились большей части своего добра, осталось всего 3 сѣв. оленя. Какъ ни жалко было положеніе, въ которомъ находились наслѣдники, они однакоже не выказывали ни малѣйшихъ признаковъ горя, ничѣмъ не проявляли, что съ ними произошло нѣчто необычайное. Но все-таки они цѣлую недѣлю должны были провести въ особомъ, устроенномъ для нихъ шалашѣ, прежде нежели имѣли право приняться опять за обычныя занятія. Европейцу не слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свидѣтельствуетъ о равнодушіи. По прошествіи года они опять посѣщаютъ могилу своихъ родныхъ. Мнѣ неоднократно приводилось видѣть величайшую заботливость о больныхъ родичахъ, доказательства нѣжнѣйшей любви къ дѣтямъ, которая на европейскій манеръ выражается въ нѣжномъ цѣлованіи. Однажды отецъ, держа больнаго ребенка на рукахъ, съ выраженіемъ самой искренней заботливости о немъ, упрашивалъ меня помочь больному. Находясь далеко отъ чума и отъ походной аптеки моей, я старался объяснить ему, что ничего не могу сдѣлать для него, но онъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ, когда я, уступая его настойчивымъ просьбамъ, «положилъ руку мою на ребенка», потому что ощупываніе мною пульса они принимали за существенную часть леченія.

Пустыни тундры, подобно безпредѣльно обширному кладбищу, были усѣяны самоѣдскими могильными памятниками, далеко отстоявшими другъ отъ друга. Въ одномъ мѣстѣ уединенно торчали мужскія, въ другомъ женскія сани, а мѣстами и символическое изображеніе дѣтскихъ санокъ. На послѣднихъ также находилось миніатюрное оружіе, лукъ и стрѣлы, для употребленія въ будущей жизни. Котлы и желѣзные ковши сохранились тамъ, гдѣ, несмотря на охранительный климатъ, деревянныя вещи уже успѣли развалиться. Часто можно было еще ясно различать мѣста, на которыхъ были разведены очистительные огни. На свѣжихъ могилахъ мѣхъ отъ одеждъ и упряжи сѣв. оленей первый дѣлался добычею волковъ и лисицъ, которые съѣдали даже тѣло покойника, если въ часъ его смерти земля еще была ненарушимо мерзла и тѣло либо оставалось на саняхъ, либо клалось въ снѣгъ[2]). Это даже считается хорошимъ признакомъ, но если окажется, что могила разрыта людьми, то это принимается за весьма дурное предзнаменованіе.

---

[1]) Въ тундрѣ она извѣстна подъ названіемъ Njúk; по самоѣдски: djöi, изъ чего у сѣв. Якутовъ вѣроятно образовалось слово dshié. — Покрытый шкурами шалашъ въ тундрѣ вообще называется чумъ; очевидно по связи съ словомъ чуми, которое, по крайней мѣрѣ у Хантайскихъ Самоѣдовъ, значило очагъ.

[2]) Кастренъ (Reiseberichte und Briefe, стр. 168 и 389) поступилъ совершенно справедливо, исправивъ впослѣдствіи самъ свое показаніе, что сѣверные Самоѣды вѣроятно кладутъ своихъ покойниковъ въ нѣдра земли.

Для устройства могилы обыкновенно выбирается вершина холма. Но когда мы собирались устроить свой шалашъ на болѣе продолжительное время у р. Таймыра, на полувысотѣ береговой покатости, и я успѣлъ пріискать для него довольно сухое мѣстечко съ прежнимъ очагомъ, то мы не мало удивились, что по снятіи нѣкоторыхъ каменныхъ плитъ, для уравненія мѣста подъ нашу стоянку, и вслѣдствіе разгребанія земли моею собакою, добрались до сайбы или до самоѣдскаго потаеннаго хранилища запасовъ. Дѣйствительно, вскорѣ появилось маховое гусиное перо, но подъ нимъ, среди кучки валуновъ, мы открыли не запасъ съѣстныхъ припасовъ, а зашитое въ шкуры мертвое тѣло. Оно было стянуто въ сидячемъ положеніи, т. е. схоронено точно такъ, какъ хоронились тѣла и въ Европѣ во время каменнаго періода. Оказалось, что это было тѣло дѣвушки въ полномъ облаченіи лучшаго наряда; горѣлое же мѣсто было остаткомъ заупокойной тризны.

Переводчикъ нашъ увѣрялъ, что гусиное перо кладутъ въ могилу несовершеннолѣтнихъ.

Въ дополненіе къ сказанному мною на стр. 626, 630, 632, 634, 663, 666, 667 и 671, относительно формы Самоѣдскихъ череповъ и лицъ, я считаю нелишнимъ присовокупить тутъ, что въ настоящее время предо мною фотографическіе снимки съ 8 Самоѣдовъ Нижняго Енисея, у которыхъ преобладаютъ монгольскія черты лица, и фотографія съ Самоѣда Большеземельской тундры, изъ превосходнаго фотографическаго атласа, приложеннаго къ описанію поѣздки графа Вильчека въ Новую Землю. Самыя замѣчательныя изъ нихъ я надѣюсь сообщить въ концѣ этого тома.

Долганы.

Съ напряженнымъ любопытствомъ я разсматривалъ кочевниковъ этого баснословнаго племени, съ которымъ впервые мнѣ удалось встрѣтиться на Енисеѣ, въ Дудинѣ ($69\frac{1}{2}^\circ$ с. ш.); туда явились Долганскіе старшины, чтобы ближе условиться на счетъ того, какимъ образомъ и чрезъ какія пространства Авамской тундры они мнѣ помогутъ перебраться на своихъ упряжныхъ животныхъ.

Вскорѣ оказалось, что Долганы живутъ на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ можно было предполагать по ихъ немногочисленности, равно какъ по неизвѣстному имени ихъ, и что они не только были кочевники, но отчасти занимали также самыя сѣверныя поселенія всего Таймырскаго края.

Сначала я скоро пришелъ къ тому заключенію, что Долганы — сами они называли себя Долгашъ—представляютъ совершенно особое по формѣ лица народное племя, т. е.

типъ совершенно отличный отъ типа всѣхъ Остяковъ, Юраковъ, Самоѣдовъ и Тунгусовъ, которыхъ я до того времени имѣлъ случай видѣть и измѣрять и съ которыхъ, по моему распоряженію, снимались портреты. Этотъ типъ изображенъ на VI-ой таблицѣ прилагаемыхъ рисунковъ, и даже того, кто мало привыкъ подмѣчать этнографическіе признаки, должно поразить, какъ мало это лицо Мани (3), старшины Долганскаго племени [1]) Bуhhigádjädj (у Русскихъ, по тамошнему произношенію: Дзиганская орда), служитъ представителемъ съ одной стороны финскаго, съ другой — монгольскаго типа. Скулы выдаются весьма умѣренно; глазное отверстіе хотя и узко, но не щелкообразно, да и не идетъ вкось, а лежитъ горизонтально. Но всякому сближенію съ монгольскимъ типомъ поразительнѣе всего противорѣчитъ длина лица, отъ глазъ до подбородка, слѣдовательно вышина верхнечелюстной кости, да длина носа. Послѣдній, въ основаніи своемъ, правда, широкъ, но отнюдь не плосокъ, а, напротивъ того, уже въ основаніи своемъ образуетъ острый хребетъ, оканчивающійся длиннымъ, полуразвитымъ орлинымъ носомъ. Это положительно татарское лицо кавказской породы.

Къ такому заключенію я пришелъ сначала, какъ уже замѣтилъ, но вскорѣ долженъ былъ измѣнить свой взглядъ: стали являться такія лица, которыя заставили меня отмѣтить въ дневникѣ слѣдующее: «теперь я все-таки болѣе не берусь сразу отличить любаго Долгана отъ Тунгуса». Въ административные списки правительства Долганы внесены подъ названіемъ Тунгусовъ. Дѣйствительно, на сколько въ физіономіи Мани́ и во многихъ другихъ, похожихъ на него, лицахъ легко было замѣтить особый типъ, на столько становилось труднымъ отыскать общія черты, послѣ того, какъ мнѣ встрѣтились такіе экземпляры, какъ Пальковъ (таб. VI, 2) и другіе.

Полгода спустя все это, конечно, стало мнѣ ясно, какъ день, но пусть читатель приметъ въ соображеніе, что я явился прямо изъ Европы и ѣхалъ безостановочно въ Таймырскій край. При совершенномъ незнакомствѣ моемъ съ Якутами и при сходствѣ образа жизни всѣхъ кочующихъ Долгановъ съ образомъ жизни Тунгусовъ, меня должно было сбить съ толку неправильное обозначеніе въ административныхъ спискахъ. Но еще болѣе поддерживали меня въ моей ошибкѣ единственныя извѣстія, которыя у меня были въ рукахъ относительно происхожденія этого загадочнаго народа. Тѣ изъ нихъ, которые были по разумнѣе, повторяли, что по преданію они родомъ съ Олейской стороны.

Фишерова Сибирская исторія дѣйствительно говоритъ намъ, что въ 1632 году Бекетовъ поплылъ внизъ по Ленѣ и наложилъ дань на Долганскихъ да Жиганскихъ Тунгусовъ. Это преданіе, казалось мнѣ, заслуживаетъ вѣроятія тѣмъ болѣе, что въ рукописномъ дневникѣ Редовскаго, хранящемся въ Академіи Наукъ, подъ 1806 годомъ, отмѣчено, что въ Тавуискѣ, слѣдовательно далеко на востокъ отъ Охотскаго моря, «5 отдѣловъ Тунгусовъ вносятъ ясакъ: 3 отдѣла Долганскихъ и 2 отдѣла Угаянскихъ, занимающихся охотою въ горахъ при р. Тавуи и Ямѣ».

---

[1]) Орда или племя по долгански называется: ärbyt.

Только впослѣдствіи, когда я сталъ сравнивать языкъ Долгановъ, оказалось, что кочующіе съ Тунгусами Долганы хорошо умѣли объясняться съ ними не потому, что языкъ ихъ принадлежалъ къ тому-же корню, или что Долганы понимали по-тунгусски (что впрочемъ также имѣло мѣсто), а еще гораздо больше потому, что Тунгусы усвоили себѣ долганскій языкъ. Послѣдній же, какъ вскорѣ оказалось, былъ почти чисто-якутскій языкъ.

И такъ эта «Дзиганская орда», дѣйствительно, первоначально переселилась изъ окрестностей города Жиганска, лежащаго подъ полярнымъ кругомъ на р. Ленѣ, вѣроятно въ то время, когда казаки Мангазейскіе и Якутскіе старались перещеголять другъ друга въ грабежахъ на р. Ленѣ и предводители ихъ оспоривали другъ у друга порабощеніе первобытныхъ жителей долины р. Лены, т. е. не только воевали между собою, но и отбирали ясакъ у коренныхъ жителей съ той и съ другой стороны (1633 г.). Вѣроятно въ то время якутскія и тунгусскія племена вмѣстѣ двинулись на западъ, потому что въ административныхъ спискахъ Тунгусы въ Норильскихъ горахъ названы Жиганскими Тунгусами [1]). Къ тому времени, какъ извѣстно, относится также движеніе Якутовъ съ средняго теченія Лены въ область прибрежій Ледовитаго океана.

Слѣдовательно, въ мое время Долгановъ можно было считать небольшою вѣтвью выселившихся Якутовъ, которая сверхъ двухъ поселеній на Енисеѣ [2]) занимала самыя западныя мѣста пребыванія этого племени въ рѣчной области Пясины и Хатанги, но не простиралась далѣе низовьевъ этихъ рѣкъ и уже никакъ не доходила до устьевъ ихъ или до моря.

Они кочевали въ верховьяхъ упомянутыхъ рѣкъ, въ горахъ, окружающихъ Норильскія озера, и пользовались своими угодьями сообща съ Жиганскими Тунгусами, усвоивъ себѣ ихъ образъ жизни, а отчасти и языкъ. Самые сѣверные родичи ихъ, всего впрочемъ три чума, въ мое время кочевали на Авамской тундрѣ, при р. Авамѣ и на Дудыптѣ. Лѣтомъ эти Долганы отправлялись еще дальше на сѣверъ, вверхъ по Дудыптѣ, и внизъ по Пясинѣ, даже по Горбицѣ, въ область истоковъ р. Таймыра, прилегающую къ области рѣки Пясины и окаймляющую лѣвый берегъ истоковъ Таймыра горнымъ кряжемъ, тогда какъ по правому берегу тянется ровная тундра. Такимъ образомъ, эти Долганы съ запада окружали Асинскихъ Самоѣдовъ, Долгане же, придерживавшіеся болѣе р. Хатанги, граничили съ тѣми-же Самоѣдами съ востока, когда въ лѣтнее время на лѣвомъ берегу Хатанги откочевывали къ низовью Болохни и даже за нее [3]) до р. Блудной [4]), гдѣ находилась осенняя переправа кочующихъ сѣв. оленей,

---

[1]) Срав. атласъ картъ, приложенный къ этому сочиненію, табл. II.

[2]) Срав. въ главѣ о Якутахъ сказанное о Якутскихъ поселенцахъ у Туруханска.

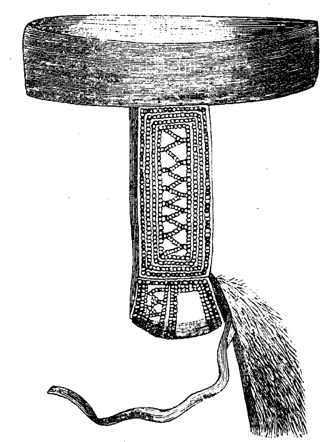
[3]) До зимовья Портнягина.

[4]) Въ мое время впрочемъ только патріархъ-Крёзъ Окó и прямые его потомки. Въ 1740 году Лаптевъ при устьѣ Блудной засталъ уже «осѣдлыхъ Тунгусовъ», безъ сомнѣнія этихъ Долгановъ.

которыхъ они тамъ подстерегали. Отъ этой рѣки, къ югу, вдоль Хатанги, даже до источниковъ рѣки Попигая и Анабара, и до Норильскихъ горъ, бродили Долганы.

Эти кочующіе Долганы, хотя мѣстами и устраивали себѣ на время зимніе шалаши, юрты [1]), въ родѣ тунгусскихъ, но еще менѣе чѣмъ Тунгусы придерживались такихъ постоянныхъ жилищъ, и, не стѣсняясь ими, бродили какъ попало. Отчасти они тѣсно примкнули къ Тунгусамъ, подобно имъ заводили лишь небольшое число сѣв. оленей и потому только крайне неохотно выходили изъ горъ своихъ на плоскую тундру, многочисленные волки которой въ одну ночь могли отбить у нихъ все стадо. Они увѣряли, что благодаря волкамъ, болѣзнямъ и вызваннымъ нуждою закалываніямъ животныхъ, они и лишились стадъ, которыми нѣкогда владѣли предки ихъ. Питались они, главнымъ образомъ, отчасти рыбами, отчасти крупною дичью, но вовсе не добывали, по ихъ увѣренію, пушныхъ животныхъ. Послѣднее было, пожалуй, ложное показаніе по необходимости, которое при сношеніяхъ съ корыстолюбивыми чиновниками, священниками и казаками, должно было обратиться въ привычку. Ясакъ свой они уплачивали впрочемъ наличными деньгами.

Съ перваго же взгляда они напоминали Тунгусовъ въ томъ отношеніи, что носили при себѣ винтовки и имѣли жесткіе черные волосы, связанные въ длинную косичку, которая была обмотана ремнями и обвѣшана на концѣ стеклянными бусами, да и въ томъ еще отношеніи, что доходившіе лишь до половины икоръ, слѣдовательно болѣе короткіе чѣмъ у Самоѣдовъ, тулупы состояли изъ шкуръ темнаго цвѣта. Безъ сомнѣнія это можно приписать столько-же болѣе темному цвѣту горныхъ сѣв. оленей, сколько свободному выбору, потому что въ области лѣсовъ темный цвѣтъ меньше отдѣляется отъ цвѣта прочей обстановки. А для охотника это чрезвычайно важно.

Якутскій и долганскій начельникъ, пащечникъ и набородникъ.

О якутскомъ нарядѣ напоминалъ шитый мѣховой набородникъ [2]), сдерживавшійся повязкою въ видѣ Т, оба бедра которой шли вдоль щекъ къ прилегавшему къ головѣ начельнику. Къ этому начельнику прикрѣплялись и снѣговые очки, которые у одного состояли даже изъ зеленыхъ стеколъ, чего я въ Сибири нигдѣ болѣе не видѣлъ. По всей вѣроятности это старинная наслѣдственная вещица, перешедшая изъ Якутска, а

[1]) Домики изъ поставленныхъ торчмя бревенъ. По оффиціяльнымъ свѣдѣніямъ такихъ домиковъ было: у Долганскаго рода 20, у Жиганскаго 16.

[2]) Срав. ниже якутскія названія.

можетъ быть и относящаяся ко временамъ ученыхъ экспедицій, совершенныхъ сто лѣтъ тому назадъ. На табл. XV, рис. 3 нѣм. изд. изображенъ великолѣпный головной уборъ Долганки, который привѣшивается къ концу косички и въ качествѣ такого украшенія косы пользуется у Тунгусокъ особеннымъ почетомъ.

Страннымъ показалось мнѣ, что у Долгановъ башлыкъ тулупный могъ затягиваться вокругъ мѣховой шапки при помощи продѣтаго ремня; эта особенность не встрѣчалась мнѣ у другихъ кочевниковъ и, вѣроятно, составляетъ моду у полярныхъ Якутовъ Восточной Сибири. Точно также я произвожу оттуда весьма поразительный въ Самоѣдской тундрѣ Долганскій способъ держать копье, т. е. шестъ для погонянія сѣв. оленей, въ правой рукѣ; по этому и заправной сѣв. олень въ четверкѣ припрягается у нихъ съ правой стороны, да и ѣздятъ они также справа отъ другихъ саней, если таковыя подчинены ихъ присмотру и впряженныя въ нихъ животныя не хотятъ порядкомъ слѣдовать сзади на привязи.

Хотя они по русски знали больше Тунгусовъ Норильскаго края, но они строже ихъ придерживались старинныхъ нарядовъ, обычаевъ и нравовъ. Всѣ они также, не исключая даже старшинъ Мани и Тыльцяхана, твердо устояли противъ сильнаго искушенія принять крещеніе. Это былъ живой, подвижной, ловкій, услужливый народъ, съ большимъ достоинствомъ. Въ единоборствѣ онъ отличался ловкостью, такъ что Долганы одерживали верхъ надъ моими казаками. Между кочующими Долганами больше всего встрѣчались неподдѣльно якутскія физіономіи. При всемъ этомъ они физически слились съ Тунгусами не менѣе, чѣмъ въ отношеніи нравовъ и образа жизни. Этому я приписывалъ и встрѣчавшіяся между ними значительныя различія въ ростѣ, хотя большая часть Долгановъ были малаго роста. Съ Тунгусами они слились до такой степени, что въ мое время Долганъ тунгусской Ялегринской орды, постоянно жившій въ Авамскомъ поселеніи, былъ выбранъ въ помощники старшины, т. е. въ десятники.

Тѣ члены этого рода, которые доходили до самыхъ крайнихъ полярныхъ предѣловъ его (главнымъ представителемъ ихъ былъ Крезъ Око, изъ области рѣки Болохни), сообразно плоской тундрѣ, до такой степени приняли внѣшность Самоѣдовъ, что даже дѣти Око, очевидно подъ вліяніемъ матери, Самоѣдки, не понимали и подавно не говорили по долгански. Око самъ понималъ только нѣсколько долганскихъ словъ. Дѣти сдѣлались пастухами сѣв. оленей и могли удержаться на тундрѣ только въ качествѣ такихъ обладателей и охранителей большихъ стадъ. Они говорили по самоѣдски и вооружены были только лукомъ да стрѣлами. Охота ихъ ограничивалась, какъ у Самоѣдовъ, добываніемъ сѣв. оленей и гусей. Рыбною ловлею они занимались только какъ совершенно второстепеннымъ дѣломъ.

Третью, весьма важную категорію Долгановъ составляли осѣдлые поселенцы, занимавшіе все пространство, можно почти сказать поперечный путь, отъ Дудина до Хатангскаго погоста. Лѣтомъ, правда, они отправлялись также на тундренныя озера, къ сѣверу, но и тамъ любили строить себѣ маленькіе шалаши. Отсюда-то они эксплуатиро-

вали безчисленное множество разсѣянныхъ кругомъ богатыхъ рыбою озеръ, заготовляя запасы на зиму. Они питались преимущественно рыбами и хотя свободно кочевавшіе родичи ихъ поглядывали на нихъ какъ-бы съ чувствомъ соболѣзнованія, но преимущества обезпеченнаго существованія, осѣдлости, связаннаго съ нею заготовленія большихъ запасовъ, сношеній съ проѣзжавшими по временамъ чиновниками, купцами и священниками, выгоды крещенія и т. д. давали имъ такое превосходство надъ кочующими, что они положительно были самыми замѣчательными членами этого рода и не мало гордились тѣмъ, что въ тяжкія времена спасаютъ странствующихъ собратьевъ своихъ отъ голодной смерти. Происходитъ это, говорили они неоднократно, оттого, что кочевники полагаются на ненадежное охотничье счастіе, вмѣсто того, чтобы заняться надежною рыбною ловлею, которую я не могъ не приравнить къ разведенію картофеля въ неблагопріятныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ.

Между этими поселенцами поэтому-то и находилось двое старшинъ Долганскихъ, вліятельный Арця, по ту сторону Хатанги [1]) и долганскій старшина на Боганидѣ [2]). Арця уплачивалъ ясакъ своей орды, за 80 душъ.

Хотя въ поселеніяхъ того или другаго Долгана прямо называли Якутомъ — почему, этого мнѣ не удалось дознаться — но какъ разъ тутъ-то можно было замѣтить наиболь-

Долганское поселеніе на предѣлѣ лѣсной растительности.

шее смѣшеніе. Такъ напр. сынъ Арци былъ женатъ на Русской, самъ-же отличался несомнѣнно тунгусской физіономіей. Другой Долганъ, въ Хатангскомъ Погостѣ, былъ женатъ на дочери покойнаго священника, слѣдовательно также на Русской. Повсюду по-

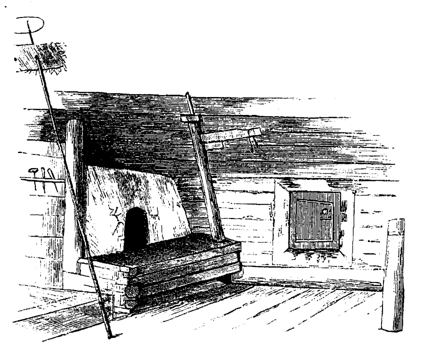
1) Въ Убойномъ, еще на два дня пути далѣе отъ Хатангскаго погоста.

2) Въ Горбуновѣ.

селенія указывали на свое родство между собою, хотя жители причисляли себя то къ Русскимъ, то къ Якутамъ или Долганамъ. Не исключали себя также кочевники и поселенцы. Изображенный на табл. VI, 2, Гаврила Пальковъ совершенно поселился на Боганидѣ, тогда какъ родители его еще кочевали между Хетой и озерами, лежащими за Хатангой. Изображенный на XI таблицѣ нѣм. изд. братній сынъ его Ирысъ Пальковъ поселился на Хетѣ [1]), на которой, впрочемъ, нѣсколько прежнихъ поселеній были покинуты. Два сына вышеупомянутаго Долгана Око были женаты на Самоѣдкахъ, равно какъ и Долганъ, котораго я засталъ совершенно осѣдлымъ на р. Хетѣ, среди Якутовъ.

Помѣщенный выше рисунокъ можетъ дать понятіе о видѣ, какой представляетъ хорошо устроенное поселеніе около предѣла лѣсной растительности. Всегда оно лежитъ около воды; вмѣсто крыши зимовье обыкновенно довольствуется горизонтальной бревенчатой настилкой, покрытой дерномъ; безъ шалаша изъ шкуръ сѣв. оленей нельзя обойтись; одну изъ существеннѣйшихъ принадлежностой составляютъ жерди, на которыхъ сушатся распластанныя рыбы. Мы покончили со всѣмъ и намъ больше не о чемъ упоминать въ этой глуши.

Мы влѣзаемъ въ бревенчатый кубъ; пробраться въ него иначе нельзя, какъ сильно согнувшись, такъ какъ дверь доведена до возможно меньшаго размѣра съ тѣмъ, чтобы морозъ не прорывался непрошеннымъ гостемъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Внутри главнымъ образомъ поражаетъ очагъ, который по натурѣ своей каминъ, но по огромному размѣру печка. Передъ нимъ находится посыпанный пескомъ ящикъ, а на послѣднемъ висѣлица, на которую навѣшивается котелъ, и которую, по усмотрѣнію, можно поворачивать къ огню, или отворачивать отъ него, точно такъ, какъ это еще до сего времени дѣлается въ швейцарскихъ сыроварняхъ. Пламя выбиваетъ изъ печки далеко впередъ. На верху, въ потолкѣ, заступающемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крышу, на которой весною нерѣдко топочатъ сѣв. олени, находится отверстіе — дымовое окно — которое прежде, чѣмъ весь дымъ успѣетъ выдти, закрывается при помощи жерди, съ затычкою на концѣ, состоящею изъ

Долганскій очагъ.

[1]) Насупротивъ занятаго Русскими поселенія Корги, на рѣкѣ, выше Медвѣжьяго поселенія. Между ними покинуто было поселеніе Орлово, равно какъ Романиха, лежащая по рѣкѣ еще выше Корги.

шкуры сѣв. оленя. Вокругъ стѣнъ идутъ лавки для сидѣнія, на которыхъ также спятъ и надъ которыми въ ростъ человѣческій прикрѣпленъ рядъ досокъ, служащій для удержанія сажи, падающей съ потолка и стѣнъ. Небольшое пространство, которое заключаетъ въ себѣ постройка, биткомъ набито людьми, приборами и снарядами. Одинъ только невыносимый, но дезинфицирующій дымъ зимою спасаетъ отъ удушающаго, зловоннаго испаренія, а лѣтомъ отъ кровожадныхъ небесныхъ сонмовъ комаровъ.

Въ мое время въ административныхъ спискахъ по-видимому совершенно отказались отъ распредѣленія жителей по національностямъ, потому что въ Туруханскомъ округѣ, кромѣ:

1) Долганскаго (также Долгано-Тунгусскаго) рода, по послѣдней ревизіи	82 души [1])
2) Жиганскаго рода	73 » [2])
значились еще:	
3) Бродячихъ Іесейской управы [3])	174 »
4) » Боганидской »	55 » [4])
	384 души

Первые два отдѣла платили ясакъ по 2 руб. 15 коп. (ассигн.), послѣдніе два только по 1 руб. 43 коп. съ души; этимъ высказывалось, что первые считались ловцами соболей, а послѣдніе только ловцами песцовъ.

Впрочемъ, въ мое время, согласно ревизіи 1834 года, подъ № 1 насчитывалось лишь 35, а подъ № 2 только 26 душъ мужескаго пола, отъ 18 до 15 лѣтъ отъ роду, платившихъ ясакъ.

На этомъ останавливаются замѣтки въ моемъ дневникѣ, писанномъ 30 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ о Долганахъ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія, въ особенности гг. Кривошапкинымъ и Третьяковымъ, которые, первый въ званіи врача, а второй въ качествѣ начальника Туруханскаго округа, довольно долго жили въ тѣхъ мѣстахъ и составили весьма замѣчательныя монографіи.

Здѣсь же я начну съ немногихъ замѣтокъ Кастрена [5]), такъ какъ съ ними скорѣе всего можно покончить. Онъ говоритъ, что Долганами называютъ три маленькихъ якутскихъ племени, которыя сами называютъ себя: 1) Долганы, живущіе въ Хатангскомъ краѣ; 2) Адъяны, по-русски Жиганы; 3) Донготы; послѣдніе два рода живутъ у Норильскихъ озеръ. Хотя всѣ принимаютъ ихъ за Тунгусовъ, но они говорятъ на чисто

[1]) По другому оффиціальному донесенію 90 душъ, по третьему 91, изъ которыхъ 35 платятъ ясакъ, а 56 моложе 18 или старше 50 лѣтъ. На это количество приходится 96 душъ женскаго пола.

[2]) При 85 душахъ женскаго пола.

[3]) По другому чтенію 168 душъ, изъ которыхъ 80 платятъ ясакъ. При этомъ 144 души женскаго пола.

[4]) По другому извѣстію 58 душъ, при 50 душахъ женскаго пола.

[5]) Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, herausgegeben von Anton Schiefner, 1856.

якутскомъ языкѣ. Начало свое они производятъ отъ трехъ братьевъ: Галкингá, Сакатина и Бiйкá, переселившихся, по ихъ словамъ, изъ Якутскаго края. Вслѣдствiе этого поздняго переселенiя Самоѣды называютъ Долгановъ и Тунгусовъ «Ая», т. е. младшими братьями.

У Кривошапкина[1]) число Долгановъ, на основанiи относящихся къ 1860 году оффицiальныхъ донесенiй начальника округа Третьякова, сочиненiе котораго появилось въ печати позднѣе, показано слѣдующимъ образомъ [2]):

		муж. пола	женск. пола
Тунгусовъ	Боганидскаго рода	59	49
»	Долгано-Iесейскаго рода	195	187
»	Жиганскаго рода	74	70
»	Долганскаго рода	108	83
		436	389

Кривошапкинъ ошибается, утверждая, что Долганы говорятъ на языкѣ, похожемъ на тунгусскiй, но все-таки, въ противоположность другому начальственному лицу, князю Кострову, отдѣляетъ ихъ отъ настоящихъ Тунгусовъ, опираясь на нашъ академическiй авторитетъ.

По его мнѣнiю [3]) физiономiя Долгановъ выразилась менѣе отчетливо, одежда ихъ проще, чѣмъ у Тунгусовъ. Да и христiанское крещенiе Долганы принимаютъ охотнѣе [4]), такъ что всѣ считаются христiанами, тогда какъ Тунгусы едва на половину христiане. Впрочемъ, значенiе этого свѣдѣнiя поясняется тѣмъ, что и христiане не могутъ обойтись безъ шамановъ. Третьяковъ присовокупляетъ [5]), что туземцы пользуются полною религiозною свободою, но что тѣ, которые принимаютъ крещенiе, освобождаются на три года отъ податей.

Болѣе извѣстiй мы находимъ у Третьякова [6]). Особенный вѣсъ я придаю тому, что, перечисляя [7]) названiе мѣсяцевъ у разныхъ кочевниковъ, онъ приводитъ также долганскiя имена мѣсяцевъ, которыя совершенно отличны отъ якутскихъ названiй.

Число Долгановъ по 10-й переписи составляетъ у него 303 души мужескаго и 270 душъ женскаго пола [8]), а именно:

	муж. пола	женск. пола
Долгано-Iесейскаго рода	195	187
Долгано-Тунгусскаго рода	108	83

Первые живутъ по обѣимъ сторонамъ Хатанги и Хеты, послѣднiе у Норильскихъ озеръ и въ Авамской тундрѣ. Онъ напоминаетъ о томъ [9]), что въ 1633 году Корытовъ

---

[1]) Енисейскiй округъ и его жизнь, изданiе Имп. Русск. Геогр. Общ. 1865.

[2]) Тамъ же I, стр. 355; II, стр. 31.

[3]) Тамъ же II, стр. 33, примѣч.

[4]) Тамъ же II, стр. 41.

[5]) Стр. 372.

[6]) Туруханскiй край, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1869, стр. 216 и слѣд.

[7]) Тамъ же стр. 291.

[8]) Тамъ же стр. 335, 373, 375.

[9]) Тамъ же стр. 353.

заставилъ Долганскаго старшину Диканга платить двойную дань и увелъ одного изъ сыновей его заложникомъ.

Долганы, перенявшіе у Якутовъ всѣ обычаи, даже покрой одежды[1]), называютъ себя, говоритъ онъ, Тагаль, по преданію происходятъ отъ Тунгусовъ и переселились изъ верховьевъ Хатанги въ то время, когда знаменитый богатырь Сюрдюкъ-сюгатоіонъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Русскими. Нѣкогда племя это, говорятъ, было воинственно, потому что герои его носили кольчуги (куяк), защищавшіе лѣвый бокъ отъ шеи до колѣнъ. Къ этому вооруженію, кромѣ того, принадлежали головная защита (лаба) и прикрытіе лица (бастынгá).

Сверхъ медвѣжьей рогатины (Batás), у нихъ въ колчанѣ (kogäk) было 9 различныхъ видовъ стрѣлъ; 1) S'orús', съ пирамидальнымъ наконечникомъ; 2) Onohós', съ притупленнымъ наконечникомъ[2]); 3) Más' onohós' (Tamár у остальныхъ кочевниковъ), также съ тупымъ концомъ, но вся изъ дерева; 4) Bürgos', съ шилообразнымъ наконечникомъ; 5) Ok, съ типическимъ наконечникомъ; 6) Dshani, съ ножеподобнымъ наконечникомъ; 7) S'ile, съ двумя заостреными ребрами; 8) Djäna, вся изъ мамонтова зуба; 9) Torkó, съ раздвоеннымъ наконечникомъ.

Причина, по которой Долганы утеряли свой природный языкъ, заключается, по мнѣнію Третьякова, въ близкихъ сношеніяхъ ихъ съ Якутами, у которыхъ они брали женъ своихъ; не смотря на это у Долгановъ, увѣряетъ онъ, болѣе тунгусскій, чѣмъ якутскій типъ лица: умное, нѣсколько серьезное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушное выраженіе; гладкій и высокій лобъ. Они носятъ тунгусскій, богато украшенный бусами, нагрудникъ (Tügüllük) и поясъ.

По единогласному отзыву лучшихъ путешественниковъ, Долганы не имѣютъ никакого понятія о христіанской религіи [3]), хотя половина туземцевъ приписана къ ней; они даже рѣдко удерживаютъ имена, которыя даются имъ при крещеніи. Вѣроисповѣданіе ихъ представляетъ смѣсь христіанскихъ и языческихъ понятій.

Тунгусы и бóльшая часть Долгановъ, да Якутовъ ѣздятъ, по Третьякову, верхомъ на сѣв. оленяхъ.

Этими новѣйшими извѣстіями вообще подтверждаются, но, къ сожалѣнію, мало пополняются свѣдѣнія, заключающіяся въ моемъ дневникѣ. Предположеніе, что Долганы около половины 17-го столѣтія переселились съ востока въ теперешнія мѣста своего пребыванія, чтобы укрыться отъ гнета чужеземцевъ въ недоступныхъ пустыняхъ, пріобрѣтаетъ все более вѣроятія, но не можетъ быть вполнѣ доказано.

Странна разница въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ относительно названія ихъ. Кастренъ

---

[1]) Тамъ же стр. 406 и слѣд. — [2]) На Боганидѣ мнѣ показывали стрѣлу съ тупымъ наконечникомъ, подъ якутскимъ названіемъ Aandās. — [3]) Loc. cit. стр. 420 и 523.

*

пишетъ Dolgán; Долга́ны Авамской тундры продиктовали мнѣ названіе Dolgăsch; по словамъ же Третьякова, они сами называютъ себя Тагаль. Отчего происходитъ эта разница?

Мнѣніе Кривошапкина, принимающаго языкъ Долгановъ за тунгусскій, во всякомъ случаѣ ошибочно; они несомнѣнно говорятъ на чистомъ якутскомъ языкѣ. Необходимо только объяснить, почему названія мѣсяцовъ несходны съ якутскими. Звучатъ они дѣйствительно по тунгусски и подлежатъ сравненію съ языкомъ Береговыхъ или Ламскихъ Тунгусовъ. Всѣ другія слова, мимоходомъ приводимыя Третьяковымъ, какъ-то: названіе различныхъ стрѣлъ, разныхъ одеждъ, божества и т. д. совершенно сходны съ якутскими.

Съ предположеніемъ Третьякова, что Долганы промѣняли свой первоначальный природный тунгусскій языкъ на якутскій, я не могу согласиться, тѣмъ болѣе, что у нихъ, какъ я замѣтилъ, преобладалъ именно якутскій типъ лица и притомъ въ такой сильной степени, что я не счелъ нужнымъ замѣнить лицо Долгана Мани (см. табл. VI. 3), служащее типомъ якутскаго лица, другимъ болѣе типичнымъ якутскимъ лицомъ [1]). Разсматривая обезьянье лицо Гаврилы Палькова (см. табл. VI. 2), который, впрочемъ, былъ весьма порядочный человѣкъ, вѣроятно никто не отыщетъ на немъ восхваляемаго Третьяковымъ высокаго, гладкаго лба Долгановъ. На стр. 634 о немъ уже говорилось.

Долганы, какъ я замѣтилъ уже выше, положительно, весьма интересный смѣшанный народъ, у котораго во всемъ явно высказывается преобладаніе якутскаго элемента. Мы не должны забывать при этомъ, что нѣкогда существовали весьма дѣятельныя сношенія между Якутскомъ и пресловутымъ Іесейскимъ озеромъ въ верховьяхъ Хатанги, да и внизъ по теченію этой рѣки. Еще въ мое время въ устахъ поселенцевъ на р. Боганидѣ сохранились преданія о прелестяхъ Іесейскаго озера. Кривошапкинъ [2]) говоритъ, что оспа и тифъ одолѣвали жителей и съ тѣхъ поръ сношенія прекратились.

Тунгусы (см. табл. IV и V).

На сколько численность ихъ незначительна, на столько чрезвычайно обширно распространеніе ихъ по всей Восточной Сибири, въ области р. Амура, въ горахъ острова Сахалина и еще дальше за предѣлами Сибири. На среднемъ теченіи Енисея они стали

---

[1]) Въ какой однакоже степени тутъ происходили помѣси, это доказываютъ не только вышеприведенныя свѣдѣнія, но и преданіе, сообщаемое Третьяковымъ (стр. 376). Между Затундренскими Якутами (говоритъ онъ) существуютъ еще доселѣ потомки трехъ тунгусскихъ братьевъ «Симилеръ», которые въ свое время были извѣстные бойцы.

Въ началѣ прошлаго столѣтія комиссаръ Тюпринъ, при помощи священника, уговорилъ этихъ Тунгусовъ принять крещеніе и поселиться на Хатангѣ, при впаденіи Жданихи, гдѣ Русскіе поселенцы были перебиты. Тунгусы окрещены были на имя Тюприна и поселились въ означенномъ мѣстѣ. Потомки ихъ превратились въ Якутовъ, вѣроятно вслѣдствіе браковъ съ ними.

[2]) Loc. cit. I, стр. 369.

даже перебираться на лѣвый его берегъ, въ Западную Сибирь. Въ одномъ Таймырскомъ краѣ они предоставили самую сѣверную часть Самоѣдамъ, на востокѣ-же, сдерживаемые только Чукчами, они занимаютъ гористую часть до береговъ Ледовитаго океана, а нѣкогда жили даже, можетъ быть, на островахъ этого океана [1]). Вслѣдствіе такого обширнаго ихъ распространенія, я не только встрѣчалъ ихъ мимоходомъ на Енисеѣ и въ области р. Пясины, но сталкивался съ тунгусскими семействами и на южномъ берегу Охотскаго моря, повсюду на Становомъ хребтѣ и на притокахъ Амура.

А. Сѣверные Тунгусы.

По переписи 1838 года, на основаніи оффиціальныхъ донесеній, въ Туруханскомъ краѣ находились слѣдующія тунгусскія племена:

	Душъ мужск. пола.	Душъ женск. пола.
1) Нижнечумскіе Тунгусы, съ присоединенными къ нимъ Тунгусами I-го лѣтняго рода.....	42	40
2) Илимпейскіе Тунгусы..................	208	189
3) Чапогиры.........................	129	112
4) Усть-Курейскіе......................	39	36
5) Тунгусы II-го лѣтняго рода..............	86	82
6) » III-го » »	59	53
7) » IV-го » »	57	64
8) Боганидскіе Тунгусы..................	58	50
	678	626

Мѣста ихъ пребыванія значатся въ атласѣ картъ, приложенномъ къ нѣмецкому изданію, на табл. II-й.

Подъ $62\frac{1}{2}°$ с. ш., въ поселеніи Бахтинскомъ, на Енисеѣ, я увидѣлъ первыя тунгусскія лица. Во-первыхъ изображенную на табл. IV-й Черемокъ, изъ рода Чапогировъ. Поселенецъ взялъ ее къ себѣ въ семейство почти тринадцатилѣтнею дѣвочкою. Чрезвычайно хвалили ея правдивость. Уже въ теченіи 8 мѣсяцевъ она научилась русскому языку. Точно такъ, какъ въ Енисейскихъ Остякахъ (стр. 640, 659), и въ ней меня поразило быстрое, и въ особенности урывчатое произношеніе словъ. Столь-же урывчато она и крестилась. Мнѣ показалось это весьма характеристичнымъ обстоятельствомъ. Она, да изображенный на IX-ой таблицѣ нѣм. изд, Илимпейскій Тунгусъ Ѳедотъ были татуированы и разсказали мнѣ, что она, будучи дѣвочкой лѣтъ 7 или 8, была связана по рукамъ и по ногамъ, въ то время когда старуха производила надъ ней весьма чувствительную операцію при помощи льняной нитки, натертой углемъ. Такъ какъ Ѳедотъ, вслѣдствіе

[1]) Уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ было нѣсколько осѣдлыхъ Тунгусовъ на р. Блудной, которая подъ болѣе, чѣмъ 73° с. ш., впадаетъ съ востока въ устье Хатанги (Зап. Гидрогр. Деп. IX, стр. 301; Спб. Вѣстн. I, стр. 79, 85).

боли, сталъ сопротивляться, то его не татуировали болѣе, хотя между мущинами ихъ рода встрѣчаются нѣкоторыя лица, татуированныя вокругъ лба и еще болѣе.

Затѣмъ, близь устья Нижней Тунгуски, въ поселеніи Мироѣдинскомъ, я снова увидѣлъ двухъ Тунгусовъ, поразившихъ меня своими рѣзкими монгольскими чертами лица. При положительно монгольской формѣ глазъ и носа, равно какъ и монгольскомъ цвѣтѣ кожи, поражалъ ихъ широкій лобъ, казавшійся четыреугольнымъ Самонадѣянность въ пріемахъ ихъ рѣзко отличалась отъ всего видѣннаго мною до тѣхъ поръ. Оба они были статные, проворные парни, съ легкостью скользившіе на лыжахъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ неуклюжіе Остяки проваливались.

У нихъ было, и это меня тотчасъ-же поразило, особое названіе для сѣры, а именно «Njutä», тогда какъ повсюду мнѣ приводилось слышать только русское названіе.

Въ предѣлахъ полярнаго круга, на Курейкѣ, я нашелъ двухъ, усыновленныхъ русскими поселенцами, высокоголовыхъ Тунгусовъ, изображенныхъ на табл. V, 1, 2.

Наконецъ увидѣлъ и самыхъ сѣверныхъ Тунгусовъ Туруханскаго края въ низовьяхъ Авама (притока Пясины). Въ Дудинѣ ($69\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.) представился мнѣ старшина «лѣтняго рода» Завыдда. Этихъ Тунгусовъ называли также Норильскими, по озерамъ, при которыхъ они жили. Они занимали до 10 чумовъ, изъ которыхъ у половины уже не было сѣв. оленей. У самого старшины также было всего 8 штукъ. Мѣста пребыванія имѣли у нихъ слѣдующія названія: озеро Пясина — Pāsina-amút; одна впадающая въ него рѣка (вѣроятно Бусгрумина) — $\frac{\text{Ö}}{\text{y}}$jan-djir$\frac{\text{i}}{\text{y}}$n; вытекающая изъ озера Ol$\frac{\text{d}}{\text{r}}o\frac{\text{z}}{\text{s'}}$i (вѣроятно Рыбнаго) горная рѣка, Ol$\frac{\text{d}}{\text{r}}o\frac{\text{z}}{\text{s'}}$ibirra; наконецъ Amút-ol$\frac{\text{d}}{\text{r}}$o (вѣроятно озеро Давыдово). Они жили рыбною ловлею, ловили изрѣдка песцовъ, а еще меньше соболей, которыхъ нѣкогда было больше.

Въ Авамскомъ поселеніи поджидалъ меня старшина Ялегринской орды [1]) $\frac{\text{S'}}{\text{h}}$antául. Эта орда кочевала на востокъ отъ р. Авама до Хатанги, а къ югу до извѣстнаго Іесейскаго озера и до высшихъ горныхъ вершинъ этого края, въ верховьяхъ Хеты. Тамъ они находятся въ сношеніяхъ съ Бояграми, изъ которыхъ одинъ изображенъ на табл. V-ой. Правительство же совершенно раздѣляетъ обѣ орды, причисляя Боягровъ къ тому Якутскому старшинѣ (Арбай), чрезъ посредство котораго они вносятъ свой ясакъ. Ниже мы найдемъ членовъ этого рода не только на Вилюѣ и на сѣв. скатѣ Становаго водораздѣльнаго хребта, но даже на Амурѣ.

На Дудыптѣ я познакомился наконецъ еще съ тунгусскимъ старшиной Епифаномъ Тюприно, Тильбянтябульской орды, Харитонова рода. Онъ устроилъ себѣ осѣдлость при рѣкѣ, и проводилъ лѣто на сѣверѣ въ верховьяхъ р. Дудыпты [2]), въ то время какъ члены его орды, 23 души платившія ясакъ, въ приблизительно 10 чумахъ,

---

[1]) Къ этой ордѣ былъ присоединенъ родъ Малгачагринскихъ Тунгусовъ, состоявшій примѣрно изъ 9 душъ, вносившихъ ясакъ.

[2]) Между Фирсомъ и Бородино, у Иркутскаго поселенія. Ясакъ вносился въ Аксеновѣ.

занимались охотою въ южныхъ горахъ, вмѣстѣ съ Ялеграми, и только зимою спускались съ горъ къ сѣверу.

Ялегры только что выбрали себѣ въ десятскіе Долгана (Уксусникова), который устроился на р. Авамѣ и разставлялъ свои песцовыя ловушки по всей Авамской тундрѣ, островообразно лежащей внутри предѣла лѣсной растительности. У него было стадо сѣв. оленей, придававшее ему извѣстное значеніе, такъ какъ у большей части Тунгусовъ этой орды было ихъ только по нѣскольку штукъ.

Эти Тунгусы называли Авамъ, Виску, Іесейское озеро тѣми-же именами, которыя употребляются Русскими, но

Дудыпту	они	называли	Dydýpta;
Волочанку	»	»	Wolotsʼjänka;
Хатангу	»	»	Kōtuj (amút);
Курейку	»	»	Njúma.

Всѣ жаловались на уменьшеніе количества «звѣря» въ ихъ краѣ, за исключеніемъ сѣв. оленей. Песцы, говорили они, встрѣчаются рѣдко, соболи почти совершенно истреблены. Ялегринская орда утверждала, что до Апрѣля ей удалось добыть всего 9 соболей и до 40 песцовъ. Мнѣ хотѣли этимъ дать понять, что казенный долгъ свой въ 160 пудовъ муки они никакъ не въ состояніи заплатить.

У всѣхъ были монгольскія лица и широкіе черепа въ такомъ родѣ, какъ у $\frac{s'}{h}$antaul'а, чрезъ кожу котораго просвѣчивалъ нѣжный оттѣнокъ яркаго румянца. Правда, что лицо его было умыто и волосы причесаны, какъ это повсюду принято у Тунгусовъ. Чрезвычайно красиво ихъ приличіе въ движеніяхъ, открытый характеръ ихъ. Хотя они были очень услужливы, но, не смотря на скромность, во всемъ видно было, что они сознавали свое достоинство. Это высказывалось и наружно въ томъ отношеніи, что одежда ихъ, хотя она и не была такъ разукрашена, какъ на сородичахъ ихъ, живущихъ на Нижней Тунгускѣ, но была въ большомъ порядкѣ, красиво обшита и такого покроя, который обрисовывалъ стройную, осанистую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ловкую фигуру ихъ. Лицо было умыто, жесткіе черные волосы причесаны, потому что національная коса исчезла съ пріобрѣтеніемъ русскихъ рубашекъ и шейныхъ платковъ. Волоса были подрѣзаны на половину. Въ отличіе отъ Самоѣдовъ, они дорожили теплыми верхними тулупами изъ темноцвѣтныхъ шкуръ сѣв. оленя. Кромѣ того, у нихъ былъ якутскій набородникъ (см. изобр. на стр. 691) и колпакъ не соединялся съ верхнимъ тулупомъ, а составлялъ дорогой головной уборъ изъ блестящихъ лисьихъ ногъ, украшенный шкурами россомахи. Такой колпакъ стоилъ столько-же, сколько сѣв. олень.

Оригинальный покрой тунгусской первобытной одежды изображаютъ два прилагаемыхъ при семъ рисунка. Такъ какъ фракоподобный кафтанъ узокъ и спереди открытъ, то нагрудникъ составляетъ нераздѣльную часть его. Эти части одежды сверху до низу со вкусомъ расшиты и совершенно симметрично, но далеко не пестро, укра-

шены разноцвѣтными бусами. Въ мое время такой нарядъ стоилъ ни больше, ни меньше, какъ 25 руб. асс.

Остякъ или Самоѣдъ въ такомъ нарядѣ былъ бы похожъ на медвѣдя въ шутовской одеждѣ, Тунгуса же, при его тонкомъ, ловкомъ, приличномъ обращеніи, этотъ нарядъ чрезвычайно краситъ. Такое впечатлѣніе производили они на всѣхъ путешественниковъ, безъ исключенія [1]). Кастренъ (стр. 250) выразился очень вѣрно, сказавъ, что Тунгусовъ можно назвать дворянами Сибири. Они дѣйствительно большіе охотники до рыцарскихъ упражненій, потому что въ Авамской тундрѣ, при малѣйшемъ привалѣ, не было конца бѣганію въ запуски и состязанію въ единоборствѣ.

Тунгусскій обыденный фракъ съ Нижней Тунгуски.

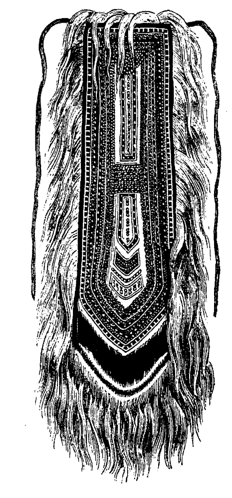
Хотя Тунгусы самые сѣверные верховые ѣздоки на сѣв. оленяхъ, но они мастерски умѣли управлять ими и въ упряжи, держали однакоже шестъ не въ лѣвой рукѣ, какъ Самоѣды, а въ правой. Они мало обращали вниманія на сильную метель, но при всемъ томъ и въ тундрѣ не сбивались съ дороги, хотя охотничьимъ угодьемъ ихъ были высокія горы, какъ это вполнѣ доказывали красивыя ложки ихъ, вырѣзанныя изъ рога горной овцы (цивукунь). Къ дикимъ оленямъ они прикрадывались, потому что загонять оленей посредствомъ махалокъ, какъ это дѣлаютъ Самоѣды, не позволяла лѣсистая мѣстность.

Мѣдныя украшенія въ косѣ, равно какъ ожерелье молодой дѣвушки, обставленное

---

1) Уже безъ малаго 150 лѣтъ тому назадъ моряки наши сообщали (Зап. Гидрогр. Деп. IX, стр. 56): «мужествомъ, и человѣчествомъ, и смысломъ, Тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ. По нихъ Тунгусовъ состоятъ Якуты». Ганстенъ (стр. 55) говоритъ о прекрасномъ впечатлѣніи, которое на него произвели Тунгусы, и отъ Радде у меня есть письмо, въ которомъ онъ высказываетъ свой восторгъ объ этой націи.

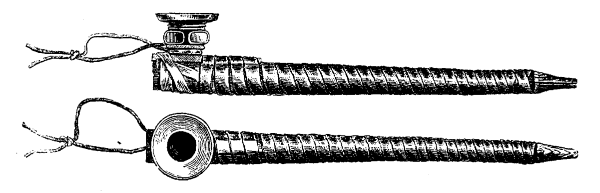
старыми пуговицами [1]), и мѣдная головка отъ трубки, пріобрѣтенныя всѣ въ Якутскѣ, свидѣтельствовали объ огромныхъ пространствахъ, которыя проходятъ эти Тунгусы. Притомъ эти Ялегринскіе Тунгусы говорили порядочно по-якутски; иные знали даже нѣсколько русскихъ словъ, хотя всѣ они придерживались вѣры предковъ и не принимали крещенія. Тѣмъ страннѣе, что у нихъ были постоянныя юрты, устроенныя на якутскій ладъ. Свой юртъ старшина выдвинулъ къ тундрѣ дальше всѣхъ другихъ, къ Волочанкѣ. Небольшая пристройка охраняла его отъ непосредственнаго проникапія вѣтра.

Нагрудникъ того-же Тунгуса.

Покойниковъ своихъ они хоронили въ гробахъ, которые въ ростъ человѣческій отстояли отъ земли и втиснуты были между двухъ деревъ; на тризну, по значительной стоимости упряжныхъ и верховыхъ сѣв. оленей, употребляли не больше двухъ сѣв. оленей. По небольшой съ нарѣзами палочкѣ отсчитывали праздники, а въ особенности день поминокъ.

Этимъ и ограничилось бы мое знакомство съ сѣверными Тунгусами, если бы въ Якутскѣ мнѣ не представился случай увидѣть двухъ Юкагировъ, жившихъ по близости отъ впаденія Индигирки въ

Тунгусская трубка Таймырскаго края, сдѣланная въ Якутскѣ.

Ледовитый океанъ. Ихъ сослали въ Якутскъ за смертоубійство. Оба были очень похожи другъ на друга. Одинъ изъ нихъ, Архипъ Бурнашевъ, изображенъ на табл. I-й. 2. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, представляющаго смѣсь юракскихъ и тунгусскихъ элементовъ. Коренная часть носа была чрезвычайно плоска. Ростъ былъ вышиною въ 4′ 9″. Нѣкогда Юкагиры составляли, говорятъ, многочисленное

[1]) Головы оленей и пуделей на этихъ пуговицахъ въ глазахъ много странствовавшихъ обладателей ихъ были опять фигуры миѳическихъ животныхъ. Срав. стр. 649.

племя. Въ 1842 году случилось небывалое дѣло: богатый Чукочъ женился на дочери Юкагира. Это снова доказываетъ, что даже самые строгіе ревнители чистоты расъ, какъ напр. Чукчи, съ теченіемъ времени, все-таки допускаютъ помѣси расъ. Женихъ сразу уплатилъ разными мѣхами болѣе 1,000 рублей, которые Юкагиръ задолжалъ купцамъ.

Оба Юкагира, не смотря на то, что они были преступники, все-таки приходили въ ужасъ отъ безчестности и низости людей въ столицѣ Якутскѣ.

B. Южные Тунгусы.

Прежде, чѣмъ я перейду къ тѣмъ главамъ моего дневника, которыя описываютъ мое знакомство съ южными Тунгусами, т. е. съ Тунгусами Становаго хребта, слѣдовательно касаются странъ, находящихся на нѣсколько тысячъ верстъ отъ Таймырскаго края, я считаю нужнымъ забѣжать нѣсколько впередъ. Мнѣ хочется предпослать объясненіе, что, не смотря на чрезвычайно дальнее распространеніе этого малочисленнаго народа, въ немъ, повсюду, гдѣ бы мы ни встрѣтились съ нимъ, высказывается все тотъ-же характеръ, который нами выше описанъ.

Во-первыхъ это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ Альповъ. Они обладаютъ извѣстной выправкой, исполнены приличія, ловки, предпріимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически.

Если мы хотимъ продолжать сравненіе съ европейскими горными народами, то мы должны отправиться въ Альпы дальше на западъ, чтобы встрѣтиться съ беззаботною удалью Тунгуса, который въ своей первобытности, главнымъ образомъ, хлѣбосолъ, любитель удовольствій и вѣтренникъ.

Правда, что эта страсть къ удовольствіямъ (въ особенности у южныхъ Тунгусовъ), причинявшая мнѣ не мало горя, вѣроятно потому только такъ поразила меня, что я наткнулся на нихъ какъ разъ въ періодъ осенняго раздолья и годичныхъ сходокъ, составляющихъ блестящія точки въ совершенно уединенной, трудовой и опасной обыденной жизни этихъ людей. Я не знаю другого народа, у котораго бо́льшую часть года жизнь проходила бы такъ уединенно. Каждый чумъ самъ по себѣ отправляется въ лѣсную глушь самыхъ скрытыхъ горныхъ долинъ, предаваясь охотѣ и рыбной ловлѣ. Изъ этого обстоятельства у нихъ развилось и первобытнѣйшаго рода письмо, состоящее изъ знаковъ. Такъ напр., въ первобытномъ лѣсу вы встрѣчаете срубленное деревцо, въ зарубкѣ котораго торчитъ стрѣла концомъ внизъ. Это значитъ: я разставляю луки по близости. Если стрѣла смотритъ вкось кверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая такимъ-же образомъ, указываетъ на присутствіе лица въ самомъ близкомъ раз-

стояніи. Положенный черезъ слѣдъ сучокъ запрещаетъ идти дальше по этому направленію; чурбанъ, положенный на такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился входъ въ чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ устраивать тутъ чумъ. Лошадиная голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать лошадь, пропавшую на мѣстѣ привала, и т. д.

Въ случаѣ болѣзни или погибели кормильца, иное семейство безпомощно погибаетъ отъ голода. Разговоръ съ Тунгусами, мимоходомъ, касается того или другого случая подобнаго рода, какъ будто это такъ и должно быть. Находятъ скелеты или замѣчаютъ, что недостаетъ знакомыхъ: всѣ они погибли безслѣдно.

Такъ я встрѣтилъ три совершѐнно обѣднѣвшихъ тунгусскихъ семейства; у одного изъ нихъ былъ всего одинъ сѣв. олень, у другого три, а у третьяго ихъ вовсе не было; эти три семейства соединились между собою, чтобы помогать другъ другу [1]).

Какъ ни уединенно Тунгусъ живетъ въ своей горной глуши, все-таки онъ очень подвиженъ. Не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое, и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно, большею частью весьма небольшими переходами, посѣщаетъ самыя отдаленныя мѣстности и сходится съ самыми разнообразными сосѣдями. Я набрелъ на Тунгуса, пропавшаго безъ вѣсти съ двумя мальчиками. У него не было оленей и потому, выступая на лыжахъ, онъ тащилъ добро свое за собою на санкахъ. При всемъ томъ онъ забрался въ Китайскія области дальше всѣхъ другихъ русскихъ Тунгусовъ.

Жизнь Тунгуса представляетъ поразительную смѣсь кочеванія съ осѣдлостью. Онъ не упускаетъ случая въ теченіи года побывать въ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другого на болѣе, чѣмъ тысячу, даже болѣе двухъ тысячъ верстъ, тутъ занимаясь обильной ловлей рыбъ, заходящихъ изъ морей въ рѣки, тамъ охотясь на лучшихъ соболей. Но съ другой стороны онъ любитъ также постоянно возвращаться на зиму въ тѣ-же нагорныя долины, гдѣ онъ на нѣсколько дней пути ведетъ свои засѣки, разставляетъ ловушки, устраиваетъ ямы, и гдѣ онъ издавна, по крутымъ скатамъ горъ, знаетъ обычные ходы кабарги, которою онъ питается.

Отсюда-то и происходитъ мнимое противорѣчіе, что Самоѣду, кочевая жизнь котораго почти за все время его существованія ограничивается однимъ шахматнымъ ходомъ: на лѣто къ сѣверу, а на долгую зиму опять назадъ къ предѣлу криворослаго лѣса, извѣстна только жизнь въ чумѣ. Совершенно иначе слагается жизнь Тунгуса, который не довольствуется тѣмъ, что устроитъ себѣ шалашъ лѣтомъ изъ бересты, въ болѣе суровое

---

[1]) Указъ 1823 года, найденный мною въ Архивѣ Удскаго Острога, предписывалъ Тунгусамъ дѣйствовать сообща, чтобы уничтожать дикихъ кошекъ (вѣроятно тигровъ или пантеръ). Должно быть, что приходилось плохо отъ нихъ.

Среди моего странствованія, я набрелъ на пустой тунгусскій шалашъ. На слѣдующій день я узналъ, что отецъ и мать недавно, почти въ одно время, умерли отъ повальной болѣзни, оставивъ трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было всего семь лѣтъ. Куда дѣлись дѣти? Мы вернулись верхами назадъ, но въ шалашѣ все еще никого не было. Повѣсивъ мѣшокъ съ мукой между стойками шалаша и поставивъ возлѣ шалаша лисью ловушку, мы уѣхали. Это все, чтò можно было сдѣлать.

*

время года изъ шкуръ, а нерѣдко въ лѣсной глуши строитъ себѣ небольшой постоянный срубъ [ütän], на якутскій ладъ [1]), изъ отвѣсно поставленныхъ бревенъ. Но онъ и не привязывается неразлучно къ этому дому и, если нужно, тотчасъ покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иной разъ и навсегда. Это его охотничій зàмокъ, а не жилье съ домашнимъ очагомъ. Мы, рожденные въ домахъ, испытывали необыкновенно пріятное чувство, когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ пустыни нежданно находили себѣ кровъ. Тунгусъ очевидно не испытывалъ этого чувства, такъ что въ этомъ смыслѣ мѣстныя управленія справедливо причисляютъ его къ третьему отдѣленію, т. е. къ бродячимъ кочевникамъ.

При совершенномъ недостаткѣ картъ низовьевъ Амура мнѣ нисколько не помогали ни мои постоянные разспросы въ Якутскѣ, ни способность нѣкоторыхъ Якутовъ, растопыривая пальцы, объяснять на суставахъ, или изображать наглядно, посредствомъ складыванія вѣтокъ, сближеніе верховьевъ рѣкъ, водораздѣлы и проходы. Только на мѣстѣ я успѣлъ убѣдиться, на какія громадныя пространства этотъ предпріимчивый и подвижной народъ распространяетъ свои кочеванія, и какъ далеко онъ забирался въ мѣстности, признававшіяся за Китайскія области, куда ходить имъ строго запрещено было тогда нашими управленіями.

Но возвратимся опять къ регулярному топографическому ходу моего путешествія и, по этой нити, прослѣдимъ мое постепенное ознакомленіе съ южными Тунгусами.

Еще до переправы черезъ Алданъ, въ мѣстечкѣ Уранъ-Айдакъ, въ Алданскихъ горахъ, на р. Милѣ, я впервые встрѣтилъ южныхъ Тунгусовъ. Они принадлежали къ Кюрбюрдинскому роду Учурскаго племени, и поселились при рѣкѣ въ юртахъ (ütän), потому что только у двухъ-трехъ Тунгусовъ было еще по нѣскольку сѣв. оленей. Живя ближе къ центрамъ управленія, они были окрещены уже въ концѣ прошлаго столѣтія и мало по малу сдѣлались бѣдными рыбаками. На всемъ Алданскомъ хребтѣ находился только одинъ Тунгусъ, у котораго было 70 сѣв. оленей, за исключеніемъ живущаго на дальнемъ прибрежьѣ Гарамзина. У этого аристократа, предки котораго играли роль уже въ прошломъ столѣтіи, и въ мое время насчитывалось еще 600 сѣв. оленей. Его стада сохранились, не смотря на страшную копытную болѣзнь, потому что лѣтомъ охлаждались сначала позднимъ льдомъ Охотскаго моря, а потомъ, во второй половинѣ лѣта, наледными долинами на горныхъ высотахъ. Срав. сказанное на стр. 566.

Старшина Кюрбюрдинскаго рода на столько-же былъ полонъ претензій и надутъ, на сколько онъ былъ жалокъ; при навьючиваніи нашихъ животныхъ, онъ самъ не помогалъ, а изволилъ только приказывать. Болѣе жалкихъ Тунгусовъ я не видалъ. Правда, что это было время голоданія въ началѣ весны. Крещеніе этихъ Тунгусовъ, также какъ и другихъ ихъ соплеменниковъ, отзывалось обычнымъ образомъ: осенью, когда меня по-

---

[1]) Ближайшія свѣдѣнія см. въ главѣ о Якутахъ. Тунгусъ не возитъ съ собою, какъ Самоѣдъ, стоекъ для шалаша, которыхъ требуется до 30. На хорошихъ кормовыхъ мѣстахъ часто можно встрѣтить основанія для шалашей, поставленныя другими; если же ихъ нѣтъ, то лѣсъ представляетъ обиліе по части стоекъ.

разило, что Учурскіе Тунгусы, горячо о чемъ-то споривщіе, одного все называли $\frac{ш}{с}$аманомъ, и когда я попросилъ растолковать мнѣ причину этого, они сознались, конфузясь и какъ бы оправдываясь: «да это не великій». Но живость характера вскорѣ побудила ихъ разсказать мнѣ потомъ о чудныхъ подвигахъ «великаго». Само собою разумѣется, что при этомъ играютъ роль разныя охотничьи суевѣрія подъ подставнымъ названіемъ «грѣха». Кабаргу я могъ получать только безъ головы, соболей безъ мяса, до тѣхъ поръ, пока длится на нихъ охота, иначе эта охота въ текущемъ году будетъ неудачна. Иные Тунгусы до такой степени придерживаются этого шабаша, что изъ-за того же опасенія даже не рѣшаются платить купцамъ деньги до тѣхъ поръ, пока весна не закончитъ срока охоты.

Такимъ-же образомъ, во время сниманія шкуры съ животнаго, никто не смѣетъ перешагнуть черезъ огонь, разведенный въ чумѣ, или внести въ чумъ свѣжаго снѣга, потому что это опять портитъ охоту. Не хорошо также, если кладутъ палку поперекъ слѣда, если срубленное дерево повалится поперекъ Тунгусской тропинки и т. п. Тунгусъ никому не дастъ огня изъ своего чума, и не взращиваетъ дикихъ сѣв. оленятъ или лосятъ — потому что все это грѣхъ.

Съ такимъ-же благочестіемъ, какъ Якуты, онъ на опасныхъ переходахъ совершаетъ возліянія въ честь злыхъ духовъ, и при этомъ выливаетъ даже единственный глоточекъ водки, который у него остается.

Въ Удскомъ Острогѣ, равно какъ во время моего лѣтняго плаванія по Охотскому морю, я совершенно потерялъ изъ виду Тунгусовъ, и только въ началѣ Сентября, когда я на р. Тугурѣ распростился съ своей байдарой и приступилъ къ зимнему странствованію на сѣв. оленяхъ по Амурскому краю, я встрѣтилъ ихъ сборные пункты. Они сошлись изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ и занимались заготовленіемъ зимнихъ запасовъ. Безчисленное множество кеты, забиравшейся вверхъ по рѣкамъ, представило удобный случай скоро справиться съ этимъ дѣломъ. Часть рыбной ловли была окончена; тѣ семейства, которыя запоздали, собирались пополнить свои рыбные запасы въ области р. Амура. Они готовились къ переправѣ черезъ плоскій водораздѣлъ, съ Тугура къ Немилену (притоку Амура), куда кета заходитъ позднѣе, потому что ей приходится совершить туда изъ моря гораздо болѣе длинный путь. Стало ночью морозить и все предвѣщало, что настаетъ время попытать счастіе въ охотѣ на соболей «съ собачьими ногами». Всѣ начали готовиться.

Какъ только мы прибыли на сборный пунктъ Буруканъ, при изгибѣ Тугура, какъ мой караванъ встрѣтили винтовочной пальбой. Собравшіеся Тунгусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха. Это было своего рода покушеніе на мои тщательно сберегавшіеся пороховые запасы. Noblesse oblige. Желая положить конецъ безполезной дѣтской пальбѣ (не отношу этого къ крѣпостямъ высокоцивилизованныхъ гаваней и къ военнымъ кораблямъ), я назначилъ преміи за стрѣльбу въ цѣль. Лучшіе тунгусскіе стрѣлки на 95 шаговъ попадали въ четвертушку бумаги довольно мѣтко, но клали

ружье на подставку. При этомъ нѣкоторые держали лѣвую руку трубкообразно надъ прицѣломъ. Тринадцатилѣтніе мальчики также принимали участіе въ стрѣльбѣ. Но какъ далеки были эти подвиги отъ хвастливаго преданія, которое сами Тунгусы считали дѣйствительнымъ фактомъ. Мнѣ показывали посеребренный поясъ, перешедшій къ теперешнему его владѣльцу отъ дѣда. Послѣдній былъ вызванъ въ Петербургъ къ Императрицѣ, которая приказала прикрѣпить монету къ шпилю церковной башни. Тунгусъ попалъ въ монету и получилъ поясъ на память отъ Императрицы.

За стрѣльбою въ цѣль послѣдовалъ балъ. Если уже Самоѣды при этомъ дохлопотались до поту, дѣйствуя спокойно и по-видимому разгорячаясь только отъ усиленнаго дѣйствія внутренняго напряженія, то въ Тунгусахъ окончательно разразилось плясовое бѣшенство энтузіастовъ. Сначала образовался маленькій кружокъ, въ перемежку изъ мущинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ, какъ попало, безъ замѣтнаго вліянія половыхъ отношеній. Схватились за руки и началась безискусственная пляска, заключавшаяся въ передвиженіи ногъ въ сторону. Вскорѣ однакоже круговая пляска стала оживляться, движенія обратились въ прыжки и скачки, все тѣло покачивалось, лица разгорались, восклицанія становились все восторженнѣе, одинъ старался перекричать другого; сбросили полушубочки, сбросили набедренники. Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Нѣкоторые еще пытаются противиться, но вотъ уже и у нихъ голова незамѣтно начинаетъ покачиваться то вправо, то влѣво, подъ тактъ, и вдругъ такой зритель, какъ будто прорвавъ твердый оплотъ, вторгается въ кругъ пляшущихъ. Все отрывочнѣе, все шумнѣе становятся движенія, да напѣвъ восклицаній: hurjá, hurjá—hūgoj, hūgoj—hōgyj, hōgyj—hūmgoj, hūmgoj—hākä, hākä—ähandō, ähandō—härga, härga. Наконецъ весь кругъ разстраивается только вслѣдствіе крайнего утомленія; ноги и голоса не дѣйствуютъ болѣе.

Демонская сила пляски на морскомъ прибрежьѣ увлекла даже глядѣвшихъ на нее неуклюжихъ Гиляковъ, отъ головы до ногъ закутанныхъ въ тяжелыя собачьи шубы. Поглазѣвъ нѣсколько времени, они, какъ медвѣди, ринулись въ кругъ и, обнаживъ волосатыя верхнія части своего тѣла, вскорѣ спустили верхнюю часть мохнатой шубы на поясъ.

За пляской послѣдовалъ чай съ пуншемъ; къ стыду нашихъ большихъ баловъ я долженъ замѣтить, что тѣ же самые Тунгусы, какъ бы преобразившись, соблюдали самое сдержанное приличіе. Ни малѣйшей необузданности, никто не хваталъ раньше другого, всѣ пили умѣренно, соображаясь съ тѣмъ, чтобы никто не остался въ накладѣ.

Затѣмъ, совершенно иначе, чѣмъ у нѣмыхъ Самоѣдовъ, настала очередь и рѣчамъ, напомнившимъ мнѣ опять наши европейскія краснорѣчивыя націи и теперешнія красно- и многорѣчивыя времена. Рѣчи приняли высокій полетъ. Когда я, съ своей стороны, въ прощальной рѣчи указалъ на то, что эта страна несмѣтно богата всѣмъ необходимымъ для Тунгуса, и что только по собственной винѣ они могутъ задолжать, терпѣть нужду, или даже умирать съ голоду, вмѣсто того, чтобы быть пребогатыми, то всѣ громогласно согласились, что я совершенно правъ. Tout comme chez nous.

Выше я замѣтилъ, что страсть Тунгусовъ къ удовольствіямъ причиняла мнѣ не мало горя. Вотъ какъ это было.

У беззаботныхъ Тунгусовъ торговля сложилась иначе, чѣмъ у Самоѣдовъ. Благодаря содѣйствію чрезвычайно ловкихъ Якутовъ, охотниковъ поторговать, въ горахъ, въ разныхъ мѣстахъ образовались регулярно повторяющіяся въ извѣстныя времена сходки, вслѣдствіе которыхъ такія пустынныя мѣста по временамъ превращаются въ торговые пункты. Мы находимъ тамъ первые зачатки нашихъ ярмарокъ, потому что является конкурренція, которую торговцы стараются составлять другъ другу. Такъ какъ не можетъ быть рѣчи объ опредѣленныхъ дняхъ сходки и въ означенныхъ мѣстахъ приходится оставаться довольно долго, то вскорѣ строится также нѣсколько юртъ, въ которыхъ торговцы располагаются съ своимъ товаромъ. Затѣмъ является туда и Тунгуска съ своими якуто-тунгусскими дѣтьми (срав. стр. 630). Въ главѣ о Якутахъ мы вернемся опять къ этимъ торговцамъ, а тутъ замѣтимъ только, что такіе торговые пункты весьма естественно возникаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ самая большая ловля пушныхъ звѣрей, хотя бы это было очень далеко, среди ужаснѣйшей глуши.

Отсюда-то проистекаетъ пріятная привычка вѣтренниковъ, въ теченіе послѣдней трети года странствовать сообща отъ одного торговаго пункта до другого, расходясь коегдѣ по пути, чтобы мимоходомъ заняться ловомъ. Затѣмъ вскорѣ опять сходятся. Такое странствованіе сообща представляетъ непрерывные легкомысленные кутежи, на которые всякій, у кого есть что-нибудь, долженъ вносить свою долю до тѣхъ поръ, пока у него ничего больше не останется; никто не оставляетъ компаніи до тѣхъ поръ, пока весь запасъ не истощится. При такомъ коммунистическомъ хлѣбосольствѣ горьше всѣхъ приходится солидному европейскому путешественнику, экономно разсчитавшему и распредѣлившему все для себя и для спутниковъ своихъ по недѣлямъ и днямъ, по фунтамъ и лотамъ. Гостепріимный обычай Тунгусовъ похожъ на священнодѣйствіе, а кто, даже въ Европѣ, сталъ бы поступать на перекоръ ему, хотя бы это было самое безсмысленное суевѣріе. Попробуйте-ка въ хорошемъ англійскомъ обществѣ поступить не gentlemanlike, напр. въ отношеніи бѣлаго цвѣта галстука, или держанія вилки и т. п. Въ пустыни же европеецъ зависитъ отъ дикаря. Тутъ я могу присовѣтовать только одно: съ самаго начала раздѣлить всѣ запасы по порціямъ, уложить ихъ отдѣльно въ разные мѣшки и по-іезуитски, какъ этого требуетъ культъ, по веселомъ окончаніи вскрытаго мѣшка, опустошеніе котораго разгоняетъ всѣхъ гостей, на дальнѣйшемъ пути снова приняться за бережливое расходованіе другаго.

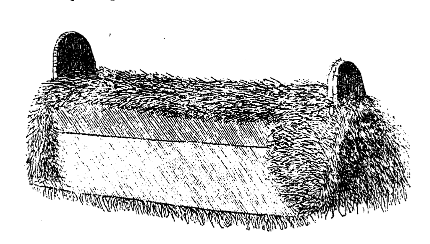
Извлекаю изъ дневника моего нѣсколько пояснительныхъ данныхъ. Сдѣлать предварительный разсчетъ, записалъ я, невозможно, потому что никогда не знаешь, сколько будетъ гостей. Вотъ отчего въ пустыняхъ и приходится такъ много голодать. Нашъ спутникъ, Захаръ, сдѣлалъ находку, поймавъ сбѣжавшую лошадь; едва успѣли ее зарѣзать, какъ на пиръ явились другіе Тунгусы; на слѣдующій день отъ нея не осталось уже ни одного кусочка. Когда я купилъ лошадь, то и со мною случилось тоже самое. На Тугурѣ явился купеческій прикащикъ; онъ прожилъ двѣ недѣли на счетъ Тун-

гусовъ. Тунгусскій старшина Аѳанасій присоединился къ намъ. Весь его запасъ заключался въ полуляшкѣ сѣв. оленя. Я сталъ возставать противъ этого дикаго обычая; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что вожакъ моего каравана, Ваньча́, сталъ кормить его изъ запасовъ владѣльца сѣв. оленей, своего хозяина. Затѣмъ пристали еще два Тунгуса, Константинъ и Прокопій, у которыхъ всего было по нѣскольку сушеныхъ рыбъ. Они насѣли на Гиляковъ и отправились на Дьелотикитъ, чтобы посѣтить рыбачившихъ Тунгусовъ, набить себѣ пузо, да забрать себѣ кое-что на обратный путь къ намъ. Хотя уже всѣ они ежедневно питались нашимъ чаемъ и нашими сухарями, которыми очевидно нельзя было не угощать ихъ, но вскорѣ намъ пришлось все-таки допустить къ нашей трапезѣ еще 3 Тунгусовъ и 4 Гиляковъ. Вслѣдствіе такихъ странствующихъ посѣтителей лавина по временамъ наростаетъ на 4—6 и даже до 11 душъ или собственно желудковъ. У насъ гости; у вожака свои. Вскорѣ у вожака истощаются нѣкоторыя принадлежности его запасовъ. Стоило ли уговариваться, что онъ самъ долженъ кормить и себя и своихъ погонщиковъ сѣв. оленей: мнѣ приходится многое удѣлять ему, а самому довольствоваться уменьшенными порціями.

Мы снимаемся съ мѣста. Да, но отъ этого намъ не лучше, потому что вся компанія провожаетъ насъ: она идетъ съ нами. Страшная стужа. Къ нашимъ 40 сѣв. оленямъ прибавилось еще 40 другихъ. Начинается суматоха. Впереди женщины съ развѣвающимися косами, серебряными поясами, разнаго рода привѣсками, съ обнаженными или вложенными въ ножны медвѣжьими рогатинами. Сбоку пристегнута люлька, плотно обвязанная мѣхами, подъ которыми тихохонько дремлетъ грудной ребенокъ. За матерью слѣдуетъ пятилѣтній мальчуганъ, составляющій добавокъ къ клади и сидящій сверху на сѣв. оленѣ. Онъ на видъ не столько высокъ, сколько широкъ. Шуба его мѣшаетъ ему опустить руки; онѣ растопырены горизонтально, точь въ точь какъ у огороднаго чучела. Рукава его кабарговой шубы зашиты въ видѣ обрубковъ и только прорѣха съ боку позволяетъ просунуть руку. Шапка оставляла бы небольшую часть лица раскрытой, если бы и эта часть не была припрятана за бѣличье боа.

У другой бездѣтной женщины позади на сѣдлѣ забавный на видъ снарядъ: это тунгусскіе щипцы, домашній приборъ, безъ котораго никакъ нельзя обойтись.

Другія женщины еще укладываются; даже дѣти усердно таскаютъ свернутую бересту [2]), между тѣмъ какъ мущины не заботятся о такомъ бабьемъ дѣлѣ и почти въ лѣтнихъ нарядахъ, сгорбивъ спину, такъ что косички далеко оттопыриваются, сидятъ на корточкахъ передъ огнемъ. Одинъ осматриваетъ, хороша ли его медвѣжья

Женское сѣдло [1]).

[1]) Срав. стр. 500.

[2]) Tinsy, стѣны шалаша.

рогатина, и ею скоблитъ себѣ зубъ. Мальчики лѣтъ 6—8 играютъ съ собаками; съ оленьимъ шестомъ въ рукѣ, они садятся затѣмъ на годовалыхъ или двухгодовалыхъ оленятъ. Везутся лыжи, самострѣлы, ружья и т. д., наваленныя на вьючныя сѣдла. Проѣзжаетъ также, въ видѣ добавленія къ поклажѣ, собака, привязанная на сѣв. оленѣ на сѣдлѣ. Слѣдуетъ верхомъ старикъ Тунгусъ. Всѣ эти сѣв. олени разряженные проходятъ мимо насъ; за ними бѣгутъ свободно, съ сиплымъ хрипомъ, почти хрюкая, нѣсколько оленятъ, которые безпокойно скачутъ то туда, то сюда. «Hrau, hraй», зовутъ впереди женщины и, желая приманить ихъ, стараются по возможности лучше поддѣлаться подъ голосъ смолкшихъ оленицъ, на которыхъ сами сидятъ.

«Каӣ, kaӣ», кричатъ погоняя мужчины, которые, держа въ рукѣ медвѣжью рогатину, большею частью ведутъ на поводѣ своихъ собакъ и пѣшкомъ плетутся позади. Немилосердыми толчками они погоняютъ своихъ чрезъ глубокій снѣгъ, проносясь мимо отстающихъ, потому что при этомъ они считаютъ себя точно такими-же молодцами, какъ у насъ человѣкъ, несущійся въ щегольскомъ экипажѣ.

Впрочемъ, эта непрошеная компанія все-таки была чрезвычайно интересна, а именно ее составляли: 1 — 4) Гиляки, идущіе съ нами недалеко, для осмотра силковъ въ прибрежныхъ горахъ; 5 — 6) Тунгусъ съ сыномъ, отправляющійся за высокія горы къ дальнимъ верховьямъ Силимджи; 7—8) Тунгусъ съ сестрой, хотя и собирающійся идти въ совершенно противоположномъ направленіи, но, ради пріятной компаніи, не дорожащій потерею нѣсколькихъ дней и совершеніемъ лишняго пути; 9) старикъ Тунгусъ, который доселѣ проводилъ зимы на Амгуни, т. е. въ Китайскихъ краяхъ, но узнавъ, что мать его захворала, отправляется къ ней, къ верховьямъ Торома; 10) Тунгусскій старшина, занимавшійся ловлею тюленей и теперь собирающійся сначала еще половить рыбу въ мѣстечкѣ Хамбыканѣ (на р. Амгуни), а потомъ двинуться на ловлю соболей къ верховьямъ этой рѣки; 11 и 12) Маинскій Тунгусъ, прибывшій изъ новой гавани Аяна, съ интересными извѣстіями объ адмиралѣ Завойкѣ и собирающійся съ товарищемъ также на Амгунь за соболями, которыхъ у него на родинѣ нѣтъ; наконецъ 13) Якутъ Сергѣй Соловьевъ, пользующійся почетомъ торговецъ. Вотъ весь комплектъ гостей, идущихъ съ нами часть пути. Впослѣдствіи сцена неоднократно мѣняется и мы проходимъ большія пространства, на которыхъ нѣсколько недѣль сряду не набредешь на слѣдъ человѣка. Наконецъ потребность собрать свѣдѣнія, необходимыя для оріентированія, становится такъ велика, что мы 6 дней сряду идемъ по слѣдамъ Тунгуса, какъ по слѣдамъ звѣря въ степи, пока намъ удается настигнуть его.

Упомянутые гости были непрошены. Но не слѣдуетъ думать, что они безъ дальнѣйшаго брали все, что̀ имъ вздумалось. Это весьма приличный и благонравный людъ. Тунгусъ влѣзаетъ въ чумъ и располагается у огня; это само собою разумѣется. Онъ у перваго встрѣчнаго беретъ трубку изо рта (стр. 703); это также весьма понятно точно такъ, какъ у насъ принято предлагать чужимъ свою табакерку или папиросницу. Этимъ они и довольствуются. Но за тѣмъ приличие и обычай требуютъ, чтобы гостю предло-

жили отвѣдать, и тогда только онъ начинаетъ кушать. Къ счастію они умѣренны въ ѣдѣ; намъ нужно было болѣе для своего содержанія. При всемъ томъ они разсказали мнѣ, съ явнымъ самодовольствомъ, про одного изъ своихъ хорошихъ охотниковъ, нынѣ уже покойника, что онъ, не переставая, т. е. въ одинъ присѣстъ или въ одинъ обѣдъ, съѣдалъ трехлѣтняго медвѣдя, либо двухгодоваго дикаго сѣв. оленя. Тогда котелъ на огнѣ бывалъ обставленъ одними вертелами.

Весельчаки такъ беззаботны, что ни старикъ Тунгусъ, у котораго все-таки было восемь сѣв. оленей, ни жена его, съ взрослымъ сыномъ и дочерью да еще двумя маленькими дѣтьми, не забрали съ собою ни одной рыбы, а шли съ нами, полагаясь на запасы и хлѣбосольство вожака моего каравана. Двѣ изъ его оленицъ снабжали дѣтей молокомъ. Въ крайнемъ случаѣ онъ принимается за небольшое количество своихъ сѣв. оленей.

Пока есть возможность предположить, что у кого-нибудь еще найдутся запасы, только съ трудомъ можно убѣдить этотъ беззаботный людъ заняться охотою. Упомянутаго старика Тунгуса нельзя было уговорить, чтобы онъ разставлялъ сѣть нашу болѣе одного раза въ день. Мы проходили мимо утокъ, даже тетеревовъ, но провожавшая насъ компанія считала слишкомъ затруднительнымъ подкрадываться къ нимъ, имѣя въ виду наши мѣшки съ запасами. За этою лѣнью, повидимому, крылась боязнь, что они могутъ прозѣвать нашъ чай; по крайней мѣрѣ мнѣ привелось видѣть, что они не заботились спутать уже согнанныхъ сѣв. оленей, а полѣзли въ шалашъ за чаемъ, предоставивъ сѣв. оленямъ возможность разбѣжаться въ разныя стороны. Другой изъ-за чая не поздоровался со своимъ семействомъ, съ которымъ онъ встрѣтился у насъ послѣ мѣсячнаго отсутствія. Кромѣ того, пользуясь гостепріимствомъ, они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія показать, что они считаютъ себя обязанными, такъ что угощаемые нами не помогали намъ (развѣ только, что на нихъ находила охота) ни рубить дрова, ни навьючивать поклажу, ни строить плотъ и т. п. Такимъ-же образомъ мнѣ привелось видѣть, что сестра, усерднѣйшимъ образомъ принимавшая участіе въ устройствѣ чума, спокойно глядѣла, какъ братъ рылъ яму для храненія запасовъ. Это была не ея работа, это до нея не относилось. Такое строгое распредѣленіе труда свойственно всѣмъ первобытнымъ людямъ, и никакія соображенія о благодарности не въ состояніи измѣнить эти порядки (срав. стр. 646).

При подобныхъ обстоятельствахъ случайная добыча часто должна выручать изъ бѣды. Такого рода добыча кстати познакомила меня съ установленными обычаемъ законами этого охотничьяго народа относительно права пользоваться долею (сравн. стр. 652 и 679).

Моя тунгусская собака Уорчакъ остановила лося. Мы подкрались къ нему и я застрѣлилъ его; только что мы успѣли разрѣзать его, какъ явился Тунгусъ и заявилъ свои права на добычу, утверждая, что раненный его самострѣломъ лось, за которымъ онъ гнался, очевидно долженъ быть этотъ самый. Надрѣзъ въ шкурѣ былъ подозрѣваемъ за рану, произведенную стрѣлой. Долго продолжался дальнѣйшій осмотръ шкуры и мяса; упорно,

но спокойно и съ величайшимъ приличіемъ, предъявлялись и взвѣшивались въ этомъ спорномъ вопросѣ доводы и возраженія. Со стыдомъ я припоминалъ иные охотничьи споры въ Европѣ. Такъ какъ въ мнимой ранѣ отъ стрѣлы не оказывалось необходимаго подтека крови, то претендентъ былъ устраненъ. Въ заключеніе на другой день при осмотрѣ слѣда оказалось, что нашъ лось пришелъ издалека; тогда Ваньча, вожакъ моего каравана, распредѣлилъ лося, согласно обычаю, слѣдующимъ образомъ: одну половину назначили мнѣ, признавъ возможнымъ, что справедливыя права свои я могу передать моимъ людямъ; другую половину получилъ Тунгусъ, странствовавшій съ нами уже нѣсколько дней, а именно: 1) какъ спутникъ, 2) какъ старшій между нами, и 3) какъ отецъ большого семейства, которое все шло съ нами.

Подъ половиной разумѣлись: 1) полшкуры [1]; 2) половина грудной части и 3) половина спиннаго куска [2]; 4) полголовы; 5) ползатылка; 6) половина крестцовыхъ и хвостовыхъ позвонковъ; 7—12) половина сердца, легкихъ, печени и крови, почекъ и кишечнаго жира.

Другой Тунгусъ, еще старше предыдущаго, но не принадлежавшій къ нашей компаніи, а случайно пришедшій къ раздѣлу, получилъ зашеекъ и одну ногу со шкурой къ этой ногѣ. Панданъ къ нему достался другому Тунгусу съ сыномъ. Вожакъ моего каравана съ товарищами и два погонщика нашихъ сѣв. оленей получили каждый ляшку съ ногой.

Позвонки были разобраны по одиночкѣ и распредѣлены поровну между всѣми, при чемъ самые средніе четыре поясничныхъ позвонка считались лакомствомъ, а послѣдній посмѣшищемъ судьбы. Кровь слили и хранили въ желудкѣ; внутренности тотчасъ-же отправились въ котелъ. Черепъ и копыта развѣшены были въ видѣ трофеевъ на мѣстѣ раздѣла. Въ нагорныхъ лѣсахъ мы нерѣдко встрѣчали гнѣздоподобные столы изъ хвороста, устроенные между двумя деревьями, близко стоящими одно возлѣ другаго или на вилообразныхъ шестахъ, и обставленные черепами и когтями медвѣдей, лосей и сѣв. оленей [3]).

На этомъ обычаѣ дѣлить добычу основано право всякаго, кто находитъ въ тунгусскихъ самострѣлахъ или ловушкахъ убитаго звѣря, брать безъ малѣйшаго опасенія сколько ему нужно, до половины всего животнаго. Шкуру же и голову онъ обязанъ оставить на мѣстѣ, и вмѣстѣ съ оставшимся мясомъ тщательно укрыть отъ хищныхъ звѣрей. Если же онъ по необходимости присвоитъ себѣ все мясо, то расчеты предъявляются только въ такомъ случаѣ, когда законный хозяинъ вслѣдствіе этого самъ попалъ въ бѣду и долженъ былъ заколоть своего собственнаго сѣв. оленя.

Съ кабаргой поступаютъ иначе. Она не подлежитъ распредѣленію на доли. Ее

---

1) Шкуры съ ногъ только зимою составляютъ нераздѣльную часть всей шкуры; относительно сѣв. оленя это постоянное правило, потому что шкура его не подлежитъ раздѣлу на двѣ части.

2) Ребра отдѣляются отъ позвоночнаго столба.

3) Dölkön у Кангаласцевъ; Gilik у Пикагировъ.

можно взять только въ случаѣ крайней нужды, но оставивъ голову и переднія ноги, иначе на будущее время ловъ не удастся, какъ и тогда, когда будетъ взятъ соболь. Если кто по необходимости долженъ былъ взять ее, то при первомъ-же свиданіи съ хозяиномъ ея, онъ говоритъ ему уже издалека: я взялъ твою кабаргу. Этого требуетъ обычай, котораго строго придерживаются.

Всѣ, въ особенности мой половинщикъ, торжественно благодарили меня за мой «таланъ». Что̀ означало это выраженіе: талантъ или счастіе? Но много ли проку было для моего половинщика въ его счастьѣ? По доброму тунгусскому обычаю онъ тотчасъ-же долженъ былъ отдать голову и шею на пирушку, къ которой пригласили и меня, тѣмъ болѣе, что вожакъ моего каравана принималъ живѣйшее участіе въ приготовленіи и снаряженіи пира. Усѣлись въ кружокъ и передъ каждымъ (маленькій тунгусскій мальчикъ также принялъ участіе въ пирушкѣ) разостлали въ видѣ скатерти сѣдельную попону сѣв. оленя (кумала́нъ). Сначала подали котелъ съ густой горячей кашей, состоявшей изъ раскрошеннаго на мелкіе кусочки мяса, которое жарилось въ мозгу и кишечномъ жирѣ. Котелъ обошелъ весь кружокъ, каждый бралъ полную ложку и передавалъ котелъ сосѣду. Опять соблюдалось высшее приличіе, съ спокойнымъ выжиданіемъ очереди. За кашею послѣдовали куски мяса разнаго рода, которые усердно поѣдались. Меня отличили тѣмъ, что мнѣ дали самые лакомые кусочки, какъ то: жиръ отъ грудной кости, мозгъ изъ костей (въ сыромъ видѣ Tschāŋga) и языкъ. И старикамъ, то туда, то сюда, раздавались лакомые кусочки. Если кто не могъ съѣсть все, данное ему распорядителемъ пира, что̀ бы то ни было, то онъ бралъ остатки съ собою, для жены и дѣтей, точно такъ какъ уже прежде это дѣлали Тунгусы и Гиляки съ нашими сухарями и съ чаемъ. Самый счастливый ловъ очень скоро прибирается и нѣтъ ничего характеристичнѣе отвѣта на вопросъ: хорошо ли было тамъ-то или тамъ-то тому или другому лицу. Тунгусъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ примѣрно такъ: «мы съѣли тамъ четырехъ лосей».

Тунгуса нельзя лучше угостить, какъ жиромъ, и за тѣмъ мукою. По этому мука, поджаренная на жирѣ или маслѣ, т. е. извѣстный по всей Сибири салама́тъ, такая божественная пища, съ которою ничто не можетъ сравниться.

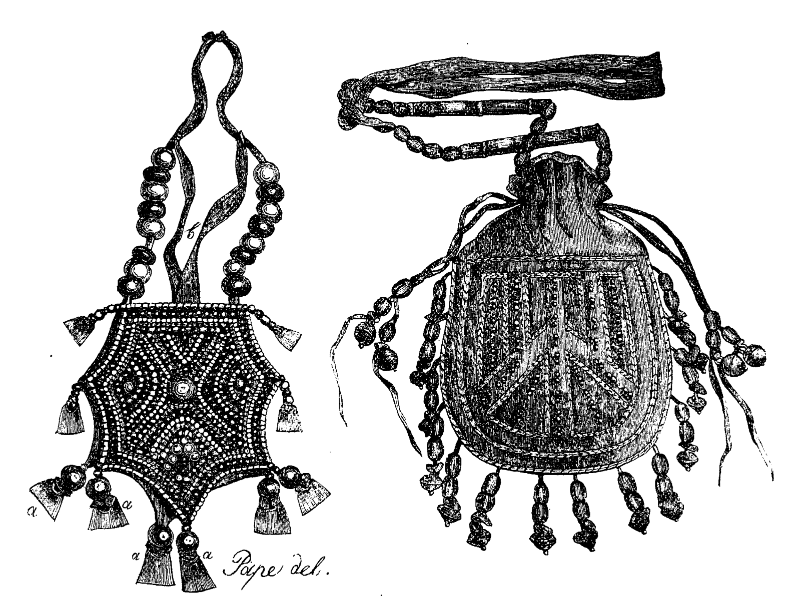
Заговоривъ о кушаньяхъ, считаю еще нелишнимъ замѣтить, что мясо большихъ животныхъ разрѣзается на длинныя полоски въ палецъ толщины, которыя весною натыкаются на колышки и сушатся на солнцѣ, а во время появленія мухъ вѣшаются въ дымъ [1]). За тѣмъ еще считаю нужнымъ упомянуть, что меня угощали брусникой, которую хорошая тунгусская хозяйка растираетъ съ икрой въ тѣсто и въ такомъ видѣ хранитъ на зиму. Точно также растираются ягоды черемухи; добытое изъ нихъ тѣсто мѣшаютъ съ небольшимъ количествомъ масла, сплющиваютъ въ тарелкообразныя лепешки и сушатъ передъ огнемъ на жесткихъ, сложенныхъ въ рѣшетку, травахъ. Заморажи-

---

[1]) Такое сушеное мясо называется у Кангаласцевъ: oljonkó, у Учурскихъ Тунгусовъ; hulükto̅.

ваютъ также черемуховую кашу, разведенную на молокѣ сѣв. оленицы. Такимъ образомъ прекрасно сохраняется пріятный вкусъ синильной кислоты [1]).

Чтобы исчерпать немногое, отмѣченное мною въ дневникѣ относительно тунгусскихъ женщинъ, я замѣчу тутъ, что южные Тунгусы, хотя женами своими и обшиваются въ обтяжку и щегольски, но далеко не бываютъ такъ нарядны, какъ Тунгусы на Нижней Тунгускѣ (см. стр. 702 и 703), которые очевидно самые большіе щеголи. Не смотря на всѣ сходки, я встрѣчалъ мужчинъ только въ обыденной одеждѣ, что однакоже не исключало щегольскихъ принадлежностей, въ родѣ купленныхъ мною тамъ кисетовъ (см. прилагаемый рисунокъ), густо покрытыхъ разноцвѣтными бусами.

Кисеты южныхъ Тунгусовъ.

У кисета, изображеннаго съ лѣвой стороны, особаго рода покрой, такъ что собственно маленькій, незамѣтный тутъ, мѣшокъ виситъ на обоихъ, показанныхъ на

---

[1]) Тщетно я разспрашивалъ объ упомянутомъ у Георги обыкновеніи ѣсть дѣтскій послѣдъ вареным и жаренымъ. Оба названія, равно какъ слово Danira, были совершенно неизвѣстны. Но поминочная ѣда Schiturap была еще въ полномъ употребленіи.

рисункѣ, внутреннихъ ремняхъ (b) и, въ случаѣ надобности, вытаскивается внизъ изъ плотной, шитой оболочки.

Но я очень удивился, когда увидѣлъ, что не только женщины, но и мужчины, отправляясь въ путь, надѣвали замшевыя перчатки [1]). Повидимому, это означало высшую степень щегольства. Въ самомъ дѣлѣ эти перчатки были такъ ловко сшиты и украшены шелковыми узорами по швамъ, что въ качествѣ дорожныхъ перчатокъ онѣ и у насъ удостоились бы вниманія.

Сильно разряжены были женщины, а въ особенности дѣвушки, тѣмъ болѣе, что онѣ уже употребляли сукна. Красныя юбки были обшиты широкими синими каемками, которыя и сзади охватывали высоко заходившую кверху прорѣху, составляющую отличіе народа, ѣздящаго верхомъ. Если юбки были другаго цвѣта, то онѣ по крайней мѣрѣ были обшиты красными каймами. У тѣхъ, которыя были по богаче и находились въ сношеніяхъ съ китайскими пограничными народами, вмѣсто каемокъ были выпушки, шитыя желтымъ или зеленымъ шелкомъ. Вообще, вслѣдствіе различныхъ соприкосновеній съ разными пограничными сосѣдями, Тунгусы очевидно утеряли свой первоначальный національный костюмъ и усвоили себѣ все, что имъ казалось красивымъ. Гдѣ не преобладало сосѣдство Китая, тамъ вездѣ якутскіе торговцы распространили свои узоры. Такъ напр. изображенную тутъ Тунгуску по наряду нельзя отличить отъ Якутки. Особеннаго вниманія заслуживаетъ шапка, на которой, по красному сукну, серебряными нитками, вышиты пальмовыя листья, а рядомъ съ этимъ тропическимъ миѳомъ основаніемъ шапки послужилъ родной рысь, роскошной опушкой ея россомаха. Да и широкій мѣдный посеребренный поясъ, съ узорчатымъ серебрянымъ ожерельемъ [2]) въ два пальца толщиною, очевидно якутскаго происхожденія. При стужѣ его замѣняетъ боа изъ бѣличьихъ хвостовъ, которое носятъ и мужчины и женщины, обвивая его либо вокругъ шеи, либо вокругъ лба. На совершенно полное боа идетъ сотня бѣличьихъ хвостовъ [3]).

Тунгуска въ якутскомъ костюмѣ.

Большую роль играетъ украшеніе для косы, которое бываетъ или въ родѣ якутскаго (см. табл. XV, рис. 3 нѣм. изд.), или повидимому чисто-тунгусское, состоящее изъ серебрянаго либо посеребреннаго трубчатаго футляра. Затѣмъ слѣдуютъ серьги; изъ нихъ значащіяся на прилагаемомъ рисункѣ съ лѣвой стороны по формѣ сходны съ якутскими; показанныя справа состоятъ изъ се-

[1]) Tarbak, для отличія отъ рукавицъ kokoldro срав. рисунокъ на стр. 646).

[2]) Стоитъ 10 рублей.

[3]) Въ такомъ случаѣ оно стоитъ 5 рублей.

ребряной проволоки съ двумя большими стеклянными бусами и кажутся мнѣ чисто тунгусскими. Кромѣ того женщина обвѣшена кистями, мѣховыми украшеніями и разными предметами убранства, какъ то: игольникомъ, сѣрной коробкой, серебряной цѣпочкой отъ трубки и т. д. Страстишка Тунгусокъ по этой части доходитъ до того, что онѣ даже сѣв. оленямъ продѣваютъ въ уши нитки, на которыя навѣшиваютъ шелковыя кисти. О сношеніяхъ съ китайскими Тунгусами свидѣтельствуютъ китайскія монеты на одеждѣ, привѣски по краямъ юбки и т. п.

Мнѣ вообще казалось, что южныя Тунгуски, должно быть, эгоистичнѣе Самоѣдокъ, потому что наряжаютъ только самихъ себя и своихъ оленей, и далеко не хлопочутъ такъ о своихъ мужьяхъ, какъ Самоѣдки. Еще менѣе онѣ заботятся объ убранствѣ своихъ ребятъ, которые большею частью должны довольствоваться обносками и потому часто ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагими и оцѣпенѣвшими отъ холода; иначе это и быть не можетъ, потому что напр. волосъ на парѣ изношенныхъ штановъ у хорошаго охотника остается очень мало.

У изголовья Тунгуской люльки вѣшались для успокоенія ребенка погремушки изъ зубовъ сѣв. оленей, соболиныхъ челюстей да козульихъ копытъ. Ребенокъ лежитъ въ люлькѣ всегда на хорошо высушенныхъ древесныхъ опилкахъ, на которыя только зимою кладется мѣхъ. Люльку въ шалашѣ иногда качаютъ; чѣмъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, высказывается нѣжная любовь родителей къ дѣтямъ.

Не только при дубленіи кожъ (стр. 643), но и при воспитаніи дѣтей можно замѣтить важное значеніе, которое кочевники придаютъ разрѣшающей и содѣйствующей пищеваренію силѣ слюны. Даже молоко сѣв. оленей кипятилось, бралось матерью въ ротъ и вплевывалось ребенку. Впрочемъ обыкновенно матери кормятъ дѣтей своихъ грудью года три сряду, такъ что нерѣдко сверхъ новорожденнаго являются сосать еще двое старшихъ. Случается даже, что десятилѣтній мальчуганъ, нисколько не конфузясь, высасываетъ у матери остатокъ молока, оставленный младшимъ братомъ.

Однолѣткамъ, для лучшаго прорѣзанія зубовъ, привязывается къ рукѣ кость сѣв. оленя.

Тунгусскій ребенокъ, которому наступаетъ третій годъ, еще совершенно неповоротливъ, хотя сзади къ одеждѣ его и придѣлана кожаная косичка съ привѣской; но мальчикъ, которому еще не было пяти лѣтъ, въ опасномъ мѣстѣ уже умѣлъ крикнуть сѣв. оленю свое «осторожно», даже соскакивалъ съ сѣдла, разумно болталъ, помогалъ. Маленькія дѣвочки уже были разукрашены всевозможными привѣсками и кушаками.

Во время самыхъ сильныхъ морозовъ, при которыхъ ртуть замерзаетъ, Тунгусы не кочуютъ, ради самыхъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ крайней надобности кочеванія,

черезъ нѣсколько часовъ дѣлается привалъ и разводится большой огонь. На это время они очень дорожатъ срубленнымъ домикомъ. Дѣйствительно, трудно понять, какимъ образомъ крошечныя существа въ состояніи сохранить собственное тепло. Мнѣ привелось видѣть, какъ при самой сильной стужѣ, въ шалашѣ, сквозившемъ какъ рѣшето, брали изъ люльки голаго ребенка, чтобы согрѣть его передъ огнемъ. При этомъ спина бѣднаго существа подвергалась той разницѣ въ температурѣ, съ которой мы ознакомились на стр. 457. Не смотря на это, ребенокъ не хотѣлъ возвращаться въ люльку, изъ которой онъ протягивалъ голыя рученки свои. Лучистая теплота огня въ шалашѣ дѣйствуетъ такъ пріятно, что и для взрослыхъ кочевниковъ нѣтъ лучше удовольствія, какъ сидѣть передъ огнемъ и подвергать дѣйствію его обнаженныя туловище и ноги, прикрывая спину накинутымъ на плечи полушубкомъ. Чувствуешь, какъ съ каждой минутой пропадаютъ бѣдовыя ревматическія боли. Впрочемъ Тунгусы, хотя и они сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, далеко не страдаютъ такъ отъ ревматическихъ болей, какъ Самоѣды; очевидно потому, что они много ходятъ. Но боль въ спинѣ и въ крестцѣ появляется вслѣдствіе напряженія силъ при трудной ходьбѣ по глубокому снѣгу.

Иногда мнѣ случалось видѣть, что грудныхъ дѣтей босыхъ, безъ штанишекъ, въ одной только коротенькой юбкѣ, сажали на холодный полъ передъ огнемъ. При этомъ ѣдятъ такое твердое, какъ камень, масло, что оно звенитъ, какъ монета, когда его бросаютъ въ котелъ.

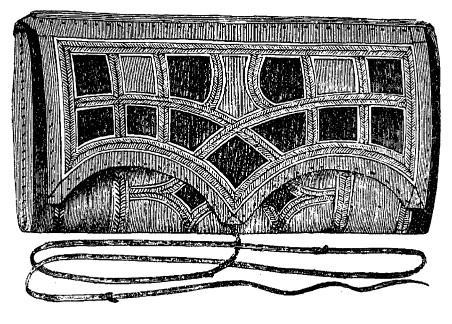
При такихъ климатическихъ и шалашныхъ условіяхъ представьте себѣ повальную корь, какую я засталъ. Изъ 15 лицъ, помѣщавшихся въ чумѣ, большихъ и малыхъ, 12 были больны корью, да еще въ декабрѣ.

Нужно удивляться, какъ человѣческій организмъ выноситъ такія сильныя невзгоды. Нельзя также не удивляться, какъ, не смотря на глядѣніе въ огонь съ ранней молодости, не смотря на часто невыносимый дымъ въ чумѣ, отъ котораго иной тунгускій мальчуганъ реветъ во всю глотку, взрослые хрюкаютъ, а женщины отъ слезъ не могутъ шить, какъ, не смотря на все это, глаза служатъ отлично и до глубокой старости. Если старикъ Тунгусъ жалуется, что «онъ болѣе ничего не видитъ», то это обыкновенно значитъ, что онъ все еще въ состояніи различать предметы несравненно лучше нашего брата. Все-таки гораздо губительнѣе дѣйствуетъ на организмъ вліяніе нашей культурной жизни! Столь-же мало, какъ рысьи глаза Тунгусовъ, страдаетъ и превосходно обоняющій носъ ихъ собакъ, хотя онѣ всегда садятся такъ близко къ огню, что для того, чтобы выдержать дѣйствіе его, поворачиваютъ голову то вправо, то влѣво, и лапой мажутъ себѣ по мордѣ, но при всемъ томъ бѣлая шерсть ихъ, пригорая, становится желтобурою. Отъ снѣжнаго сверканія глаза животныхъ, въ особенности сѣв. оленей, защищаются, какъ бы снѣговыми очками, тѣмъ, что зрачокъ ихъ съуживается въ едва замѣтную щель.

Въ сравненіи съ мотовскими суммами, которыя расточаютъ Тунгусы, цѣны, платимыя ими за женъ, чрезвычайно умѣренны. Тунгусъ, которому было ни по чемъ тутъ

задолжать тысячу рублей, тамъ столько-же считать за другимъ, купилъ себѣ жену за 20 сѣв. оленей. Но за то она принесла ему въ приданое 10 штукъ, да новую одежду и шалашную покрышку изъ замшевыхъ кожъ (Injukan). Такая шалашная покрышка (а на маленькій шалашъ нужны по меньшей мѣрѣ три шкуры) не дешева. Каждую покрышку составляютъ шкуры отъ 5 до 6 годовыхъ или двухгодовыхъ лосятъ, да еще шкура для приставки. Въ мое время подобная покрышка стоила отъ 35 до 40 рублей.

Свертки же изъ бересты (Tiks'a), которыми покрывается лѣтній шалашъ, не имѣютъ значенія. Ихъ берутъ со всего объема березы, т. е. до 3′ ширины, и обшиваютъ кожаными полосками въ три пальца ширины. Въ обработкѣ бересты Тунгусы очень искусны, какъ это доказываетъ изображенный тутъ дорожная сумочка, на которой фигуры были тисненныя.

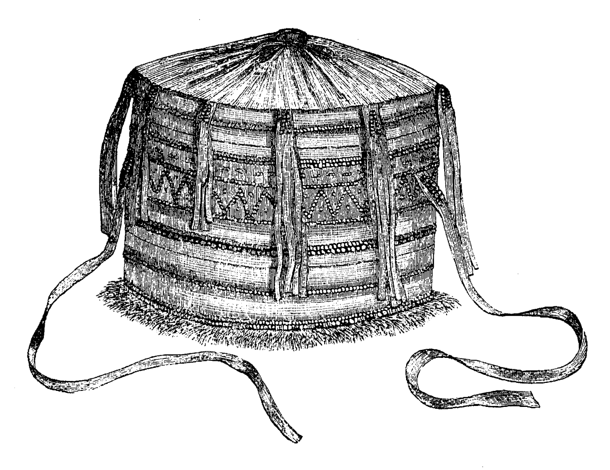

Дорожная сумочка изъ бересты.

Въ соединеніи съ шитьемъ бусами и съ нѣкоторыми узорами, какъ напр. на принадлежавшемъ Тунгускѣ футлярѣ для чайнаго прибора (см. рисунокъ на слѣдующей страницѣ), берестовая подкладка прекрасна.

Но весь такой домашній скарбъ, составляющій приданое невѣсты, не имѣетъ большой цѣнности, и я считаю нужнымъ замѣтить именно, что воздается не одинаковою мѣрою, такъ какъ женихъ не вправѣ обращать вниманіе на то, каковы сѣв. олени, которыхъ ему приноситъ будущая жена. Если не сдѣлано особаго уговора, то, по принятому обычаю, даже оленица, которая скоро должна отелиться, считается за двѣ головы, Отъ жениха же принимаются только отборные сѣв. олени.

Изъ-за средствъ, необходимыхъ для покупки жены, бѣдный парень на Становомъ хребтѣ лишенъ былъ возможности завести свое собственное хозяйство тѣмъ болѣе, что при естественныхъ богатствахъ въ горахъ недостатокъ средствъ для женитьбы почти равнялся неспособности добывать себѣ пропитаніе, и мотовству; съ другой же стороны первобытная честность была еще такъ велика, что похищеніе невѣсты или побѣгъ ея не могли дойти до такихъ размѣровъ, какіе Кастренъ засталъ у Остяковъ. Поэтому упомянутый парень счелъ себя счастливымъ, когда ему представился случай добыть сироту, выросшую у священника въ Удскомъ Острогѣ. Онъ хвалилъ великодушіе послѣдняго, такъ какъ отдѣлался уплатою 5 соболей и 10 половинокъ лосиныхъ шкуръ, но правда долженъ былъ взять жену почти нагую, даже безъ платочка, бѣдную, пребѣд-

Футляръ для чайнаго прибора.

ную. При всемъ томъ онъ и эту жену добылъ себѣ большею частью при помощи долговъ. Дѣло въ томъ, что когда сынъ отдѣляется отъ отцовскаго чума, то онъ уходитъ съ тѣмъ, что̀ ему принесла жена. Только богатые родители надѣляютъ его еще сѣв. оленями.

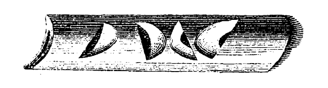
Насъ провожала вдова съ сыномъ и взрослою дочерью. Умри мать, говорили мнѣ, покупную цѣну за дѣвушку получитъ братъ, равно какъ воспитатель ея, который ей не сродникъ.

Возвратимся къ разсмотрѣнію занятій мужчинъ.

Устройство обширныхъ засѣкъ требуетъ много времени и труда. Вечеръ проходитъ въ изготовленіи луковъ и стрѣлъ [1]). Твердое лиственичное дерево сначала обрубается медвѣжьей рогатиной, а потомъ одинаково обдѣлывается ножемъ и скобелемъ. Наконецъ въ видѣ пробы, дерево гнутъ и смотрятъ гдѣ его еще слѣдуетъ подстругать, чтобы оно сгибалось совершенно равномѣрно. На изготовленіе десяти луковъ уходитъ цѣлый день. Если хотятъ, чтобы вещь была сдѣлана поглаже, какъ этого во всякомъ случаѣ требуютъ напр. стрѣла, шомполъ и т. п., то прибѣгаютъ къ изображенной тутъ деревянной «наступѣ», у которой нижняя плоскость сдѣлана въ видѣ желобка. Вкладывая остріе ножа то въ ту, то въ другую зарубку, и потому захватывая имъ то глубже, то косѣе,

[1]) Желѣзные наконечники стрѣлъ покупались у якутскихъ торговцевъ по полтинѣ за штуку. Поэтому иногда еще употреблялись костяные наконечники.

когда вы проводите наістругу по дереву, которое подлежитъ полировкѣ, вы дѣйствуете какъ стругомъ.

Наструга, по-якутски: Kohák.

Короткій зимній день почти весь уходитъ на освидѣтельствованіе разставленныхъ самострѣловъ, ямъ и ловушекъ, хотя иногда проходятъ недѣли и мѣсяцы, пока засѣка осмотрѣна вся кругомъ. При такихъ задержкахъ уже случалось, что находили разомъ по 10, по 15, даже по 20 животныхъ. Лѣтомъ это не должно случаться, а всѣ мѣста, гдѣ происходитъ ловля, должны быть осматриваемы никакъ не позже, какъ на третій или на четвертый день.

За недостаткомъ времени, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ стóитъ устраивать засѣки, рѣдко обращаютъ вниманіе на бѣлку, рѣдко разставляютъ чирканъ (см. стр. 611). Но и кабарги любятъ ходить по обратнымъ слѣдамъ, и потому самострѣлы разставляютъ по ихъ слѣду.

Осмотръ засѣчныхъ проходовъ, съ горы на гору, въ разъединенныхъ, поросшихъ первобытными лѣсами горахъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, тяжелая работа. Поэтому, не смотря на сильную стужу, доходившую до замерзанія ртути, мы встрѣчали иного Тунгуса, одѣтаго въ легкій, спереди открытый, замшевый лѣтній кафтанчикъ. При каждомъ движеніи, подъ отодвигавшимся нагрудникомъ, выглядывало неприкрытое тѣло всего передняго туловища. Человѣкъ, о которомъ я теперь особенно вспоминаю, провелъ такимъ образомъ три ночи въ лѣсу около сильнаго огня. Шкуру для подстилки онъ носилъ при себѣ. Тунгусъ безъ сомнѣнія самый закаленный изъ всѣхъ кочевниковъ. Только лицо оберегается разсмотрѣнною нами на стр. 691 начельною, нащечною и подбородочною повязкою; только плечи защищаетъ Тунгусъ въ холодно-сырую погоду медвѣжьимъ воротникомъ, устраняющимъ промоканіе.

За тѣмъ, при той-же неблагопріятной поверхности почвы, нужно добычу отнести домой, потому что никакихъ санокъ нельзя употребить въ дѣло. Каждому охотнику приходится нести до трехъ кабаргъ. При этомъ голова и ноги отрубаются и укладываются рядомъ, иначе онѣ лежатъ слишкомъ неудобно. Встрѣчаются, говорятъ, Тунгусы, которые на плечѣ несутъ домой до 5 кабаргъ.

Очень трудно и даже опасно охотничье ремесло Тунгусовъ. Потому я и не встрѣчалъ между ними ни одного толстяка. Но дѣятельный образъ жизни сохраняетъ ихъ здоровье до глубокой старости. Со мною цѣлую недѣлю странствовали два Тунгуса, изъ которыхъ у одного, 60 лѣтъ отъ роду, были также сѣдые волоса, что у нихъ составляетъ большую рѣдкость. Младшему его сыну шелъ всего третій годъ. Другой Тунгусъ, хотя постарше (говорили, что ему 70 лѣтъ), былъ еще бодръ и крѣпокъ на ногахъ. Отецъ его, которому, какъ говорили, было сто лѣтъ, жилъ еще и года два тому назадъ былъ еще бодръ, пока наконецъ ослѣпъ и за тѣмъ поочередно черезъ годъ жилъ у одного изъ своихъ сыновей, удержавъ за собою стадо въ 20 сѣв. оленей, для котораго

*

нанималъ особую пастушку. Шестидесяти и семидесятилѣтніе старики нерѣдко представлялись мнѣ отцами грудныхъ дѣтей; иногда даже матерью оказывалась первая, уже очень съежившаяся жена. Неоднократно я встрѣчалъ въ живыхъ отъ 7 до 9 дѣтей. Если бы жены не кормили дѣтей грудью по нѣскольку лѣтъ, то приплодъ былъ бы еще многочисленнѣе. Тяжелое взращиваніе дѣтей, въ особенности же періодическое появленіе оспы, кори, краснухи и скарлатины, одолѣвающихъ и старыхъ и молодыхъ, равно какъ тифъ, сильно уничтожаютъ населеніе. Въ мое время повсюду господствовалъ коклюшъ. Въ архивной бумагѣ 1816 года насчитывалось 631 лицо Кангаласкихъ Тунгусовъ, которымъ не была привита оспа. Съ тѣхъ поръ это дѣло врядъ-ли улучшилось [1]).

Распространена была также такъ называемая «Radesyge», хотя первичная сифилитическая зараза занесена была только въ Удской Острогъ ссыльными, въ чумахъ же не была извѣстна. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи столь значительная въ то время изолированность этихъ горъ имѣла еще большія преимущества предъ Западною Сибирью. Легкомысленный характеръ Тунгусовъ усилилъ бы зло, подвергшее погибели туземцевъ Западной Сибири.

На стр. 653 была рѣчь о необузданности эротическаго воображенія, оживляющаго тунгусскія пѣсни. Небольшой обращикъ, слышанный мною, помѣщенъ акад. Шифнеромъ въ Кастреновой Tungusische Sprachlehre (въ концѣ). Большая часть текстовъ, впрочемъ, говорятъ, импровизуется. Вотъ записанная мною на мѣстѣ мелодія пѣсни, слышанной на р. Килé:

Другая пѣсня распѣвалась по слѣдующей мелодіи:

Была еще третья мелодія, у которой послѣдній тонъ всегда оканчивался чрезвычайно отрывочно:

Какъ мало Тунгусы способны устоять противъ искушеній, это показываетъ намъ ближайшее разсмотрѣніе ихъ экономическихъ условій. Правда, что искушенія, которымъ

---

[1]) Сомнѣвающихся въ пользѣ оспоприванія я послалъ бы непривитыми къ кочевникамъ. Тамъ, при первой же эпидеміи, они навсегда избавились бы отъ всякаго сомнѣнія.

подвергается ихъ легкомысліе, слишкомъ велики. По возможно точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною во время пребыванія на Становомъ хребтѣ, оказалось, что въ 1844 году, на принадлежащемъ къ Якутскому краю сѣверномъ скатѣ Становаго пограничнаго хребта, со включеніемъ области прилегающихъ притоковъ р. Силимджи, торговало 25 купцовъ, съ приблизительно 80 прикащиками и полуприкащиками [1]). Товары свои, назначенные для южнаго ската, эти торговцы привозили въ горы на примѣрно 700 сѣв. оленяхъ. Изъ нихъ приводилось до 300 головъ, для продажи Тунгусамъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, и между ними находилось отъ 50 до 100 болѣе дорогихъ сѣв. оленей (Ламскихъ [2])), изъ Алданскихъ горъ; прочіе получались съ Вилюя. Остальные 400 частью закалывались торговцами, частью служили имъ для возвращенія въ Якутскъ. На каждые 3 шалаша я насчитывалъ по торговцу.

Кромѣ сѣв. оленей въ горы приводились и лошади. На пути туда онѣ дѣйствительно служили вьючными животными, но до осени почти всѣ тамъ откармливались [3]) и потомъ продавались на убой, потому что у Тунгусовъ онѣ считаются самымъ лакомымъ мясомъ, которое предпочитается всякому другому мясу. Осенью 1844 года изъ вьючныхъ лошадей, отправленныхъ изъ Якутска въ Удской Острогъ, проданы были: часть въ Удскомъ, 10 вверхъ по Галламу, 10 вверхъ по Чонгару (притоку р. Уди), 15 на Инкань, въ верховьяхъ р. Силимджи, а нѣсколько штукъ погнали къ Тугуру и тамъ продали Тунгусамъ на убой [4]). Къ этимъ лошадямъ нужно еще прибавить неопредѣленное, но незначительное, число лошадей, которыя оставлены были въ горахъ китайскими Даурцами, приходящими съ юга.

Эти вьючныя животныя подвозили Тунгусамъ масло, жиръ, муку, чай, сахаръ, табакъ, порохъ и свинецъ, ружья, ружейные замки, котлы, сковороды, медвѣжьи рогатины, ножи, топоры и т. п.

Этимъ однакоже нисколько не исчерпанъ перечень подвозимыхъ съѣстныхъ припасовъ. Съ юга тѣ-же Даурцы, подобно Якутамъ, привозятъ топленое масло [5]), но и замо-

---

[1]) Кромѣ этихъ купцовъ, около ста другихъ Тунгусскихъ торговцевъ отправилось по разнымъ, не относящимся къ нашему вопросу направленіямъ, отыскивая Тунгусовъ.

[2]) Для пополненія сказаннаго о Ламскихъ сѣв. оленяхъ на стр. 514, сообщаю тутъ слѣдующее сопоставленіе размѣровъ ихъ. Ламскій сѣв. олень имѣлъ въ холкѣ $48\frac{1}{2}$, въ крестцѣ $45\frac{1}{2}$ дюйма; Вилюйскій сѣв. олень $42\frac{1}{2}$ и $41\frac{1}{2}$ дюйм. Кромѣ разницы въ величинѣ, этимъ указывается на болѣе косое направленіе спинной линіи Ламскаго сѣв. оленя, у котораго холка поднимается выше.

[3]) И тутъ также лошади быстро разжирѣли не отъ сочныхъ горныхъ травъ, а опять таки отъ знаменитаго хвоща сибиктэ (срав. стр. 536, примѣч. 1-е). Особенно хорошими хвощевыми полями славились горныя рѣчки Орчій, Хатаннахъ, Кысайканъ (притокъ р. Шивили) и Оттукъ, равно какъ Бейтюмъ, притокъ Галлама.

[4]) Три года передъ тѣмъ число проданныхъ лошадей было гораздо значительнѣе. Поближе къ мѣстамъ пребыванія Якутовъ еще гораздо больше лошадей попадается подъ ножъ Тунгусовъ. Каждая лошадь разрѣзается на 6 частей и каждая шестая доля, смотря по состоянію откормки, стоитъ отъ 20 до 25 руб. При покупкѣ цѣлой лошади она продается за 100 рублей. — Изъ всего этого видно, какое значеніе можно придать извѣстію, что Тунгусы считаютъ величайшимъ грѣхомъ ѣсть конину (см. Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1858, III, 22, стр. 150).

[5]) Примѣрно литру за соболя. Для масла у Тунгусовъ нѣтъ другаго названія, кромѣ якутскаго (агу) или русскаго.

роженую сметану въ видѣ блинковъ въ палецъ толщины и въ тарелку величины [1]), да свиные окорока [2]). Нѣкоторые китайскіе Бурало-Тунгусы также вымѣниваютъ соболей на товары.

Кромѣ подвоза съ сѣвера и съ юга, уже въ мое время являлся подвозъ съ запада, потому что ежегодно къ такъ называемой Солорнской [3]) сходкѣ пріѣзжало около ста казаковъ.

Со всѣхъ трехъ сторонъ Тунгусамъ подвозилась мука, но никакъ нельзя было узнать, какъ велико потребленіе ея. Повидимому она вообще составляетъ болѣе предметъ роскоши, чѣмъ дѣйствительной потребности питанія, и бо́льшая часть подвозимой муки идетъ вѣроятно на прокормленіе прикащиковъ и погонщиковъ сѣв. оленей.

Главныя сборныя мѣста были: 1) на Темтёнѣ, гдѣ собирались уже въ началѣ Октября, и потомъ вторично весною, со сходомъ снѣга; 2) на Давукытѣ́ (или Давукакытѣ), въ началѣ Января; 3) на Тикси, въ началѣ Декабря. Впрочемъ тѣ-же самые торговцы посѣщали также ярмарки на Учурѣ (отъ половины Мая до половины Іюня); въ Удскомъ Острогѣ (въ Августѣ); на Чогарѣ, впадающемъ въ Удь (въ Декабрѣ); около Бурука́на (въ Январѣ). Чириринъ (притокъ Уди) также служилъ торговцамъ, возвращавшимся въ Мартѣ съ Инканя, послѣднимъ сборнымъ мѣстомъ, которое посѣщали Тунгусы.

Какъ мало Тунгусы стѣснялись огромными разстояніями, это можетъ доказать слѣдующее обстоятельство: на Давукытѣ я встрѣтилъ тунгусскихъ торговцевъ, объяснившихъ мнѣ, что хотя оттуда къ Аянской гавани ближе, но что изъ-за лучшихъ кормовокъ они охотнѣе запасаются всѣми необходимыми предметами на Темтёнѣ, гдѣ такія-же цѣны, какъ тамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ представился старшина, который пришелъ къ Давукыту изъ Якутска, черезъ Аянъ, и сообщилъ новѣйшія свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ гавани.

Въ мое время въ главныхъ сборныхъ пунктахъ оказывались слѣдующія цѣны:

	На Темтёнѣ (прит. Алдана) въ верховьяхъ.	На Давукытѣ (на р. Килé, прит. Дзеи).	На Тукси (прит. р. Нары).	У Солорнъ (слѣдов. Забайк. товаръ).	На Учурѣ (прит. Алдана).	Въ Аянской гавани [4]).
		Р у б л е й.				
Муки, пудъ....	8	10	15	5	6—10	5
Масла »	15	30	35	30	20—25	30
Жиру »	15	25	30	10	15	20—25
Табаку фунтъ..	2½	2½	2½	въ видѣ придачи	2—2½	—
Чай съ сахаромъ.	10	15	15—20	10	15	—

---

1) Также стоитъ соболя.

2) Каждый окорокъ стоитъ соболя.

3) Подъ Солорномъ очевидно разумѣли торговое мѣсто на рѣчкѣ, впадающей въ Амуръ поверхъ Албазина, или самихъ козаковъ, отправлявшихся туда изъ Забайкалья; слѣдовательно примѣрно и компанію контрабандистовъ, схватить которую я счелъ для себя счастіемъ, потому что такимъ образомъ мнѣ удалось замѣнить уже негодныхъ сѣв. оленей моихъ лошадями. Срав. стр. 726.

4) Осенью 1844 года въ Аянѣ собралось до 20 чумовъ Тунгусовъ, пріѣхало 6 козаковъ для торговли, про-

Если иногда случалось, что товаровъ было больше, чѣмъ покупателей, то цѣны наконецъ понижались на $^1/_4$ обыкновенной стоимости.

На Темтёнѣ цѣны оказывались гораздо дешевле не только потому, что это мѣсто лежитъ еще на сѣверномъ скатѣ, но и потому въ особенности, что до него товары доставляются на вьючныхъ лошадяхъ, а оттуда развозятся дальше на сѣв. оленяхъ. Мнѣ разсчитывали, что каждую лошадь до Темтёна слѣдуетъ считать на 10 рублей расходовъ по перевозкѣ тяжести, и что слѣдовательно перевозка моего транспорта изъ Якутска до Давукакыта за $12^1/_2$ руб. съ пуда обошлась очень дешево.

Сѣв. олень и хорошая собака стоили рублей 100. За хорошее ружье платили еще больше и до 150 рублей, а за ружейный замокъ 10 руб., хотя между Тунгусами былъ ружейный мастеръ, а другой Тунгусъ, у котораго пружина лопнула, тотчасъ-же при мнѣ замѣнилъ ее маленькимъ лукомъ изъ упругаго дерева. За пеньковыя нитки для ставной сѣти платили 5 рублей, но Тунгусъ могъ связать себѣ изъ нихъ двѣ сѣти.

Медвѣжьи рогатины, топоры, ножи съ обитыми мѣдью ножнами, и 20 нитокъ мелкихъ бусъ стоили по 5 рублей.

Должно казаться страннымъ, что въ моемъ спискѣ цѣнъ не значатся ни порохъ, ни свинецъ. Это происходитъ оттого, что на каждаго тунгусскаго стрѣлка казна отпускаетъ вообще только по одному фунту пороху, хотя требовалось гораздо больше (фунтовъ до 5). Тунгусу приходилось платить 5 рублей за свой фунтъ пороху, который старшина ему привозилъ изъ магазиновъ. Но такъ какъ подати не уплачивались регулярно, то мѣстное Якутское управленіе уже два года не отпускало болѣе пороху.

Что́ же вы дѣлаете? спросилъ я съ любопытствомъ. «О, мы беремъ порохъ отъ Солорнцевъ (слѣд. Забайкальскій), гдѣ онъ также не дорогъ». Какъ затрудненіе добывать порохъ, такъ и довольно большой калибръ ихъ ружей, да страхъ пропустить выстрѣлъ болѣе доходный, удерживали Тунгусовъ, на южномъ скатѣ, отъ охоты на глухарей, рябчиковъ и т. п., которыхъ тамъ безчисленное множество, или также на бѣлокъ. Когда я вымѣнялъ себѣ собаку, то фунтъ пороху, который я далъ за нее сверхъ другихъ предметовъ, мнѣ все-таки разсчитали въ 10 рублей.

Что касается свинца, то часто слышалась жалоба, что онъ слишкомъ твердъ и портитъ ружейное дуло. Хорошъ былъ только свинецъ, получавшійся изъ Нерчинска.

Распоряженіе мудраго начальства о запрещеніи продавать порохъ не смутило Тунгусовъ, тѣмъ болѣе, что они уже успѣли смекнуть, что забайкальскіе покупатели, подобно китайскимъ, не были еще такъ избалованы хорошими собольими шкурами, какъ якутскіе, да и вообще мало знали толку въ хорошемъ товарѣ. Поэтому худые и попорченные соболи шли туда и доставляли продавцамъ отъ 20 до 25 руб., тогда какъ якутскіе торговцы предлагали за нихъ только по 5 рублей. Притомъ тамъ сбывались шкуры безъ

давшихъ 11 лошадей; въ предшествовавшую зиму Тунгусы купили тамъ и зарѣзали до 30 лошадей.

Мускусовые мѣшки принимались въ тамошней торговлѣ по $3^1/_2$ до 5 рублей, бѣлки по 30 — 50 копѣекъ.

хвостовъ и лапъ, даже такія шкуры, которыя вычернены были котельной сажей. Но за то тамъ и за самую лучшую шкуру платили не дороже 40 рублей.

Всѣ цѣны изъ году въ годъ оставались почти тѣ-же, только на кабарговыя струи сильно мѣнялся курсъ. Такъ напр. онѣ стоили въ горахъ:

въ 1839 году $2\frac{1}{2}$ руб.	въ 1841 году 6 руб.	въ 1843 году 4 руб.
» 1840 » 5 »	» 1842 » 5 »	» 1844 » 3 » и дешевле.

Цѣны же на лосиныя, собольи и др. шкуры не измѣнялись. При всемъ томъ, число ежегодно убиваемыхъ кабаргъ вѣроятно остается почти одно и то же, такъ какъ въ альпійскихъ хребтахъ кабарга составляетъ главную основу ежедневнаго пропитанія Тунгусовъ.

Жизнью Тунгуса руководятъ два соображенія: необходимость добывать пищу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соболей. Такъ какъ то и другое не вездѣ можно найти въ одномъ мѣстѣ, то явилась необходимость въ разныя времена года эксплоатировать мѣстности, очень далеко отстоящія одна отъ другой, а эта необходимость поддерживала страсть уходить далеко.

Но эта страсть издавна приняла два совершенно опредѣленныхъ направленія, потому что главный барышъ доставляли Становой альпійскій хребетъ и южные его скаты. Кромѣ соболя тамъ-же, на крутыхъ вершинахъ, водилась кабарга, а въ глубоко врѣзающихся долинахъ сѣв. олени и лоси. Вотъ что составляло основы тунгусскаго существованія. Гдѣ на южномъ скатѣ не было больше кабарги, гдѣ сѣв. олень уже рѣже начиналъ встрѣчаться, тамъ къ лосю присоединялись олень и козуля, а далѣе, внизъ по рѣкѣ, даже кабанъ, мѣстами въ видѣ рѣдкой придачи, мѣстами же и очень часто, какъ напр. въ низовьяхъ Ура. Преслѣдовать кабана дальше, въ южной его родинѣ, не позволяютъ прекращеніе соболя и невозможность прокормить домашняго сѣв. оленя на лишенной моховъ низменности по причинѣ слишкомъ южнаго положеніи мѣстности. Тамъ, по ту сторону Бысы (притока Силимджи) и на Тырмѣ (притокѣ Буреи), Конные Тунгусы Китайской имперіи, подвигающіеся съ юга вверхъ, являются естественными сосѣдями Оленныхъ Тунгусовъ. Вслѣдствіе травяныхъ палей, нерѣдко распространяющихся по мшистымъ высоколежащимъ сосновымъ лѣсамъ, они отодвигаютъ Оленныхъ Тунгусовъ въ горы еще выше, чѣмъ это обусловливалось первобытною природою. Впрочемъ не только Конные Тунгусы устраивали такія пали (Kurun͡g), чтобы улучшать кормовыя мѣста для своихъ лошадей, но и наши Тунгусы жгли низменности, для полученія сочныхъ луговъ, на которыхъ они потомъ подстерегаютъ оленей.

Эти китайскіе Конные Тунгусы, называемые также Бурāлами (или Быралами), и наши Оленные Тунгусы, кажется, взаимно давали другъ другу названіе Tö-hálj (тотъ народъ). Они устраивали свои засѣки на правомъ берегу Амура, но поздно осенью взбирались высоко къ подошвѣ Становаго водораздѣльнаго хребта, а иногда даже лѣтомъ, въ челнокахъ, напр. по Уру. Такъ какъ они весь южный берегъ этого хребта

считали своимъ, т. е. китайскимъ краемъ, то въ мое время разныя мелкія столкновенія не всегда ограничивались однѣми угрозами, а нерѣдко выражались въ жалобахъ на отнятіе огнестрѣльнаго оружія, на умерщвленіе верховыхъ и вьючныхъ животныхъ и т. п.[1]). Во всякомъ случаѣ собственно виновными тогда были наши Тунгусы, позволявшіе себѣ своевольничать все болѣе и болѣе. Такъ какъ я самъ былъ на запрещенномъ пути, за который два года спустя спутнику моему Ваганову пришлось поплатиться жизнью, то къ сожалѣнію я находился также въ неловкомъ положеніи, заставлявшемъ меня импонировать Бура̄ламъ. Одному Бура̄лу, который сталъ требовать у меня отчета о томъ, куда я отправляюсь, я отвѣтилъ угрозами и удачнымъ выстрѣломъ на лету. Потомъ мы сдѣлались хорошими друзьями.

Этотъ Бура̄лъ причислялъ себя, если я его вѣрно понялъ, къ Манигирьскому роду, а другой, на Буреѣ, къ Гураграмъ. У перваго была чисто тунгусская физіономія. По словамъ его, онъ не стригъ головы своей и не носилъ косы потому, что мать его умерла. Ясакъ платили они (китайскому правительству) по одному соболю и получали за это муки, примѣрно на 40 руб. на наши деньги. Если представленный соболь былъ слишкомъ плохъ, то чиновникъ отрѣзалъ лапу, вслѣдствіе чего шкура теряла цѣну свою въ торговлѣ.

Благодаря безумной неурядицѣ, которая дорожитъ только минутой и уничтожаетъ все, что ей попадаетъ подъ руки, не щадя по пословицѣ «ни денегъ въ сундукѣ, ни теленка въ коровѣ», Тунгусы изъ году въ годъ все болѣе истребляютъ животныхъ, такъ что съ каждымъ годомъ наши Оленные Тунгусы подвигались все дальше на юго-востокъ, гдѣ въ мое время первоначальное изобиліе первобытной природы еще сохранилось почти въ прежнемъ видѣ, потому что въ этомъ углу жители придерживались отчасти морскихъ прибрежій, отчасти Амура съ его значительными притоками и большихъ озеръ. Болѣе чѣмъ щедро питаемые рыбами, тюленями и выброшенными на берегъ китами, они мало по малу сдѣлались рыболовами и предоставили горы этой страны ихъ собственной судьбѣ.

Соболей и лосей въ этомъ благодатномъ уголкѣ земли было безчисленное множество. Когда нужны были съѣстные припасы, то отправлялись на Амгунь, въ которомъ кишмя кишѣла и кета. Въ Бурею она не заходила.

Лосей, увѣряли меня Тунгусы, съ горныхъ хребтовъ часто можно видѣть сразу по 30 головъ, хотя они ходятъ по одиночкѣ, а не стаями. Приэтомъ, дѣйствительно, можно было помириться съ недостаткомъ кабарги. О множествѣ соболей мы будемъ говорить ниже. Подобно калифорнской, австралійской и другимъ золотопромышленнымъ лихорадкамъ, горячка охватила и Тунгусовъ, такъ что все повалило въ пресловутое Эльдорадо[2]).

[1]) Сравни уже сказанное о Буралахъ или Быралахъ въ примѣчаніи къ I-му тому нѣмецкаго изданія этого сочиненія, стр. 167. Жалоба ихъ 1780 года (см. тамъ-же, стр. 165) также относится сюда.

[2]) Наши Тунгусы отправились туда отчасти по долинѣ р. Буреи, отчасти чрезъ мѣстечко Бурука́нъ на Тугурѣ, чрезъ Укакы́тъ на Немиленъ, потомъ вверхъ по Амалу, а оттуда къ Ахрани, которая по болотамъ вела къ Амгуни.

Въ мое время къ Амгуни велъ новый путь отъ Хамбика́на на Немиленѣ, внизъ по Нила́ну.

Вѣроятно это случилось бы уже гораздо раньше[1]), если бы не оказалось одно неудобство: чѣмъ ближе къ прибрежью, тѣмъ меньше стоили соболи.

Лучшими соболями считались въ торговлѣ тѣ, которые шли съ Темтена, т. е. съ той части сѣвернаго ската и западной половины Становаго водораздѣльнаго хребта, гдѣ берутъ начала верховья и притоки Алдана, Дзеи и Ура. Эти шкуры составляли верхи или такъ называемыя головки собольихъ сороковъ и цѣнились каждый въ 100 рублей. За ними слѣдовали соболи съ верховьевъ р. Уди, но они рѣдко продавались за 80 руб.; обыкновенно же за нихъ платили по 60 руб. Еще дальше на востокъ, въ верховьяхъ Буреи, встрѣчались уже только шкуры похуже предыдущихъ, хотя тамошнія горы высоки и идутъ отвѣсными гребнями. Къ этому разряду принадлежали также соболи «золотаго края», съ прославленныхъ верховьевъ Амгуни, въ Бурейскихъ горахъ. Такого рода качество непомѣрно уменьшало доходы отъ множества добытыхъ соболей, тѣмъ болѣе, что по временамъ въ верховьяхъ Уди[2]) бывалъ очень хорошій уловъ, такъ какъ тамъ чащи кустарнаго кедра предохраняли соболей отъ истребленія.

Разсмотримъ теперь по одиночкѣ затронутые нами вопросы, принявъ за исходную точку болѣе сѣверныя мѣста пребыванія южныхъ Тунгусовъ.

Къ сѣверу отъ Половинной (притока р. Уди) въ мое время уже не было болѣе лосей; на Алданскомъ хребтѣ они, можно сказать, были почти совершенно истреблены, такъ что прибрежнымъ или Ламскимъ[3]) Тунгусамъ приходилось довольствоваться дикими сѣв. оленями, зайцами и бѣлыми куропатками. Кое-гдѣ попадалась горная овца, но нигдѣ у нихъ не встрѣчались кабарги, предѣлъ распространенія которыхъ прекращается южнѣе. Безчисленныя массы морскихъ рыбъ, заходившихъ въ рѣки, представляли основу хозяйства. Этимъ я никакъ не хочу сказать, чтобы иногда у нихъ не было раздолья по части мяса сѣв. оленей, какъ напр. весною 1844 года, когда снѣгъ такъ плохо спекался, что Учурскіе Тунгусы убивали по 30, 40 и даже по 60 сѣв. оленей на человѣка. Но за такой быстро прокученной рѣзней слѣдуетъ, само собою разумѣется, неудачная охота на сѣв. оленей нѣсколько лѣтъ сряду. Впрочемъ, домашніе сѣверные олени, которые въ Алданскихъ горахъ росли столь-же хорошо, какъ и дикіе, служили также поддержкою для пропитанія, и кромѣ того шли въ продажу, потому что вслѣдствіе особенной ихъ величины за нихъ дорого платили.

Соболи были почти совершенно истреблены. Тѣмъ быстрѣе размножались бѣлки, вознаграждая часть утеряннаго промысла. Осенью до моего пріѣзда было напр. такое неслыханное количество бѣлокъ на рѣкахъ Аимъ, что человѣку можно было убить до 2000 штукъ, а такъ какъ каждая стоила 30 к., то это уже составляло порядочный доходъ.

Сравнимъ теперь съ этими данными нѣкоторыя свѣдѣнія съ южнаго ската водораз-

---

[1]) Что движеніе началось уже въ прошломъ столѣтіи, это доказываетъ наше 4-е примѣчаніе на стр. 566, а еще подробнѣе содержаніе примѣчаній къ стр. 98 и слѣд., особенно же стр. 160—162-ой I-го отдѣла этой части.

[2]) А именно притоковъ Шивили и Галламъ.

[3]) Въ буквальномъ переводѣ: «Морскіе Тунгусы».

дѣльнаго хребта, гдѣ, замѣтимъ тутъ-же, горныя воды повсюду были запружены плотинами или «заезками»[1]) и доставляли богатую придачу къ питанію мясомъ.

A. Тунгусъ, проводившій лѣто въ нагорной части у перехода отъ верховьевъ Алдамы (притока Учура) къ Дзеѣ (тамъ регулярно выпадаетъ очень глубокій снѣгъ, такъ что лѣто благопріятно и для домашнихъ и для дикихъ сѣв. оленей), подкрадывался на сѣв. оленей, или ходилъ на нихъ также съ собакою на привязи. Въ Августѣ онъ, свистя на скрученной берестѣ, подманивалъ тамъ кабаргу, которая, какъ самецъ, такъ и самка, подбѣгала на зовъ. Осеннею зимою онъ спускается съ горъ къ югу, охотится на соболей «на собачьихъ ногахъ» и обходитъ лосей, направляясь по ихъ слѣду, а иногда дѣлаетъ кругъ и идетъ противъ вѣтра, такъ какъ и лось идетъ противъ вѣтра. Если онъ заберется далеко внизъ по рѣкѣ, то иной разъ ему подвернется и олень. Зимою главную его пищу составляетъ кабарга, а потому онъ въ это время опять забирается высоко въ горы и разставляетъ до 100 передвижныхъ самострѣловъ[2]), потому что у него не устроены засѣки. Только соболю, которому онъ не ставитъ приманки, а разставляетъ самострѣлы передъ его норой или на обратномъ слѣдѣ, онъ не позволяетъ обходить ловушку, втыкая кругомъ прутья.

Такимъ образомъ онъ ежегодно добываетъ среднимъ числомъ около 30 сѣв. оленей и лосей, по крайней мѣрѣ 100 кабаргъ и отъ 10 до 15 соболей. Существенную помощь оказываютъ домашніе сѣв. олени, которыхъ у него 30 штукъ. Чѣмъ дальше онъ уходитъ внизъ по рѣкѣ, тѣмъ больше преобладаетъ количество лосей, тѣмъ меньше онъ убиваетъ сѣв. оленей.

Въ обыденной жизни кабарга, будучи сварена, составляетъ обѣдъ для него, для жены, для сына, работницы и трехъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ богатой добычи, устраиваются два обѣда, въ противномъ случаѣ только одинъ. На выручку является запасное сушеное мясо краснаго звѣря.

Въ годъ этотъ тунгусскій чумъ расходовалъ: 1) муки 10 пудовъ; 2) масла 5 пудовъ; 3) жира отъ 2 до 3 пудовъ; 4) чаю 5 фунтовъ и сахару 10 фунтовъ; 5) пороху 4 фунта и свинца 8 фунтовъ; 6) табаку 20 фунтовъ; 7) одежды рублей на 100.

B. Другой Учурскій Тунгусъ, жившій въ верховьяхъ Чонгара, Уди, Шивили и Галлама, потому что тамъ горы наиболѣе богаты кабаргами, добывалъ ихъ каждую зиму отъ 80 до 200 и даже 250 штукъ, если ему удавалось разставить 200 самострѣловъ. Столь-же богаты кабаргами были, говорили мнѣ, прибрежныя горы неподалеку отъ южнаго берега, въ верховьяхъ Уякона и Мальмасина.

C. На Ынѣ (притокѣ Нимана) и Иси (прит. Бысы) три брата разставили до 200 самострѣловъ и убили въ прошломъ году до 30 сѣв. оленей, 10 лосей и 200 кабаргъ.

---

[1]) По-тунгусски: Dalír; по-якутски: Buhýt.

[2]) Количество разставленныхъ самострѣловъ Тунгусъ понимаетъ такъ, что оно означаетъ такое-же количество слѣдовъ. Если лукъ убьетъ своего звѣря, и потомъ опять ставится на томъ-же мѣстѣ, то онъ все-таки считается за тотъ-же лукъ.

При засѣкахъ количество луковъ означаетъ количество проходовъ въ засѣкѣ.

*

D. У Тунгуса на Киле (прит. Дзеи) главную часть добычи уже составляли олени. Онъ убивалъ ежегодно штукъ 15; остальное количество необходимаго для него запаса доставляли лоси, козули и весьма многочисленныя кабарги. Козуль ежегодно добывалось до 25 штукъ, особенно во время переправы ихъ вплавь при ежегодныхъ весеннихъ и осеннихъ странствованіяхъ.

Поддержкою хозяйства являлось богатство рѣкъ и озеръ по части тайменей, леноковъ, щукъ и окуней, которыхъ Тунгусы ловили тамъ сѣтями [1]).

Соболи встрѣчались очень рѣдко; тѣмъ болѣе было рысей и россомахъ. Главный промыселъ составляли неокрѣпшіе оленьи роговые зачатки (töntü), которые китайскіе Бурало-Тунгусы и Даурцы покупали у нихъ за большія деньги, трехконечные по 50, а четырехконечные по 70—80 рублей. Этихъ оленей убивали на приклику.

Оленьи шкуры, подобно шкурамъ сѣв. оленей, не раздѣляются на двѣ части и цѣнятся въ 5—10 рублей, хотя не поступаютъ въ продажу, а расходуются въ хозяйствѣ [2]). Десять рублей стóятъ большія, осеннія, совершенно коротковолосыя оленьи шкуры, которыя считаются самыми дорогими. Столько-же стоитъ каждая изъ обѣихъ половинокъ лосиной шкуры.

E. Тунгусы на Кёрокѣ. Лѣтомъ они уходятъ на озера р. Уръ, около которыхъ водится много лосей, оленей и козуль. Первыхъ охотникъ убиваетъ до 30 штукъ; кромѣ того еще отъ 5 до 8 кабановъ. Зимою они возвращаются къ своимъ засѣкамъ. Туда лишь очень рѣдко заходитъ соболь. Взамѣнъ того они убиваютъ бѣлокъ. Медвѣдей очень много, но ихъ убиваютъ такъ-же рѣдко, какъ выдръ, рысей и россомахъ. Лисицы вовсе не встрѣчаются. Волки тутъ уже появляются, преслѣдуя козуль.

Каждый чумъ ежегодно расходуетъ примѣрно 3 пуда муки.

F. Тунгусъ на Отобóкѣ (прит. Нижняго Килé). Добываетъ на половину сѣверныхъ оленей, на половину лосей. Въ цѣлый годъ онъ убилъ только одного оленя. Козули вовсе не встрѣчаются.

Соболей прежде въ хорошій годъ убивалось около 15 съ собакой и 10 въ самострѣлахъ, и среднимъ числомъ они продавались рублей за 25. Теперь соболи стали рѣдки и мѣсто ихъ заняли 50—200 бѣлокъ.

Онъ употребляетъ ежегодно 2 пуда муки и платитъ 10 руб. за фунтъ пороху.

Дальше внизъ, къ Амуру, Тунгусы стрѣляютъ, говорятъ, почти только бѣлокъ, много занимаются рыбною ловлею и употребляютъ много муки, которая тамъ дешева.

G. Тунгусъ на Джесѣ (прит. Тымги, прит. Дзеи). Онъ ежегодно убиваетъ отъ 15 до 20 сѣв. оленей и лосей (преимущественно послѣднихъ), до 5 оленей, 10 козуль и 50 кабаргъ, разставляя 100 самострѣловъ.

---

[1]) Они ловили также рыбу Джоіо, но называли ее Дёву́.

[2]) Онѣ были тутъ дороже, чѣмъ въ главномъ городѣ Якутскѣ, гдѣ за шкуру сѣв. оленя, вслѣдствіе привоза съ Колымы и изъ прибрежныхъ странъ Охотскаго моря, платили отъ 4 до $2^1/_2$ рублей.

Домашнихъ сѣв. оленей бывало у него отъ 3 до 20, смотря по годамъ; въ плохое время онъ закалывалъ до 10 штукъ, вмѣсто которыхъ потомъ покупалъ другихъ.

Муки онъ расходовалъ отъ 2 до 3 пудовъ.

Весною выручаютъ пойманные въ силкахъ глухари.

Н. Якутъ на Кебели (срав. ниже) въ годъ расходовалъ на свой чумъ (2 мужчинъ, 2 женщинъ и 1 мальчика) 10 пудовъ муки, отъ 3 до 4 пудовъ масла; столько-же жиру; 10 фунтовъ чаю; 15 фунтовъ табаку (сынъ не куритъ, что́ составляетъ неслыханное дѣло).

Такимъ образомъ на мѣстахъ хорошаго улова на восточной половинѣ южнаго ската значительнѣйшихъ возвышенностей Становаго хребта и его развѣтвленій сходятся Тунгусы сѣвернаго ската изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей (срав. стр. 711).

Такъ мы встрѣтили тамъ Кангаласскихъ Тунгусовъ изъ Якутскаго округа, Учурскихъ Тунгусовъ (Бытальскій и Эдъянскій[1]) роды) и Ламутовъ, т. е. Прибрежныхъ Тунгусовъ изъ Алданскихъ горъ. Ламуты и Эдъянцы не носили косъ[2]), какъ Кангаласцы и Бытальцы, и поэтому ихъ можно было отличать съ перваго-же взгляда. По языку оказывалась также значительная разница между Кангаласскими и Учурскими Тунгусами. У послѣднихъ почти одно и тоже нарѣчіе съ Икагирами; разсказывали, что и Олекминскіе Тунгусы могутъ хорошо объясняться съ ними, у Ламутовъ же самый своеобразный языкъ.

Изъ всѣхъ Тунгусовъ, говорятъ, особенно Икагиры, нѣкогда, были несравненно многочисленнѣе. На плясовомъ лугу, разсказывали мнѣ, который 50 верстъ ниже Удскаго Острога окружаетъ холмъ Дяраканъ, они бывало плясали круговую и, держа другъ другъ за руку, своимъ кругомъ оцѣпляли весь холмъ. Оттого, говорили, еще до сихъ поръ совершенно ясно видны натоптанные слѣды. Не въ мѣру, говорятъ, они гордились своею многочисленностью, какъ вдругъ появилась оспа и истребила всѣхъ, за исключеніемъ двухъ семействъ, потомки которыхъ теперь находились передо мною.

Рѣчную долину Амгуни въ китайскихъ предѣлахъ въ мое время посѣщали главнымъ образомъ Эдъяне съ нѣсколькими Лалегирами[3]).

Кромѣ вышеупомянутыхъ Тунгусовъ, я встрѣтилъ дальше къ западу на р. Бургали Тунгусовъ слѣдующихъ родовъ: 1) Нинигань (во множ. числѣ Нинигаттеръ),

---

[1]) По оффиціяльнымъ извѣстіямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, въ 1844 году въ третьемъ Эдъянскомъ родѣ считалось 118 податныхъ душъ, изъ которыхъ у 78 были сѣв. олени, тогда какъ остальные были осѣдлые рыбаки.

Въ Бытальскомъ родѣ было 142 души, изъ которыхъ у 79 были олени (316 штукъ).

[2]) По-видимому это было слѣдствіе русскаго вліянія и главнымъ образомъ слѣдствіе головныхъ насѣкомыхъ, потому что у нѣкоторыхъ волосы на головѣ были обстрижены и оставленъ только рѣденькій вѣнокъ длинныхъ волосъ по краямъ.

[3]) Въ мое время въ Удскомъ Острогѣ насчитывались слѣдующіе Тунгусы: 1) Лалегиры, 92 души муж. и 67 женск. пола; 2) Инкагиры, 20 душъ муж. и 11 женск. пола; 3) Эдъянъ, 59 душъ муж. и 52 женск. пола. Кромѣ того Якуты Шерскаго отдѣла, 20 душъ муж. и 16 женск. пола. — Цифры эти я считаю весьма сомнительными.

которыхъ было 33 податныхъ души; 2) Сологонъ съ 17, и 3) Мурнгаткаръ съ 4 податными лицами муж. пола.

Ниниганьцы, у которыхъ было еще довольно много сѣв. оленей, ради нихъ проводили лѣто у верховьевъ Килé, Олдó, Ливéръ и нѣкоторыхъ, впадающихъ въ Олекму, горныхъ ручьевъ сѣвернаго ската. Они добывали весьма изобилующихъ тамъ дикихъ сѣв. оленей, а зимою кабаргъ.

Къ осени они отправлялись въ долины, убивать бѣлокъ; при этомъ попадалось и нѣсколько соболей, которые въ верховьяхъ Олдó уже вовсе не встрѣчались. Въ хорошій годъ они расходовали на человѣка до 6 фунтовъ пороху, который въ самой Горбицѣ, составлявшей центръ ихъ пребыванія, продавался не дешевле 5 руб. за фунтъ. Въ хорошіе годы человѣкъ убивалъ до 150, въ худые иногда только 50 бѣлокъ. Такъ какъ тамъ почти не было ни лосей, ни оленей, то трапезу пополняли зайцы и глухари. Около 10 тунгусскихъ семействъ этого рода, не имѣвшихъ сѣв. оленей, жили на р. Уричи. Между ними я встрѣтилъ впервые Тунгуса, который со слезами на глазахъ разсказалъ мнѣ, что имъ приходится очень жутко. Не смотря на значительный подарокъ, данный ему изъ сострананія, этотъ человѣкъ пальцемъ не шевельнулъ, чтобы помочь намъ при сломкѣ нашего чума (срав. стр. 712).

Эти Ниниганьцы обращали на себя вниманіе чертами лица, отличавшимися отъ физіономіи болѣе восточныхъ Тунгусовъ, и поразительно напоминали особенности единственнаго семейства Норильскихъ Тунгусовъ, которое и на сѣверѣ стояло совершеннымъ особнякомъ между прочими Тунгусами. Черты лица ихъ носили на себѣ признаки монгольскаго типа, измѣненные вліяніемъ кавказскаго племени. Лицо было овальнѣе, скулы менѣе выдавались впередъ, глаза менѣе были прорѣзаны вкось. Да и рѣзко-черные волоса, которые особенно выдавались въ высоко-выгнутыхъ, густыхъ бровяхъ, казались иначе, чѣмъ у другихъ, прежде видѣнныхъ мною Тунгусовъ: они блестѣли и потому казались еще чернѣе, тогда какъ у другихъ Тунгусовъ были чернобурыя, менѣе густыя брови.

Откуда взялись такія качества, этого мнѣ не удалось узнать, тѣмъ болѣе, что Ниниганьцы были приписаны здѣсь лишь 17 лѣтъ тому назадъ, а потому и очень жаловались на затрудненія, которыя они встрѣчаютъ въ сношеніяхъ со сборщиками податей вслѣдствіе незнанія одними тунгусскаго, другими русскаго языка. Недостатокъ посредническаго якутскаго языка былъ весьма чувствителенъ. Въ подтвержденіе своего разсказа о ихъ происхожденіи, старшина вынулъ бумагу отъ Якутскаго управленія 1683 года. Послѣ долгаго времени мнѣ опять, какъ въ Якутскѣ, впервые оказали честь тѣмъ, что сняли меня съ сѣдла. Металлическіе посеребренные кушаки напоминали о своемъ происхожденіи изъ Якутскаго края.

Съ уменьшеніемъ собольяго лова появилась у нихъ бѣличья монетная система, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бóльшая положительность. Они были хорошо одѣты, даже въ бумазейныхъ кафтанахъ, но самый большой долгъ простирался не свыше 400 бѣлокъ, т. е.

по тогдашнимъ цѣнамъ на этихъ животныхъ, особенно высоко цѣнимыхъ изъ этой мѣстности, немногимъ больше 200 рублей. Такъ какъ каждый чумъ ежегодно расходовалъ отъ 4 до 15 пудовъ муки, то сбереженіе происходило оттого, что уже вовсе не требовалось масла и употреблялось только отъ $1/2$ до 2 пудовъ жиру. Большею частью не было также расхода на чай. Пили его лишь въ 5 чумахъ, употребляя ежегодно отъ 4 до 6 фунтовъ.

Тутъ начиналось употребленіе ружей большаго калибра, про которыя прежде мнѣ часто разсказывали, называя ихъ Солорнскими ружьями. Они были гораздо дорож маленькихъ винтовокъ и цѣнились, если пользовались извѣстностью, до 200 руб.

Не только въ восточной и средней части водораздѣльнаго хребта, но и въ западной происходили такія-же передвиженія населенія, о какихъ мы говорили выше. Козаки въ верховьяхъ Амура увѣряли меня, что въ прежніе годы не было Тунгусовъ въ той полосѣ земли, которая заключается между Аргунью, верховьями Амура и Албазихой, что лѣтъ 12 тому назадъ Солорнскіе [1]) Тунгусы, жившіе прежде по ту сторону Олдó, въ верховьяхъ Дзеи, вслѣдствіе голоднаго года перешли на правый берегъ Амура, гдѣ не только много звѣрей, годныхъ для ѣды, но и много соболей, и что года четыре тому назадъ за ними послѣдовали также Бёльоты, душъ 12 Кангаласской орды, платящихъ ясакъ. Послѣдніе, такъ увѣряли меня Тунгусы, первоначально жили на Алданѣ, но выселились оттуда изъ-за тяжкаго времени и чтобы избавиться отъ притѣсненій. Такъ какъ они уже давно не платили ясака, то изъ Якутска послали въ погоню за ними козаковъ, которые однакоже не успѣли нагнать ихъ.

Верстъ 12 ниже начала Амура (Усть-Стрѣлка) я самъ встрѣтилъ Боягра, поселившагося тамъ въ срубленномъ домикѣ. Онъ принадлежалъ къ тому-же роду, какъ другой Тунгусъ, сдѣлавшій мнѣ челнокъ близь Удскаго Острога. И его также требовали, такъ какъ онъ со времени учрежденія ясачной коммиссіи не платилъ податей, но ему все удавалось отдѣлываться. Третій Боягръ также не платилъ и жилъ на золотыхъ пріискахъ на Тунгирѣ (притокѣ р. Олекмы). Родъ ихъ разбрелся во всѣ стороны, потому что Боягры жили на Дабукытѣ, на Олдо, Урѣ, Ботамѣ, Темтёнѣ и Алданѣ. Четыре брата этого рода въ мое время были записаны даже на Вилюѣ и тамъ вносили свой ясакъ. Всѣхъ ихъ было 74 человѣка, платившихъ подати.

Одного Учурскаго Тунгуса я встрѣтилъ при Улбаньскомъ заливѣ между 3 Гиляками. Восемь лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе смерти жены, онъ лишился ея приданаго и потому поселился на берегу рыбакомъ. Сначала онъ при случаѣ пересылалъ ясакъ, но потомъ перестала вносить его.

Между Тугуромъ и Немиленомъ, въ мѣстечкѣ Хамбыканѣ, въ то время считавшемся китайскимъ, я также встрѣтилъ Учурскаго Тунгуса, который поселился тамъ уже

---

[1]) Нѣкоторые козаки называли ихъ Сологонцами.

лѣтъ 10 тому назадъ, занимался охотою въ верховьяхъ Нимилена, и не обращалъ вниманія ни на какія требованія.

На р. Кебели (притокѣ Ниманя) жилъ Якутъ лѣтъ 8. Онъ построилъ себѣ юртъ и помѣщеніе для склада товаровъ, и осенью жилъ тутъ, запрудивъ рѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ по близости занимался ловлею соболей. Въ верховьяхъ Бысы онъ въ прошломъ году разставилъ 300 самострѣловъ, давшихъ ему однакоже только 80 кабаргъ (изъ нихъ $^1/_4$ съ сумками), 6 лосей и 5 сѣв. оленей. Соболей онъ добылъ только 10, потому что снѣгъ спекся и тѣмъ совершенно испортилъ охоту съ собаками.

И черезъ горы, лежащія на лѣвомъ берегу Шилки, приходили Тунгусы съ Олекмы (Тунгусы произносятъ Olöchna) и съ Тунгира на сѣв. скатѣ. Другіе Тунгусы и козаки называли ихъ Айнāками и Орочóнами. Съ рыбной ловли въ верховьяхъ Амаджара, который они запружали, они приходили въ Чучугайскую, для покупки муки (на чумъ расходовалось до 20 пудовъ), которая продавалась тамъ очень дешево, т. е. по рублю или нѣсколько дороже, тогда какъ въ Олекминскомъ округѣ приходилось платить за нее 5 и даже до 15 рублей.

Между Тунгусами были явные дармоѣды: развитые эпизои гостепріимства. Такъ я встрѣтилъ одного, проѣвшаго своихъ сѣв. оленей въ верховьяхъ Дзеи. Съ женою и двумя дѣтьми онъ въ лодкахъ спустился по Дзеѣ до Эльгеи и жилъ на счетъ тамошнихъ Тунгусовъ до тѣхъ поръ, пока они, какъ онъ очень наивно разсказывалъ, «уже слишкомъ обѣднѣли и не могли далѣе кормить его», хотя тамъ уже встрѣчалось много кабановъ. За тѣмъ, спасаясь отъ комаровъ, онъ отправился въ лодкѣ вверхъ по Уру и пѣшкомъ внизъ по Олдо, чтобы отпраздновать тамъ сходку и пріискать себѣ хлѣбосола, у котораго онъ и пристроился.

Эти порядки однакоже до такой степени держались на основахъ коммунистическаго гостепріимства, что мнѣ ни отъ одного Тунгуса не приходилось слышать жалобу на дармоѣдство родичей. Но довольно часто они жаловались на якутскихъ торговцевъ и на свое собственное легкомысліе. Тѣ, которые были по разсудительнѣе, проклинали этихъ поживлявшихся на ихъ счетъ друзей, проклинали ихъ за то, что они удерживали ихъ отъ ловли животныхъ и соблазняли ихъ на частые легкомысленные кутежи. Но, всматриваясь въ дѣло внимательнѣе, легко можно было замѣтить, что такъ отзывались только болѣе богатые, у которыхъ была задняя мысль, т. е. желаніе вмѣсто Якутовъ самимъ обогатиться посредствомъ торговли и монополіи ея. Разумно и въ тоже время неэгоистично было ихъ сердечное желаніе, чтобы Якуты не слѣдовали за ними въ зимовья, а ограничивались ярмарочными пунктами. Бѣдные же Тунгусы все-таки твердили, что сами не въ состояніи помочь себѣ и пропали бы въ случаѣ неприбытія торговцевъ.

При всемъ томъ они неоднократно подавали начальству жалобы на различныя притѣсненія со стороны Якутовъ, но всѣ жалобы ихъ оставались тщетными. Хитрые Якуты умѣли обходить начальство.

Уже въ 1744 году внушено было нашимъ Тунгусамъ не переходить за китайскую

границу, не обижать и не обворовывать тамошнихъ народовъ [1]). Распоряженіе это послѣдовало очевидно вслѣдствіе того, что китайское правительство вступилось за своихъ подданныхъ. Не смотря на это, въ 1794 году было получено донесеніе о ежегодныхъ столкновеніяхъ Охотскихъ и Майскихъ Тунгусовъ съ Нигидальцами. Дѣйствительно, уже въ 1784 году, старшина Эдьянцевъ занимался ловлею звѣрей на Шантарскихъ островахъ. Въ 1780 году жаловались и китайскіе Бурало-Тунгусы особенно на Якутовъ, такъ что на слѣдующій годъ прямо послѣдовало запрещеніе пускать Якутовъ черезъ Удь на кочевья Тунгусовъ. Ослушниковъ приказывалось отсылать въ Якутское правленіе. Это были только послѣдствія прежнихъ порядковъ, потому что уже въ 1744 году присылались въ Удской острогъ указы разыскать нѣкоторыхъ скрывшихся Якутовъ различныхъ племенъ, о которыхъ извѣстно было, что они жили на Китайской землѣ. Съ тѣхъ поръ послѣдовало множество подобныхъ указовъ, такъ что въ девятидесятыхъ годахъ изъ Удскаго острога присылались въ Якутскій нижній окружный судъ то 15, то 20, даже по 30 и болѣе Якутовъ [2]).

Теперь вѣроятно уже не одно лишь нарушеніе границъ причиняло начальству столько хлопотъ, а стали появляться также жалобы русскихъ Тунгусовъ. Въ архивѣ Удскаго Острова оказалось множество такихъ жалобъ, относившихся къ періоду времени около 1792 года. Тунгусы жаловались на то, что Якуты въ Удскомъ краѣ, особенно на рѣкахъ Галламѣ, Шивелеѣ и т. д. торгуютъ, обманываютъ и ловятъ звѣря. Еще положительнѣе вызваны строгія мѣры вѣроятно тѣми громадными переходами на китайскую землю въ 1787 году, о которыхъ мѣстами упоминается.

Эти перекочевки приводили начальство въ отчаяніе, потому что иного Тунгуса не только нѣсколько лѣтъ сряду нельзя было развѣдать, не говорю уже отыскать, но даже нерѣдко тотъ или другой совсѣмъ не возвращался, а поселялся на южномъ скатѣ въ такихъ мѣстахъ, которыя принимались за китайскую землю.

Начальство очевидно не было въ состояніи услѣдить за подвижностью Тунгусовъ, а это увеличивало путаницу до невозможнаго. Такъ напр. на южномъ скатѣ я встрѣтилъ въ прежнемъ старшинѣ Боягровъ очень разсудительнаго и много видѣвшаго на своемъ вѣку Тунгуса. Онъ доказалъ мнѣ, что изъ 77 ясачныхъ душъ, представителемъ которыхъ ему доводилось быть, только 37 еще жили на сѣверномъ скатѣ, а 40 уже успѣли перебраться на южный. Вмѣсто того, чтобы возить ясакъ въ Горбицу на Шилкѣ, слѣдовательно непосредственно въ Иркутскъ, что̀ и для него и для родичей его было бы весьма легко, приходилось вносить его, по прежнему, въ Якутскѣ, т. е. на 8 градусовъ широты сѣвернѣе и на столько же градусовъ долготы къ востоку. Старшина, конечно, не преминулъ отказаться отъ своей должности, потому что весь годъ уходилъ на пере-

---

[1]) Срав. примѣчанія къ 1-му отдѣлу этого сочиненія, стр. 159 и 160.

[2]) Зауеръ (Voyage, II, стр. 225) говоритъ даже о 6000 Якутахъ, перешедшихъ съ Олекмы и Вилюя. Въ китайскихъ источникахъ вѣроятно можно найти самыя вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ случаѣ.

ѣзды туда и обратно, при чемъ ему удавалось убивать развѣ только мелкихъ звѣрей, напр. бѣлокъ. Рѣдко, говорилъ онъ, случалось убивать сѣв. оленя, потому что приходилось торопиться, чтобы въ теченіи года проѣхать 2000 верстъ до Якутска, да 2000 верстъ обратно. Нужно было тѣмъ болѣе торопиться, что въ противномъ случаѣ торговцы подоспѣютъ раньше и заберутъ себѣ добытыхъ соболей. При этомъ ему, хотя онъ и странствуетъ съ 30 сѣв. оленями, приводится неоднократно запасаться провизіей, покупать ее дорого, убивать собственныхъ домашнихъ животныхъ. Изъ прежнихъ его 50 сѣв. оленей дѣйствительно уже пропало 20, и не отдѣлайся онъ отъ своей должности, онъ уже теперь, какъ справедливо увѣрялъ, былъ бы такимъ-же нищимъ, какъ его родичъ, который, какъ старшина, поручился за своихъ и потомъ долженъ былъ отвѣчать за неуплату ясака.

Это одна сторона дѣла. Другая заключается въ выгодахъ, происходящихъ оттого, что старшины, подобно многимъ богатымъ соплеменникамъ, въ тоже время занимаются торговлею и притомъ безпошлинно. Къ этому еще нужно прибавить обычные подарки.

Да, правда, отвѣчалъ онъ мнѣ, вмѣсто содержанія я получалъ отъ соплеменниковъ моихъ подарки, но послѣдніе большею частью опять уходили въ городѣ. Зачѣмъ же ты давалъ? спросилъ я. «Вотъ видишь», продолжалъ онъ, «тѣ, которые въ городѣ, говорятъ, что имъ приходится хорошо одѣваться, хорошо жить, хорошо ѣсть, ну вотъ каждый и даетъ: много, у кого побольше, мало, кто не можетъ столько дать. Ты ничего не требуешь, тебѣ я ничего и не даю». Наслово повѣрилъ я ему, зная, что мой переводчикъ, какъ переводчикъ, бралъ подарки. Повѣрилъ ему, потому что когда мнѣ понравился колчанъ, который я хотѣлъ купить, то Тунгусъ отвѣтилъ: «пусть онъ его беретъ». Когда же я настаивалъ на томъ, что хочу купить его, то Тунгусъ не зналъ, что̀ запросить съ меня, пока я наконецъ, къ величайшему прискорбію его, отказался отъ покупки, потому что я и такъ уже посулилъ за нее черезъ чуръ много [1]).

Наводя Тунгусовъ все снова на тотъ-же предметъ, я понемногу успѣлъ понять, что дѣйствительно каждый Тунгусъ считалъ своею обязанностью давать старшинѣ подарокъ; исключались только самые бѣдные. Иной старшина былъ извѣстенъ тѣмъ, что умѣетъ выжимать подарки. Дѣло всетаки опять сводилось на то, что нечего дѣлать, нужно дать соболя. «Не стану же я его рѣзать», сказалъ Тунгусъ, когда я замѣтилъ, что это слишкомъ много. Вѣдь ясакъ, говорилъ онъ, уплачивается только соболями, и

---

[1]) Но зачѣмъ я выставлю на позоръ его, дикаря. Точно тоже со мною неоднократно продѣлывали сибирскіе чиновники. Прошу я напр. выручить меня изъ бѣды, уступить мнѣ сани, и встрѣчаю величайшую готовность и предупредительность. Проходитъ добрый часъ времени, пока растолкуешь, что ни въ какомъ случаѣ не приму подарка. Наконецъ цѣну назначаютъ — вчетверо дороже, почти непомѣрно. Это первобытные порядки человѣческаго общества.

Козацкій урядникъ, прежній «командиръ» Удскаго Острога, за чаемъ съ пуншемъ преоткровенно разсказалъ мнѣ, какъ онъ поступалъ. «Является такой старшина съ ясакомъ, все соболи, нанизанные на ремнѣ въ пучки; вотъ я ему и говорю: Да вѣдь этотъ слишкомъ плохъ. Такого царю вѣдь не дашь. Я вставлю за него моихъ собственныхъ, а ты останешься мнѣ ихъ должными». Стоило ему только сознать, что онъ остался въ долгу, и все дѣло было въ шляпѣ, лавина росла на ходу.

такъ какъ сдачи не даютъ [1]), а старшина остальное беретъ себѣ за свои труды, то нужно быть дуракомъ, чтобы отдать хорошаго; дать худаго неприлично, да и старшина бранитъ, ну и даешь соболя средняго разбора. Разсчетливый же старикъ высчитывалъ, что выгоднѣе поступать такъ, какъ онъ дѣлаетъ, т. е. платить бѣлками и кабарговыми сумками. Въ такомъ случаѣ и старшина долженъ довольствоваться тѣмъ, что получитъ на свою долю одну или двѣ сумочки. Развѣ только тогда, когда старшина цѣлый годъ у него не былъ, онъ даетъ ему соболя, да и то, конечно, средней доброты. Если къ этому онъ добавитъ еще кабарговую струю, то вѣдь это все, что можно дать.

Кромѣ ясачнаго соболя, богачи давали старшинѣ еще одного соболя за его хлопоты и въ вознагражденіе за расходы въ пользу тѣхъ его соплеменниковъ, съ которыхъ онъ къ сроку не могъ собрать ясакъ. Кромѣ того прежде старшина былъ обязанъ принимать для своего племени и раздавать ему запасы пороха и свинца, что̀ требовало отъ него не только особыхъ хлопотъ, но и лишнихъ вьючныхъ животныхъ.

Какъ бы то ни было, но тоже самое, что̀ мнѣ прежде привелось видѣть у Самоѣдовъ, повторилось и тутъ. Помимо неизбѣжныхъ подарочныхъ соболей, Тунгусскій старшина заплатилъ подати по 8 руб. 8 коп. асс. съ души, тогда какъ въ Нерчинскѣ я увидѣлъ изъ податныхъ списковъ, что его племя обязано было уплатить за 33 человѣка, всего 43 руб. $42^3/_4$ коп. сер. т. е. почти въ шесть разъ меньше. Это происходитъ оттого, что козакъ не умѣетъ прямо писать, сказали бы опять мои добродушные Самоѣды. У Тунгусовъ же я встрѣтилъ нѣсколько сильно озлобленныхъ лицъ, утверждавшихъ, что не можетъ же быть, чтобы недоимки взыскивались снова, когда подати постоянно вносились аккуратно. Вѣдь они давно сполна уплатили даже такъ называемыя недоимки, откуда же опять берутся новыя? Тунгусы шумѣли [2]).

---

[1]) Ясачная Коммиссія оцѣнила тамошнихъ соболей втораго сорта въ 20 рублей. На этомъ и остановились. Между тѣмъ собольи шкуры съ тѣхъ поръ стали вдвое дороже, а на бѣличьи мѣха цѣна почти не измѣнилась.

[2]) Инымъ можетъ показаться, что указанія эти, равно какъ на стр. 736 и 656, не довольно основательны. Для нихъ сообщаю еще нѣкоторыя извлеченія изъ моего дневника. 1) Въ одно время со мною въ Туруханскѣ находился окружный судья, для производства слѣдствія о мышахъ, уничтожившихъ хлѣбъ въ казенныхъ запасныхъ магазинахъ. Тоже самое приписывалось также медвѣдю. Судья этотъ умеръ до окончанія слѣдствія. 2) Такъ какъ меня приняли за чиновника сенатора Толстаго, которому поручена была ревизія Сибирскаго управленія, то помощникъ Туруханскаго окружнаго начальника зарѣзался въ бытность мою въ Туруханскѣ. 3) Въ Енисейскѣ одинъ изъ болѣе важныхъ чиновниковъ откровенно разсказалъ мнѣ, что онъ не принялъ должности окружнаго пристава, потому что ее оцѣняютъ слишкомъ высоко. Вновь открытые тамъ золотые пріиски оцѣниваются въ 200,000 рублей, тогда какъ они могутъ дать развѣ $1/_{10}$ этой суммы, изъ которой $2/_3$ нужно отдать выше. 4) Туруханскій отдѣльный засѣдатель жаловался мнѣ, что на его счетъ постоянно присылаются нарочные изъ Енисейска въ наказаніе за недоставленіе донесеній, которыхъ невозможно доставить. Эта жалоба согласовалась съ жалобой поселенцевъ. Они должны были ставить подводы, но никогда гроша не получали за нихъ, а деньги клалъ себѣ въ карманъ чиновникъ, пользовавшійся кромѣ того торговымъ доходомъ, потому что его нарочный возилъ въ Туруханскъ товаръ. 5) Какъ козаки, такъ и торговцы увѣряли меня, что чиновникъ по особымъ порученіямъ, посланный изъ Якутска на ярмарку на Учурѣ, для разбора разныхъ жалобъ, при укладкѣ собранныхъ имъ на обратный путь соболей, взялъ съ собою болѣе 800 штукъ. 6) Стоитъ только прочесть (въ 3-мъ томѣ эт. соч.) Отчета Уваровскаго, какъ онъ, по должности правителя канцеляріи тамошняго губернатора, получалъ въ мѣсяцъ всего 5 руб. содержанія (стр. 18), и сообразить при этомъ, что въ тоже самое время для

*

Но Тунгусъ по всему своему природному характеру гораздо отважнѣе тихаго Самоѣда. Съ самаго Тугура я часто встрѣчалъ въ лѣсу развѣшенные въ видѣ трофеевъ медвѣжьи черепа, свидѣтельствующіе о геройской храбрости лицъ, охотящихся въ одиночку. Что для Самоѣда копье въ отношеніи къ беззащитному сѣв. оленю, то для Тунгуса медвѣжья рогатина: родъ универсальнаго прибора, служащій ему топоромъ, для проложенія пути чрезъ первобытную чащу и для срубки лѣса на топливо, ножомъ для изготовленія самострѣловъ, верховою палкою, когда онъ садится на сѣв. оленя, пешнею для испытанія и проламыванія льда и т. д. Она для него самое надежное оружіе, съ которымъ онъ всегда готовъ пойти на встрѣчу любой опасности. Кольчуги, встрѣчающіяся еще у нѣкоторыхъ Тунгусовъ, напоминаютъ этому народу о геройскихъ подвигахъ прежняго времени. По этому разбой или смертоубійство, которыя между Самоѣдами неслыханны, у Тунгусовъ не большая рѣдкость. Въ мое время былъ такой случай: одинъ Тунгусъ застрѣлилъ другого на охотѣ и присвоилъ себѣ его сѣв. оленей, но былъ выданъ женою и дѣтьми убитаго, которымъ удалось уйти, и преданъ суду. Нѣсколько лѣтъ спустя бѣдный спутникъ мой Вагановъ и товарищи его во время сна были застрѣлены исподтишка Тунгусами; вскорѣ послѣ того были ограблены и убиты члены астрономическо-топографической экспедиціи, которая снаряжена была для изслѣдованія Становаго пограничнаго хребта, подъ начальствомъ проф. Шварца. Нельзя вмѣнять это горнымъ сынамъ въ слишкомъ большое преступленіе, потому что они привыкли встрѣчать одобреніе за убійство бѣглецовъ изъ Нерчинскихъ рудниковъ. Соблазнъ великъ, искусство подкрасться къ жертвѣ изучено превосходно, пуля бьетъ мѣтко, первобытный лѣсъ молчаливъ, преслѣдованіе слабо.

Взглянувъ еще разъ на бытъ Тунгусовъ, мы найдемъ, что онъ, какъ уже было сказано, похожъ на образъ жизни лотерейнаго игрока, которому почти цѣлое столѣтіе сряду большею частью чрезвычайно везло, а когда стали выходить пустые билеты, снова удалось срывать значительные выигрыши даже еще больше прежнихъ.

Разсказы о множествѣ соболей, водившихся на южномъ скатѣ еще пятьдесять лѣтъ, а мѣстами и двадцать, даже десять лѣтъ тому назадъ, доходили до баснословнаго. Я бы и не повѣрилъ такимъ охотничьимъ разсказамъ, если бы мнѣ не называли нѣсколько разъ времени, мѣста и лицъ и если бы всѣ показанія не были согласны между собою.

Для примѣра сообщаю два-три случая. Въ верховьяхъ и на притокахъ Силимджи, гдѣ въ то время виднѣлись собольи тропинки, какъ заячьи слѣды въ снѣгу, четыре брата, производившіе тогда ловлю на счетъ своего отца, лѣтъ за 20 до моего пріѣзда, въ одинъ годъ убили болѣе 200 соболей. Одинъ изъ нихъ, безъ малаго лѣтъ 10 тому

Тунгусовъ не существовало другой единицы, какъ соболь, т. е. 25 руб. Этимъ все сказано, все остальное тутъ ничего не значитъ. — Въ послѣднее время все это, говорятъ, стало лучше. О значительности оборотовъ въ собольемъ царствѣ можно судить по тому, что какъ при Козьминѣ, въ 1829 году, такъ еще и въ мое время, на Учурской ярмаркѣ въ оборотѣ было до 4000 соболей и 15,000 кабарговыхъ струй (сумочекъ).

назадъ, добылъ съ собакою болѣе 30, а всего въ одинъ и тотъ-же годъ поймалъ и продалъ до 50 соболей.

Старые Якуты, которые въ качествѣ торговцевъ мимоходомъ участвовали въ осенней ловлѣ соболей, подтвердили тоже самое. Сначала случалось нерѣдко, что Якутъ съ собакою убивалъ до 40 соболей, а отецъ одного Якута (его звали Сергѣемъ Соловьевымъ) самъ въ годъ убилъ безъ малаго 100 соболей. Срав. стр. 83.

Положимъ, что эти случаи служили выраженіемъ возможно большей удачи въ тогдашнія времена, но во всякомъ случаѣ они не составляли главнаго выигрыша, коекогда выпадавшаго на долю того или другого счастливца, а бóльшая часть выигрывала, не сегодня, такъ завтра, столько-же или почти столько-же.

Осенняя охота съ собакою была положительно самая удачная. Но успѣхъ ея зависитъ не только отъ множества соболей, но главнымъ образомъ и отъ благопріятной погоды, а именно отъ количества и качества выпавшаго снѣга. Снѣгъ не долженъ быть очень глубокъ, чтобы собака не утомлялась, потому что подъ густыми, приникшими къ землѣ сучьями, прикрытыми снѣгомъ, соболю легко укрываться. Слой снѣга не долженъ быть также и слишкомъ тонокъ, т. е. менѣе трехъ четвертей или даже фута, иначе соболю легко бѣгать по немъ. Въ мою бытность уже 27-го октября слякоть положила конецъ охотѣ на соболя съ собакой, такъ какъ на другой день снѣгъ слегка спекся и соболь не проваливался. Это было плохо, но выпавшій за тѣмъ снѣгъ явился на выручку (срав. стр. 615).

Нерѣдко и самострѣлы съ избыткомъ вознаграждали за неудачу охоты съ собакой. Такъ лѣтъ 10 тому назадъ Якутъ, съ которымъ мы встрѣтились на Инкани, убилъ съ собакою только 14 соболей, но самострѣлы прибавили къ нимъ еще 62, такъ что онъ всего продалъ 76 штукъ. Въ прошломъ году онъ убилъ только 15 соболей, потому что на снѣгѣ образовалась кора. Если соболи разлакомились на павшую кабаргу, то случается, что одинъ и тотъ-же самострѣлъ убиваетъ отъ 3 до 4 соболей.

Въ прошедшемъ году охота съ собакой была чрезвычайно неудачна и продолжалась безъ малаго мѣсяцъ. При всемъ томъ вожакъ моего каравана совершенно мимоходомъ убилъ 6, а товарищъ 13 соболей. Потомъ мой вожакъ въ туже зиму разставилъ 20 самострѣловъ, уѣхалъ по дѣламъ, освидѣтельствовалъ свои самострѣлы лишь по прошествіи мѣсяца и нашелъ въ нихъ 9 соболей.

Однимъ словомъ, мы видимъ (срав. главу о Якутахъ), что въ мое время каждый Тунгусъ все-таки ежегодно могъ разсчитывать среднимъ числомъ по меньшей мѣрѣ на дюжину, и даже на гораздо большее количество соболей, дававшихъ ему, при продажѣ, среднимъ числомъ по 25 руб., слѣдовательно, всего до 300 рублей, къ которымъ прибавлялось еще не менѣе 100 рублей за шкуры, оленьи рога и кабарговыя сумки. На европейскую мѣрку это необыкновенно большой доходъ, такъ какъ при этомъ еще добывались мясная пища и одежда, при даровомъ помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи.

Не смотря на это, во время моего путешествія оказывалось, что у всѣхъ Тунгусовъ были большіе долги; притомъ (это было чрезвычайно знаменательно и казалось без-

смыслицею) долги ихъ постоянно были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ богаче считался Тунгусъ. Выраженіе «у него только 100, 200, 300 руб. долгу» равнялось словамъ «это бѣднякъ». Правда, что это какой-то міръ на изнанку, но онъ и въ Европѣ не составляетъ рѣдкости, которую даже можно отыскать не въ одномъ студенческомъ быту.

У нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ я разспрашивалъ, было до 2000 руб. долгу. Это были богачи, очевидно потому, что кредитъ ихъ, который они вполнѣ истощали, былъ очень великъ. За самыми богатыми насчитывали болѣе 3000 руб. долговъ и столько потому, что кредитъ ихъ былъ столь великъ. Тунгусъ, который на прибрежьѣ изготовилъ мнѣ челнокъ изъ ствола тополя за 25 рублей и котораго я упрекнулъ за то, что онъ труды цѣлой недѣли прокутилъ въ два дня, отвѣтилъ мнѣ недовольнымъ тономъ: «ну, такъ что же, стоитъ мнѣ только добыть чернобурую лисицу или дождаться хорошаго собольяго года, такъ я заплачу всѣ мои долги, которые не составляютъ даже 500 рублей, и буду богачемъ». Это было чрезвычайно характеристично. Эта монетная единица въ 25 рублей (и вчетверо больше), т. е. соболь, и случайная удача въ ловлѣ его, испортили народъ. На западной половинѣ Становаго хребта, гдѣ водились лишь бѣлки и въ случаѣ удачи можно было разсчитывать не болѣе какъ на 250 бѣличьихъ шкуръ, долги доходили только до одной десятой части вышеприведенной суммы.

Въ продолженіи всего моего путешествія я видѣлъ только одного Тунгуса, котораго считали богатымъ и у котораго все-таки не было долговъ. Впрочемъ онъ перенялъ у Якутовъ искусство наживаться торговлею.

При своемъ легкомысленномъ, беззаботномъ характерѣ отцы ихъ, да и сами они, пріучились нѣкогда расточать ежегодно, при даровомъ содержаніи, громадный доходъ, примѣрно въ 1000 руб. Мефистофели-Якуты предлагали имъ все, чего душа требовала, прежде особенно водку и во всякое время кредитъ. Но дѣтская душа первобытнаго человѣка проситъ все, что видитъ, особенно у Тунгуса, охотника до нарядовъ и удовольствій. Онъ утопаетъ въ раздольѣ, наслаждаясь жирными рыбами и жирною дичью, а все-таки Якутъ долженъ привозить ему на убой лошадей и сѣв. оленей, Даурецъ — окорока, все-таки ему необходимъ подвозъ масла и жира. Еще теперь вижу передъ собою сладкую физіономію, моргавшіе отъ восторга глаза моего караваннаго вожака, который какъ бы тающимъ отъ удовольствія голосомъ оправдывалъ Тунгусовъ, когда меня почти возмутили лакомки, платившіе Даурцамъ дорогія деньги за сметану. «Безцѣнно; вовсе не жаль дать соболя», говорилъ онъ, причмокивая.

Кирпичный чай, который я взялъ съ собою, я и не рѣшался вынимать изъ мѣшка. «Это чай втораго сорта», замѣтилъ Тунгусъ, прихлебывая, когда я дѣйствительно вытащилъ второй сортъ, потому что мой кирпичный чай оказывался здѣсь не годнымъ и долженъ былъ припрятаться. Нужно было доставать самые лучшіе припасы для этихъ «дикарей», между которыми самые богатые, т. е. наиболѣе надѣлавшіе долговъ, возили съ собою обитые металлическими пластинками ящички съ фарфоровой посудой для чая, потому что они въ годъ употребляли его до 10 фунтовъ, слѣдовательно, на 150 рублей.

Какъ же поступаютъ бѣдняки? спросилъ я. Бѣднякъ Тунгусъ не пьетъ чаю, отвѣтилъ спрошенный, но прибавилъ къ этому: если онъ поймаетъ соболя или найдетъ себѣ кредитъ, то ужъ онъ навѣрное тотчасъ-же купитъ себѣ чаю.

Тоже самое было и съ одеждою. Даурцы должны были привозить на продажу Тунгусамъ мѣха лисицъ и россомахъ для обшивокъ; даже весьма непрочныя одѣяла изъ заячьяго мѣха, покрытыя ситцомъ, продавались Тунгусамъ изъ Якутска рублей за 15—30. Но сукно съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе стало входить въ употребленіе, люди по богаче начали одѣваться въ полушелковые зипуны и когда однажды на Шилкѣ, въ Горбицѣ, я нашелъ, что такой зипунъ слишкомъ дорогъ, потому что за него требовали 20 рублей, то какой-то засаленный Тунгусъ тотчасъ-же перекупилъ его. О разныхъ мелкихъ украшеніяхъ, поясахъ и цѣпочкахъ, а подавно женскихъ нарядахъ нечего и говорить.

Сильный ремонтъ сѣв. оленей посредствомъ покупки новыхъ также увеличивалъ легкомысленно надѣланные долги; кромѣ того Тунгусы всегда тотчасъ-же готовы зарѣзать и разыгривать подлежащее убою животное. Полное пренебреженіе къ мяснымъ животнымъ, высказывавшееся въ пированіяхъ и неограниченномъ долевомъ надѣлѣ, соблазняло Тунгусовъ не обращать вниманія на несоразмѣрную дороговизну домашнихъ животныхъ.

Затѣмъ сильно наростали проценты, которые при каждой производившейся по частямъ уплатѣ долга уравнивались посредствомъ соболя. Положимъ, что за прошлый годъ Тунгусъ остался должнымъ 80 руб.; уплачивая теперь изъ нихъ 50 рублей, онъ приплачиваетъ соболя въ видѣ процента. Соболь, слѣдовательно 25 рублей, составлялъ ихъ монетную единицу, какъ при покупкѣ, такъ и при подаркахъ.

Но хлѣбосольство, коммунизмъ хлѣбосольства, чего онъ стоитъ? вѣдь бѣдный (долгами) имѣетъ точно такія-же потребности, какъ богатый (долгами), и все-таки долженъ жить на счетъ послѣдняго.

Такимъ образомъ Тунгусъ все болѣе и болѣе входитъ въ долги, потому что (такъ требуетъ этого обычай), онъ должаетъ только одному и тому-же торговцу. Послѣдній распоряжается имъ, назначаетъ цѣны, кормится запасами Тунгуса, но заставляетъ его платить за все, что онъ ему привозитъ. Является отдача въ закладъ лица, иго кабалы. Умираетъ только должникъ, но кабала безсмертна.

Сынъ, наслѣдникъ отвѣчаетъ за долги своего отца, и въ мое время всѣ приходили въ ужасъ отъ бывшаго при мнѣ случая, когда сынъ отказался не только отъ всего наслѣдства, но и отъ собственнаго добра и имущества, и твердо рѣшился уйти въ одной только одеждѣ, которая на немъ была, но быть свободнымъ. Нужно было поступить такъ, какъ поступилъ тотъ, который теперь сидѣлъ передо мною. Отецъ умеръ, оставивъ 900 рублей долговъ, но и сѣв. оленей да мѣха; сынъ уплатилъ всѣ долги, а потому торговецъ и не бросилъ его, а ссудилъ его на цѣлый годъ необходимымъ запасомъ то-

варовъ. Въ какомъ же положеніи дѣло теперь? спросилъ я. Да у меня только немногимъ больше 2000 рублей долгу, отвѣтилъ онъ.

Контролировать такіе долги было нетрудно, потому что долговыя книги вездѣ были раскрыты. Частью долги всегда признавались самымъ честнымъ и откровеннымъ образомъ, частью торговцы, на случай смерти должника, обезпечивали себя тѣмъ, что количество долговъ дѣлалось извѣстнымъ и при случаѣ признавалось также при свидѣтеляхъ. Но свѣжіе долги текущаго года, тѣ до слѣдующаго года еще не считались долгами, не входили въ общій счетъ; таковъ уже былъ обычай.

Такимъ образомъ при одной сходкѣ въ моемъ присутствіи нетрудно было сосчитать, что менѣе подвижные Кангаласцы далеко не надѣлали столько долговъ, сколько предпріимчивые Учурцы. Только одинъ изъ Кангаласцевъ задолжалъ болѣе 1000 руб., другіе удовольствовались 700, 500 руб. и т. д. На за то эти Тунгусы задолжали казнѣ больше всѣхъ другихъ тунгусскихъ племенъ.

При такихъ порядкахъ, само собою разумѣется, въ казенныхъ податяхъ оказывались недоимки. Торговцы всегда уже раньше успѣли побывать у Тунгусовъ и соболей не было. Запретили торговцамъ торговать и стали высылать казаковъ для сбора податей. Торговцы начали прикрывать свои дѣлишки, говоря, что они отправляются на охоту или за сборомъ прежнихъ долговъ и вскорѣ казаки обратились въ ихъ прикащиковъ или стали торговать на свой собственный счетъ. Послали чиновниковъ. Тѣ стали дѣлать тоже самое, только въ гораздо высшемъ стилѣ (срав. стр. 737, примѣч. 2-е), но встрѣтили опасныхъ соперниковъ, успѣвшихъ опередить ихъ. Это были священники. Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что Тунгусамъ, какъ я случайно узналъ отъ нихъ, необходимо отправляться въ Тылыглыръ-Ваньчья къ священнику, такъ какъ онъ, живя въ 180 верстахъ отъ Якутска, при впаденіи Синей въ Лену, не смѣетъ ѣздить дальше. Дальше ему не выдавали подорожнаго бланка, потому что Тунгусамъ пришлось наконецъ жаловаться, что часто они должны выставлять подводы въ 8 сѣв. оленей для любящаго разъѣзжать священника, который такъ толстъ, что сѣв. олень не въ состояніи возить его на себѣ верхомъ. Къ удивленію моему я услышалъ разсужденія дикарей, глубоко посвященныхъ въ бюрократическія дрязги, объ архіереѣ, Земскомъ Судѣ, Окружномъ Правленіи и т. д. Священникъ въ Горбицѣ также вѣнчалъ и крестилъ только на мѣстѣ. Поэтому я встрѣчалъ Тунгусовъ, которые женились по тунгусскому обычаю и собирались когда-нибудь при случаѣ справить церковное вѣнчаніе, да и крещеніе трехъ или четырехъ дѣтей своихъ. Одинъ Тунгусъ явился къ вѣнчанію съ 7 дѣтьми, подлежавшими крещенію.

Тоже самое повторялось и съ ясакомъ; уплату его откладывали и намѣренія внести его всегда были прекрасны.

Управленіе все-таки возвращалось опять къ единственно правильной системѣ: къ требованію ясака всего племени отъ старшины. Не смотря на большіе барыши, которыми послѣдній при этомъ пользовался, только тертый человѣкъ умѣлъ извлекать изъ нихъ

выгоду для себя (срав. стр. 737); онъ долженъ былъ дѣлиться съ другими, потому что самъ дѣлался чиновникомъ и потому что ему приходилось въ восточной столицѣ пополнять подарки торговцевъ, отъ которыхъ доходы уменьшились. Но къ великой чести Якутска я долженъ сказать, что торговля водкой въ то время почти совершенно вывелась, тогда какъ на забайкальскомъ концѣ хребта я къ великой радости своей замѣтилъ близость [тайно промышляющихъ виномъ] казаковъ по пьяному Тунгусу, котораго я встрѣтилъ среди первобытнаго лѣса. Плетясь верхомъ впереди своего каравана, я ѣхалъ озабоченный изъ отдаленнѣйшей безлюдной глуши, и мы уже перестали встрѣчать кормовыя мѣста для нашихъ сѣв. оленей.

У своихъ соплеменниковъ старшина не легко терялъ свои ссуды; но на скользкомъ пути, на который вступили Тунгусы, уже въ мое время не могли не встрѣчаться случаи, позорившіе весь тунгусскій народъ: иной Тунгусъ сталъ скрываться отъ своего кредитора и брать товары у другихъ торговцевъ, или сѣв. олени, которыми, по тунгусскому обычаю, одинъ другаго безпрекословно выручалъ, не были возвращаемы или не замѣнялись другими и т. д. Однимъ словомъ первобытный коммунизмъ, основанный на честности и довѣріи, сталъ расшатываться.

Для друга человѣчества прискорбно видѣть, что у Енисейскихъ Остяковъ (срав. стр. 660—661) казенныя недоимки наконецъ дошли до того, что выродившихся и изнемогшихъ туземцевъ придется предоставить неизбѣжной погибели, но почти столь-же прискорбно и во всякомъ случаѣ еще болѣе возбуждается наше участіе, когда мы видимъ, что такихъ энергическихъ людей, какъ Тунгусовъ, за подобные-же долги, но не казнѣ, а своимъ-же торговцамъ, неминуемо ожидаетъ самый положительный банкротъ, предвѣстники котораго начали также деморализоровать ихъ, но ни въ какомъ случаѣ не лишать ихъ увѣренности въ самихъ себя. Если Тунгусы своевременно не будутъ направлены на единственный для нихъ путь спасенія (а онъ едва-ли болѣе будетъ открытъ для нихъ, когда мясныя и пушныя животныя исчезнутъ еще больше прежняго), т. е. на занятіе скотоводствомъ, въ особенности же на разведеніе сѣв. оленей, то они, не смотря на замѣчательныя природныя дарованія, также обречены на погибель. Нельзя не пожелать, чтобы мѣстное начальство съумѣло справиться съ великой задачей. Еще время не ушло [1]).

---

[1]) Въ главѣ о Якутахъ мы покажемъ, какъ медленно происходитъ истребленіе соболей, такъ что времени еще вдоволь, чтобы приступить къ преобразованіямъ экономическихъ данныхъ.

Нигидальское племя.

Проѣхавъ по Тугуру вверхъ до м. Бурукáна, лежащаго на изгибѣ Тугура, я совершилъ небольшую поѣздку чрезъ невысокій водораздѣлъ къ Нимилéну, притоку Амгуни, и такимъ образомъ перебрался въ область р. Амура, чтобы познакомиться съ тунгусскимъ племенемъ, которое находилось въ китайскомъ подданствѣ и о которомъ неоднократно говорили наши Тунгусы. Это было племя Нигидаль, во множ. числѣ Нигидāттеръ [1]).

Мое, при тогдашнихъ условіяхъ, не безопасное предпріятіе облегчилъ мнѣ разумный Нигидалецъ, отецъ котораго уже живалъ на томъ-же мѣстѣ. Признавъ положеніе свое, какъ крайній форпостъ противъ Русской имперіи, не совсѣмъ безопаснымъ, онъ охотно согласился, по случаю проѣзда священника по Тугуру, принять крещеніе, но только лично, не впутывая въ это дѣло семейства, чтобы на всякій случай обезпечить себя. Онъ хорошо помнилъ и свое крестное имя Егора Лапатина, и входилъ въ сношенія съ нашими Тунгусами, тѣмъ болѣе, что это былъ единственный человѣкъ его племени, который обзавелся сѣв. оленями. Племя его составляло главнымъ образомъ осѣдлый рыболовный народъ, у котораго охота являлась второстепеннымъ дѣломъ.

Лѣтъ 10 тому назадъ еще два другихъ семейства его-же племени рѣшились перебраться съ Амгуни и поселиться въ этомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этого они ушли далеко отъ своихъ соплеменниковъ, потому что на Немилéнѣ не было селеній, и ближайшіе ихъ сосѣди жили только на Амгуни, на два дня пути отъ впаденія притока Амāля, до котораго они считали 4 дня пути. Слѣдовательно имъ нужно было пройти всего 6 дней пути, чтобы встрѣтить людей своего племени; послѣдніе жили отъ мѣста впаденія Амгуни въ Амуръ, вверхъ въ семи ночевкахъ ѣзды на лодкѣ. Съ этого устья Амгуни, говорили они, на Амурѣ нѣтъ ихъ соплеменниковъ, а живутъ только Гиляки.

Нигидальское племя дѣлилось на 9 родовъ: 1) Муктегры, къ которымъ принадлежалъ Егоръ; 2) Аюмканы, отъ которыхъ происходили его товарищи; 3) Алчакӯлы, которые соединились съ 4) Торōмконами; 5) Чӯкчагеры; 6) Ньясекагры; 7) Уддāны; 8) Чемакогры; 9) Тапкалы, жившіе уже на Амурѣ, тогда какъ Торōмконы жили на Амгуни выше всѣхъ другихъ. Всѣ эти роды были малочисленны, за исключеніемъ Ньясекагровъ и Аюмкāновъ. Нѣсколько Муктéгровъ жило между Шамāграми. Кочевья ихъ были разбросаны; въ одномъ мѣстѣ было не болѣе 4 юртовъ.

---

[1]) Срав. сказанное уже о нихъ въ первой части этого сочиненія, т. I, стр. 169, прим. 1.

Я скоро познакомился со старикомъ, котораго звали Ō/ȳljtuñg̅āb; отецъ его назывался S'āltitschān; сыновья S'īppin и Mȳnji; жена Njōren. Дѣтямъ даетъ имена отецъ. Такъ какъ я эти имена записалъ, то онъ пожелалъ узнать и мое имя, нѣсколько разъ повторялъ его, повторяя, снова спрашивалъ, такъ-ли онъ говоритъ и наконецъ очень довольный остановился на томъ, что меня зовутъ Эндōромъ.

Это былъ веселый, сообщительный старикъ, съ неиспорченнымъ любезнымъ первобытнымъ характеромъ, какой развивается въ лѣсномъ уединеніи. Въ сравненіи съ нимъ, наши Тунгусы казались какими-то субъектами, извращенными ложною житейскою мудростью. Не только мытый, но и гладко причесанный, съ косою старикъ съ полною готовностью объяснялъ мнѣ все, что меня интересовало. Амуръ они называли Máтgu, но и S'ilkirj. Самихъ себя они называли Ylkán; нашихъ Тунгусовъ Dumgȳtka; Гиляковъ Giljäka; Шамагровъ S'amāgr; Якутовъ Īōko.

Все ихъ хозяйство опиралось главнымъ образомъ на рыбную ловлю. Основаніе ея составляли кета и горбуша. Дальше внизъ по Амгуни встрѣчались еще разные другіе странные виды. Соболей они хотя никогда много не ловили, но изъ году въ годъ добывали меньше съ тѣхъ поръ, какъ наши Тунгусы стали забираться все дальше; на ихъ долю оставались только лисицы и выдры на зиму, когда имъ было время заниматься этою ловлею и конкурренты удалялись. Я охотно повѣрилъ имъ, когда они жаловались, что наши Тунгусы, которые намъ — вѣдь мы пріѣхали изъ цивилизованнаго міра — казались чрезвычайно честными, совсѣмъ не вели себя какъ люди и обманывали. Споръ между пограничными сосѣдями, объяснили мнѣ, начался съ того, что одинъ изъ нашихъ Инкагировъ выдалъ дочь свою за Нигидальца, но потомъ опять взялъ ее у него. Чтобы получить то, что было заплачено за невѣсту, Нигидалецъ захватилъ ружье Инкагира, съ порохомъ и табакомъ. Нигидальцы были чрезвычайно рады, что я не иду на нихъ войною за это, потому что лишь у весьма немногихъ были ружья и они должны были добывать себѣ порохъ да свинецъ у русскихъ Тунгусовъ, потому что китайскій порохъ былъ слишкомъ дуренъ. Поэтому они и знали русскія названія порохъ и свинесъ и даже отличали temātna[1]), т. е. русскія деньги, отъ Dsihā, т. е. китайской мѣди.

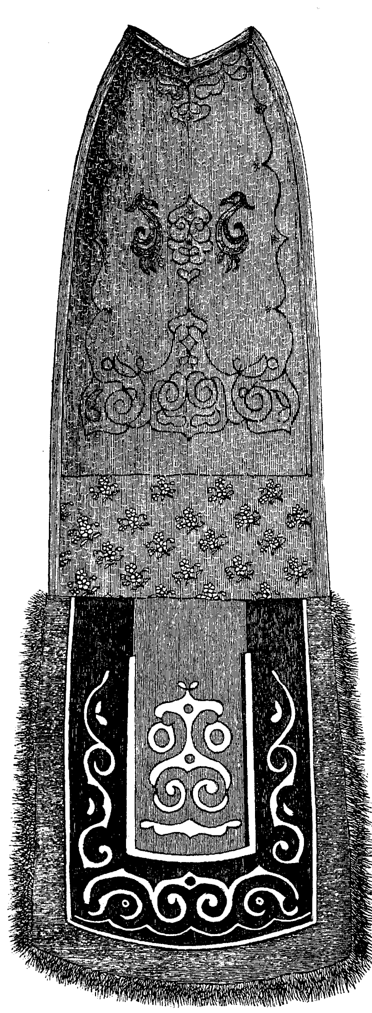
Впрочемъ Шамагры были посредниками въ торговлѣ, пріѣзжая лѣтомъ въ лодкахъ, а зимою на собачьихъ санкахъ. Нѣкогда даже Манджурскій купецъ отправился вверхъ по Амгуни, но онъ умеръ, не оставивъ наслѣдника. Между тѣмъ вмѣсто него, до моего пріѣзда, въ первый разъ Нгатку[ецъ] на нартахъ, въ которыя впряжены были 10 собакъ, доѣхалъ до Немилена, торгуя преимущественно табакомъ и китайскими матеріями (Даба). Въ послѣднее время Нигидальцы покупали кое-что и у нашихъ Тунгусовъ. Вверхъ по Амгуни привозилось не мало муки и проса. Чай въ такомъ видѣ, въ какомъ его пьютъ Манджурцы, они не любили, но нашъ подслащенныйчай они пили съ удовольствіемъ.

---

1) Меня поразило это тѣмъ болѣе, что какъ Якуты, такъ и Тунгусы называютъ наши деньги **харчи**.

Когда, передъ отъѣздомъ моимъ, начался торгъ и со мною, потому что мнѣ хотѣлось пріобрѣсти разныя этнографическія бездѣлушки, то безъискуственная первобытность этого небольшого народа высказалась въ непритворномъ выраженіи его страстишки къ тому, что̀ имъ нравилось. Такимъ образомъ я пріобрѣлъ изображенные ниже предметы главнымъ образомъ въ обмѣнъ на ситцы и бусы. На мой вопросъ: что̀ же онѣ станутъ дѣлать съ этими матеріями, въ которыя онѣ вѣдь не наряжаются, женщины отвѣчали, что это имъ нужно на смертный одръ, если не понадобится на свадьбу дочерей.

Онѣ старались торговаться совершенно по восточному, приносили мнѣ лепешку изъ

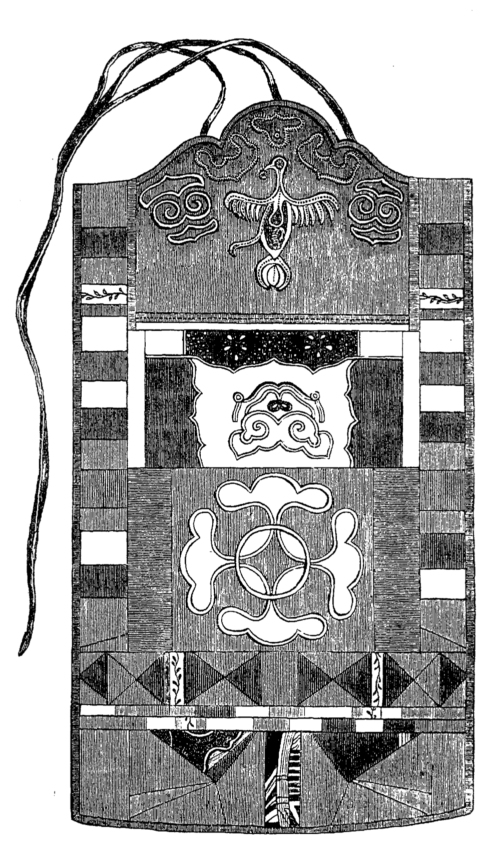

Нагрудникъ.

черемухи и требовали за него всевозможное. Встрѣчая отказъ, онѣ нисколько не чувствовали себя обиженными, а оставались веселыми и не отбирали у меня лепешку, ловко оговариваясь, что такъ какъ мнѣ его прислалъ маленькій сынокъ, то онѣ не станутъ же опять брать его домой. Затѣмъ онѣ клали двѣ три незначительныя мелочи и требовали за нихъ цѣлое ситцевое платье; но какъ только я моталъ на это головой, такъ онѣ поскорѣе клали втрое противъ прежняго.

Нѣкоторыми изъ своихъ вещей онѣ чрезвычайно дорожили, говоря, что это остатки отъ стараго времени, или серебро, которое Манджурцы болѣе не возятъ и т. д. За невзрачную пару серегъ (S'eldūhhun), изображен-

ную на стр. 717, мнѣ пришлось дать 10 аршинъ ситцу, шейный платокъ и пару серегъ, потому что онѣ были сдѣланы изъ серебряной проволоки. Да разставаться и съ мѣдными привѣсками на юбкѣ стоило имъ очень много труда. Но онѣ показывали свои сокровища съ большимъ удовольствіемъ и неоднократно жалѣли, что лучшія вещи оставили въ своихъ зимнихъ мѣстопребываніяхъ.

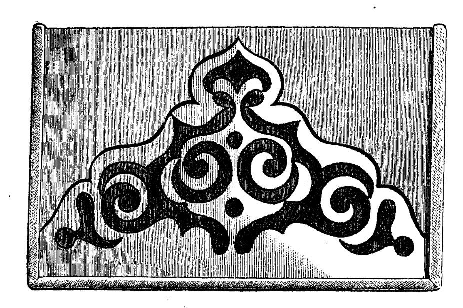

Нагрудникъ.

Хотя языкъ ихъ по-видимому отличался отъ тунгусскаго языка русскихъ подданныхъ только незначительными діалектическими особенностями, но все-же производилъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я находился посреди новаго народа. Это происходило отчасти оттого, что Нигидальцы были почти исключительно рыболовный народъ, отчасти же и оттого, что они тяготѣли уже къ Китаю.

Форма лица хотя и была тунгусская съ высоколовымъ направленіемъ, но здоровенные усы напоминали, вопреки рѣденькимъ бородкамъ, близость, да вѣроятно происходившую по временамъ примѣсь крови, сильно обросшихъ волосами жителей прибрежій и острововъ. Хотя у самого $\frac{\ddot{O}}{y}$ljtun͡gab'a, у прочихъ его товарищей, да и у старшаго сына, были такіе-же монгольскіе глаза, какіе составляютъ принад-

лежность монголо-тунгусскаго типа, но за то у младшаго сына, Сиппина, были такіе приподнятые кверху наружные глазные углы, какіе я до тѣхъ поръ видѣлъ только на произведеніяхъ китайской живописи. Вѣроятно такіе глазные углы были у покойнаго Манджурскаго купца.

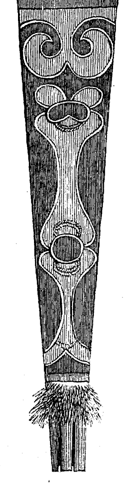

Отворотъ рукава.

Затѣмъ отборнѣйшія моды также сильно напоминали о Китаѣ. Изображенный на стр. 746 нагрудникъ своебразными фигурами своими свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ исходилъ не изъ того моднаго центра, которому подчинялись наши Тунгусы.

А тутъ на второмъ нагрудникѣ [1]), изображенномъ на предъидущей страницѣ, даже еще явился одноглавый орелъ, вышитый мало извѣстнымъ у сѣверныхъ Тунгусовъ матеріаломъ, шелкомъ (S'ēltakēn), который имъ привозятъ Манджуры. Впрочемъ сюда относилось еще множество мѣдныхъ привѣсокъ самыхъ странныхъ формъ, равно какъ запястья и т. п.

Выше показанная часть неоконченной работы, отворотъ рукава [2]), также можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ новыхъ образцовъ, особенно если мы сравнимъ ихъ съ купленными у Нигидальцевъ-же рукавицами, изображенными на стр. 646, и сопоставимъ съ русско-тунгусскимъ шитьемъ, изображеннымъ на стр. 702 и 714.

Футляръ для ножа.

Наконецъ я считаю нелишнимъ помѣстить тутъ еще рисунокъ вышитаго уже на китайской шелковой матеріи футляра для ножа [3]). Тѣхъ, которымъ эти признаки зашедшаго изъ Китая эстетическаго вкуса могутъ показаться не довольно доказательными, вполнѣ убѣдятъ покрой изображенной на слѣдующей страницѣ женской стеганной шапки [4]), сдѣланной изъ шелковыхъ матерій, и женскій башмакъ, изображенный на той-же страницѣ. Я выра-

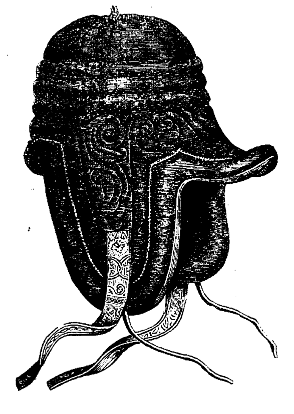
1) S'ālla Нигидальцевъ.

2) N͡gās'uppun.

3) $\frac{\ddot{o}}{\bar{o}}$ n $\frac{\bar{o}}{y}$ ku.

4) Āwun.

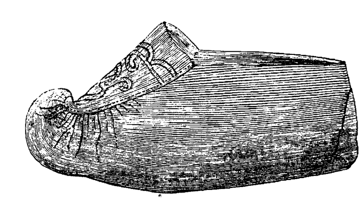
зилъ мнѣніе, что они привезены готовыми, но мнѣ объяснили, что дѣйствительно нужна особенно искусная жена на то, чтобы изготовить такія вещи, и представили мастерицу, которая оказалась женою одного изъ Нигидальцевъ. Такимъ шапкамъ онѣ придавали особенную цѣну еще потому, что, согласно обычаю, носили ихъ и дома. Въ обыденномъ употребленіи былъ родъ ночныхъ чепцовъ, защищавшихъ затылокъ и очень похожихъ на гельголандскій Nordwester. Стеганная шапочка надѣвалась на этотъ чепецъ.

Женская шапка.

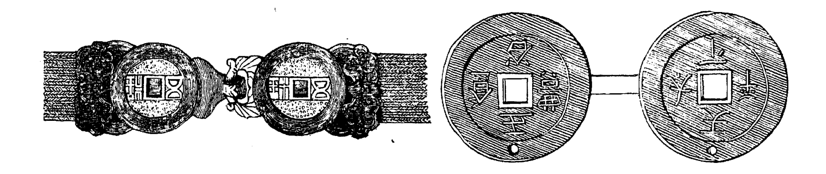
Женскій башмакъ изъ желтой кожи также напоминалъ Китай, а китайскія монеты, служившія пряжками на поясѣ изъ конскихъ волосъ, или на подвязкахъ [1]), носили на себѣ отпечатокъ своего происхожденія.

Приборъ другого покроя, съ которымъ я уже познакомился на прибрежьѣ, у Гиляковъ, происходилъ съ Амура. Это былъ кисетъ изъ выдѣланной въ родѣ подошвы тюленьей шкуры, для храненія табака и огнива. Верхняя половина, въ видѣ крышки, надвигалась на нижнюю; въ Сибири эта форма нигдѣ не встрѣчалась, но переходъ къ ней составляетъ тунгусскій кисетъ, изображенный на стр. 714. и описанный на стр. 715.

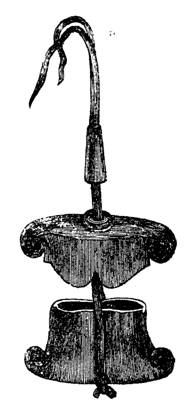
Женскій башмакъ.

Футляръ для ножа, сдѣланный изъ хвоста броненосной рыбы, также свидѣтельствовалъ о своемъ приморскомъ происхожденіи, потому что тунгусскіе футляры

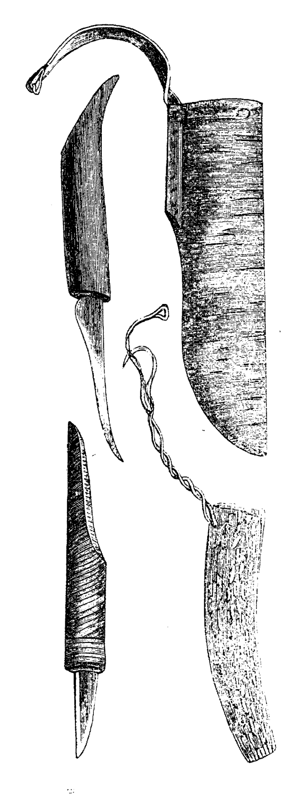

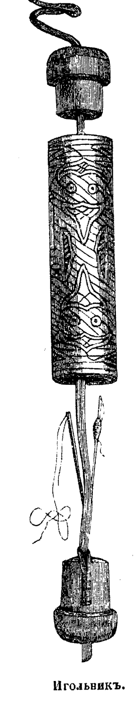
---

[1]) o g/h n ō/y ki.

Кисетъ.

Игольникъ.

дѣлаются изъ бересты. Желѣзо былъ рѣдкій товаръ, такъ что лезвія употреблялись въ дѣло до послѣдняго кусочка.

На Гиляковъ указывалъ также игольникъ, отличавшійся какъ оригинальною формою, такъ и своеобразными фигурами, которыми онъ украшенъ. Фигуры эти явно похожи на тѣ, которыя преобладаютъ на островахъ Южнаго океана, и очевидно должны считаться подражаніемъ столь употребительной тамъ формы мертвой головы, положительно находящейся въ связи съ каннибализмомъ и трофеями изъ человѣческихъ череповъ.

Съ Амура были также кольца и похожая на голову мертвеца пуговица съ обшивки, украшающей нижнюю кайму юбокъ.

Подобныя-же мѣдныя украшенія, но въ видѣ маленькихъ пустыхъ полушариковъ, на короткихъ ремешкахъ были пришиты къ изображенному тутъ кафтану [1]), въ видѣ каймы.

Рыбьи шкуры обработывались при помощи тяжелаго, клиновиднаго, слѣдовательно топорообразнаго, деревяннаго молотка, которымъ вколачивали ихъ въ соотвѣтственно устроенную форму, вырѣзанную въ кускѣ дерева.

Кафтанъ изъ шкуры кеты.

Тотъ-же кафтанъ спереди.

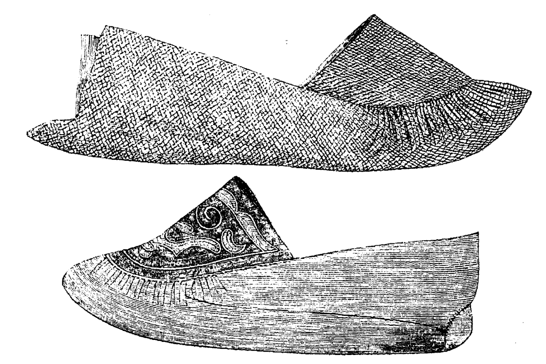
Послѣ долгаго толченія шкуры освобождаются отъ своихъ чешуй, за тѣмъ скоблятся тѣми-же самыми дубильными приборами, съ которыми мы ознакомились на стр. 642, порядочно еще растираются руками, и въ заключеніе гладко и бѣло шлифуются пемзой, которую имъ доставляютъ Ньгатку. Послѣдніе находятъ ее, говорятъ, на берегахъ Амура, въ видѣ изверженія, что указываетъ, слѣдовательно, на существованіе нѣкогда вулкана при одномъ изъ его притоковъ.

---

1) Uzjkȳllin.

Черною краскою является тутъ уже китайская тушь; для желтаго цвѣта употребляется желчь лосятъ. Всѣ одежды шьются не крапивными нитками, а жилами. Рыбьи шкуры служатъ главнымъ образомъ для женской одежды; для мужской предпочитаютъ болѣе носкую лосинную шкуру.

Кроятся и застегиваются кафтаны точно также, какъ сибирскіе зипуны вообще, и показываютъ намъ, откуда взялся покрой передней части нашихъ русскихъ кучерскихъ кафтановъ. Съ этимъ покроемъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и чисто-тунгусскій нагрудникъ, который превращается въ женскій передникъ, бывающій обыкновенно короче европейскаго.

Мужскіе башмаки.

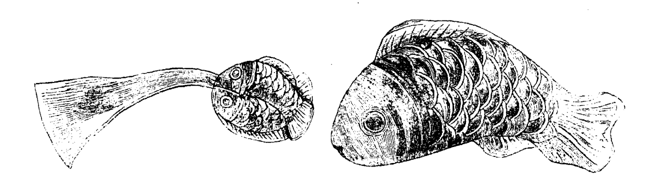
Къ вышеуказанному кафтану принадлежитъ еще цѣлый нарядъ изъ рыбьихъ шкуръ. Сообщаю тутъ рисунокъ мужскихъ башмаковъ [1]) Нигидальцевъ, чтобы наглядно показать измѣненіе покроя, потребовавшееся для женщинъ (см. стр. 749), безъ различія матеріала, т. е. безъ различія того, сдѣланы ли они изъ рыбьей шкуры, или изъ замшевой дубленой лосины. У Тунгуса даже обувь должна быть сдѣлана аккуратно и щеголевато.

Хорошія шкуры добываютъ какъ съ кеты, такъ и со щукъ [2]), но тонкую крашеную шкуру, употребляемую на шитую парадную одежду, даетъ рыба кетакытъ, которую изображаетъ, говорятъ, показанное на слѣдующей страницѣ китайское стекляное украшеніе, и которая, слѣдовательно, повидимому принадлежитъ къ карпамъ.

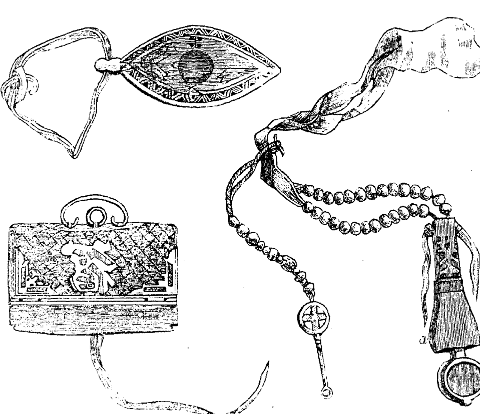
[1]) Ōnta; набедренникъ къ нимъ называется Gäjn.

[2]) Kujtschān (у нашихъ Тунгусовъ Mutkān).

Стеклянное украшеніе.

Эти указанія на Китай мы окончимъ изображеніемъ китайскаго огнива, которое рядомъ съ издѣліями горныхъ жителей казалось вещицею, взятою изъ европейскаго магазина.

Огниво и сѣрницы.

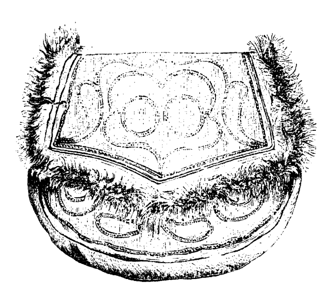
Обѣ сѣрницы оказываются рукодѣльными произведеніями горныхъ жителей. Одна изъ нихъ плоская костяная чашечка; другая деревянная, съ ручкою, украшенною литымъ свинцомъ, и предохраняемая отъ сырости кожанымъ футляромъ, который можетъ быть спущенъ. Не берусь рѣшить, составляетъ-ли ушная ложечка, привѣшанная къ этому необходимѣйшему прибору Тунгуса, предметъ роскоши востока или запада.

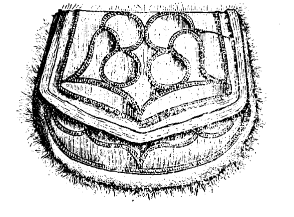
Чисто Нигидальскимъ произведеніемъ я нашелъ шитье на двухъ чрезвычайно отчетливо и красиво сдѣланныхъ кошелькахъ для храненія огнива и трута (S'iltīk). Фигуры вышиты блестящими бѣлыми нитками, которыя Нигидальскія женщины умѣютъ наматывать изъ внутренней кожи главной артеріи (Aorta) сѣв. оленей или лосей.

Кайма къ нимъ подобрана чрезвычайно удачно изъ самыхъ нѣжныхъ, — съ прекраснѣйшими цвѣтными переливами, и по возможности съ металлическимъ отблескомъ, —

перьевъ красивыхъ птицъ, разнообразныя чучела которыхъ находятся у нихъ въ употребленіи [1]). Эти перья, искусно подобранныя, дѣйствительно чрезвычайно красятъ нарядъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ, какъ спокойны Нигидальцы отъ моли, какъ воздушны ихъ лачуги.

Столь-же своеобразны, но въ другомъ направленіи, были художественныя произведенія Нигидальскихъ женщинъ, сдѣланныя изъ бересты. У рабочаго мѣшка, изображеннаго на слѣдующей страницѣ [2]), были растяжныя боковыя вставки изъ рыбьей шкуры.

Кошельки для огнива и трута.

Приходится одинаково удивляться и симметрическому вкусу и удачности выполненія. При помощи небольшаго ножичка, поперекъ вставленнаго въ черенокъ, и держа рядомъ, для разграниченія, большой палецъ свободной руки, женщина вырѣзала фигуры отъ руки на моихъ глазахъ. Вслѣдствіе этой ловкости въ изготовленіи бересты у Нигидальцевъ все принимаетъ весьма красивый видъ. Шалашъ, сдѣланный изъ того-же матеріала, можно сравнить съ карточнымъ домикомъ. Висящій при входѣ берестовый занавѣсъ изображаетъ дверь. Съ противоположной стороны другая дверь такого-же рода. Вмѣсто потолка, накрыто множествомъ тоненькихъ жердей, разложенныхъ въ видѣ рѣшетки, для копченія рыбъ и въ особенности рыбьей икры. На покатой берестовой крышѣ на самомъ верху приспособлено четыреугольное отверстіе, служащее дымовой трубой.

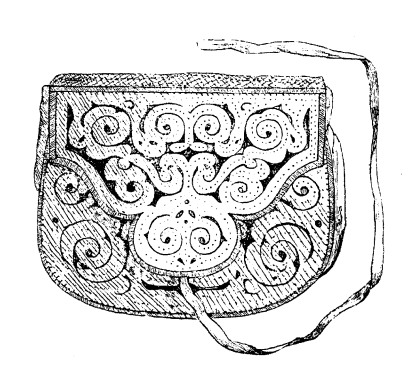
На полу, по обѣ стороны хода, ведущаго къ очагу и противоположной двери, также разложены берестовые ковры. На палецъ разстоянія въ нихъ сдѣланы поперечные надрѣзы, чтобы нельзя было поскользнуться. Такъ какъ они, подобно очагу, обложены

---

[1]) По-видимому это были большею частью утки и нырки, которыхъ Нигидальцы называли слѣдующимъ образомъ: 1) Kon͡gaslán (An. sponsa?); 2) Ātgatschan; 3) Īdgi; 4) Mōmnan; 5) Tajmi; 6) Sō's$\frac{\text{i}}{\text{y}}$l, самка котораго называлась Is'enen; 7) Käng͡u; 8) Akānny (Podiceps); 9) Tschōtema (An. bochas). Такія птичьи шкуры вообще назывались Mon͡gōks'o. Тетерева Karāka (Tetr. falcipennis) нашихъ Тунгусовъ они называли Assūmja.

[2]) Kāpia; въ видѣ мѣшка онъ назывался S'okōtjon. Такой-же, но еще большій мѣшокъ, сшитый изъ шкурокъ сѣв. оленятъ, и являвшійся уже огромнымъ рабочимъ мѣшкомъ, назывался: hōkkor; наконецъ родъ футляра для шелковой матеріи: Ukil$\frac{\text{tsch}}{\text{z}}$jäk.

жердями, то внутренность шалаша производитъ впечатлѣніе большаго порядка, даже щеголеватости. Но какъ только сядешь, такъ къ сожалѣнію вспомнишь, что осѣдлый человѣкъ однимъ мучителемъ, однимъ быстроногимъ домашнимъ насѣкомымъ богаче кочевника, у котораго оно не можетъ завестись.

Женскій рабочій мѣшокъ.

Лѣтнее помѣщеніе очень пусто. Все вертится на сѣтяхъ. Послѣднія дѣлаются изъ крапивы[1], пышно разрастающейся благодаря остаткамъ отъ рыбной ловли. Стебли ея вырываются съ корнями, сушатся и, ножеподобно обдѣланными костями, расщепляются пополамъ; потомъ каждая изъ этихъ желобкообразныхъ половинокъ выглаживается тѣми-же костями. Затѣмъ въ корневомъ концѣ стебель надламывается такъ, что кора отдѣляется отъ мязги; послѣднюю отдираютъ и тотчасъ-же прядутъ изъ нея нитки, изъ которыхъ потомъ скручиваютъ веревки. Веретено, которымъ прядутъ, состоитъ изъ деревянной круглой пластины и служащей ей осью палки, на одномъ концѣ которой находится поперечный сучокъ. Къ послѣднему отодранное привязывается, веретено быстрымъ катаніемъ нижняго конца оси, на колѣнѣ, приводится въ круговое движеніе и такимъ образомъ совершается пряженіе. Для скручиванія полученныхъ нитокъ въ шнурки, вертится вокругъ оси инструментъ, похожій на приборы для наматыванія мѣрильныхъ веревокъ, лаговъ и т. п.

Пока мы старались объясняться другъ съ другомъ, отъ души хохотали и знакомились, старикъ преспокойно продолжалъ вязать свою сѣть, что̀ пріятно отличалось отъ бездѣльничанія шалашныхъ Тунгусовъ. При всемъ томъ онъ повторилъ нѣсколько разъ: если бы мы могли порядкомъ объясниться другъ съ другомъ, то намъ можно бы было о многомъ поговорить. Иголка, которою вязалась сѣть, была такая-же, какою у насъ вяжутъ сѣти. Ячейки въ ладонь ширины назначались для тайменей и леноковъ.

Стоящіе на сваяхъ амбары доказывали, что въ нихъ съ успѣхомъ складывались большіе запасы на зиму. Челноки изъ бересты (срав. изображеніе на стр. 581) были длиною въ 20′, а шириною только въ $1\frac{1}{2}$′; по концамъ они были покрыты, какъ для удержанія волнъ, такъ и для защиты поклажи отъ промоканія. Просто, но весьма прак-

[1]) hītt$\frac{ö}{у}$, какъ у нашахъ Тунгусоовъ.

тично защемливаніе бересты между тонкими расщепленными деревянными планочками, въ замѣнъ шва и рамки.

Меня угощали смѣсью сушеныхъ и толченыхъ черемуховыхъ ягодъ (Inöktö) съ сушеной кетой, которую обливали холодною водою. Въ поджаренномъ видѣ сушеная кета мнѣ чрезвычайно нравилась. Такъ какъ я отозвался объ этомъ съ похвалой, то мнѣ на дорогу дали хорошенькую корзиночку изъ бересты, наполненную лакомствами и прикрытую, взамѣнъ крышки, черемуховымъ пирогомъ.

Въ то время, какъ я ѣлъ, трехлѣтній [1]) босой, подобно всѣмъ дѣтямъ, мальчуганъ, который, глядя на ѣду, почувствовалъ аппетитъ, подошелъ къ матери и довольно безцеремонно самъ вытащилъ себѣ свою ѣду изъ-за ея нагрудника, что нисколько не смутило компанію. Едва онъ успѣлъ управиться съ этимъ, какъ потребовалъ морскаго сухаря, который я привезъ съ собою. Когда ему замѣтили, что сухарь для него слишкомъ крѣпокъ, онъ отвѣтилъ: хотя онъ и крѣпокъ, но я все-таки его раскушу, и показалъ при этомъ рядъ прекрасныхъ зубовъ. Голова его, за исключеніемъ косы, была выбрита.

Почетная дубина.

Когда я завелъ рѣчь о любопытномъ ихъ способѣ рѣшенія дѣлъ, касающихся чести и взаимныхъ споровъ, мой любезный старикъ съ величайшею готовностью вытащилъ на сцену изображенный тутъ прототипъ нашихъ рапиръ. Этотъ мукечи дѣлается изъ самаго крѣпкаго мѣстнаго дерева, т. е. изъ каменной березы. Какое значеніе имѣетъ желобокъ *a* на спинкѣ, этого я не могъ узнать. Мукечи нѣсколько шероховатъ для того, чтобы при парированіи удары не скользили слишкомъ легко.

Съ пылкимъ усердіемъ, которое сдѣлало бы честь самому задорному студенту, съ сверкающими глазами, мой добрый старикъ показывалъ мнѣ, какъ эту деревянную саблю держатъ обѣими руками и какъ, направляя ее то туда, то сюда, парируютъ удары. У каждаго Нигидальца, говорятъ, по крайней мѣрѣ, по одному мукечи. Совершенно на европейскій рыцарскій ладъ игра продолжается до перваго появленія крови, при чемъ иногда, говорятъ, переламываются пальцы и разсѣкается кожа на головѣ. Tout comme chez nous.

Теперь, говорилъ мой другъ, существуютъ только небольшіе шаманы, но мой собственный отецъ былъ очень большой шаманъ.

[1]) Въ то время я не зналъ, что Манджуры и Монголы страннымъ образомъ считаютъ лѣта не со дня рожденія, а со дня зачатія. По-этому я теперь не знаю, не слѣдуетъ-ли во всѣхъ моихъ показаніяхъ возраста отсчитывать $^{3}/_{4}$ года.

Въ лѣсу я встрѣчалъ гробы, которые были втиснуты между деревьями, или стояли на двухъ столбахъ, соединенныхъ перекладинами.

Относительно народовъ, съ которыми въ мое время сталкивались тунгусскія племена южнаго ската водораздѣльнаго хребта, я могъ собрать только самыя незначительныя свѣдѣнія, потому что я не встрѣчался ни съ однимъ изъ такихъ народовъ.

Ньгатку описывались какъ народъ, жившій при Амурѣ, выше устья Амгуни, и говорившій на другомъ, чѣмъ тунгусскій, языкѣ.

Шамагры ежегодно въ выдолбленныхъ челнокахъ пріѣзжали вверхъ по Немилену до Хамбыкана, издалека, какъ говорили, съ той стороны Амгуни.

Буралы были очевидно Тунгусы, въ китайскомъ подданствѣ, потому что говорили на языкѣ, близко походившемъ на языкъ нашихъ Бытало-Тунгусовъ. Голову они брили, оставляя только косичку. Старшину ихъ китайское правительство отличало кисточкой на шапкѣ. Они были конные Тунгусы и отдѣлялись отъ нашихъ Оленныхъ Тунгусовъ свойствомъ кормовыхъ мѣстъ. Но такъ какъ они, въ интересахъ произрастанія травяной растительности, занимались спаливаніемъ весною прошлогодней травы, то палы ихъ иногда опустошали большія пространства лѣса, да и болѣе сухія кормовыя мѣста сѣв. оленей на южныхъ предѣлахъ той области, до которыхъ возможно пробраться на сѣв. оленяхъ. Отсюда происходили столкновенія и наши Тунгусы горько жаловались на это, забывая, что они сами находились на запретной границѣ.

У Бураловъ были только фитильныя ружья и мало лошадей, такъ что послѣднихъ цѣнили высоко, т. е. въ 6 — 9 соболей, тогда какъ Даурцы продавали своихъ коней гораздо дешевле.

На Ниманѣ, впослѣдствіи на Долдеканѣ, да и на Бысѣ, были сборные пункты, на которыхъ зимою они сходились съ нашими Тунгусами. Изъ году въ годъ это стало дѣлаться рѣже; да и Даурцы перестали приходить къ Инкани, гдѣ прежде ихъ много бывало.

Буралы по-видимому жили главнымъ образомъ близь самого Амура; самый сѣверный при впаденіи Бысы въ Силимджи. При устьѣ Уричи (впадающаго въ Амуръ, выше Албазина) я встрѣтилъ Бурала, на котораго не могъ однакоже обратить вниманія, потому что мы были какъ разъ на самомъ ходу. Ихъ должно быть много, потому что они жили на правомъ берегу Амура, между Албазихой и Пангой.

Нашихъ Тунгусовъ они называютъ Töhâlj, а Даурцевъ Dahûhalj, тогда какъ наши Тунгусы называютъ Даурцевъ Djulú.

Якуты.

О Якутахъ уже столько писано, что мы не намѣрены прибавлять къ прежнимъ поверхностнымъ извѣстіямъ еще новое неполное описаніе. Между сибирскими туземцами этотъ народъ занимаетъ такое важное мѣсто, что ему слѣдовало бы посвятить обширное самостоятельное сочиненіе, которое могло бы стать на ряду съ изслѣдованіемъ акад. Бётлингка о языкѣ Якутовъ. Такое сочиненіе можетъ быть названо дѣйствительною потребностью тѣмъ болѣе, что до самого послѣдняго времени писатели отчасти съ выраженіемъ удивленія упоминаютъ о поразительныхъ будто бы странностяхъ кочевой жизни Якутовъ, частью распространяютъ даже совершенно ложныя извѣстія о характерѣ якутскаго народа, и въ нѣкоторыхъ, недавно появившихся, статьяхъ присоединяютъ Якутовъ къ числу тѣхъ сибирскихъ народовъ, которые обречены на неизбѣжную погибель.

Мои замѣтки ограничатся тутъ сообщеніемъ такихъ свѣдѣній изъ моихъ сношеній съ Якутами, которыя способны пролить настоящій свѣтъ на этотъ интересный народъ. Образцовое и въ свое время исчерпавшее всѣ данныя изслѣдованіе Бётлингка (въ 3-мъ томѣ нѣм. изд. этого Путешествія), а въ особенности сообщенный Уваровскимъ якутскій текстъ, хотя и приправленный нѣкоторыми восточными прикрасами, представляютъ превосходное основаніе для ознакомленія съ Якутами. Въ главахъ «Общія свѣдѣнія», «Долганы» и «Тунгусы» мною также неоднократно говорено о Якутахъ.

Подобно Тунгусамъ, я и Якутовъ встрѣчалъ какъ на глубокомъ сѣверѣ Таймырскаго края, такъ и на отдаленнѣйшемъ юго-востокѣ Сибири, даже на Амурѣ, область котораго въ то время еще вполнѣ принадлежала Китайской имперіи.

Не подготовленный путешественникъ удивится, услышавъ что на Енисеѣ, на нѣсколько тысячъ верстъ отъ главнаго пребыванія Якутовъ, онъ встрѣтитъ совершенно осѣдлый обломокъ этого племени, какъ скоро тронется изъ Туруханска внизъ по Енисею.

Всего въ 35 верстахъ отъ Туруханска, въ поселеніи Шорохинѣ, вы очутитесь среди колоніи, которая имѣетъ полнѣйшеее право считаться особымъ якутскимъ родомъ, Шорохинскимъ. Въ мое время насчитывали 17 душъ муж. и 16 душъ женск. пола. Вотъ и все. По общему наружному виду они преобразились въ Русскихъ; это тѣмъ болѣе не удивительно, что половина новыхъ дворовъ, составлявшихъ Шорохино, была занята чисто-русскими поселенцами.

Какими судьбами, когда и какимъ путемъ этотъ родъ, происшедшій вѣроятно отъ одного и того-же семейства, заброшенъ на самый крайній западный форпостъ, это мнѣ

къ сожалѣнію не удалось развѣдать при быстромъ моемъ проѣздѣ [1]). Какъ островъ, онъ находится среди обширнаго океана совершенно разнородныхъ народовъ, но сохранилъ для своей внутренней жизни свой языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и многое, связанное съ нимъ, не смотря на то, что уже въ мое время русскій языкъ у этого рода по видимому успѣлъ пріобрѣсти право гражданства.

Такимъ образомъ намъ пока можно прибѣгнуть къ двумъ предположеніямъ. Или ихъ постигла та же судьба, какой подвергнулись жители почти всѣхъ поселеній въ низовьяхъ Енисея, т. е. ихъ насильно, можетъ быть въ наказаніе за проступки, переселили на эту рѣку (на извѣстныхъ разстояніяхъ), чтобы сдѣлать возможнымъ сообщеніе между Туруханскомъ и поселеніями, лежащими дальше внизъ; или передъ нами добровольное переселеніе этого неугомоннаго народа, изъ Таймырскаго края, а еще вѣроятнѣе съ знаменитаго Есейскаго озера, которое нѣкогда поддерживало дѣятельныя сношенія между Вилюемъ, городомъ Якутскъ и самымъ южнымъ Таймырскимъ краемъ. Въ мое время еще не угасли разнородныя воспоминанія объ этихъ сношеніяхъ, да и на берегахъ этого богатаго дарами озера по-видимому еще сохранились остатки Якутскаго народа [2]).

Изъ Шорохина нужно отправиться за 4 градуса широты къ сѣверу и далеко на востокъ, чтобы за тундрами встрѣтить опять Якутовъ, которые тамъ, числомъ около 500 душъ, въ видѣ острова занимаютъ рѣчныя области Хатанги и Анабара [3]). Оффиціально они называются Нижне-Затундренскими, что составляетъ плеоназмъ, какъ потому, что нѣтъ Верхне-Затундренскихъ Якутовъ, такъ и потому, что тундра, по ту сторону которой они живутъ, называется «Большой Низовой», т. е. собственно глубоко-сѣверной.

Мѣста пребыванія Якутовъ означены въ нашемъ атласѣ картъ на табл. II-ой нѣм. изд. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ нѣтъ сѣв. оленей (одинокіе), живутъ осѣдло въ срубахъ, на берегахъ текущихъ водъ. Между всѣми туземцами эти Якуты были единственный народъ, который въ оффиціальныхъ спискахъ составлялъ первую категорію «осѣдлыхъ туземцевъ». Самое большое ихъ поселеніе было Коренное Филиповское, на Боганидѣ, исходный пунктъ моихъ дальнѣйшихъ странствованій на сѣверъ; тамъ я устроилъ метеорологическую станцію, которая осталась на мѣстѣ въ теченіи лѣтней половины года.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи вопросъ не разъясненъ и новѣйшими монографами Туруханскаго края, т. е. ни Костровымъ, ни Третьяковымъ, ни Кривошапкинымъ.

[2]) По словамъ Кривошапкина (Енисейскій округъ, 1865, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. I, стр. 371) тамъ еще и теперь живутъ Якуты.

[3]) У Палласа (Reise, III, p. 321) число Якутовъ Туруханскаго края, которые въ то время большею частію уже были крещены, простирается до 127 душъ муж. пола. Но изъ соч. Георги (Beschr. des Russ. Reichs, II, стр. 1013), вышедшаго въ 1799 году, видно, что въ концѣ прошлаго стодѣтія тамъ было 229 крещеныхъ и 70 языческихъ душъ муж. пола. Степановъ (Енис. губ. I, стр. 160) насчитывалъ еще почти такое-же число, т. е. 296 душъ муж. пола. Съ тѣхъ поръ, слѣдовательно, количество очевидно уменьшилось, потому что Костровъ насчитываетъ 234 Якутовъ и 236 Якутокъ, кромѣ Шорохинскихъ. У Кривошапкина (l. c. I, стр. 355) и Третьякова (l. c. стр. 373 и слѣд.) значится за 1860 годъ увеличеніе до 263 душъ муж. и 272 душъ женскаго пола.

Тѣ изъ тамошнихъ Якутовъ, у которыхъ есть сѣв. олени, пользуются этимъ упряжнымъ животнымъ и уѣзжаютъ на лѣто далеко на сѣв. равнины, въ область притоковъ Таймыра, и, не будучи стѣсняемы конкурентами, занимаются тамъ закалываніемъ сѣв. оленей и избіеніемъ гусей. Они очевидно заняли прежнія кочевья Самоѣдовъ и оттѣснили ихъ все дальше и дальше въ самыя крайнія пустыни глубокаго сѣвера, т. е. принудили ихъ къ тѣмъ обширнымъ лѣтнимъ странствованіямъ, которыя теперь сдѣлались правиломъ, потому что зимою оба народа живутъ въ однихъ и тѣхъ-же мѣстностяхъ.

Хотя упомянутые Якуты, имѣющіе сѣв. оленей, въ оффиціальныхъ спискахъ причисляются къ «кочующимъ туземцамъ», но любовь ихъ къ осѣдлымъ жилищамъ такъ развита, что и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ лѣтнія промысловыя странствованія сталкиваются съ крайними предѣлами ихъ зимнихъ ловушекъ (срав. стр. 609), они любятъ устраивать себѣ маленькія хаты, или по крайней мѣрѣ срубы — лѣтовье или отъѣзжее, — сколачивая ихъ изъ бревенъ, которыя съ большимъ трудомъ приволакиваются съ предѣла лѣсной растительности къ тундрѣ.

Впрочемъ не одни эти лѣтнія и охотничьи редизенціи, но и главныя жилища свои (зимовья), они покидаютъ съ легкостью, напоминающею Тунгусовъ. Условія ловли или семейныя обстоятельства, гнетъ со стороны слишкомъ часто проѣзжающихъ сборщиковъ податей, важныхъ чиновниковъ или священниковъ и т. д. очень легко побуждаютъ весьма еще неусидчивый характеръ къ перемѣнѣ мѣста жительства. По-этому у путешественника, при началѣ его разспросовъ, слагается неизбѣжное понятіе, что передъ нимъ очень густо населенная рѣчная область. Вскорѣ, когда ближе вникаешь въ дѣло, является мысль, что происходило вымираніе. Фактически же, вслѣдствіе довольно медленнаго наращенія, количество населенія, пожалуй, мало измѣняется [1]). Бурная жизнь этихъ Якутовъ переноситъ ихъ то туда, то сюда, хотя вслѣдствіе безпріютности края и повальныхъ болѣзней дѣйствительно иное поселеніе совершенно теряетъ свое населеніе. Въ

[1]) Исчислимъ примѣрно рядъ зимовьевъ, которыя, какъ я узналъ по разспросамъ, расположены были на Хатангѣ и Хетѣ, но, какъ потомъ оказалось, не были постоянно заняты: На Хатангѣ сверху внизъ: 1) Крестовское, при устьѣ Хеты; 2) Носовское; 3) Козачье; 4) Ждановское (послѣднія три въ одинаковомъ разстояніи отъ Хатангскаго погоста); 5) Хатангскій погостъ, съ 4 дворами; 6) Проточное, на рукавѣ главной рѣки; 7) Лѣтовье; 8) Кылтасово Нижнее; 9) Убоино; 10) Нижнеостровское; 11) Лукино; 12) Крестовское; 13) Рыбное; 14) Попигайское; 15) Портнягино или Болохинское (единственное зимовье, лежащее на лѣвомъ берегу, на добрый день пути отъ № 14); 16) Новое, вверхъ по Попигаю (добрый день пути); 17) Озерское Лѣтовье, которое на зиму большею частью покидаютъ.

На Хетѣ отъ устья вверхъ: 1) Крестовское, о которомъ уже было говорено выше (оно состоитъ изъ 3 дворовъ); 2) Назоново, всего одинъ дворъ; 3) Проточное; 4) Соколово, изъ 5 дворовъ; 5) Прилучино, въ которомъ дѣйствительно никого не было, потому что всѣ жители этого поселенія, до послѣдняго человѣка, вымерли года за два до моего пріѣзда; 6) Конона, четыре двора съ тѣхъ поръ, какъ туда перебрался переселенецъ изъ Прилучина; 7) Александрово или Кирилово, четыре двора; 8) Рябово, два двора; 9) Назоново второе; 10) Назоново первое; 11) Корговское; 12) Медвѣжье; 13) Орлово.

За исключеніемъ Налтанова и Назонова второго, всѣ эти поселенія лежали на правомъ, высокомъ берегу Хеты.

устахъ народа однакоже извѣстія о такихъ событіяхъ слишкомъ выдвигаются на первый планъ и обобщаются, такъ что проѣзжій долженъ составлять себѣ объ этомъ ложныя понятія.

Свѣжо сохранившееся у этихъ глубоко-сѣверныхъ Якутовъ преданіе о томъ, что предки ихъ удалились въ эти пустыни издалека отъ притѣсненій, подтверждается неугомонностью ихъ.

Объ устройствѣ домовъ въ этихъ поселеніяхъ мы говорили въ главѣ о Долганахъ. Замѣчательно, что это блокгаузы на русскій ладъ, т. е. срубленныя изъ горизонтально лежащихъ другъ надъ другомъ бревенъ, тогда какъ во всемъ остальномъ якутская манера одержала верхъ надъ русскою. На Хетѣ я нашелъ даже, что первоначально русскіе поселенцы до такой степени преобразились въ Якутовъ, что якутскій языкъ сдѣлался ихъ настоящимъ роднымъ языкомъ, тѣмъ болѣе, что поселенцы русскаго происхожденія женились на Якуткахъ.

Хотя, по части нѣкоторыхъ мужскихъ нарядовъ, и замѣтны кое-какіе слѣды обращенія Якутовъ съ русскими поселенцами и торговцами, но прилагаемый рисунокъ можетъ служить доказательствомъ, что особенно женщины вполнѣ придерживаются стараго порядка. Нарядъ ихъ, на изготовленіе котораго онѣ употребляютъ много старанія, не можетъ не перейти и на русскихъ женщинъ.

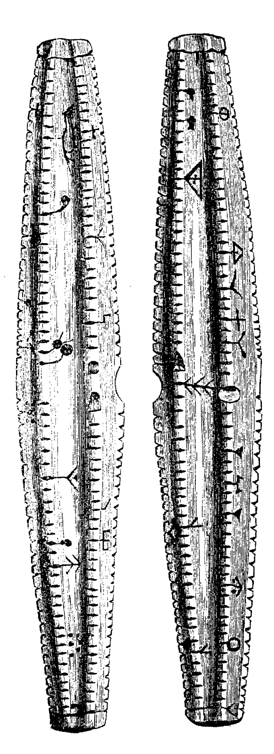
Якутка съ Хеты.

Вслѣдствіе продолжительности зимней ночи на глубокомъ сѣверѣ, наклонность всѣхъ первобытныхъ людей къ бездѣльничанію и баклушничанью развилась у этихъ поселенцевъ до величайшей виртуозности. Вслѣдствіе этого успѣхи новаго ученія, добытые крещеніемъ, усвоены и даже развиты ими съ рѣдкою добросовѣстностью. Вошло въ законъ до того спать по безчисленнымъ праздникамъ, что только ѣда и послѣдствія ея могли нарушать эту зимнюю спячку. Верхъ этихъ порядковъ заключался въ томъ, что, очевидно, вслѣдствіе нашего пріѣзда, по временамъ являлись гости для того, чтобы по-

спать въ гостяхъ. Повидимому другъ друга приглашали на такое парадное спанье.

Это дѣлалось къ концу зимы. Люди какъ бы старались спать про запасъ. Когда въ лѣтней половинѣ года наступаютъ подвиги тундры, когда и ночь не въ состояніи отодвинуть солнечный кругъ подъ горизонтъ, тогда тѣ же зимніе сони пробуждаются къ самой усиленной, почти непрерывающейся дѣятельности.

Такъ какъ, слѣдовательно, Якуты должны дорожить тѣмъ, чтобы особенно во время упомянутой глубокой зимней спячки не проспать важныхъ дней самаго отборнаго сна, то у нихъ завелся календарь пустыни, какъ высшій даръ цивилизаціи. Очевидно, они усвоили его себѣ отъ Русскихъ поселенцевъ. Это такъ называемый карди (русская пасхалія), изъ мамонтовой кости. Зарубки служатъ скользящему по нимъ пальцевому ногтю мѣстами остановки, по которымъ тщательно отсчитывается число дней, отъ знака до знака. Между этими знаками напр. слѣва на верху очертаніе животнаго означаетъ медвѣдя, т. е. день св. Георгія (23-го апрѣля) [1]. Счетъ идетъ внизъ по порядку и потомъ переходитъ на лежащій справа рядъ зарубокъ, назадъ къ противоположному концу и т. д.

Якутскій календарь карди.

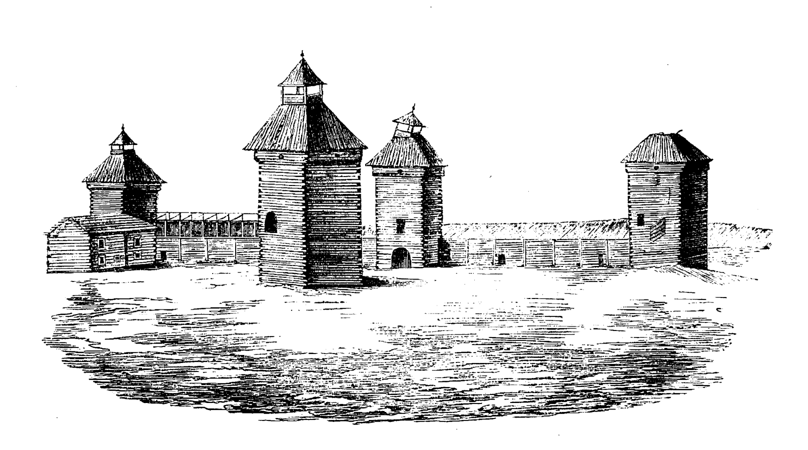
[1]) Для могущихъ интересоваться этимъ предметомъ, сообщаю еще слѣдующія указанія. ┼ Крещеніе; Аѳанасьевъ день; Аксенья; Трехъ Святителей; Срѣтенье; Евдокея; Сорока Святыхъ; Алексѣя; Благовѣщенье; Маріи Египетской и т. д.

Найдется мало хитрыхъ Русскихъ, которымъ кое-гдѣ удалось бы обмануть дикаря Якута.

Уваровскій, см. нѣм. изд. этого Путеш. III, стр. 62.

Длинное, предлинное путешествіе, обратно къ Енисею, вверхъ по немъ, наконецъ черезъ Иркутскъ, привело меня отъ вышеразсмотрѣннаго, столь далеко занесеннаго обломка якутскаго народа, за нѣсколько тысячъ верстъ, въ Якутскъ, въ средоточіе этого народа.

Говорятъ, что уже въ концѣ 14-го столѣтія Якуты были оттѣснены Бурятами отъ Байкальскаго озера и заняли рѣчную долину Лены и притоковъ этой рѣки.

Остатки старинной крѣпости въ Якутскѣ, въ 1844 году.

Первое столкновеніе русскихъ удальцовъ-завоевателей съ Якутами произошло лишь въ 1620 году[1]).

Для поясненія сообщеннаго ниже преданія, я помѣщаю тутъ вѣрное изображеніе послѣдняго изданія возведенныхъ противъ Якутовъ крѣпостныхъ сооруженій въ Якутскѣ. Столько сохранилось отъ нихъ еще весною 1844 года.

---

[1]) Къ періоду, предшествовавшему этому времени, относится нижеслѣдующее преданіе, разсказанное мнѣ Якутомъ за огонькомъ въ первобытномъ лѣсу.

Много, много лѣтъ тому назадъ жилъ очень богатый Якутъ по имени Огонóмъ. У него были двѣ дочери; одну изъ нихъ онъ очень любилъ, другую не любилъ. Плывя внизъ по Ленѣ на сдѣланномъ изъ кожъ суднѣ, его часто посѣщалъ Бурятъ, по имени Эльяй, потому что они были большіе друзья. Огонóмъ предложилъ ему ту изъ своихъ дочерей, которая ему понравится.

Уже до 1700-го года Якуты жили на Омолонѣ, потому что на Ремезовской картѣ (срав. т. I, стр. 36) возлѣ рѣки Омолоевой написано: «и при этихъ рѣкахъ живутъ Якуты разныхъ волостей».

Такимъ образомъ по этому пути Якуты, вслѣдъ за Юкагирами, мало по малу погибшими отъ междоусобій и оспы, простираются вплоть до Ледовитаго океана [1]). Но это было только на крайнемъ востокѣ, гдѣ не было Чукчей. Если Якуты уже въ 1710 г. появляются и на устьѣ Колымы, то все-таки столѣтіе спустя Сарычевъ сообщаетъ, что Якуты, придя съ Индигирки, лишь недавно прибыли къ Верхней и Средней Колыми [2]). Слѣдовательно распространеніе ихъ съ востока на западъ сравнительно шло медленно; да и едва-ли удастся доказать, добрались-ли они до Таймырскаго края съ Вилюя, или вдоль пребрежья Ледовитаго океана. Вѣроятнѣе, какъ мнѣ кажется, они пришли съ Вилюя, потому что уже ранѣе половины 18-го столѣтія моряки застали довольно значительное число Якутовъ въ Таймырскомъ краѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ низовьяхъ Оленека и на Анабарѣ. По-видимому въ то время происходили главныя сношенія между низовьями Оленека и Хатангой, хотя прибрежье между Оленекомъ и Леной не было занято.

Во всякомъ случаѣ, при графическомъ изображеніи распространенія Якутовъ, оно представилось бы въ видѣ червообразныхъ фигуръ, тянущихся на картѣ вдоль большихъ рѣкъ и вдоль морскаго прибрежья. То же самое явленіе представляютъ на европейскомъ сѣверѣ Зыряне, вытѣсняющіе Самоѣдовъ, хотя ни тѣ ни другіе не могутъ быть названы моряками. По первоначальному мѣсту своего пребыванія Якуты были коневодами. Такими-же хорошими наѣздниками, содержащими по нѣскольку тысячъ лошадей, какими ихъ зналъ уже старикъ Витсенъ [3]), они и доселѣ еще остаются въ главныхъ мѣстахъ своего пребыванія. Овечьи стада, которыя безъ сомнѣнія были у нихъ въ первобытныхъ мѣстахъ пребыванія, совершенно погибли въ лѣсистой полосѣ сѣвера. На стр.

Эльяй выбралъ не любимую дочь. Осерчавъ на это еще болѣе, отецъ далъ ему въ приданое только кобылу и бурую корову. Между тѣмъ умерла и любимая дочь. Жена стала уговаривать Огоно́ма навѣстить зятя, говоря, что самъ онъ (Огоно́мъ) уже становится слабъ. Старикъ не хотѣлъ вѣрить этому. Но однажды Эльяй, посѣтивъ его, колышками кругомъ прикололъ къ землѣ кафтанъ тестя. Огоно́мъ взялъ полную чашу съ кумысомъ, но, стараясь встать, пролилъ все, что въ ней было. Понявъ поэтому, что онъ началъ слабѣть, онъ помирился съ Эльяемъ и навѣстилъ его.

Сынъ Эльяя назывался Тыгын'омъ и былъ сильный, могущественный правитель. Въ это время первые Русскіе прибыли въ край по рѣкѣ, но ихъ было немного. Тыгынъ убилъ всѣхъ, кромѣ одного, который былъ силачъ и взятъ въ батраки. Послѣдній убѣжалъ и за тѣмъ прибыло очень много Русскихъ на большомъ суднѣ и долго вели войну съ Тыгыномъ. Они построили крѣпость съ башнями и сверху стрѣляли. Тогда Якуты скрутили изъ конскаго волоса огромный канатъ и попытались обрушить башни. Но Русскіе скатывали сверху брѣвна. Они взяли Тыгына въ плѣнъ и повѣсили его. Въ то время у Тыгына родился сынъ Эбэрэ, отъ котораго происходитъ существующій еще доселѣ родъ. Кангаласцы же потомки братьевъ Тыгына.

[1]) Упоминаемое около 1735 года названіе рѣчки Хара-Улахъ, впадающей въ Ледовитый океанъ (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 151), убѣдительнѣе всего доказываетъ, что въ то время Якуты успѣли уже проникнуть до береговъ Ледовитаго океана.

[2]) Сарычевъ, Путеш. I, стр. 63 и слѣд. — О движеніи ихъ къ Зашиверску и Верхоянску, срав. стр. 548 этой части.

[3]) II, стр. 542.

570 я уже замѣтилъ, что длина теперешней единицы путевой и кочевой мѣры — кёсъ нынѣшнихъ Якутовъ — весьма вѣроятно указываетъ на прежнее существованіе овечьихъ стадъ.

Характеристику чертъ Якутскаго лица мы сообщили на стр. 631. Чѣмъ болѣе мнѣ удавалось видѣть Якутовъ, тѣмъ болѣе оправдывались указанные мною отличительные признаки. Они оказывались несомнѣнною принадлежностью первоначальныхъ турко-татарскихъ якутскихъ лицъ и могутъ быть сведены на то, что жевательное продолженіе яремныхъ костей, какъ своею значительною вышиною (слѣдовательно длиною соотвѣтственной части лица), такъ и нѣкоторымъ выступаніемъ впередъ, главнымъ образомъ обусловливаетъ незначительно выдающееся положеніе скуловыхъ костей. Это выступаніе скуловыхъ костей гораздо незначительнѣе и меньше обращено внаружу, чѣмъ у настоящихъ Монголовъ.

Благодаря тому, что въ юго-восточной Сибири мнѣ часто случалось разсматривать сравнительно Якутовъ рядомъ съ Тунгусами, вскорѣ оказалось, что у послѣднихъ сильное выдаваніе скуловыхъ костей обусловливается не столько основою яремной кости, сколько тѣмъ, что самая яремная дуга выступаетъ и отстоитъ далеко отъ основы яремной кости; при чемъ эта яремная дуга, по-видимому, часто бываетъ очень тонка. Первобытное татарское лицо Якутовъ очевидно близко сродно съ формою лица нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ.

Но не слѣдуетъ полагать, что первобытное татарское лицо Якутовъ, такъ рѣзко выдававшееся среди другихъ народностей Таймырскаго края, встрѣчается повсюду у большей части Якутовъ. Это можетъ быть бываетъ или бывало преимущественно только въ центрѣ главнаго ихъ пребыванія и у чистокровныхъ старшинъ. Въ Якутскомъ краѣ, напротивъ того, мнѣ привелось главнымъ образомъ имѣть дѣло какъ разъ съ тѣми Якутами, которые находились въ наиболѣе дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Тунгусами. Помѣсь съ послѣдними происходила часто, поводомъ къ ней служили не только частыя поѣздки и обусловленное ими продолжительное отсутствіе изъ дому [1]), но и обычай, указывающій на южно-азіятское отвращеніе къ бракамъ между сородичами, т. е. обычай, не позволявшій Якуту выбирать себѣ жену изъ одного съ нимъ рода, и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже изъ одного съ нимъ племени. Какъ бы то ни было, но между Якутами, особенно между младшимъ поколѣніемъ, часто встрѣчались преобладающія монгольскія, преимущественно же тунгускія черты лица. Для этихъ формъ лица мнѣ удавалось розыскивать, безъ исключенія, тунгусскихъ матерей или бабокъ. Такія помѣси

---

[1]) Срав. стр. 632. Къ приведеннымъ тамъ причинамъ исчезновенія типическихъ особенностей, мы присоединимъ тутъ еще неоднократно повторявшееся переписываніе и приписываніе въ казенныхъ спискахъ. Въ моей Барабѣ (см. стр. 89 русск. изд.) я указалъ, какъ такимъ образомъ между казаками встрѣчаются киргизскія лица. Сарычевъ (Путеш. I, стр. 123) упоминаетъ о томъ, что подобнымъ-же образомъ на р. Маѣ Якутовъ записываютъ Тунгусами.

пошли въ ходъ въ началѣ этого столѣтія, и въ особенности на Алданскомъ хребтѣ составляли самое обыкновенное явленіе.

Меня должно было поразить, что при такомъ происхожденіи лицо главнымъ образомъ и даже вполнѣ подчинялось монгольскому типу; лобъ вмѣстѣ съ яремною костью и носомъ были укорочены; нерѣдко лобъ покато подавался назадъ отъ высокостоящихъ бровей; отъ сильно выдающейся яремной дуги и, вслѣдствіе того, яблокообразно выпучивающихся щекъ очертаніе лица рѣзко скашивалось внизъ къ острому подбородку.

Носъ становился вздернутымъ кверху толстымъ комомъ, глазныя щели дѣлались косѣе, вся голова была какъ-то меньше въ сравненіи съ величиною тѣла.

Относительно величины тѣла Якуты составляли, въ общей сложности, нѣчто среднее между Русскими и Тунгусами, изъ которыхъ послѣдніе, среднимъ числомъ, были приблизительно на $^3/_4$ фута короче Русскихъ, и очевидно имѣли болѣе тонкія кости, а потому и были легче ихъ [1]).

У типичныхъ Якутовъ и Якутокъ ноги и руки были больше, чѣмъ у Тунгусокъ, равно какъ у имѣвшихъ монгольскій складъ Гилячекъ, которыя въ этомъ отношеніи походили на Самоѣдокъ (срав. стр. 639).

Изъ всего сказаннаго видно, что еще въ мое время типичныхъ, первобытныхъ Якутовъ никакъ не слѣдовало смѣшивать съ Монголами, отъ которыхъ они явно отличались, тогда какъ главную массу Киргизовъ, по внѣшнему ихъ виду, я никогда не затруднялся пріурочивать къ Монголамъ, хотя языкъ ихъ и противорѣчитъ этому [2]). Изъ прежнихъ своихъ селищъ Якуты вытѣснены настоящими Монголами, Бурятами. На сколько они въ прежнія столѣтія, вслѣдствіе соприкосновеній съ Бурятами, подверглись примѣси монгольской крови, это трудно сказать, но даже между Долганами я встрѣтилъ двѣ-три чисто бурятскія физіономіи; отмѣтивъ себѣ незнакомыя мнѣ особенности этихъ лицъ, я отложилъ замѣтки свои въ сторону, пока наконецъ поѣздка моя по Бурятскимъ степямъ разъяснила мнѣ давнишнюю загадку мою. Далѣе, какъ я замѣтилъ, уже въ мое время, т. е. тридцать лѣтъ тому назадъ, якутскій народъ сильно омонголивался Тунгускими женщинами. Не только дочери, но именно сыновья такихъ смѣшанныхъ браковъ стали походить, уже въ первомъ поколѣніи, главнымъ образомъ на мать. Но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, мы должны предполагать, какъ сказано было выше, что въ 15-мъ и 16-мъ столѣтіяхъ, не говорю уже о еще раньшемъ времени, происходило гораздо болѣе продолжительное омонголиваніе посредствомъ бурятской крови. Это мы вправѣ предполагать не только на основаніи вышеприведеннаго преданія (см. стр. 763, примѣч.), которое уже давно опережено другими сказаніями подобнаго-же рода, но и вслѣдствіе древнѣйшихъ историческихъ извѣстій о Восточной Сибири, указывающихъ на

[1]) Среднимъ числомъ Русскіе въ Якутскѣ были ростомъ приблизительно въ 67 дюймовъ, Якуты отъ 63 — 64, а Тунгусы отъ 59 — 60 дюймовъ.

[2]) Это по-видимому доказываетъ, что Киргизы физически омонголились въ давнее время. Вѣроятно они уже давно подверглись тому-же самому процессу, зарожденіе котораго я засталъ у Якутовъ. Срав. мое изслѣдованіе: Бараба, стр. 87.

тѣсныя связи между обоими народами. Такъ напр. искусство Якутовъ по части обработки металловъ вообще, въ особенности же по части гравированія серебра и выкладыванія имъ, приписывается вліянію Бурятовъ [1]). Но что такая помѣсь продолжалась уже нѣсколько столѣтій сряду, объ этомъ еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ якутскій языкъ, какъ это подробно доказалъ и положительно подтвердилъ акад. Бётлингъ въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія.

По моему мнѣнію даже весьма вѣроятно, что въ теченіи тридцати лѣтъ, протекшихъ со времени моего посѣщенія Якутовъ, физическое омонголеніе этого народа успѣло усилиться до такой-же степени, какъ это случилось съ Киргизами.

Если мы за тѣмъ обратимся къ характеристикѣ умственныхъ особенностей Якутовъ, то прежде всего насъ поражаетъ необыкновенная склонность и превосходная способность къ торговлѣ. Въ этомъ отношеніи невольно является сравненіе съ іудейскимъ народомъ, и мы готовы бы были назвать ихъ жидами сѣверо-восточной Азіи, если бы они въ весьма многихъ отношеніяхъ не отличались значительно отъ жидовъ другими, не менѣе характеристичными особенностями.

Но лучше всего не забѣгать впередъ, а предоставить читателю случай, изъ нижесообщаемой нами писанной съ натуры картины якутскаго быта, самому составить себѣ правильное понятіе объ этомъ народѣ.

Точнѣе охарактеризовать бытъ его я считаю себя обязаннымъ потому, что этотъ народъ безспорно не можетъ быть причисленъ къ исчезающимъ. Во первыхъ, онъ съ начала этого столѣтія, не смотря на всѣ препятствія, размножился почти вдвое, т. е. состоитъ изъ слишкомъ ста тысячъ душъ, а во-вторыхъ, не смотря на указанное мною сильное физическое омонголеніе, ассимиляціонная сила этого татарскаго смѣшаннаго народа такъ велика, что, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, онъ оякучиваетъ даже русскихъ поселенцевъ, главнымъ образомъ, конечно, по части языка, образа мыслей и направленія склонностей.

Тѣмъ, которымъ это покажется преувеличеніемъ, я припомню оякученныхъ русскихъ поселенцевъ Таймырскаго края, даже не исключая семейства священника въ Хатангскомъ погостѣ, укажу на Амчинскую слободу, большое село, опирающееся все-таки на близь-лежащій главный городъ Якутскъ, укажу на самый Якутскъ, гдѣ въ мое время на чиновничьихъ и купеческихъ вечеринкахъ много говорили по якутски [2]).

---

[1]) Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 570.

[2]) Нѣкоторые мѣстные чиновники сравнивали его, по этому, съ салоннымъ французскимъ языкомъ. Въ присутствіи чужаго лица, онъ можетъ быть употреблялся чаще, потому что былъ для него непонятенъ. Укоренился якутскій языкъ между Русскими очевидно вслѣдствіе якутской прислуги, которая встрѣчалась часто уже въ 1733 году (Müller, Samml. russ. Gesch. III, p. 523), равно какъ въ необразованности женщинъ, которыя всю жизнь свою оставались въ кругу привычекъ дѣтской обстановки. Кромѣ того я предлагаю господамъ лингвистамъ заняться разрѣшеніемъ вопроса, на сколько дѣйствительно особенности русскаго языка меньше подходили къ мѣстнымъ условіямъ, чѣмъ простой, вылившійся изъ жизни и быта кочевниковъ, удобный, потому что не вышколенный, якутскій языкъ. Срав. прекрасно выраженныя замѣчанія Гена по этому предмету (V. Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere, 1871, p. 18).

Наконецъ самое лучшее и неопровержимое доказательство можно найти очевидно въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія. Сынъ одного изъ болѣе значительныхъ чиновниковъ, впослѣдствіи самъ, днемъ и ночью, занимавшійся переписываніемъ бумагъ, высшимъ канцелярскимъ и административнымъ дѣломъ, сильнѣе всего увѣковѣчилъ справедливость моихъ словъ написаннымъ имъ Якутскимъ текстомъ. Якутскій языкъ соотвѣтствуетъ душѣ Уваровскаго лучше всякаго другаго; говоря о Якутахъ въ третьемъ лицѣ, онъ невольно на каждой страницѣ высказываетъ взгляды добродушнаго Якута, въ котораго самъ онъ превратился.

Но не одни только Русскіе научаются якутскому языку: даже въ Амурскомъ краѣ, на р. Урѣ, я встрѣтилъ Тунгусовъ, которые никогда не видали Якута, а между тѣмъ очень бойко объяснялись съ моими оленевожатыми на якутскомъ языкѣ. Хотя они и находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Русскими прибайкальскаго края, но кое-какъ знали только нѣсколько русскихъ словъ. Между тѣмъ они сочли полезнымъ научиться у сродственныхъ имъ Тунгусовъ якутскому языку. Въ формахъ и духѣ обоихъ языковъ заключается, должно быть, сходство, облегчающее Тунгусамъ изученіе этихъ чуждыхъ звуковъ, хотя между словарями того и другого языка нѣтъ ничего общаго.

Указанному нами преобладанію якутскаго языка нисколько, впрочемъ, не противорѣчитъ то обстоятельство, что мы встрѣчаемъ у Якутовъ множество словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка. Относительно предметовъ и порядковъ, которые не были извѣстны Якутамъ до соприкосновенія ихъ съ Русскими, это само собою разумѣется [1]). Не трудно также понять, что тѣ Якуты, которые находятся въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ господствующей націи, хвастаютъ знаніемъ русскихъ словъ, какъ это ясно показываетъ нижесообщенная хоровая пѣсня.

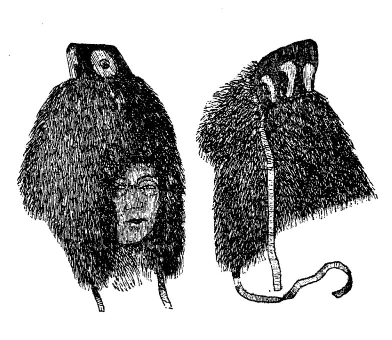
Иначе, кажется, должно смотрѣть на слово s'ierej, т. е. сѣрый. Вѣроятно оно понадобилось Якутамъ позднѣе, когда они научились правильно оцѣнивать незначительныя различія въ темныхъ цвѣтахъ. Поводъ къ такому предположенію подаетъ намъ стр. 649. Слово kärä, означающее сѣровато-козулій цвѣтъ, искони существовало въ якутскомъ языкѣ.

Но особенно поражаетъ меня то, что слово баранъ также перешло въ якутскій языкъ непосредственно изъ русскаго. Хотя это сильно противорѣчитъ моему предположенію, высказанному на стр. 570, но послѣднее все-таки можно подтвердить разными свидѣтельствами. Такъ напр. я тщетно доискивался первобытнаго якутскаго слова для обозначенія тумана, весьма сильно преобладающаго въ Якутскомъ краѣ. Для тумана у

---

[1]) Въ видѣ дополненія ко множеству примѣровъ, приведенныхъ Бётлингомъ въ 3-мъ томѣ нѣмецк. изданія этого сочиненія, я могу привести еще слѣдующіе: natrus'ka (пороховница), s'obonūk, (забойникъ), eperka (отвертка), merka (мѣрка пороховая), moschoká (мѣшокъ для дроби), mehók (кошелекъ сто рублей), etärbes (торбасъ, сапогъ), bitschugujá (бичевка, петля на стрѣлѣ, скрученная изъ конопляныхъ волоконъ), kapral (капралъ, вожакъ каравана), górok (городъ), tschās'tyjá (часто), otsjāräk (очередь), s'uolkō (шелкъ), nepremenno (непремѣнно), odnako (однако), budto (будто), perwoje dälo (первое дѣло).

Якутовъ не было другого слова, какъ русское туманъ. Тоже самое встрѣчается у Киргизовъ, говорилъ мнѣ спутникъ мой Вагановъ, который семь лѣтъ провелъ у Киргизовъ. И съ челнокомъ Якуты не были знакомы въ своей первобытной родинѣ: кромѣ ty онъ называется у нихъ чаще всего tóngus', т. е. Тунгусомъ или тунгусскимъ именемъ ongotschó. Это столь-же убѣдительно говоритъ въ пользу появленія Якутовъ изъ безводной степи, сколько напр. слово kyr'sá, которое у Монголовъ означаетъ степную лисицу, корсака, а Якутами глубокаго сѣвера употребляется для обозначенія тундроваго жителя, песца, мѣста пребыванія котораго отстоятъ отъ мѣстъ, гдѣ водится корсакъ, болѣе чѣмъ на 15 градусовъ широты.

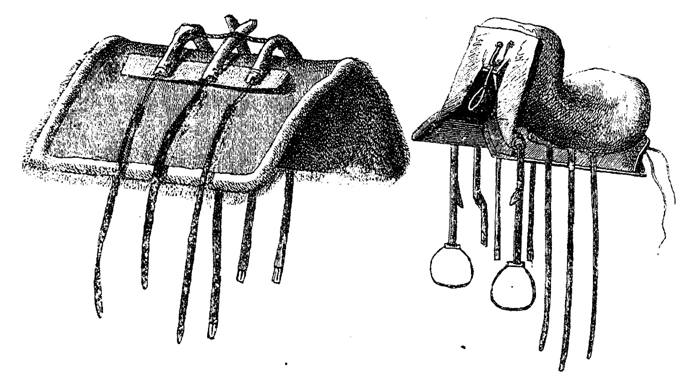

Если мы, принявъ въ соображеніе только-что сказанное, взглянемъ за тѣмъ на густо-опушенную мѣхомъ конусообразную шапку на головѣ богатаго Якута и увидимъ на ней тотъ-же колпачекъ, по которому мы узнаемъ Татарина, и который въ такой-же степени свойственъ Киргизамъ; если мы далѣе послѣдуемъ удивленію моего спутника, долго жившаго между Киргизами и постоянно опять, по новымъ признакамъ, находившаго, что въ языкѣ, одеждѣ, нравахъ, наклонностяхъ и т. д. обоихъ народовъ чрезвычайно много сходнаго, то невольно задаешься вопросомъ, нельзя-ли это сходство опредѣлить точнѣйшимъ образомъ и объяснить временемъ и обстоятельствами разъединенія обоихъ народовъ. Стóитъ только отправить къ Якутамъ этнографическаго изслѣдователя, поручивъ ему побывать сперва у Киргизовъ, а потомъ у Бурятовъ, и дать ему возможность основательно изучить якутскій народъ, не только въ главныхъ мѣстахъ его пребыванія, но и въ самыхъ отдаленныхъ развѣтвленіяхъ его распространенія. Это было бы навѣрное благодарная задача.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію Якутовъ моего времени, необходимо бросить взглядъ на два внѣшнихъ обстоятельства, которыя не могли не развить природныхъ способностей этого народа.

Припомнимъ сперва, что до 1807 года, когда Sloop Diana была отправлена въ Охотскъ, всѣ припасы для флота Восточнаго океана, цѣлое столѣтіе сряду, перевозились сухимъ путемъ изъ Якутска въ Охотскъ. Одинъ уже провіантъ, который доставлялся для войска, находившагося въ Охотскѣ и въ Камчаткѣ, вѣсилъ 34 тысячи пудовъ. Ежегодно одна казна забирала на подводы десять тысячъ, а Американская компанія до трехъ

тысячъ лошадей [1]). Обстоятельства сами дѣлали Якутовъ подводчиками и торговцами для самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Но уже въ то время дѣла сложились такъ, что хотя купцы платили отъ 35 до 45 рублей за каждую подводную лошадь и за каждые пять пудовъ, Якутамъ это все-таки мало доставляло барыша [2]). Ежегодно начальству

Вьючное сѣдло Якутовъ. Верховое сѣдло

[1]) Шемелинъ, Путешествіе I, стр. 203.

[2]) Тоже самое оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи условій, на которыхъ Якуты взялись доставить мою экспедицію на 72 лошадяхъ изъ Якутска въ Удской Острогъ. Рядчикъ платилъ вожаку по 15 рублей съ каждой лошади, а помощнику его по 12 рублей. Каждый погонщикъ получилъ по 30 руб. за лѣто, на хозяйскихъ харчахъ. Считалось хорошимъ запасомъ, что на всю дорогу они взяли по 6 пуд. муки, по 6 пуд. якутскаго масла и по $1\frac{1}{2}$ пуд. сала.

Были еще разные посторонніе расходы. Такъ напр. на р. Учурѣ пришлось многихъ уморившихся лошадей замѣнить новыми у Тунгусовъ, которые взяли хорошую надбавку; нужно было взять съ собою не входившихъ въ счетъ запасныхъ лошадей; за нихъ не платилось точно также какъ за лошадей, которыя везли поклажу и провизіи вожаковъ. Подкормка лошадей для путешествія обходилась отъ 5 до 10 рублей за каждую.

Заправляющій всѣмъ поѣздомъ и люди его отвѣчаютъ за тѣхъ лошадей, которыя могли бы пропасть, но не отвѣчаютъ за тѣхъ, которыхъ приходится оставлять вслѣдствіе ихъ утомленія, за тѣхъ, которыя тонутъ при переправахъ, и т. д.

Оказывалось, что главный барышъ рядчика заключался въ томъ, что онъ получалъ въ руки наличныя деньги, а людей своихъ разсчитывалъ товаромъ, заставлялъ отработывать прежніе долги, которые въ противномъ случаѣ остались бы неуплаченными, и наконецъ опять связывалъ ихъ новыми долгами. Выдача денегъ впередъ до такой степени входила въ разсчетъ сдѣлокъ съ Якутами, что даже въ казенныхъ дѣлахъ рядчикамъ выдавались $\frac{2}{3}$ условленной цѣны.

Что наемъ лошадей для моей экспедиціи происходилъ не при исключительныхъ обстоятельствахъ, это доказываетъ стр. 725. Къ этому я могу еще присовокупить, что въ мое время купецъ Стручковъ постоянно строилъ плоты на р. Учурѣ, которые по ней и по Алдану сплавлялъ до стараго казеннаго тракта, т. е. за 50—60 верстъ до урочища Чепанда́, и отсюда возвращался въ Якутскъ на наемныхъ лошадяхъ, за которыхъ платилъ среднимъ числомъ рублей 12 (отъ 10 до 15), смотря по конкуренціи.

Отъ Учура до Хотуньи самъ я тщетно предлагалъ по 30 рублей провозной платы за каждую лошадь.

приходилось посылать казаковъ на эту дорогу, сожигать павшихъ лошадей, которыя заражали воздухъ [1]).

Для пополненія относящихся сюда политипажей на стр. 537 и 544, тутъ изображены якутскія сѣдла, какъ самыя подходящія эмблемы этого народа. Шириною изображеннаго тутъ верховаго сѣдла объусловливается столь смѣшная поза всадника на стр. 544.

Другимъ обстоятельствомъ, послужившимъ къ развитію Якутовъ въ упомянутомъ отношеніи, служила натура тунгусскаго населенія. Необыкновенно подвижной, простодушный и легкомысленно преданный удовольствію народъ, какъ Тунгусы, представлялъ для предпріимчиваго торговаго духа Якутовъ такую пищу, какую нельзя бы было создать лучше съ этою собственною цѣлью. Умѣнье Якутовъ легко принаравливаться ко всѣмъ условіямъ посѣщаемыхъ ими народовъ исключало почти всякую конкуренцію, даже русскую, такъ какъ требовалось пробраться въ потаенное захолустье народа, живущаго особнякомъ, и обратиться съ нимъ въ Тунгуса.

Якуты мастерски умѣли утроять и учетверять свои барыши. На видъ они платили Тунгусамъ за мѣха дороже всякаго другаго, но въ нѣсколько разъ возмѣщали это на чрезвычайно высокихъ цѣнахъ своихъ собственныхъ товаровъ; торгуя, въ то же время сами принимались, вмѣстѣ съ Тунгусами, за ловлю звѣрей, но, эксплоатируя коммунистическое гостепріимство первобытнаго человѣка, въ это время большею частію жили на счетъ Тунгусовъ и при такихъ выгодныхъ условіяхъ находили необходимый досугъ и случай подбивать своихъ хозяевъ постоянно на новыя издержки для удовлетворенія прихотей, пока наконецъ у Тунгуса уже нечего было продавать и онъ при радушно предложенномъ ему кредитѣ легкомысленно бралъ товаръ въ долгъ. Но это апогей всякаго торга съ такъ называемыми дикарями; съ этой поры торговецъ становится дознаннымъ торговымъ пріятелемъ. Другими словами: теперь Тунгусъ закабаленъ въ монополію, вправѣ продавать свой товаръ только ему, заимодавцу, и покупать только у него. Цѣны назначаетъ продавецъ по своему произволу, мѣритъ товаръ на свой аршинъ. Продаетъ онъ напр. Тунгусу сѣв. оленя не дешевле 80—100 рублей, принимаетъ же отъ него не иначе, какъ за 50 рублей. Подарки, идущіе въ уплату, взамѣнъ процентовъ за долги,

---

[1]) Четыре года до моего проѣзда, на дорогѣ къ Учуру, изъ числа лошадей, везшихъ обозы съ товарами якутскихъ купцовъ, погибло болѣе 200 животныхъ вслѣдствіе того, что неожиданно выпало очень много снѣга. Это поясняетъ огромное значеніе, придаваемое Якутами слову as'ylyk, кормовище, о которомъ у нихъ постоянно идетъ разговоръ.

Опасность такихъ невзгодъ никакъ нельзя приписывать безпечности Якутовъ. За неимѣніемъ кормежокъ, покрывшихся наледью, срубается множество деревъ, чтобы воспользоваться бородатыми мхами, которыми они покрыты. На стр. 540 мы уже говорили, какъ тщательно разгорячившимся или подготовляемымъ въ дорогу лошадямъ высоко подвязываютъ головы; на стр. 545 упоминали, какъ превосходны потники. Прибавимъ тутъ еще, что предосторожность при подвязываніи головы весною соблюдается такъ строго, что сначала послѣ небольшого лишь переѣзда, лошади приходится стоять подвязанной отъ 6 до 8 часовъ, прежде нежели ей позволяютъ пастись. Даже на 10 й день ее заставляютъ стоять часа четыре. Иначе, говорятъ они, легкія становятся совершенно бѣлыми, печень точно вареною. Лѣтомъ и осенью Якуты гораздо менѣе опасались подвергаться такимъ невзгодамъ.

возрастаютъ свыше ста процентовъ. Дѣло выиграно, потому что «дикарь» слишкомъ честенъ, чтобы обманывать, да и слишкомъ честенъ, чтобы не быть обманутымъ чрезвычайно легко. Пока съ него можно взять что-нибудь, онъ станетъ давать все, что у него есть, и все, что у него будетъ.

Послушаемъ, какъ шло дѣло, по словамъ прекрасной, честной души, заправлявшей моимъ караваномъ, человѣка, который велъ дѣло въ качествѣ прикащика, но, не смотря на барыши, въ первый годъ потерпѣлъ убытокъ рублей въ 300, забывъ условиться, что угощеніе и заимообразная выдача денегъ должны идти на счетъ и на рискъ хозяина. Дѣло въ томъ, что для такого промысла онъ былъ слишкомъ честенъ и добродушенъ. Послушаемъ разсказъ его:

Нанялся я на зиму за 60 рублей; харчи хозяйскія да и одежа, потому что я могъ пользоваться шкурами бойныхъ вьючныхъ животныхъ, коли мнѣ не удастся самому убить столько лосей или сѣв. оленей, чтобы добыть себѣ нарядъ. Наймись я на цѣлый годъ, я получилъ бы — правда товаромъ, какъ всегда — 100 рублей содержанія и пасъ бы лѣтомъ сѣв. оленей на горахъ. Но мой хозяинъ отыскалъ Тунгуса, который взялся пасти сѣв. оленей по 4 рубля съ головы. За пропажу сѣв. оленя отвѣчалъ Тунгусъ, а за болѣзнь не отвѣчалъ. Но на такое дѣло соглашается только такой Тунгусъ, которому приходится уже очень плохо.

Провизіи полагается въ мѣсяцъ не болѣе 1 пуда муки и 30 фунтовъ сала. Остальное должны дополнять результаты собственной охоты и тунгусское гостепріимство.

Съ восемью сѣв. оленями моего хозяина, на которыхъ навьюченъ былъ товаръ, я тронулся въ путь такъ рано, что во̀-время могъ еще поспѣть къ осенней ловлѣ соболя «на собачьихъ ногахъ». Тутъ охота уже даетъ, что̀ Богъ пошлетъ. Потомъ я отправился къ своему пріятелю Тунгусу, которому я кое-когда помогалъ также осматривать его засѣки и самострѣлы. Меня Тунгусъ кормитъ, потому что ѣда у нихъ не идетъ въ счетъ. Я же разставляю мои приборы на соболей, и эту охоту каждый ведетъ на свой счетъ. Убью я случайно мясное животное: мясо идетъ въ пользу юрты, а шкура и рога принадлежатъ мнѣ. Я везу съ собою муку, чай, табакъ, порохъ, свинецъ, до которыхъ иной разъ, пожалуй, также доходитъ очередь, равно какъ и до того или до другого изъ моихъ сѣверныхъ оленей, но такъ какъ это купленныя вещи, которыя мнѣ не принадлежатъ, то онѣ ставятся моему Тунгусу особо въ счетъ, хотя я ими также пользуюсь. Когда подойдетъ время, я отправляюсь на сборное мѣсто и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Если люди ничего не хотятъ брать, такъ угостишь ихъ, тогда сердце ихъ растаетъ. Сначала они рѣшатся, можетъ быть, спросить только кремень, но потомъ является одно за другимъ. Когда угостишь ихъ хорошенько, такъ они берутъ все, что̀ ни вытащишь, а на цѣны они соглашаются безъ дальнѣйшаго. Главное дѣло угощеніе. Заваришь чаю, подашь сахару, сухарей, масла, и въ заключеніе сваришь большой котелъ саламата. Вотъ что радуетъ Тунгуса непомѣрно и уже онъ на-вѣрное изъ благодарности подаритъ соболя; самый бѣдный и тотъ принесетъ по крайней мѣрѣ кабарговую струю. За тѣмъ

торгъ идетъ какъ по маслу и Тунгусъ дешевле отдаетъ соболей. Коль у него ихъ нѣтъ въ то время, то это ничего не значитъ, и какъ даровой, такъ и продажный соболь ставятся въ счетъ. Если же можешь дать водки, то все получишь; но она рѣдка и ее нужно провозить въ маслѣ, потому что она запрещена. Тунгусъ такой человѣкъ, что если я знакомому поклонюсь полпудомъ сала, такъ онъ уже непремѣнно отвѣтитъ на мой поклонъ соболемъ. Встрѣчается, правда, кое-гдѣ и такой Тунгусъ, который, хотя его и угостишь, не считаетъ себя за это въ долгу, но такихъ осуждаетъ общее мнѣніе.

Вотъ что разсказалъ мнѣ добродушный мой вожакъ.

Тунгусъ, котораго я разспрашивалъ о томъ, что онъ добылъ въ году, откровенно сообщалъ все, пока я не спросилъ: сколько же онъ наловилъ соболей въ эту зиму. Тутъ все застряло, человѣкъ какъ будто переродился. Уже впослѣдствіи я узналъ, что какъ онъ только успѣлъ залѣзть въ чумъ, такъ мои оленоводы стали разспрашивать дѣтей его, есть ли у отца мѣха. Къ чему послужила бѣдняку его осторожность? На другой день, когда онъ уѣхалъ, я узналъ, что помощникъ моего вожатаго уничтожилъ всѣ добрыя намѣренія первобытнаго человѣка и наконецъ все-таки выманилъ у него два мѣха.

Впрочемъ изъ Якутскихъ купцовъ только немногіе торговали мѣхами собственно отъ себя; въ мое время лишь трое, платившіе подати какъ купцы третьей гильдіи. Это были давно-извѣстныя личности (Басинъ, Стручковъ и Новгородовъ), въ сопровожденіи нѣсколькихъ Якутскихъ мѣщанъ и множества Кангаласскихъ Якутовъ. Такихъ второстепенныхъ торговцевъ я насчиталъ, какъ уже замѣтилъ выше (стр. 723), около сотни.

Что всѣ запрещенія [1]) ни къ чему не вели, это доказываетъ донесеніе Уваровскаго, которое я читалъ въ Якутскомъ архивѣ. Въ 1827 году онъ засталъ 47 семействъ, въ 84 души, которыя торговали, вопреки запрещенію, въ Удскомъ Острогѣ и изъ которыхъ нѣкоторые находились тамъ уже лѣтъ 30, не смотря на всѣ указы и на отсылку недостаточныхъ на родину. Уваровскій самъ тщетно выслалъ въ Якутскъ 11 такихъ человѣкъ. Да и я вскорѣ убѣдился, что дѣйствіе запрещеній не простиралось далѣе бумаги указовъ. Уже съ ноября шныряли якутскіе торговцы въ горахъ, отыскивая Тунгусовъ въ самыхъ затаенныхъ закоулкахъ, вмѣсто того, чтобы строго держаться ярмарочныхъ мѣстъ. Они успѣвали забирать всѣ мѣха и сборщикамъ податей приходилось уходить съ пустыми руками. Какъ ловкіе люди (срав. эпиграфъ на стр. 763), якутскіе торговцы всегда были у мѣстныхъ властей на довольно хорошемъ счету.

При этомъ Якутскій и Иркутскій край сами по себѣ такъ устроились, что не мѣшали другъ другу взаимной конкурренціей. Тутъ и тамъ эксплуатировали другихъ кочевниковъ и знали другъ о другѣ только по совершенно неопредѣленнымъ наслышкамъ, такъ что мои разспросы о мѣстностяхъ, лежащихъ при верховьяхъ Амура, до тѣхъ поръ

---

[1]) Ярмарочные сборы были назначены: на Учурѣ съ 1-го мая до 1-го іюня; на Маѣ съ 15-го іюня до 15-го іюля; въ Удскомъ Острогѣ съ 1-го августа до 1-го сентября, и потому приказано было не пускать купцовъ изъ Якутска ранѣе февраля.

не разъясняли мнѣ дѣла, пока я вдругъ, совершенно неожиданно, не очутился среди длинной вереницы забайкальскихъ казаковъ, бойко торговавшихъ на запретной Китайской землѣ. Да и условія, при которыхъ они вели свою торговлю, цѣны и т. д. были совершенно другія [1]).

На сколько Якутъ, сообразно вышеприведенному эпиграфу, хитрѣе Русскаго, это вскорѣ показали первые посредники между сбытомъ товара на востокѣ, и на западѣ. Какъ занимающіеся имъ Якуты, такъ и вожаки моихъ оленей, вскорѣ подмѣтили, что въ сущности казаки все-таки невѣжи по части торговли, которые не умѣютъ цѣнить самый отборный товаръ и не достоины его. На моихъ глазахъ собольи шкуры съ кабарной стороны смачивались теплою водою, растягивались, напяливались на доску, сушились передъ огнемъ [2]) и красились. «Вѣдь даже подуть противъ волосъ и узнать рѣдки-ли волосы казакъ не умѣетъ», говорили Якуты и, усѣвшись, вставляли въ плохія до негодности выговня мошонки мѣховыя заплатки, нанизывали ихъ вмѣстѣ съ хорошими на ремень, но самыя вѣсистыя вытаскивали и откладывали въ сторону для Якутска. «Эти слишкомъ хороши и полны; ихъ-то казаки и будутъ считать поддѣлками и искусственно набитыми. Вѣдь тутъ всякая мошонка стоитъ 5 рублей, какая бы она ни была». Такъ говорили они.

Болѣе опасными для Якутовъ конкуррентами, чѣмъ казаки, стали являться китайскіе Даурцы, которые нѣкогда начали торговать довольно успѣшно полушелковыми матеріями, камлотомъ, нанкою и окороками. Якуты жаловались на это и наши чиновники помогали имъ въ преслѣдованіи этихъ стѣснителей ихъ монополіи.

Сказанное достаточно показываетъ, что мы были вправѣ, сравнивъ якутскихъ торговцевъ съ еврейскими торгашами. Торгуютъ они до послѣдней минуты передъ отправленіемъ въ путь. По подвижности, смѣтливости и ловкому знанію людей они не уступаютъ Евреямъ, по части же хитрости иной Якутъ, можетъ быть, еще перещеголяетъ Еврея. Но у Якута нѣтъ той благодатной способности довольствоваться малымъ и той бережливости, которыми обладаетъ Еврей; а это много значитъ.

Якутъ въ состояніи подвизаться съ любымъ кочевникомъ: въ необыкновенной сдержанности, когда этого требуетъ необходимость; въ умѣніи терпѣливо, даже весело, переносить ужаснѣйшія невзгоды, которымъ его подвергаютъ климатъ и первобытная природа; въ самой напряженной дѣятельности, когда приходится преодолѣвать тысячи

---

[1]) Казаки со Стрѣлки между Шилкой и Аргунью покупали муку, которую везли, отъ крестьянъ, поселившихся въ деревняхъ нѣсколько выше на Аргуни. Послѣдніе зимними путями привозили ее къ Стрѣлкѣ, и продавали тутъ по $1\frac{1}{2}-2$ рубля (дома стоила она отъ 90 коп. до 1 руб.). Помолъ также доставлялъ барышъ, потому что зерновой хлѣбъ былъ 20 или 30 коп. дешевле. Но у казаковъ были только ручныя мельницы, тогда какъ у крестьянъ работа производилась водяными мельницами. Въ мѣховой торговлѣ казаки промѣнивали пудъ муки на 10 бѣлокъ, изъ которыхъ Аргунскія оцѣнивались купцами по 60, а всѣ прочія въ этомъ краѣ по 45—50 копѣекъ.

Водка, которая въ Якутской области почти совершенно устранена, тутъ продолжала еще свою деморализующую роль. Слѣдовательно, самые крайніе составы огромнаго государственнаго организма съумѣли оправиться въ этомъ отношеніи скорѣе, чѣмъ тѣ части членовъ, которыя лежатъ ближе къ туловищу.

[2]) Срав. поддѣлки, о которыхъ говорено на стр. 616.

разныхъ трудностей и опасностей, которыя ему противопоставляетъ суровый первобытный характеръ непріютныхъ горъ. Онъ не страшится никакой опасности.

Но заглядывающая вдаль бережливость, забота о запасѣ, о дальнемъ будущемъ, продолжительныя хлопоты, не вызванныя одною лишь неотвратимою необходимостью, ему совершенно чужды. Онъ главнымъ образомъ человѣкъ, живущій настоящимъ и для наслажденія.

Замѣчательно, что даже неутомимо подвижной вожакъ моего каравана, не страшившійся самыхъ утомительныхъ трудовъ, вдругъ превращался какъ будто въ другаго человѣка, коль скоро дѣлалась дневка. Страстно прищуривъ глаза, онъ растягивался во всю длину, какъ олицетворенная бездѣльничающая лѣность. Въ это время онъ лишь съ величайшею неохотою отвѣчалъ на вопросы, ворчалъ и начиналъ грубить, совершенно на перекоръ своему обыкновенному характеру. Но въ такомъ родѣ они были всѣ; торговцы же, которые были побогаче другихъ, вели уже совершенно лѣнивую сатрапскую жизнь. Они считали лишнимъ трогаться съ мѣста и тревожили или Тунгусовъ или своихъ женъ, а сами лежали на мѣстѣ и большею частью спали. Проснувшись, они проводили время въ пріятномъ бездѣльѣ, болтовнѣ, игрѣ въ карты и пированіи въ компаніи. При всемъ томъ я встрѣтилъ между ними двухъ братьевъ, которые дали другъ другу слово не пить крѣпкихъ напитковъ, впрочемъ чрезвычайно практично, только до извѣстнаго срока.

Въ главѣ о Тунгусахъ (стр. 741) мы видѣли деморализующее вліяніе того, что соболья шкура, означавшая тоже, что 25 рублей, являлась монетной единицей въ тунгусской торговлѣ. Когда я сначала подъѣхалъ съ копѣечными счетами, то Якутами овладѣлъ явный ужасъ. Это превосходило у нихъ всякое понятіе; на столько не хваталъ ихъ микроскопъ и когда я сталъ напирать на нихъ, то восклицаніемъ: «да вѣдь я же не стану разрѣзать соболью шкуру» они быстро старались выходить изъ затруднительнаго положенія. Даже кабарговыя струи, не говоря уже о бѣличьихъ шкуркахъ, нанизывались на ремни въ бо̀льшія единицы цѣнности. Чѣмъ ближе мы пододвигались къ предѣламъ распространенія соболя, чѣмъ исключительнѣе бѣличьи шкуры составляли главный предметъ охотничьей добычи, тѣмъ болѣе чрезвычайныя особенности въ торговлѣ Якутовъ стали опять отступать на задній планъ, хотя бѣлка, эта наименьшая единица, всетаки еще по стоимости равнялась полтинѣ.

О сумасбродствѣ, которое это обстоятельство возбуждало въ людяхъ, можно судить не только по сравнительно громаднымъ суммамъ, о которыхъ они говорили шутя, но и по тысячи, двумъ тысячамъ, тремъ тысячамъ рублей долгу, о которыхъ упоминалось вскользь, какъ о самой обыкновенной вещи (срав. стр. 740). Столь-же рѣзко явилось мнѣ неожиданно это сумасбродство съ другой стороны. Первый и притомъ громадный, глубоко втоптанный въ болото, медвѣжій слѣдъ, встрѣченный мною на Алданскомъ хребтѣ, поразилъ меня колодою картъ, которая тамъ, въ этой безлюдной пустынѣ, лежала въ немъ, какъ бы оправдывая этимъ преданіе о заколдованномъ старикѣ. Колоду эту потеряли проѣзжіе Якуты. Лентяйничанье, бездѣльничанье, кутежи и легкое

наживаніе денегъ посредствомъ охоты и торговли, привели Якутовъ къ карточной игрѣ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я, возвратясь съ развѣдки къ привалу, услышалъ, какъ якутскій торговецъ, громко крича, жаловался на фальшивую игру моего козацкаго урядника; разспросивъ о ближайшихъ обстоятельствахъ, я узналъ, что эти два молодца играли въ семерку (S'etteli), да еще не меньше, какъ по 5 руб. очко, такъ что въ нѣсколько часовъ проигрышъ простирался почти до 200 руб.

Карточная игра завелась у Якутовъ въ прошломъ столѣтіи. Уже въ 1808 году (какъ я совершенно случайно узналъ изъ архивныхъ бумагъ) купецъ Стручковъ, въ числѣ другаго товара, отправилъ 25 дюжинъ карточныхъ колодъ въ горы, на ярмарку на р. Учурѣ.

Въ одинъ присѣстъ проигрывали до 1000 рублей, что̀ не удивительно, когда узнаешь, что бостонъ, отъ полтины до рубля фишъ, считался очень невысокою игрою. Упомянутая же игра въ семерку (S'etteli) игралась по 10, 15, 25 и даже по 100 руб. карта. По этому образцу можно судить о страстности игры. Игра S'etteli, называемая также Kosurdu$\frac{ch}{k}$ (вмѣстѣ съ тѣмъ это доказываетъ, что игра обязана своимъ происхожденіемъ русскимъ наставникамъ), основана на томъ, что сдающій открываетъ седьмую карту, и она служитъ козыремъ. Непокрытыя карты накопляются ко вреду того, кто играетъ.

Были также въ ходу игры maeras (mariage) и biät[1]).

Вожаки моихъ оленей также при всякомъ малѣйшемъ поводѣ тотчасъ предлагали другъ другу биться объ закладъ и ставка у этихъ бѣдняковъ почти всегда была не меньше 10 рублей.

На мои увѣщанія мнѣ всегда возражали: «да что̀же такое? Хорошая охота на соболей, или пожалуй олень-панты, или чернобурая лисица, я и богачъ». Tout comme chez nous.

Когда я разсчитывалъ торговцамъ, какъ велики ихъ доходы и сколько тысячъ они должны бы были имѣть, то они соглашались съ этимъ, а все-таки оказывалось, что ничего не было сбережено. На кутежи и удовольствія уходилъ весь огромный барышъ отъ мѣховой торговли; даже Якутскимъ купцамъ она не приносила настоящей пользы, не смотря на почти 40,000 рублей, которые, по ихъ словамъ, Якуты и Тунгусы въ мое время имъ были должны. Побочныхъ расходовъ было также не мало, потому что прикащикъ, откровенно высказывавшійся, не только платилъ 55 руб. казенныхъ податей, но со включеніемъ этаго заплатилъ всего 220 рублей на ублаготвореніе разныхъ чиновниковъ.

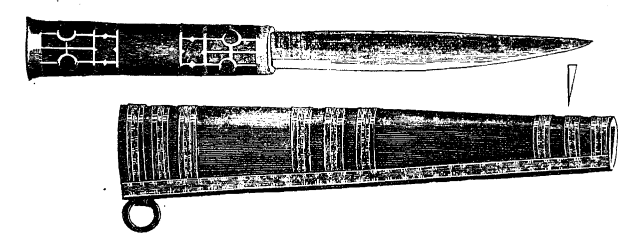
Если мы покинемъ торговый районъ Якутовъ и заглянемъ въ главныя мѣста ихъ пребыванія, то мы поймемъ, что случай, который имъ представился, для развитія торговаго духа, имѣлъ на нихъ не благотворное, а деморализующее вліяніе.

Государству, имѣющему въ виду развить доставшійся ему безконечно обширный

---

[1]) Игорныя карты (ojnulāch kūrty) обозначались отчасти названіями, взятыми съ русскаго, напр. bubnaj, tschierbā̄, отчасти чисто-якутскими именами: äbbiännäch (сердцеобразные наконечники стрѣлъ, т. е. пики) и tuorá (поперечное, т. е. трефы), tojonó (король), chotuná (дама), klutá (валетъ); очки, $\frac{ch}{k}$aragá, считаются; только tús' взято прямо изъ русскаго языка.

Сибирскій край, должны быть особенно дороги свойства осѣдлаго рода, задатки котораго также имѣются въ этомъ даровитомъ народѣ (срав. стр. 759 и 760). Эти-то свойства несомнѣнно ставятъ Якута, умѣющаго справлять тяжелую и продолжительную работу, гораздо выше Еврея, съ которымъ у него, кромѣ торговаго духа и способности къ торговлѣ, одинаковая степень ловкости въ рукодѣльныхъ работахъ, равно какъ наклонность и способность къ самымъ разнообразнымъ ремесламъ. Якуты хорошіе плотники и каменотесы.

Якутскій ножъ.

За тѣмъ они дѣлаютъ не только упомянутыя выше рѣзныя, красиво убранныя серебромъ, металлическія издѣлія, какъ напр. поясы, серьги и т. д., но и топоры, рогатины, ножи, серпы (Chotúr), ножницы, трубки, огнива и т. д., которыя всѣ разукрашены узорами и свидѣтельствуютъ о мастерскомъ исполненіи.

Взглянемъ напр. на изображенный тутъ ножъ, который служитъ Якутамъ какъ для собственной надобности, такъ и для продажи Тунгусамъ. Это приборъ самаго обыденнаго употребленія и самаго простаго свойства. Рѣзныя мѣдныя полоски на пластинкахъ, служащихъ для большей крѣпости ноженъ и свинцовыя спайки, украшающія рукоятку, вмѣстѣ съ тѣмъ придерживающія въ ней клинокъ, ясно указываютъ намъ, каковъ мастеръ, который ихъ изготовляетъ. Но узнавъ, что желѣзо для клинковъ добывается изъ руды самымъ первобытнымъ образомъ тѣмъ-же самымъ Якутомъ [1]), что при этомъ два кожаныхъ мѣшка [для сбереженія масла] изъ которыхъ поочередно выпускается воздухъ [2]), замѣняютъ раздувательный мѣхъ, и что весь приборъ столь-же простъ, чита-

[1]) Въ 1859 году въ одномъ Кангаласскомъ улусѣ насчитывались 64 плотника, 90 кузнецовъ и 3 столяра.

Руда добывалась въ двухъ округахъ (Nas'lég'ахъ): Хачикатскомъ и первомъ Шемконскомъ. Въ Хачикатскомъ округѣ, на р. Ботамѣ, а именно въ урочищахъ: Даркылахѣ, Шестаковскѣ и Кюртагія добывалось въ годъ 1400 пудовъ желѣза. Въ Шемконскомъ округѣ, при рѣчкѣ Лютягѣ, добывалось до 190 пудовъ.

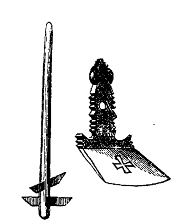
[2]) Мѣшокъ для масла (S'imirj) сшивается изъ полудубленыхъ, копченыхъ кожъ. Широкое отверстіе его закрывается двумя палками въ родѣ портмоннe. Соединивъ обѣ палки, переложивъ ихъ черезъ третью палку и за тѣмъ связавъ ихъ, Якутъ получаетъ совершенно

*

тель навѣрное не преминетъ признать даровитость этого народа[1]). Это признаніе еще усилится, когда мы при ближайшемъ разсмотрѣніи узнаемъ, какъ показываетъ изображенный разрѣзъ клинка, что при изготовленіи этого клинка только одна плоскость его направляется подъ острымъ, другая же подъ прямымъ угломъ къ клиночному хребетку, на подобіе рѣзака на нашемъ рубанѣ. Въ связи съ этой уловкой и при помощи изображенной на стр. 721 деревяшки, чрезвычайная гибкость, которую Якутъ умѣетъ придать клинку своего ножа, въ состояніи замѣнить ему множество разнообразныхъ инструментовъ. Надобно напр. сдѣлать чашку, Якутъ тотчасъ-же сгибаетъ ножикъ свой объ стволъ дерева въ видѣ дуги, и съ руки, прежде чѣмъ успѣешь оглянуться, вытачиваетъ чашку изъ дерева лиственицы.

Потребуйте, чего хотите, Якутъ все смастеритъ: чайникъ ли, или болѣе сложный самоваръ, или винтовку съ нарѣзнымъ дуломъ и съ замкомъ.

Чтò бы онъ ни вырѣзалъ, во всемъ у него особый шикъ: будетъ ли это столь-же удобная, какъ простая, но все-таки красивая рыбная ложка (либáровка), которую онъ дѣлаетъ для Русскаго, или большая ступка для толченія, которая также дѣлается изъ дерева. Помѣстивъ на слѣдующей страницѣ рядомъ четыре рисунка этого столь простаго, но необходимаго для Якута, прибора, нельзя не согласиться, что тутъ не можетъ быть рѣчи о механической подражательности. Вездѣ проглядываетъ своеобразность. Одинъ, вырѣзая себѣ ступку изъ дерева, устраиваетъ ножку ея (см. рисунокъ съ лѣвой стороны) такъ, что она удобно можетъ быть защемлена обоими колѣнами, и придѣлываетъ къ ней ручку. Другой, живущій въ затопляемыхъ низменностяхъ, гдѣ нѣтъ пней, но есть много ивъ, осуществляетъ идею (см. фигуру справа), возможную только на полюсѣ крайней стужи, гдѣ какъ разъ человѣкъ этотъ живетъ. Сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ корзина скрѣпляется сверху и снизу деревяннымъ обручемъ, а промежутки замазываются тѣстомъ изъ глины и лошадинаго помета. За тѣмъ вся штука эта, будучи нѣсколько разъ опущена въ воду, покрывается толстою, крѣпко пристающею, ледяною глазурью и вотъ готовъ стекловидный сосудъ, глазурь котораго, какъ только пожелаете, можетъ быть возобновлена.

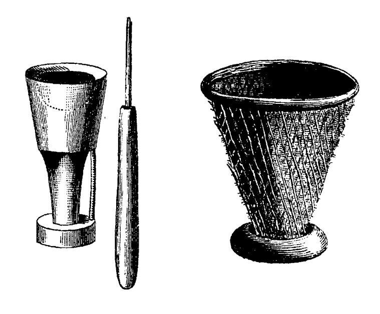

Мутовка (по якутски тык) и рыбная ложка.

Совершенно другую форму имѣетъ ступка для нюхательнаго табаку, Melliere; но оригинальнѣе всего, кажется, придумана ея соперница, которую изображаетъ послѣдній

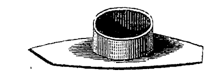
плотный мѣшокъ. Въ такомъ мѣшкѣ превосходно сохраняется якутское масло, которое отъ времени до времени освѣжается холодною водою. Кромѣ того онъ такъ плотенъ, что достаточно вставить трубку, поставить рядомъ два мѣшка и поочереднымъ выдавливаніемъ воздуха замѣнить раздувательный мѣхъ. При приподниманіи мѣшка отверстіе его немедленно широко раскрывается.

[1]) Мою байдару я сладилъ также при помощи двухъ Якутовъ, имѣвшихъ случай разъѣзжать на такихъ судахъ въ бывшихъ владѣніяхъ нашей Сѣверо-Американской компаніи.

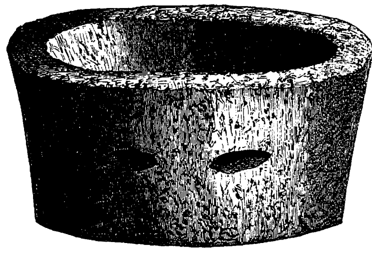
рисунокъ. Китовый позвонокъ выдолбленъ шарообразно. Такъ какъ стѣнки его, подобно отвердѣвшей губкѣ, по всѣмъ направленіямъ испещрены червообразно извивающимися трубчатыми ходами разнаго рода, то позвонокъ представляетъ шероховатую поверхность, напоминающую поверхность лучшихъ прирейнскихъ жерноновъ, приготовляемыхъ изъ лавы. Главная польза отъ выбора такого, притомъ чрезвычайно легкаго на вѣсъ, позвонка, мнѣ стала понятна лишь послѣ долгаго знакомства съ нимъ, довольно забавнымъ образомъ. При коммунистическихъ порядкахъ, существующихъ среди первобытной природы, табачные запасы мало по малу совершенно истощались, такъ что страстные нюхальщики приходили въ отчаяніе. Тогда эта позвоночная ступка усердно должна была выручать ихъ изъ бѣды. Цѣлыя недѣли сряду, во время ночныхъ приваловъ, ее слегка постукивая, ворочали надъ подставкою по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, цѣлыя недѣли сряду загадочно изогнутые меандрообразные ходы въ стѣнкѣ ступки снова выпускали изъ себя при этихъ пріемахъ нѣсколько понюшекъ. Уменьшить достоинство послѣднихъ не могло даже то обстоятельство, что губчатость ступки, для устраненія слишкомъ большой бережливости ея, была набита самыми сильными порціями золы, прежде чѣмъ дѣло доходило до растиранія табака.

по якутски Enég [1]).

по якут.: Melliere.

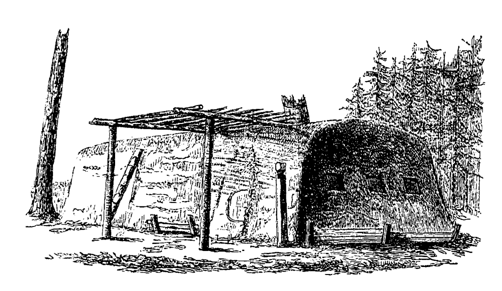
ступка изъ китоваго позвонка.

Ступки разнаго рода.

Что Якутъ все еще не помышляетъ серьезно объ осѣдлости, это съ перваго-же раза доказываетъ зимнее его жилье. Взглядъ на послѣднее, при нѣкоторомъ знакомствѣ

[1]) Ступка, изображенная съ правой стороны, называется также, говорятъ, Keli.

съ остальнымъ бытомъ этого народа, долженъ возбуждать подозрѣніе, что этотъ народъ нѣкогда прибылъ сюда изъ болѣе южныхъ странъ, что онъ когда-то жилъ въ кибиткахъ, но подъ полюсомъ, вслѣдствіе сильнѣйшей стужи, бросилъ ихъ, и перенялъ у Тунгусовъ ихъ зимнее жилье, Ütän, но не передѣлалъ его, а удовольствовался только расширеніемъ его [1]).

Зимнее жилье бѣднаго Якута.

Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленнаго дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревенъ. Это даетъ возможность употреблять молодой лѣсъ (не болѣе $\frac{1}{2}$—$\frac{3}{4}$ фута въ стойкѣ) и облегчаетъ рубку, отеску и подвозку лѣса. Такой способъ постройки разсчитанъ на силы одиноко живущаго Тунгуса, у котораго нѣтъ ни лошадей, ни воловъ для подвозки бревенъ, и который помышляетъ о томъ, какъ бы ему при удобномъ случаѣ спокойно покинуть свое жилье.

Шесть отвѣсно впущенныхъ въ землю, но нѣсколько наклоненныхъ во внутрь, столбовъ, изъ которыхъ четыре по угламъ, а два, на футъ длиннѣе прочихъ, по срединѣ, составляютъ главный остовъ; лежащее поперегъ обоихъ среднихъ столбовъ, прикрѣпленное шипами бревно придаетъ всему стойкость, и отъ него идетъ бревенчатая рама, соединяющая между собою свободные концы всѣхъ столбовъ. Къ этой рамѣ приставляются столбы какъ можно плотнѣе одинъ къ другому и составляютъ стѣну; другіе, положенные сверху, образуютъ слегка покатый потолокъ, исполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ роль крыши. Все это обмазывается смѣсью изъ глины и помета отъ лошадей да рогатаго скота, и обсыпается землей, зимою же прибѣгаютъ къ прекрасному матеріалу, снѣгу, для лучшаго удержанія тепла, предварительно покрывъ подстилку замерзающею водяною поливою, съ тѣмъ, чтобы чрезъ нее не сочился тающій въ концѣ зимы снѣгъ.

Для вставки оконныхъ ледяныхъ глыбъ оставляютъ одно или нѣсколько отверстій, величиною не болѣе квадратнаго фута. Слюду рѣдко встрѣчаешь, но при уменьшеніи холода, въ оконное отверстіе вставляется, чрезвычайно практично, плотно сплетенная изъ конскихъ волосъ сѣтка; она употребляется въ теченіе лѣтней половины года, пропускаетъ воздухъ и удерживаетъ комаровъ. Дверь большею частью была также не болѣе двухъ футовъ въ квадратѣ. Столь-же просто устроенъ каминъ, состоящій изъ стѣнки

---

[1]) На сѣверѣ они усвоили себѣ русскій блокгаузъ. Срав. стр. 761.

отвѣсныхъ, но кверху нѣсколько отогнутыхъ назадъ, столбовъ, которые глиняною обмазкою, скрѣпленною посредствомъ вставленныхъ въ нее камней, предохраняются отъ возгоранія. Такъ какъ передъ этой односторонней, лишь въ $2^1/_2$ фута ширины, но согнутой въ полутрубу, стѣной, которая наверху становится дымовой трубой, стоитъ глиняный въ футъ вышины ящикъ, на которомъ полѣнья ставятся отвѣсно къ стѣнѣ, то дерево горитъ превосходно и при окоченѣвшихъ членахъ ничто на свѣтѣ не можетъ сравниться съ ярко пылающимъ огнемъ такого громко трещащаго, хорошо обставленнаго камина.

На южномъ скатѣ Становаго пограничнаго хребта встрѣчается даже примѣненіе взятаго у Гиляковъ принципа провода трубы посреди идущаго вокругъ стѣны глиняннаго прилавка, которая долѣе удерживаетъ тепло. Это, какъ мы сказали, заимствованная придача, тогда какъ первоначально къ такому жилью принадлежитъ только холодный прилавокъ, для спанья, идущій вдоль стѣнъ. Такой прилавокъ встрѣчается повсюду, вплоть до самаго глубокаго сѣвера и очевидно былъ вызванъ не только потребностью сидѣть и лежать, но главнымъ образомъ чрезвычайно разнообразными климатами внутри самого строенія. Не рѣдко разница между температурой на полу и температурой подъ потолкомъ бываетъ въ 50—60 градусовъ Цельсія. Когда привстанешь, то легкія задыхаются отъ жары, а ноги зябнутъ. Не рѣдко начинаешь спать на полу, безъ одежды, растянувшись на шкурѣ сѣв. оленя, и все-таки обливаешься пóтомъ. Пробуешь встать, но падаешь отъ чада. Вскорѣ въ просонкахъ начинаешь прикрываться, потомъ невольно взберешься на прилавокъ, гдѣ опять приходится сбросить одежду. Утромъ же васъ не защититъ уже никакая шуба, и только пылающій каминъ въ состояніи согрѣть окоченѣвшіе члены.

Такія постройки я засталъ еще посреди прославленнаго села Амгинска, хотя для тамошнихъ русскихъ поселенцевъ, для священника и казаковъ были построены удобные русскіе блокгаузы. Напротивъ того, само собою разумѣется, что Якутъ, у котораго есть скотъ, все болѣе и болѣе расширяетъ свое жилье, потому что рогатый скотъ, не привыкшій къ сѣверной зимѣ, ему приходится пристраивать въ своемъ жильѣ, т. е. по нашему въ своей комнатѣ. Непривычнаго къ такимъ порядкамъ Европейца ночью часто будитъ возня животныхъ. Повсюду происходятъ взрывы.

Передъ домомъ оставляютъ нѣсколько несрубленныхъ деревъ, къ которымъ привязываютъ лошадей. Вскорѣ дерево засыхаетъ; его срубаютъ въ ростъ человѣческій и столбъ готовъ; часто впрочемъ къ нему придѣлываютъ рѣзную головку. Этимъ не ограничивается употребленіе деревъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сооружается постройка. Внутри строенія встрѣчаются то столы на стволахъ, сидящихъ корнями еще въ землѣ, то колыбели, висящія между высокими обрубками и т. д. Возлѣ строенія весною возвышается высокій валъ изъ выволоченнаго помета.

Несравненно уютнѣе бываетъ лѣтомъ въ просторныхъ, прохладныхъ и довольно красиво сдѣланныхъ изъ бересты шалашахъ (Uros'á), которыя сооружаются посреди при-

вѣтливой мѣстности, на хорошихъ пастбищахъ, вдали отъ зимняго мѣстопребыванія, такъ какъ окрестности послѣдняго приходится тщательно оберегать отъ пастьбы. Длинную выросшую траву животныя легко разгребаютъ подъ снѣгомъ, потому что запасы сѣна Якутъ заготовляетъ, какъ мы уже замѣтили, только для рогатаго и молодаго скота (срав. стр. 547).

Это упоминаніе объ Якутахъ, въ качествѣ скотоводовъ, — а такими этихъ первоначальныхъ пастуховъ стали дѣлать неблагопріятныя условія полярнаго климата — это упоминаніе, говорю я, приводитъ насъ къ естественному главному назначенію этого народа въ отношеніи къ государственному хозяйству Сибири. Возвращаясь снова къ прежнему сравненію его съ Евреями (см. стр. 773), мы приходимъ къ такимъ качествамъ Якутовъ, по которымъ они стоятъ несравненно выше Евреевъ и потому тѣмъ болѣе заслуживаютъ полнаго вниманія правительства.

При значительной иниціативѣ и ассимилиціянной силѣ Якутовъ, о которой мы говорили уже выше (стр. 767), этотъ даровитый народъ обладаетъ такою необыкновенною способностью принаравливаться къ естественнымъ условіямъ и къ обычаямъ другихъ странъ и другихъ народовъ, что въ этомъ отношеніи онъ составляетъ полнѣйшую противоположность къ неподвижному національному характеру Евреевъ, которые вездѣ такъ долго остаются одними и тѣми-же. Среди первобытныхъ порядковъ тунгусскихъ или самоѣдскихъ, Якутъ въ самое короткое время становится Тунгусомъ или Самоѣдомъ, но не останавливается на этомъ превращеніи или не погрязаетъ въ немъ, а напротивъ вскорѣ въ этомъ новомъ своемъ качествѣ начинаетъ превосходить другихъ. Желѣзное, закаленное тѣло его позволяетъ ему браться за любую работу въ новой его обстановкѣ, а превосходство его изворотливаго, живаго ума вскорѣ возвышаетъ его надъ этой обстановкой. Мирно властвуя надъ пріютившими его, онъ въ скоромъ времени начинаетъ эксплуатировать ихъ. Являясь среди Русскихъ, онъ вскорѣ пріучается возвышаться до ихъ уровня; за тѣмъ, благодаря своему знанію людей и хитрости, быстро подмѣчаетъ ихъ слабости и тотчасъ-же ловко принаравливается къ новымъ условіямъ. Какъ только онъ попадаетъ подъ гнетъ чиновнаго взяточничества, такъ онъ съ замѣчательною быстротою освоивается со всею грязью оффиціальнаго бумажнаго прикрывательства и надувательства, знакомится съ тонкостями разныхъ формальностей и дѣловаго хода, эксплуатируетъ взяточничество и, подъ самолюбивымъ руководствомъ своихъ наслѣдственно посвященныхъ во все это наставниковъ, становится однимъ изъ самыхъ отъявленныхъ кляузниковъ и крючкотворовъ. Немало удивился я, когда Тунгусъ въ дебряхъ Становаго хребта сталъ спрашивать моего совѣта, хорошо ли составлена бережно припрятанная бумага, которую онъ предъявилъ. Это было прошеніе, написанное для Тунгуса Якутомъ города Якутска среди глуши Амурскаго края, обращенное ни къ кому иному, какъ прямо къ министру государственныхъ имуществъ, въ лежащей за десять тысячъ верстъ столицѣ, и начинавшееся словами: «Съ тѣхъ поръ какъ Якуты имѣютъ счастіе находиться подъ скипетромъ Русскаго» и т. д. Отсюда видно, что Якуты несправедливо под-

ведены подъ принаровленные къ дѣтскому состоянію особые законы, изданные для кочующихъ народовъ, а могли, и даже должны бы быть подчинены общимъ узаконеніямъ государства.

Упомянутыя нами способности поддерживаются такимъ терпѣніемъ, что мы встрѣчаемъ Якутовъ во главѣ какъ земледѣлія, такъ и скотоводства Сѣверной Сибири. Имъ удалось даже пробраться за предѣлъ успѣшнаго развитія этихъ двухъ отраслей промышленности, еще дальше къ сѣверу, и вездѣ дѣла ихъ идутъ хорошо.

Въ какомъ бы плохомъ видѣ ни находилось тамъ земледѣліе — въ отдѣлѣ «Растительность Сибири» (стр. 676, Прибавл. I, стр. III; Прибавл. II, стр. VII) мы изложили это на сколько могли[1]) — не слѣдуетъ упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, Якуты въ первобытныхъ, болѣе южныхъ мѣстахъ пребыванія своего едва-ли когда-либо воздѣлывали землю, а во вторыхъ, имъ приходится въ настоящее время дѣлать опыты землепашества при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, подъ полюсомъ самой суровой зимней стужи, въ ледяной почвѣ, промерзшей на значительную глубину и никогда не оттаивающей. Будучи родомъ изъ такихъ мѣстностей, въ которыхъ даже первобытный человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться для насъ образцомъ по части орошенія земли, Якуты проявляютъ свое умѣніе принаравливаться къ обстоятельствамъ, тѣмъ, что здѣсь напротивъ того, выпускаютъ воду изъ озеръ (см. напр. Растительность Сибири, Прибавл. II, стр. VII; Прибавл. IV, стр. XXI, XXIII и т. д.).

Съ другой стороны Якуты-же, въ качествѣ пастуховъ, съумѣли распространить лошадь до береговъ Ледовитаго океана, и притомъ на самомъ крайнемъ сѣверо-востокѣ (стр. 535)[2]), тогда какъ въ болѣе теплой Западной Сибири правительство лишь при помощи жертвъ успѣло, не говорю водворить лошадь подъ полярнымъ кругомъ, а только выдвинуть на столько въ качествѣ добытаго издалека упряжнаго животнаго.

И съ рогатымъ скотомъ Якуты являются на крайнемъ полярномъ предѣлѣ скотоводства, а это имъ удалось только благодаря тому, что они мало по малу изъ пастуховъ сдѣлались скотоводами[3]). Сдѣлались же они скотоводами въ полномъ смыслѣ этого слова съ тѣхъ поръ, какъ со скотомъ своимъ пробрались въ такія безпріютныя мѣстности, гдѣ

---

[1]) Въ мое время Якуты сѣяли въ воздѣланныя земли по 10 пуд. ячменю на десятину, а въ слѣдующіе годы по 8 пудовъ. Одинъ изъ нихъ собралъ напр. въ 1842 году съ 21 пуда посѣва 300 пудовъ, а въ 1843 году съ 8 пудовъ посѣва 100 пудовъ ячменю, не смотря на множество саранчи (якут. as'yn͡gá). За два года до моего пріѣзда собрано было 20-е зерно, а три года раньше, слѣдовательно около 1839 года, не удалось даже собрать посѣва.

Въ Амгинской слободѣ въ мое время платили рабочему по 25 руб. въ годъ; 10 руб. за зиму.

[2]) О важномъ значеніи коневодства у Якутовъ нами говорено на стр. 769.

Въ Верхоянскомъ округѣ въ 1859 году лошадь стоила только отъ 20 — 40 руб. асс.; въ Якутскѣ въ 1844 году уже 35 — 40 руб.; въ Кангаласскомъ улусѣ, въ 1859 году, лошадь, которая шла на убой, дѣлилась на пять частей или «мѣстъ» и каждое мѣсто продавалось по 4 руб. сер. Въ Айтанскомъ наслегѣ лошадь стоила въ то время 15 руб. сер.

[3]) Для сравненія съ мѣрами, сообщенными на стр. 532 въ примѣчаніи, помѣщаю тутъ измѣренія тѣла якутской коровы на р. Билирѣ, въ Алданскихъ горахъ:

Высота у холки	53″
» » крестца	49″
Вся длина	75″
Отъ холки внизъ до груди, какъ разъ между передними ногами	33″.

имъ приходится заботиться о своевременномъ заготовленіи какъ зимняго жилья, такъ и запасовъ сѣна на зиму, да еще по 100 пудовъ и даже болѣе на каждую скотину [1]), при чемъ само собою разумѣется, какъ это дѣлается во всей Сибири, за косу принимаются только тогда, когда трава доходитъ человѣку по крайней мѣрѣ до половины бедра.

Такъ какъ возка сѣна зимою по временамъ причиняетъ имъ много хлопотъ, то они предпочитаютъ устройство, сверхъ главнаго жилья своего, еще нѣсколькихъ другихъ шалашей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ находятся самые лучшіе запасы сѣна. Они перебираются туда съ своимъ скотомъ и стараются извернуться, какъ могутъ.

Не смотря на такія затрудненія, скотоводство ихъ довольно значительно [2]) и, кромѣ мяса, молоко и масло составляютъ весьма существенную часть ихъ пищи [3]) и сбыта.

Вслѣдствіе очевидныхъ выгодъ, доставляемыхъ скотоводствомъ, уже и въ мое время нѣкоторые Алданскіе Тунгусы начали слѣдовать хорошему примѣру и въ особенности на верховьяхъ Маи стали заниматься скотоводствомъ, такъ какъ хлѣбопашество въ Амгинскѣ доставляло имъ по сноснымъ цѣнамъ необходимое для того количество зерноваго хлѣба. Но они не успѣли еще пройти школу горькихъ опытовъ, которую прошли Якуты, прежде чѣмъ научились совладать съ препятствіями. Мнѣ самому привелось встрѣтить Тунгуса, которому удалось развести 30 штукъ рогатаго скота, пока весною, когда я проѣзжалъ, напоръ льда, запрудившаго Алданъ, внезапно не унесъ всего. Въ нѣсколько часовъ погибли плоды многихъ лѣтъ; разбогатѣвшій прогрессистъ вдругъ сдѣлался бѣднякомъ и нищимъ. Проложить путь прогрессу, благоденствовать піонеромъ, вовсе не такъ легко, какъ иному, можетъ быть, кажется.

Присоединимъ къ нашимъ замѣткамъ о скотоводствѣ Якутовъ, нѣсколько сообра-

---

[1]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ бывшимъ Якутскимъ губернаторомъ, другомъ моимъ, тайнымъ совѣтникомъ докторомъ фонъ Штубендорфомъ, въ 1859 году косили сѣна въ наслегѣ Сасыль до 57 пудовъ, въ наслегѣ Игидей до 81 пуда, въ наслегѣ Баягантай до 105 пудовъ на каждую скотину. Кромѣ того они заготовляли запасы сѣна для жеребятъ, равно какъ и для лошадей, которыхъ рано въ году приходилось подготовлять къ дальнимъ транспортнымъ походамъ.

[2]) Въ наслегѣ Игидей считали на семейство по 42, въ наслегѣ Омекóно-Богорóнъ по 59, въ наслегѣ Сасыль по 19 штукъ рогатаго скота.

Быкъ цѣнился въ Верхоянскомъ округѣ въ 15 — 20, корова въ 15—16 руб. асс.; въ наслегѣ Айтанъ штука цѣнилась въ 10 руб. сер., пудъ мяса въ 60 — 90 коп.

[3]) При такихъ затруднительныхъ условіяхъ якутская корова свѣжедойная даетъ 3 и не болѣе 6 литеръ въ день. Доятся коровы только съ мая до октября и не далѣе ноября и весь удой можно разсчитать лучше всего потому, что бѣднѣйшіе Якуты Мегинскаго улуса принимаютъ дойныхъ коровъ отъ богатыхъ съ тѣмъ условіемъ, что они обязываются во время попаса до 1-го октября внести хозяину 30 фунтовъ масла и полбочки (Chas'as'), т. е. 8 — 10 пудовъ простокваши (Tar). Самихъ себя они содержатъ на счетъ остающагося излишка, кормятся имъ и сверхъ того заготовляютъ запасы на зиму.

Пудъ топленаго масла стоилъ у Якутовъ (Кангаласскаго и Мегинскаго улусовъ) отъ 3 — 4 руб.; пудъ такъ называемаго якутскаго масла, содержащаго много сырныхъ частей (Chasäch) $1\frac{1}{3}$ руб.; полубочка простокваши $1\frac{1}{2}$ — 2 руб.; литра молока (Besmén, т. е. $2\frac{1}{2}$ фунта) $1\frac{1}{2}$ коп.

Отъ кобылъ Якуты постояннымъ доеніемъ добываютъ, смотря по обстоятельствамъ, столько-же молока, сколько отъ коровъ. Якуты увѣряли меня даже, что можно довести дѣло до ведра въ день. Но это достигается только частымъ доеніемъ. Обыкновенно доятъ отъ 5 до 6 разъ въ день. Если здоровыя кобылы стоятъ на жирномъ, спокойномъ, огороженномъ травяномъ мѣстѣ, то ихъ доятъ до 8 разъ въ день, и только вечеромъ допускаютъ жеребенка къ сосцамъ.

женій о ихъ способѣ пропитанія, и воздадимъ при этомъ случаѣ должное уваженіе тому неожиданному обстоятельству, что тотъ самый Якутъ, который не гнушается ни попортившагося мяса, ни самаго затхлаго творогу, ни невыносимо прогорьклаго якутскаго масла, умѣетъ отличать самыя мелкіе оттѣнки разныхъ сортовъ чая. Во время нашихъ переходовъ Якутъ, гостившій у насъ, замѣтилъ: «этотъ чай хуже вчерашняго». Топографъ мой и я, мы ничего не замѣтили, но этотъ парень былъ правъ; оказалось, что вмѣсто пачки въ 7 руб. за фунтъ начата была новая пачка по $6^1/_2$ руб. При всемъ томъ они приготовляютъ приправу изъ Epilobium'а, но употребляютъ ее только въ крайнемъ случаѣ [1]).

Количество годовыхъ припасовъ богатаго якутскаго семейства заключается, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, въ слѣдующемъ:

Фамильнаго чаю......	20 до 30 фунтовъ
Бѣлаго сахару........	40 » 80 »
Водки...............	5 (и болѣе) ведеръ
Конины............	30 пудовъ и болѣе
Коровьяго мяса.......	20 до 30 пудовъ
Масла { топленаго.....	10 » 15 »
Масла { якутскаго.....	5 » 7 »
Творогу-простокваши...	25 пудовъ.

Сверхъ того еще уловъ рыбы, охотничья добыча и т. д; рѣдко мука [2]).

Въ бѣдныхъ же якутскихъ семействахъ мы уже находимъ меньшую степень раздолья, какая не замѣчалась у коренныхъ жителей, разсмотрѣнныхъ нами прежде. Улучшеніе культурнаго быта, заставляющее заводить съ трудомъ запасы на зиму, приводитъ Якута изъ прежняго состоянія первобытныхъ коммунистическихъ порядковъ къ той роковой разницѣ въ удобствахъ образа жизни, которая постоянно встрѣчается на западѣ. Разсматривая образъ жизни бѣдныхъ якутскихъ семействъ, я вспомнилъ, что имъ, равно какъ Тунгусамъ и Самоѣдамъ, могли бы очень пригодиться папиніанскіе горшки, для лучшаго употребленія суррогатовъ муки, и остатковъ отъ закалываемыхъ

---

[1]) Вслѣдствіе употребленія чая у Якутовъ вошли въ честь разные настои.

При непродолжительности моего пребыванія у нихъ мнѣ удалось замѣтить только, что настой на папоротникѣ (kawāl) давали сѣв. оленямъ, когда они смотрѣли уныло и казались больными. Онъ же хорошо помогаетъ, говорятъ, человѣку противъ хроническаго кашля. — Lycopodium же употреблялся только для вытиранія посуды.

Настой на травѣ, которая по тунгусски называется Tschukuktā, употребляется при ранахъ, опухоляхъ и ушибахъ. Настой медвѣжьей печени, заваренной на кипяткѣ, принимается противъ боли въ печени, равно какъ и медвѣжья желчь, а еще гораздо охотнѣе, желчь отъ дикой овцы.

[2]) Въ Кангаласскомъ улусѣ продавали пудъ ячменю по 40 коп., пудъ пшеницы по 1 руб. Смолотымъ это зерно продавалось 20-ю копѣйками дороже съ пуда, такъ какъ употребляются только ручныя мельницы.

Пудъ нельмы или таймени стоилъ отъ $1^1/_2$ до $1^3/_4$ рубля.

животныхъ, хотя при этомъ и такъ пропадаетъ очень мало. Но даже въ Европѣ эта полезная посуда еще не успѣла распространиться.

Соотвѣтственно тому, что сказано выше, добавочная ѣда богатаго Якута становится главною пищею бѣдняка и такъ какъ даже богачъ рѣдко употребляетъ муку, то бѣдняку приходится довольствоваться суррогатами, которые ему представляютъ главнымъ образомъ сосновая кора, и сверхъ того разные дико-растущіе корни.

Сосновая кора употребляется двоякимъ образомъ: отчасти толченою на крупоподобныя крохи[1] — Jörä —, отчасти въ видѣ муки[2] — Adýl —. Въ годъ бѣдное якутское семейство употребляетъ до 10 пудовъ крупъ перваго рода и до 6 пудовъ муки изъ сосновой коры; сверхъ того еще необходимо нужны двѣ полубочки творогу-простокваши.

Пища изъ сосновой коры, которая совсѣмъ не дурна на вкусъ, приготовляется слѣдующимъ образомъ. Въ глиняный сосудъ, вмѣщающій въ себѣ около ведра воды, кладутъ $1\frac{1}{2}$ фунта Jörä, $\frac{1}{2}$ фунта Adýl, 3 фунта творогу, если возможно наливаютъ еще $\frac{1}{2}$ фунта прѣснаго молока, а для сгущенія и лучшаго вкуса прибавляютъ 3 щепотки муки Undshulá[3]), все это хорошенько перемѣшиваютъ и варятъ съ водой. Счастливъ тотъ, кто можетъ подбавить муки, отъ которой кушанье становится вкуснымъ Butugas'омъ. Изъ коры лиственицы или, правильнѣе, изъ заболони этого дерева, также приготовляется мука, хотя и рѣже.

Корки эти толкутся въ ступкахъ разнаго рода (стр. 779) и, замѣшивая ихъ, главнымъ образомъ нужно прилежно разбалтывать похлебку. По этому у Якутовъ встрѣчаются мутовки всѣхъ возможныхъ формъ; если онѣ сдѣланы изъ дощечки, то всегда просверливаются дырочки самымъ практичнымъ образомъ.

Вожатый нашего каравана и его помощники питались главнымъ образомъ мучною похлебкою. Неполную горсть сала на человѣка распускали въ небольшомъ количествѣ воды, къ которому потомъ подмѣшивали добрую горсть муки, прибавляли опять воды и снова варили. Если къ этому удавалось добавлять вяленое на морозѣ мясо, то оно придавало кашицѣ вкусъ, крѣпость и цвѣтъ.

Овощами и пряностями служили: кислица (kislá), дикій лукъ и луковицы, которыя назывались хрѣномъ. Русскія названія ихъ очевидно доказываютъ, что Якуты стали употреблять эти овощи лишь недавно.

Въ кашу эту подбавляли также ягоды разнаго рода.

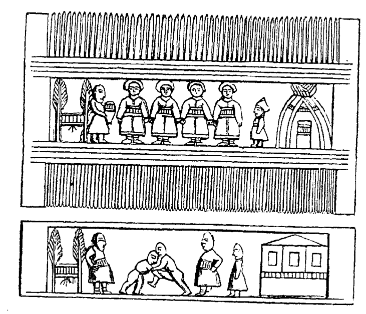
---

[1]) Толкутъ ее въ большихъ ступкахъ, изображенныхъ на стр. 779. Эту крупу называютъ также, говорятъ, Kyrbannik.

[2]) Для помола употребляются ручныя мельницы, на которыхъ въ день можно смолоть отъ 25 до 40 фунтовъ ячменя.

[3]) Это растеніе называется также Kjöl as'á (озерная пища) и, судя по описанію, можетъ быть корневищемъ Nymphaea. Кромѣ этихъ корней Якуты называли мнѣ еще другіе питательно-съѣдомые корни, какъ-то: 1) Ymyjách, 2) Bytá, 3) Makaarschin (вѣроятно извѣстная макарша), которые они ѣдятъ и сырыми и вареными, но Makaarschin почти только какъ лекарство, противъ поноса; 4) Chorún (вѣроятно сарана); они любятъ варить его въ молокѣ, которое становится оттого мучнистымъ. Его выкапываютъ изъ мышиныхъ норъ. 5) Тунгусы разсказывали мнѣ еще о корнѣ Schekniktá, котораго Якуты не знали подъ этимъ названіемъ. Но есть ли это какой-нибудь видъ oxytropis?

Но апогеемъ всѣхъ наслажденій языка и утробы является божественная пища саламатъ. Приготовляется она очень просто: въ котлѣ распускаютъ масло, по немногу подбавляютъ муки, постоянно мѣшая ее, все это порядкомъ жарятъ, и наконецъ, не переставая мѣшать, до тѣхъ поръ подливаютъ кипятку, пока вся каша не получитъ двойнаго объема. Тогда чудесная пища эта готова. Но иногда мнѣ казалось, что людямъ этимъ чистое топленое масло нравилось все-таки еще больше; притомъ извѣстно [1]), что Якутъ не прочь за одинъ присѣстъ съѣсть съ пудъ топленаго масла. Саламату конечно врядъ ли столько можно съѣсть. Видѣлъ я также Якутовъ, которые вдоволь наѣвшись саламату, клали остатокъ въ горячій чай, такъ что масло выдѣлялось, плавало сверху и за тѣмъ могло быть спущено съ усладительнымъ чаемъ, осаждая на днѣ муку, уже не умѣщавшуюся въ утробѣ.

Мамонтовый гребень съ изображеніемъ празднествъ.

Обѣдъ, которымъ меня угостилъ богатый якутскій торговецъ, состоялъ изъ: 1) горшка густыхъ и желтыхъ вареныхъ сливокъ; 2) замороженныхъ сливокъ; 3) кусочковъ замороженнаго масла, составлявшихъ особое блюдо; 4) вареной рыбы; 5) масла, распущеннаго въ кипяткѣ; 6) глухаря и оленьяго языка; 7) коровьей почки и вымени, жареныхъ въ маслѣ; 8) саламата.

Такая роскошь, усиленная серебряными ложками и фарфоровою посудою, рѣзко контрастируетъ съ грязнымъ приготовленіемъ кушанья и съ окончательнымъ облизываніемъ (на манеръ усердныхъ собакъ) посуды, а въ особенности котла, въ которомъ потомъ исчезаетъ вся голова.

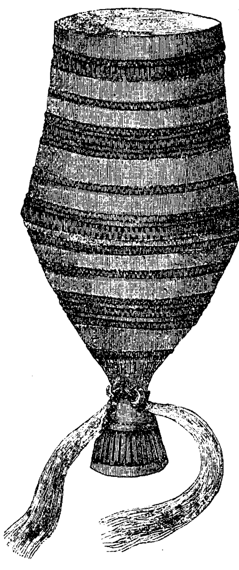
У другаго богатаго Якута дѣло происходило болѣе въ стилѣ первобытномъ: за рыбой слѣдовали оленьи языки, за тѣмъ оленья губа, потомъ конина и наконецъ саламатъ.

О передаваемомъ Гмелинымъ обычаѣ якутскихъ отцовъ съѣдать, какъ лакомство, послѣдъ собственнаго новорожденнаго ребенка, уже не знали болѣе. Все-же Европейцу не могъ не быть противенъ способъ, какъ они убивали убойный скотъ: не смотря на строжайшее запрещеніе, объявленное именнымъ Высочайшимъ указомъ, и въ мое время животному заживо распарывали животъ, запускали въ него руку, хватали аорту и сжимая, да переворачивая ее, убивали животное. Говорили впрочемъ, что животныхъ иногда закалывали заостренной палкой, а иногда задушали посредствомъ притягиванія къ дереву, смотря по мѣстнымъ обычаямъ.

---

[1]) Уже Эрманъ, Гейне (Expedition, III, 1857, стр. 53) и другіе говорятъ объ этомъ.

Такъ какъ лѣтнее время я провелъ опять среди Тунгусовъ, то мнѣ не удалось принять участіе въ извѣстныхъ якутскихъ празднествахъ и пирушкахъ, изображенныхъ на предыдущей страницѣ на барельефахъ художественнаго произведенія, сдѣланнаго Якутомъ изъ мамонтовой кости. Кромѣ любимыхъ въ Средней Азіи единоборствъ и скачекъ, эти празднества, поясненныя ниже сообщенными хоровыми пѣснями, главнымъ образомъ сводятся на непомѣрное употребленіе кобыльяго молока. Кумысъ, который подносится въ изображенный сценѣ, распивается изъ огромныхъ, въ нѣсколько литръ, кружекъ, красиво вырѣзанныхъ изъ лиственичнаго дерева. Такую кружку, подобно древнимъ рогамъ для питья, приходится осушать до дна, потому что ножка ея, которую скорѣе можно назвать ручкой, не служитъ кружкѣ твердой подставкой. Ручка обвязана имѣющими особое значеніе волосами изъ лошадиной гривы, связанными въ пучокъ, и свидѣтельствующими о томъ, что кружка освящена, потому что Якутъ повсюду считаетъ себя окруженнымъ духами.

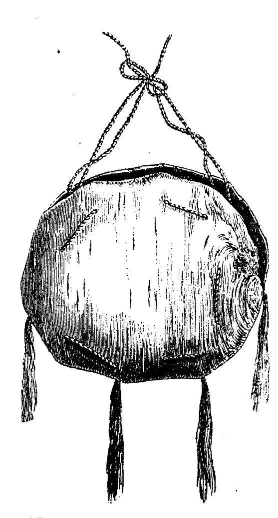
Кружки на пирахъ.

Особенно это бываетъ тогда, когда Якутъ перебирается чрезъ гребень водораздѣльнаго хребта. Заблаговременно подумавъ объ этомъ событіи, Якутъ, кочующій съ сѣв. оленями, уже изъ дому запасся пучкомъ лошадиныхъ волосъ, которые отчасти сами по себѣ, будучи привязаны къ сучьямъ ближайшихъ къ перевалу деревьевъ, посвящаются духамъ и бѣсамъ, отчасти служатъ къ подвязыванію всевозможныхъ приношеній. Начиная съ дорогаго пушнаго товара до сдѣланнаго изъ бересты поплавка для невода, всѣ такія приношенія богамъ угодны, но безъ лошадинаго волоса, либо скрученнаго, либо привѣшаннаго, какъ на изображенной тутъ кружкѣ, такъ и на поплавкѣ на слѣдующей страницѣ, дѣло уже никакъ не можетъ обойтись [1]). Если подъ рукою нѣтъ ничего болѣе подходящаго, то прибѣгаютъ даже, какъ мнѣ случилось видѣть, къ изображенной на страницѣ 790-ой кисти, служащей какъ для сметанія пыли, такъ и для чистки лошадей, да къ защитѣ отъ укушенія насѣкомыхъ. Всякаго рода конскій волосъ сперва проводятъ по воздуху надъ огнемъ въ шалашѣ, бормоча при этомъ: «Нечистота, выходи въ трубу» и этимъ очищаютъ, освящаютъ его.

[1]) Сарычеву (Путеш. I, стр. 27), равно какъ Хвостову и Давыдову (I, стр. 59) привелось видѣть тоже самое.

Безъ длинныхъ рѣчей впрочемъ также нельзя обойтись Якуту, когда онъ желаетъ, чтобы горные духи благоволили къ нему. Такъ какъ въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія не помѣщены ни текстъ такихъ рѣчей, которыя мнѣ довелось слышать, ни хоровая пѣсня при кумысовомъ праздникѣ, ни записанная мною сказка, то я хочу сообщить ихъ тутъ въ подробности.

Рѣчь, произнесенную помощникомъ моего вожатаго, чистѣйшимъ Якутомъ, при переходѣ чрезъ водораздѣлъ, приведшемъ насъ черезъ крутой хребетъ, примѣрно въ 5000′ вышины, отъ рѣчной области южнаго прибрежья Охотскаго моря въ область рѣки Амура, рѣчь эту я сперва долженъ передать тѣми же самыми словами, которыми я сообщилъ свѣжее впечатлѣніе свое въ письменномъ моемъ путевомъ донесеніи. Я замѣчу тутъ только, что поднимаясь по рѣчкѣ Керби́ къ верховьямъ ея, мы въ то время собирались перейти на пути, проложенные Буреей.

Конскіе волосы на поплавкѣ въ видѣ приношенія.

Вотъ что сказано было въ моемъ донесеніи[1]): Представьте себѣ надъ нами голыя вершины отвѣснаго Буреинскаго хребта; ближайшею обстановкою ихъ дикія ущелья, покрытыя частью хаотически разбросанными глыбами скалъ, частью огромными первобытными лѣсами; на первомъ планѣ нашихъ пасущихся сѣв. оленей, жертвенное дерево, щедро разукрашенное привезенными издали волосами лошадиныхъ гривъ, и за тѣмъ, оратора, закутаннаго въ мѣха и обращеннаго къ долинѣ, Якута, произносящаго эту посвятительную рѣчь предъ пылающимъ огнемъ, и предъ нимъ другаго Якута, который, среди стоящей въ кругу дорожной компаніи, приподнимаетъ къ небу горячій саламатъ, это божественное лакомство Якутовъ; представьте себѣ брызжущее и трещащее въ огнѣ, какъ бы отвѣтъ призываемаго духа, обѣтное масло саламата, наконецъ вообразите себѣ, какъ потомъ, по окончаніи рѣчи, ложку, которою масло вливалось въ огонь, приподнимаютъ при постоянныхъ восклицаніяхъ и за тѣмъ бросаютъ вверхъ: она падаетъ, и въ видѣ счастливаго предзнаменованія обращается къ небу вогнутою стороною, а за этимъ раздается громкое «уруй» (ура), и писклывый, воеподобный, усердно поддержанный хоромъ, радостный крикъ оратора, который ставитъ ложку отвѣсно позади затылка.

---

[1]) Какъ въ Академическомъ Бюллетенѣ, такъ и въ заимствованной изъ него статьѣ въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, IX, 2, 1855, стр. 634.

Вдругъ вслѣдъ за тѣмъ настаетъ противоположная, напоминающая животныхъ, сцена глотанія саламата, оканчивающаяся собакоподобнымъ обгрызаніемъ и облизываніемъ ложекъ, тарелокъ, котловъ, доходящимъ до соскребанія послѣднихъ слѣдовъ полуды при помощи особыхъ устроенныхъ именно для этого костяныхъ лопаточекъ — предьставьте себѣ сказанное и вы можете себѣ составить приблизительное понятіе о томъ, какое сильное впечатлѣніе должна была произвести на меня эта рѣчь, которая вѣроятно займетъ почетное мѣсто между извѣстными рѣчами вождей воинственныхъ племенъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ.

Рѣчь эта гласила слѣдующее:

Бабушка Керби́, престарая ты, и ты, бабушка Бурея, равная ей по лѣтамъ! Надѣлите благомъ насъ, странствующихъ въ вашихъ затаенныхъ ущельяхъ, охраните насъ, пошлите намъ счастья и дайте намъ ваше благословеніе. Вѣдь мы идемъ во имя великаго духа. Вы, которыя, питаясь, явились съ высотъ, ваши имена ведутъ насъ; девять разъ счастливъ да будетъ нашъ походъ;

А ты, при дорогахъ живущая, ты подобная повсюду быстро появляющемуся или исчезающему снѣгу, непостижимо быстрая волшебная дѣва Сырынай, ты скороходъ Курхачи, ты Сулкунъ-Экинъ, ты быстрогонъ горный духъ Ханда́ и вы духи, обитающіе справа въ девяти, и опять слѣва въ восьми горахъ, здравствуйте!

Я угощаю всѣхъ васъ вмѣстѣ [1]) — оставайтесь — наслаждайтесь — кушайте — не разбирайте разборчивымъ языкомъ — довольствуйтесь этимъ — празднуйте небесною ѣдою саламата недавно выпавшую новину [2]).

Якут. Daibé.

Даруйте благодать тойонамъ [3]), чтобы они счастливо и радостно достигли цѣли. Вѣдь это воля царя!

Умоляя васъ, восклицаю: ведите насъ благополучно, чтобы мы были равны лучшимъ, чтобы мы превзошли посредственныхъ.

Ты же, властвующій здѣсь духъ-охранитель Байтъ, старина горы, Баяняй, ты пребогатый Бариллахъ: еще при утреннихъ сумеркахъ укажи намъ темный пушный товаръ, съ ранней зарей ярко блестящій мѣхъ, дорогіе мѣха! наполни туго нашъ широчайшій мѣшокъ, нанижи соболя къ соболю на нашъ самый длинный ремень.

Дай намъ встрѣтить крупную дичь.

Вѣдь ты подарилъ сивку тому, у котораго не было ничего кромѣ деревянной избушки; гнѣдаго ты подарилъ тому, которому принадлежала только мазанка. Такъ взгляни и теперь, улыбнись сюда весело.

---

1) При этомъ льютъ въ огонь три ложки масла саламатнаго изъ котла, который все это время торжественно приподнимаютъ вверхъ.

2) За нѣсколько дней передъ тѣмъ выпалъ первый снѣгъ.

3) Старшины, чиновники. Подъ этимъ названіемъ разумѣли меня и моего топографа.

Ты же[1]), престарѣлый духъ Чандай, не порази суставовъ хромотой, не нападп на нашихъ шестнадцатиконцовыхъ, не моргай, не гляди сюда пристально сверкающимъ глазомъ — да умолкнетъ языкъ твой.

Счастье и благополучіе на дорогу!

Такую форму, въ какой я передалъ доселѣ посвятительную рѣчь помощника нашего вожатаго, она приняла въ путевомъ моемъ дневникѣ. Толмачемъ мнѣ служилъ самъ вожатый, также, какъ и тотъ, природный Якутъ, но съ малыхъ лѣтъ сиротой выросшій у священника въ Удскомъ острогѣ. При всемъ томъ онъ говорилъ по якутски несравненно лучше чѣмъ по русски. Такимъ образомъ было не столько трудно добиться смысла рѣчи, сколько слово за словомъ слѣдить за сказаннымъ и уяснить себѣ способъ выраженія.

По-этому становится понятнымъ, что мой почтенный другъ Бётлингъ, добывъ болѣе полный матеріалъ, не включилъ въ свой трудъ [2]) ни одной рѣчи, ни одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя мною записаны. Не сдѣлалъ онъ этого «потому что часто связь была прервана, а иногда даже нельзя было добиться значенія словъ». Бётлингъ самъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: «Это никого не должно удивлять, если принять въ соображеніе чрезвычайную трудность съ одной стороны записать быстро проговоренную рѣчь, а съ другой медленно повторить такую рѣчь тѣми-же словами, не путаясь самъ при этомъ и не теряя терпѣнія при этомъ занятіи. Рѣдкія, и, пожалуй, совершенно вышедшія изъ употребленія слова, которыя вѣроятно не всегда и воспроизведены совершенно правильно, также, можетъ быть, затруднили мнѣ пониманіе смысла».

Никто, надѣюсь я, не приметъ этого, весьма справедливаго, замѣчанія Бётлинга за желаніе выгородить меня, если вспомнитъ, что на мои лингвистическія занятія, къ которымъ я нисколько не былъ подготовленъ, мнѣ можно было удѣлять только небольшія частички времени и случая, отрываемыя отъ главныхъ моихъ работъ. Почтенному читателю стоитъ только задаться задачей, при совершенномъ незнаніи англійскаго языка, записать за глотающимъ слова, необразованнымъ сыномъ Альбіона, то, что послѣдній успѣлъ сказать, особенно когда это дѣлалось въ возбужденномъ состояніи, или лилось изъ устъ такъ, какъ школьники обыкновенно говорятъ отъ слова до слова вытверженные уроки. Такъ, не переводя духу, Якутъ мой говорилъ свои рѣчи. Уже въ пылу обыденнаго разговора, нѣкоторыя слова расплывались въ неясныя сокращенія, какъ напр. часто вставляемое dōr (вм. djugōr, пріятель) — пожилымъ людямъ говорится ogonnjór — или выраженіе būrduk (вмѣсто bu kurdúk, въ этомъ направленіи), которое въ этомъ случаѣ совершенно совпадаетъ съ якутскимъ названіемъ муки. Не рѣдко, казалось мнѣ, слова не могли довольно быстро слѣдовать за полетомъ мысли, такъ что ораторъ позволялъ себѣ вольности, которыя затрудняли якутскимъ слушателямъ пониманіе сказаннаго.

---

1) За тѣмъ слѣдуетъ злой принципъ.

2) Въ 1-мъ отдѣлѣ 3-го тома нѣмецк. изд. этого сочиненія, стр. XLVII.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что фразы, записанныя мною для узнанія грамматическихъ правилъ, Бётлингъ нашелъ вполнѣ пригодными [1]) и что изъ грамматическаго моего наброска онъ заимствовалъ нѣсколько существенныхъ указаній, то есть нѣкоторая вѣроятность, что и остальные мои тексты могутъ содержать годный матеріалъ, хотя искаженный тѣмъ, что нѣкоторыя слова слились, а другія не разслышаны, какъ слѣдуетъ.

Особенную важность я придаю этнологическому значенію записаннаго мною текста и возвращаюсь къ нему тѣмъ болѣе, что очень часто, когда я начиналъ догадываться, что въ рѣчахъ, говорившихся по разнымъ случаямъ, то или другое выраженіе слишкомъ уклоняется отъ обыденной рѣчи, и за тѣмъ обращался съ распросами къ моимъ наставникамъ, послѣдніе мнѣ отвѣчали: «вѣдь это такъ слѣдуетъ; это именно такъ-то и прекрасно; это изстари такъ нужно». Притомъ такія рѣчи вовсе не были вполнѣ понятны остальнымъ Якутамъ, и оратору потомъ часто предлагали разные вопросы, въ которыхъ пытливое слово «du»? играло главную роль.

Точно также я не могъ не замѣтить, что на разспросы мои о свойствахъ различныхъ духовъ и бѣсовъ, которые упоминались въ разговорѣ и названія которыхъ сопровождались каждое совершенно особыми прилагательными, люди мои не были въ состояніи сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія, а при настойчивости съ моей стороны, объясняли, что такъ это было нѣкогда. Такимъ образомъ — въ этомъ я убѣждался постоянно — въ обычаяхъ и въ языкѣ Якутовъ было много стариннаго, преемственнаго, чего народъ уже въ точности не понималъ. Болѣе развитое нѣкогда ученіе о божествахъ пришло въ забвеніе и передо мною являлись только обломки развалинъ давно забытаго ученія.

Это, конечно, все болѣе и болѣе уменьшало степень моего уваженія къ ораторскому таланту Якутовъ, такъ какъ многія составныя части ихъ замѣчательной способности къ импровизаціи очевидно сводились на хорошую память, на знаніе старинныхъ выраженій и формъ, на схематическія, бѣдныя смысломъ, аллитераціи, на поэтическія вольности, основанныя на непрочномъ образованіи и на большомъ богатсвѣ формъ. Дѣлаемыя слушателями поправки и вставки, которыя я замѣтилъ, не позволяли сомнѣваться въ томъ, что основу рѣчи составляли изстари употреблявшіяся выраженія, между тѣмъ одобрительная улыбка свидѣтельствовала объ импровизованныхъ добавленіяхъ. Но чѣмъ болѣе кумысовый праздникъ Якутовъ (см. стр. 799), единственно имъ свойственный, отличается отъ всѣхъ обычаевъ Тунгусовъ, Самоѣдовъ и Остяковъ, тѣмъ болѣе хоровое пѣніе ихъ напоминаетъ о подобныхъ обычаяхъ Киргизовъ, точно такъ какъ богатырскія сказки такого-же рода, какъ якутскія, поются у Киргизовъ и Татаръ южной Сибири, напр. у Минусинскихъ Татаръ [2]).

Такіе остатки прежнихъ понятій и порядковъ, остатки стариннаго быта, тѣмъ бо-

---

1) Немногія изъ нихъ онъ привелъ на стр. XXLVIII; остальныя помѣщены мною ниже вслѣдъ за сказками.
2) Вѣстникъ Импер. Русск. Геогр. Общ. 1855 г. Кн. VI, стр. 187.

лѣе, казалось мнѣ, имѣли значенія въ этнографическомъ отношеніи, что со временемъ ближайшее знакомство съ народами Средней Азіи все-таки можетъ намъ дать возможность вывести положительныя заключенія, которыя могутъ указать на первобытныя сношенія и мѣстопребыванія Якутовъ. Что они относятся къ чрезвычайно отдаленнымъ временамъ, это намъ показали изслѣдованія Бётлинга, несомнѣнно доказавшія, что между извѣстными до появленія его труда членами семейства тюрко-татарскихъ языковъ существуетъ значительно меньшая разница, чѣмъ между любымъ изъ этихъ членовъ и Якутскимъ языкомъ. Слѣдовательно Якуты первые отдѣлились отъ нераздѣленныхъ еще, по языку, тюрко-татарскихъ членовъ семейства, такъ что Бётлингъ счелъ бы удобнымъ семейство, распавшееся теперь на такое множество членовъ, обозначить названіемъ тюрко-якутскаго [1]).

Тѣмъ болѣе я считаю себя вправѣ напечатать остатокъ моихъ якутскихъ матеріаловъ, который Бётлингомъ не былъ изданъ. Я считаю себя даже обязаннымъ сдѣлать это, такъ какъ самъ Бётлингъ [2]) заявилъ, что я въ этомъ томѣ буду подробнѣе говорить о происхожденіи Якутовъ. Правда, что планъ этотъ, задуманный въ молодые годы, навсегда разстроило протекшее между тѣмъ время: съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у Якутовъ, прошло тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ я ограничиваюсь добросовѣстнымъ изданіемъ содержанія веденнаго мною тогда дневника, изъ котораго и Бётлингъ счелъ полезнымъ напечатать образчикъ аллитерацій въ хоровомъ пѣніи [3]).

Считаю нужнымъ заявить тутъ-же, что по части якутскаго языка я ничего не знаю, слѣдовательно знаю меньше Эрмана, но при этомъ все-таки выражаю надежду, что слѣдующія строки не поставятъ меня на одну доску съ Эрманомъ, который, по словамъ Бётлинга, зналъ по этой части больше, чѣмъ ничего.

И такъ мысль, побуждающая меня напечатать нижеслѣдующее, та, что всякій отрывочекъ древняго и недревняго времени, который, можетъ быть, отыщется въ такой рѣчи или въ такой пѣсни, можетъ идти въ параллель несмѣшанной первобытной формы якутскаго черепа, которую я старался выяснить [4]). Въ этомъ отношеніи, полагаю я, лингвистамъ всякій отрывокъ, какъ бы искаженъ онъ ни былъ, долженъ быть также дорогъ, какъ зоологамъ иное совершенно попорченное чучело, а палеонтологамъ какой-нибудь кусочекъ кости или раковины, какъ бы онъ ни былъ поврежденъ.

---

[1]) При всемъ томъ сродство всѣхъ этихъ членовъ между собою такъ велико, что и я, тридцать лѣтъ спустя, благодаря одному только посредству якутскаго языка, при чтеніи новѣйшихъ извѣстій о Туркестанѣ, могъ оріентироваться въ значенія названій мѣстностей и другихъ именъ.

Уже старикъ Витсенъ (II, стр. 542) замѣтилъ, что «Якуты говорятъ на очень ломанномъ татарскомъ языкѣ». Сарычевъ подтвердилъ это самымъ положительнымъ образомъ, сообщивъ (Путеш. I, стр. 21), что сопровождавшій его Татаринъ понималъ Якутовъ.

[2]) См. нѣмецк. изд. этого сочиненія, т. III, отд. 2, стр. XXXVI.

[3]) Тамъ-же, стр. 203. Изслѣдованіе акад. Шифнера, напечатанное въ декабрѣ 1874 года въ Бюллетенѣ Акад. Наукъ, стр. 210, показываетъ мнѣ, что мои тунгусскіе матеріалы, записанные несравненно поспѣшнѣе, оказались пригодными не только прежде (см. выше стр. 621, примѣч.), но и въ послѣднее время.

[4]) См. стр. 632 и 765.

*

Записываемыя слова я съ величайшею, сколько могъ, добросовѣстностью старался разслушивать у людей, которые ихъ произносили. Правда, что вслѣдствіе появленія образцоваго труда Бётлинга, нижеслѣдующіе отрывки изъ моего дневника, записанные до составленія моего грамматическаго эскиза, въ особенности же мои переводы, сдѣлались какими-то чудовищами; при всемъ томъ я намѣренъ ихъ напечатать безъ всякаго измѣненія, опасаясь по недоразумѣнію испортить то, что можетъ пригодиться; спеціалисту нетрудно будетъ исправить что̀ нужно.

Якутскія слова я передалъ въ моемъ дневникѣ посредствомъ смѣси русскихъ и латинскихъ буквъ, которую я не могъ удержать послѣ того, какъ Бётлингъ весьма своеобразно и основательно приспособилъ русскую азбуку для своей цѣли. По этому я передѣлалъ русскую часть буквъ моего дневника на латинскія, выразивъ *с* посредствомъ *s'*, *ж* посредствомъ *dsh*, *ы* посредствомъ *y* и т. д. Хотя я въ дневникѣ рядомъ съ русскими *ю* и *я* употреблялъ также *ü*, *jü*, *jä* и т. д., но я опасаюсь, что отъ неудачнаго примѣненія упомянутыхъ двухъ буквъ кое-гдѣ могло произойти неправильное толкованіе произношенія.

При всемъ томъ я не думаю, чтобы этимъ способомъ можно было объяснить большую часть, не говорю уже всѣ различія, которыя Бётлингъ пытается разрѣшить такимъ образомъ [1]); полагаю, что этимъ не всегда можно объяснить и тѣ случаи, когда я согласную, являющуюся въ соединеніи съ мягкими гласными, принималъ за смягченную и посредствомъ прибавленія *j* означалъ, что она смягчена.

Произносимый въ носъ звукъ *j*, принятый Бётлингомъ [2]) и обозначенный имъ буквою *ĵ*, не только означенъ мною то посредствомъ *nj*, то чрезъ одно *j*, но и несомнѣнно слышанъ мною такимъ различнымъ образомъ [3]).

Ученый другъ мой позволитъ мнѣ высказать предположеніе, что въ его превосходномъ трудѣ якутскій языкъ легче поддался подъ иго замѣчательно искусно открытой лингвистомъ законной правильности, чѣмъ это дѣлается въ первобытномъ лѣсу. Какъ строитель новаго зданія среди языка первобытной природы, онъ конечно не могъ не отнестись нѣсколько самодержавно къ правиламъ, которыя умъ его извлекъ изъ глубины необработаннаго языка. Охотно признавая въ якутскомъ языкѣ замѣчательное преобладаніе созвучія гласныхъ и отсутствіе діалектическихъ различій [4]), я все-таки считаю себя вправѣ обратить вниманіе на то, что гдѣ я въ разныхъ мѣстахъ одно и тоже слово записалъ различнымъ образомъ, я и слышалъ, должно быть, что его произносили различ-

---

[1]) См. нѣмецк. изд. т. III, 2, стр. XLVIII.

[2]) См. тамъ-же, стр. 100.

[3]) Можетъ быть Бётлингъ и правъ, что не признаетъ *e* рядомъ съ *ä*, но я удержалъ обѣ буквы, чтобы остаться вѣрнымъ дневнику моему.

[4]) См. тамъ-же, стр. LII. Вѣроятно впрочемъ это нельзя понимать такъ безусловно. Замѣчательна, правда, однородность, которую вообще сохранилъ якутскій языкъ, не смотря на чрезвычайно сильное разъединеніе членовъ этого народа, но при всемъ томъ мнѣ разсказывали о различіяхъ, встрѣчающихся, говорятъ, при ближайшемъ сравненіи улусовъ между собою.

нымъ образомъ [1]). Не говорю уже о столь свойственномъ первобытнымъ народамъ глухомъ колебаніи произношенія, мы слышимъ, какъ это колебаніе различно расходится по разнымъ направленіямъ. Поразительнѣе всего въ якутскомъ языкѣ расходится такимъ образомъ колебаніе относительно *s'*; вмѣсто него часто является звукъ *h*, который развился лишь недавно [2]) и навѣрное станетъ подвигаться далѣе, а въ теченіи прошедшихъ съ того времени 30 лѣтъ безъ сомнѣнія уже и подвинулся впередъ. Это измѣненіе *s'* въ *h* также не составляетъ исключенія, а оказывается, если не ошибаюсь, преобладающей формой у Кангаласскихъ Якутовъ. Кромѣ того *h* не ограничивается однимъ этимъ образованіемъ изъ *s'*. Слово yrāch (далеко) нерѣдко, казалось мнѣ, произносилось yrắh. Да и самое измѣненіе не останавливается на этомъ, а влечетъ за собою другія перемѣны; такъ напр. вмѣсто bys̓ach (также bys̓yja, ножъ) одинъ изъ моихъ Якутовъ постоянно говорилъ byhák. Во многихъ случаяхъ *ch* легко превращается въ *k*; въ словѣ yräh изъ *a* сдѣлалось *ä*.

Еще новѣе, чѣмъ *h*, долженъ быть звукъ *w*, который является между двумя гласными въ замѣнъ *b*, но и *m* да *g* [3]), и встрѣчался мнѣ только въ словахъ Dawukýt (названіе мѣстности); tērwēs̓, кольцо; dīwīnj, говорю я; díwút (вм. díller), они говорятъ; ata-w-yt, owonjór (стр. 796) и kowal, значеніе котораго я уже не въ состояніи разобрать въ дневникѣ.

Относительно Бётлингова *ya*, которое мною передано очень различно, я ничего не умѣю сказать и потому ссылаюсь только на примѣчаніе къ стр. 108 въ 1-мъ отдѣлѣ 3-го тома нѣмецкаго изданія этого сочиненія. Въ доказательство того, что не только это *ya*, но даже *ü* и *ö* могутъ звучать различно, я замѣчу, что окончаніе ügöt записано у меня въ дневникѣ то $\frac{\text{ü}}{\text{y}}$get, то $\frac{\text{u}}{\text{y}}$get.

Otú malas̡ynna, Освященіе привала.

Ebām	«Kerbī»	Emäachs̓ín,	Burojā	ebām,	Burojā	emäachs̓ín,	$\frac{\text{dsh}}{\text{j}}$ol	$\frac{\text{ü}}{\text{y}}rd\frac{\text{ü}}{\text{y}}$gőr!
Бабушка	Кербп	старуха [4])	Бурея	бабушка	Бурея	старуха	благо	сверху

köragas̓	köbutan	kinis̓ér	chorgotón [5])	tura͡ngyn	$\frac{\text{dsh}}{\text{j}}$ol	tabā	tūttar	s̓org	$\frac{\text{ü}}{\text{y}}rd\frac{\text{ü}}{\text{y}}$gőr
тѣсно	спрятаны [6])	мы идемъ	охрани	стоя	благо	сѣв. олень	держи	благо	сверху

---

[1]) За примѣрами дѣло не станетъ, такъ какъ ихъ наберется чрезвычайно много при ближайшемъ сравненіи сообщенныхъ ниже текстовъ. Здѣсь я укажу только на слѣдующія:

s'uōch, произносилось это слово и такимъ образомъ, но отчетливѣе всего въ формѣ s'uo$\frac{\text{h}}{\text{g}}$a, обыкновенно же только s'uōch. Такъ у меня является górok; вмѣсто этого Бётлингъ читаетъ guorad. Вмѣсто ís'eller говорилось также eheller (они слѣдуютъ) и т. п.

[2]) См. нѣмецк. изд. т. III, 2, стр. 97, 159.

[3]) См. тамъ-же, стр. 158.

[4]) Въ обыкновенномъ разговорѣ часто слышишь только: Mäachs'in, хотя собственно слѣдуетъ Emäachsinym. моя жена. Mäachs'inā, эта старуха, вѣжливо, при обращеніи къ ней.

[5]) Chorǵojdo mas'kā, спрятался подъ деревомъ (напр. отъ дождя); berd или berdkā chorgoluṅg, спрячь меня хорошенько.

[6]) Köbút, отложи, сбереги; köbutannerábin, я берегу, укладываю.

ütüönén ailán āś $\frac{ü}{y}$rd$\frac{ü}{y}$gör iśägý to$\frac{h}{g}$ūs tutachtäch śuolgan-itschitā utschugojd$\frac{ü}{y}$k
хорошо съ Богомъ пищу сверху пьете девять отправленія дорожно-горный духъ добродушно

elmísj śorg $\frac{ü}{y}$rd$\frac{ü}{y}$gör baharān iśigī ākytynán $\frac{ü}{y}$rd$\frac{ü}{y}$gör $\frac{dsh}{j}$ol butún $\frac{ü}{y}$rdöd śorg ubúng
веди благо сверху [1]) желаю вашимъ именемъ сверху благо возвысь благо

$\frac{ü}{y}$rdöd baśtynyn[2]) $\frac{b}{p}$ara-t-ungōr ortó Baít $\frac{ö}{y}$tschitä Bajanjāj ogonnjór küöch
возвысь лучшимъ пару [3]) по ту сторону полдень Баитъ-[4]) родъ Баяняй- старикъ голубая

śārśirdā, küöch klannachtā[5]), karā śarśirdā[6]) karā klannāch[7]) ardaj'
утренняя заря прекрасный [8]) мѣхъ темная утренняя заря темный мѣхъ сѣроватый

aśyllachtā yján, kulū djorgonō[9])-śotollochto tośujón kulū máś balagannāch
пушный звѣрь укажи дай высоконогій крупный звѣрь встрѣчный дай деревянный балаганъ имѣющій

ata-w-ȳt mangan, ata$\frac{w}{m}$ytán anták körōn külümkyn bettächkór mitschīkkyn
коня найденнаго [10]) сиваго коня на бокъ взгляни, улыбнись въ эту сторону, улыбается,

ungórdeki to$\frac{h}{g}$ús $\frac{ch}{k}$ajá itschitā; changáśdeki to$\frac{bū}{gy}$s $\frac{ch}{k}$ajá itschitā ürä
на право девять скалистыхъ горъ духи, на лѣво девять скалистыхъ горъ духи, радуйся

chalyng kün dül$\frac{ō}{y}$tym iśjäechā aśśatym āch $\frac{tsch}{z}$jōch śannamáng śalamatynnān
здравствуй дѣлаю угощать васъ кормлю [11])довольно [12]) не думайте ничего [13]) саламатъ

a$\frac{s}{h}$atȳm bū sónnor $\frac{ch}{k}$aar $\frac{ü}{y}$rd$\frac{ü}{y}$gör utschugojdýk állä ś$\frac{e}{y}$ryt Tschādaj o$\frac{w}{g}$onnjór śüsiochta$\frac{hä}{gä}$
пищу, этотъ новый снѣгъ сверху, счастливо возьми ступай злой духъ [14]) старикъ, суставы

---

[1]) S'org или dshol ürdügör bar, ступай съ счастьемъ, напутствіе уходящему охотнику.

[2]) Bas'týn tegnä', догони передняго. Tegnäs'lüm, я догоняю. Tegnäs'j, догони. Tegnér bajdarö, одинаково богатъ.

[3]) $\frac{B}{P}$ara, пара, съ русскаго. Вѣроятно должно не такъ понимать.

[4]) Bait, почти тоже самое, что Bajanjaj. Духъ богатства.

[5]) Должно бы было произнести kylannachtā, но *y* проглатывалось.

[6]) Утренніе сумерки.

[7]) Подъ этимъ названіемъ разумѣется какъ медвѣжья шкура, такъ и вообще темный, слѣдовательно самый дорогой мѣхъ.

[8]) Въ первомъ значеніи: голубой и зеленый; во второмъ какъ въ текстѣ.

[9]) Djorgoni, на высокихъ ногахъ. Сюда принадлежатъ сѣв. олень, лось, кабарга. Медвѣдя считаютъ уже животнымъ на короткихъ ногахъ.

[10]) Найти потеряннаго коня считается особеннымъ знакомъ счастія.

[11]) As'atym, я кормилъ; as'ā, ѣшь; s'ibīn, я ѣмъ.

[12]) Обращено къ бѣсамъ, чтобы они не требовали еще болѣе.

[13]) Т. е. дурнаго. Не раздумывайте.

[14]) Кромѣ Чадая, Якуты разсказывали мнѣ еще о бѣсахъ Ūtschikta и S'uhētka. Но оба не были, кажется, первобытно якутскими бѣсами, а перешли къ нимъ отъ Русскихъ; первый вѣроятно водяной бѣсъ, второй очевидно домовой, сосѣдка Русскихъ. Тщетно я разспрашивалъ про нечистую силу; мученій отъ давленій домоваго (Alp) эти счастливые дѣти природы казалось, не знали.

büdüri tümā atar dsh/j āch muostāchpyn ararm ā/y kylymannag ö/y tsch/z ip tsch/z ilytymā
спотыкаться кончи, вилообразно рога несущихъ не отгоняй, не моргай, не заколдуй [1])

uottāch charāch ut o/a ry körümä tyllahō ätätimā etāng ä/a ellä syryt.
съ пылающими глазами, пристально [2]) не гляди, языкомъ [3]) молчи; благополучно возьми ступай [4]).

Вторая посвятительная рѣчь того-же Якута.

To h/g us tutachtāch suolgā-n-itschitā [5]) syrý chār syrynäj [6]) tyrg ö/y nj,
Девять отправленіе дорожно-горный духъ, пространный снѣгъ, внезапно являясь, быстрая

Syrynaj-kys, Kurohatschí-sürük, Kurolaj-bärgenj, Sulkún-äkīn
Сырынай дѣвушка Корохачи-бѣсъ-быстробѣгущій, Куролай-бѣсъ мѣтко попадающій, Сулкунъ разное (?)

älik Chāndá asān siēn [7]) turung toíottörbút dsh/j ól ü/y rd ü/y gör üräng kötön [8])
быстрый Ханда-бѣсъ пейте ѣдите стойте, чиновникамъ [9]) благо сверху радостный полетъ

utschugojdýk tiecha ürächtabyt dsh/j ól ungór utschugojdýk eljäjsj [10]). Baj
благополучно прибыть [11]) къ царю благо по ту сторону благополучно веди. Богатый

Baryllāch-ogonjór kiäng [12]) marbany kiäptā usún tisigī tolorón buor
Барыллахъ старикъ, широкій мѣшокъ наполни, длинную веревку [13]) наполненную [14]) глино-

dshiellāch borong [15]) ata-w-ytyng.
домовладѣлецъ гнѣдаго коня подарилъ.

---

[1]) Посредствомъ сглазу.

[2]) Прямо.

[3]) Tyllach kis'i, разговорчивый человѣкъ.

[4]) Переведено также: «сохрани на память».

[5]) Есть Kajá itschitä, горные духи; Ū-itschitä, водяные духи; Mas' itschitä, древесные духи; S'ir-itschitä, земляные духи; Balagan-itschitä, домовые и т. д. Срав. примѣч. 14-е на стр. 796.

[6]) На превосходную аллитерацію эту обратили мое вниманіе.

[7]) S'ibin, я ѣмъ плотную пищу. As'annerebin, я ѣмъ жидкую пищу или кашу.

[8]) Kötör kötön, птица летитъ. Kötüm, я лечу.

[9]) Этимъ разумѣли насъ.

[10]) Ellähhebin elläs'abin, eläbin, я веду. Elljābaröm, я буду вести. Elljaatīm, я хотѣлъ бы вести. Ēlljä eläis', да ведетъ, да уведетъ.

[11]) Tidīm, я прибываю. Tibit, онъ прибылъ. Tiehym, я прибуду.

[12]) Kiängtännerabin, я натягиваю (свѣжую соболью шкуру на подставку).

[13]) На которую нанизываютъ связку соболей.

[14]) Tolorobun, я укладываю. Tolór, укладывай. Tolu, полный, напр. Toion, большіе, сильные люди, костистыя лошади.

[15]) На прелесть этой аллитераціи обратили мое вниманіе, также какъ и на другую въ más' balagannāach — mangan. Якутамъ казалось, что эти мѣста особенно хороши.

Третья посвятительная рѣчь (произнесенная въ верховьяхъ Лахарытты).

Lacharyt$\frac{ö}{ä}$ ebām! ah$\frac{y}{o}$s̊ ilāch, ah$\frac{y}{o}$s̊ s̊agalāch ān-dojdu as̊ynán
Лахарытэ бабушка восьми-рукая, восемь воротовъ носящая, свободное мѣсто, проходя мимо

turung asynächýd bollagná t$\frac{ö}{y}$lkaljö$\frac{ch}{k}$ tjöp tüerä$\frac{ch}{k}$, olór
стоимъ мы, сжалиться надъ нами да соизволишь, согласно судьбѣ порядкомъ ложка [1]), погоди

as̊ynächyd s̊uoch buollagna tüngnähin.
сжалиться если нѣтъ, пусть она упадетъ на голову [2]).

Рѣчь при подбрасываніи ложки (въ другой разъ).

Töljköljōch tjőpt tjörächpýn urong kulū kötjögón s̊yljäm
Судьбы опредѣленіе порядкомъ [3]) брошенное уложи [4]) дай быть поднятымъ [5]) я пойду [6])

kurdúk Aillāch altán, tjörächpín s̊ükojdän s̊yljachpýn args̊par
такъ съ Богомъ [7]) золотой брошенные [8]) на плечо поднятые [9]) мы будемъ ѣхать на затылокъ [10])

urong kulung. Uruj.
кладешь [11]) дайте мнѣ. Ура.

---

[1]) При этомъ ложку подбрасывали вверхъ.

[2]) Т. е. выпуклою стороною кверху.

[3]) Пусть ложка упадетъ порядкомъ, т. е. вогнутою стороною кверху.

[4]) Uróm, я приподнимаю, напр. тяжелую ношу другому на плечо.

[5]) Kötjögonneräbin, я поднимаю; kötjöguohnm, я подниму; kötjöch, подними.

[6]) Min s'yljäibin, s'ildjänneräbin, я иду, странствую. S'ildjäbatach s'irim, s'iring, s'irā; мѣсто гдѣ я, ты, онъ прежде не былъ. S'ildjäbyt s'irim, мѣсто, по которому я ходилъ (извѣстное); s'ildjäbát, онъ не странствуетъ; s'ildjätügöt miächa, посѣщайте меня.

[7]) Aï, создатель, въ качествѣ языческаго бога, повидимому противопоставляется аналогическому христіанскому небесному богу, tangará.

[8]) Tjörächtänneräbin, брось счастливый жребій. Tjörächta, кинь, на счастье.

[9]) S'ük, подними на плечо, отъ слова s'ükojdübün.

[10]) Такъ говорится подобнымъ-же образомъ: s'üt per, лягъ на спину.

[11]) Urobýn, я кладу; än urong, ты кладешь; kiní urogā, онъ кладетъ; bis'igi urobyt, мы кладемъ; is'igi urogýt, вы кладете; kinilér urallár, они кладутъ; kinilér urdullár, они клали; urbytym, я клалъ; ūr, клади.

Ys̓ăch Töguljú [1]) или хороводная хоровая пѣсня, которая поется особенно въ кумысовый праздникъ.

Первая пѣсня.

Eägyj tschjédu tschjāl burán tschjāl gŏk s̓anga dshil s̓alalynnā ütüō dshil

Эй! ну! сочный лугъ, сочная зелень [2]), новый годъ [3]) вернулся [4]), хорошій годъ

ongojdō unār kunjās̓ ojnjutā kütāng kunjās̓

глядитъ на насъ, марево солнечнымъ тепломъ усилилось, дрожаніе воздуха [5]) солнечнымъ тепломъ,

s̓iärej s̓ebirdāk s̓illegilätā mutō$\frac{ch}{k}$ $\frac{sch}{s'}$olkó mu$\frac{tsch}{z}$juktā munitātá

сѣрый [6]) древесный листъ распустился, кисть шелковая [7]) почка совсѣмъ раскрылась,

tomtór s̓īr torolojdā bättiämā bergātā kyrdál s̓īr otó

кругловатая [8]) травяная кочка выросла, хвощъ подросъ, продолговатаго травянаго мѣста трава

kyttys̓tā ergā dshil epk$\frac{ö}{y}$jdā modún dshil bochtōtō kür būs̓ kötöglünnā

переросла; старый годъ ушелъ [9]), холодный годъ остался [10]), множество льда [11]) поднято,

kürdshu$\frac{ch}{k}$ chār kötürlünnā kara mus̓ $\frac{ch}{k}$ammaridā; chalka$\frac{h}{s}$ā

сгребанный въ сторону снѣгъ развалился, черный ледъ на куски разломался, раставшій ледъ

buolla chajdannā ky$\frac{h}{s}$ȳl mus̓ kyrbas̓tannā kydshimāk buolla kyjdannā

увлеченъ, красный ледъ на кусочки распался, развалившійся иглами ледъ унесенъ,

kotōl-s̓ir [12]) $\frac{ch}{k}$ojunnā otó ojnúr o$\frac{tsch}{z}$erāt [13]) korülürj kelienā [14]) ulán ujgutā

низменное мѣсто густо поросло травою. Играть очередь, играть часть, сѣрко доится

---

[1]) Ys'ăch ys'earȳ kynnylár, кумысовый праздникъ пить собираются они. Въ другой разъ похоже было на Is'ăch is'earȳ (is'ăchcha).

[2]) Съ такимъ совершенно мягкимъ произношеніемъ оно заступило мѣсто, говорятъ, обыкновеннаго твердаго küöch.

[3]) Весна. Годъ начинается у Якутовъ съ весны. Около Троицы, т. е. какъ скоро соберутся, начинается кумысовый праздникъ.

[4]) Содержитъ, кажется, понятіе о возвращеніи.

[5]) Какъ знакъ сильнаго солнечнаго тепла.

[6]) Взято съ русскаго, какъ поэтическій эпитетъ.

[7]) Взято съ русскато (мотокъ шёлку).

[8]) Выше burán означалъ большой лугъ на сухомъ мѣстѣ, а tomtor s'īr относится къ сырому мѣсту, также какъ и слово kyrdál-s'īr, означающее впрочемъ продолговатую кочку.

[9]) Обыкновенно употребляется глаголъ ās'tym, я прохожу мимо: ergā dshil ās'ta.

[10]) Вмѣсто bochtōtō, встрѣчающагося, можетъ быть, только въ пѣснѣ, употребляется, кажется, tochtótó; такъ напр. tymný, холодъ, или вѣтеръ tochtotó. Tochtobun, я останавливаюсь; tochtó, остановись; tochtotum, я остановился.

[11]) Mūs' чаще употребляется. Būs' поэтическая форма.

[12]) Углубленіе, стокъ. Можетъ быть, заимствовано изъ русскаго (котелъ, котловина).

[13]) Взято съ русскаго (очередь).

[14]) Не смотря на мои возраженія, толмачъ мой оставался при томъ, что это слово также взято съ русскаго;

kärä käṡitā ṡāmál kymẏṡ ŭ̇schurdulaach mongoldjē üṡj-
савраска одарилъ [1]); запасной [2]) кумысъ, трижды подплетенный [3]) берестовый шалашъ, трижды

dulgalāch tüōrdon tügachtāch otút tohonán ortolōch
подпертый, съ сорока нижними свертками коры, съ тридцатью средними свертками коры,

ṡürbā töbölōch u͡on uralāch üṡj
съ двадцатью верхними свертками бересты, съ десятью самыми верхними свертками бересты, съ тремя

ülüṡjtäch $\frac{\text{dsh}}{\text{j}}$äräk$\frac{\text{ä}}{\text{a}}$nnāch djïellāch djergalāch djäptälāch,
дымовыми отверстіями [4]), изъ пестрой бересты дверь, полосато сшитая, въ нѣсколько слоевъ сшитая,

uṡuordāch oronnōch erēn i$\frac{\text{tsch}}{\text{z}}ig\frac{\text{ä}}{\text{a}}$nnāch ṡatȳ dalbarẏn
съ узорами [5]) съ лежанками [6]) пестро обвѣшанная [7]) съ ножкой большой кумысовый сосудъ [8])

tardān āṡ telgän bār dshon aṡṡatān aragāṡ tschetschi-
поставленъ, бѣлая лошадиная шкура разложена, собранная толпа кормится, желто-зеленыя березки [9])

rín anján anjä$\frac{\text{ch}}{\text{k}}$ tután $\frac{\text{tsch}}{\text{z}}$jorón tohujān
посажены вокругъ, праздничные кубки [10]) приподнимаются, праздничныя кру́жки держатся вверхъ [11])

belkäj tután to$\frac{\text{h}}{\text{g}}$úṡ kulohulach ṡälätīn tīrän tuorāch
кубочки приподнимаются, девяносто [12]) клинушекъ на веревкѣ [13]) натянуто, подобно еловымъ шишкамъ,

---

должно тутъ разумѣть, говорилъ онъ, слово колѣно въ смыслѣ: отдѣла музыкальнаго произведенія.

[1]) Т. е. ожеребилась.

[2]) Кумысъ обыкновенно квасится въ маленькихъ сосудахъ и изъ нихъ выливается въ большой сборный сосудъ; когда въ немъ, по немногу, наберется порядочный запасъ, то его называютъ s'amál kymẏs'.

[3]) По установкѣ конусообразно поставленныхъ стоекъ лѣтняго шалаша, ихъ связываютъ между собою тремя поперечными рядами прутьевъ, изображающихъ стропила крыши. Эту плетенку обтягиваютъ берестовыми свертками.

[4]) Такъ какъ устройство остова берестоваго шалаша начинается съ установки трехъ самыхъ длинныхъ стоекъ, то дымовое отверстіе считается состоящимъ изъ трехъ частей. Ülüs'j, дымовое отверстіе.

[5]) Можетъ быть взято съ русскаго (узоръ); или не зашло-ли первоначально это слово изъ татарскаго языка въ русскій?

[6]) Служатъ для спанья.

[7]) Надъ лежанками проводятъ отъ одной стойки къ другой ремни, на которыхъ висятъ занавѣски.

[8]) Онъ сдѣланъ также изъ бересты, равно какъ и большой сосудъ для s'amál-kymẏs'a, имѣющій, говорятъ, до 2½ футовъ въ поперечникѣ, и до 4 фут. глубины. Кора сшивается тонкимъ снуркомъ, который скручивается изъ лошадиныхъ волосъ. Швы заливаются особою замазкою, которая приготовляется такимъ образомъ, что мелко расщепленные слои самыхъ внутреннихъ частей бересты, съ примѣсью сметаны, сильно варятся въ глиняномъ горшкѣ, крышка котораго, замазанная глиной, плотно прилаживается къ нему.

[9]) Какъ у насъ къ Троицѣ дома украшаютъ березками, такъ у Якутовъ украшаютъ кумысовый сосудъ.

[10]) Такой кубокъ изображенъ на стр. 788.

[11]) Говорится такъ только объ этомъ кубкѣ.

[12]) Uon (десять), которое должно бы слѣдовать за to$\frac{\text{h}}{\text{g}}$us', подразумѣвается.

[13]) Веревка натягивается между двумя деревьями; къ ней привязываются клинья, которыми прикрѣпляются жеребята.

kolunūn tután kjöguörūn olordōn [1]) kögolzjōr biätīn ütūn koünjöron
жеребчики (на этомъ) держатся, кожаный чанъ поставленъ, сѣрая какъ сталь кобыла доится, заквашено,

kömiölän kömjölj ūtunán üötünän oṅgoron ysō$\frac{ch}{k}$ tután
разсыпалось на комочки, разбавлено водою, съ молокомъ приготовлено, посвящая они держатъ [2]),

bar $\frac{dsh}{j}$onnūn a$\frac{h}{s'}$atān ṡirihīt ṡietihän ṡiellä$\frac{ch}{k}$
вся толпа народа кормится, большіе кожаные чаны [3]) стоятъ рядомъ, большой праздничный кубокъ [4]),

anjahȳn ajgā tután zjorohonūn taṅgarā tohujān kähā
большую кружку къ небу держатъ они, кубочекъ къ Богу они приподнимаютъ вверхъ; кукушка

$\frac{k}{g}$äkṡietā ötōn üötā toiōn tschorgujdā kurhatsché kujardá kürühöj köl$\frac{tsch}{z}$ujdā,
зоветъ, горлица воркуетъ, орелъ кряхтитъ, маленькая ржанка [5]) свищетъ, жаворонокъ дѣлаетъ трели,

dālbaraj dajdā turujā njondojdō chāṡ kanylastā kytalyk kyttyṡtā,
птица изъ гнѣзда взлетаетъ, журавль идетъ шагомъ аиста, гусь тянется вереницей, аистъ сходится,

erién chotohojdōch ärgyjdā dabydallāch ṡalalynnā chōlboj kuor$\frac{s'}{sch}$un-
пестроперые [6]), окрыленные возвратились, предплечистистые [7]) вернулись, стаи перстонос-

nāch cholboṡtō ürjbä-kögulläch ürdüṡtā oṅgotschó kuturuktach orohoṡtó
цевъ [8]) собрались, стадо чубоватыхъ [9]) стоитъ въ кучѣ, судá [10]), хвостатые идутъ вмѣстѣ,

ṡiellä$\frac{ch}{k}$ ṡyllamnātā ṡibiktā $\frac{h}{s'}$irdāch u$\frac{tsch}{z}$ōr-chonnujalāch omnon ottōch
гривистые [11]) грѣются на солнцѣ [12]), мѣста хвощевыя, кочко-болотное пастбище [13]), хвощевая лужайка,

---

[1]) Olór, сядь.

[2]) Передъ ѣдою, саламатъ въ котлѣ и кумысъ въ кружкѣ, которую берутъ за ножку (срав. рисун. на стр. 787—8), посвящая держатъ вверхъ къ небу (tulán) и произносятъ посвятительную рѣчь (algan). Три отборныхъ здоровыхъ и чистыхъ парня ставятся одинъ за другимъ, всѣ лицомъ на востокъ: передній держитъ кружку (anjach), второй кубокъ (tschjoron), послѣдній кубочекъ (Belkäj); у всѣхъ этихъ сосудовъ впрочемъ одинаковая форма.

[3]) Такой чанъ содержитъ около 350 литръ; онъ гораздо больше упомянутаго прежде kjöguörün и украшенъ нарисованными да вышитыми фигурками.

[4]) Ножка его обвита шлейфомъ изъ лошадиныхъ волосъ; ее берутъ обѣими руками и все-таки онъ, по возможности, долженъ быть такъ великъ, что приходится растянуть руки, чтобы пьющій губами могъ дотронуться до края. Онъ содержитъ въ себѣ около 11 литръ.

[5]) Numenius phaeopus.

[6]) Перелетныя птицы.

[7]) Кости, на которыхъ держатся маховыя перья.

[8]) Кости, на которыхъ держатся маховыя перья передней части крыла.

[9]) Якуты весною стригутъ кобыламъ гривы, оставляя только чубъ, вдоль лба.

[10]) Подобно лодкѣ имѣющія сзади руль.

[11]) S'yllaj s'iölügö'r = животныя съ гривой.

[12]) Бокомъ, какъ широкой стороной, обращенныя къ солнцу.

[13]) Рѣдкій лѣсъ, на неровной, скалистой, покрытой мхомъ, почвѣ, на которой такъ любитъ расти извѣстный хвощъ сибиктэ.

ṡīgullāch ṡäbelāṡ maṡtāch bolboktó tumullāch charjā chaljajlāch ogoruō
болотно-приборное дерево [1]) кустарно-кедровое предгорье, еловая утренняя сторона [2]) бусисто-

tschajdāch burdúk kummaktāch örüṡj ebām chonnutugār ojnur-ozärāk
хрящевой берегъ, мучное песчаное дно, на рѣкѣ-бабушкѣ, на свободномъ мѣстѣ играть очередь,

etér ibirāt ṡangarár tschaṡtyjā bārt$\frac{ö}{y}$ bahardā$\frac{ch}{k}$ kurúng työ go-
болтать пора, калякать часъ насталъ [3]), густой лѣсъ базарное мѣсто [4]) пожарищный лѣсъ го-

rodtāch ulāch olukṡallāch dulgā toionnōch kirgíl knjästāch tschārda
родъ, подобно водамъ улицы [5]), высокоствольные чиновники, черный дятелъ князекъ, дроздъ [6])

$\frac{sch}{s'}$arschinnalāch [7]) kukak$\frac{ö}{y}$ kuluballāch [8]) ebān-ṡabān ätān ihīn ṡallyj īmang
старшина, ронжа голова, постарайтесь, говорите [9]), идите, не уставайте,

ṡangaran ihīn edärdä ērgitīng ṡonnunnā ṡol-bujūng kyr$\frac{dsh}{j}$äga$\frac{h}{s'}$y kytytyn-
пойте, кружитесь, молодой народъ, кружитесь, свѣжаго запѣвалу, слабые и старые осторони-

nan ongonjorū ungorunān emäachṡinō injännan arba$\frac{h}{g}$aṡtahy anarannān
тесь, старики станьте по ту сторону, старушки ступайте туда, поношенно-одѣтые оставайтесь

ederdä ergitīng kuhaktagȳ kuottarmang uṡtannagȳ [10]) ȳȳty-
на той сторонѣ, молодой народъ кружитесь, кушачниковъ [11]) не распускайте, штанниковъ не рас-

mäng ṡelle$\frac{tsch}{z}$iktagȳ [12]) ṡītýng ṡjörtiktag$\frac{ö}{y}$ [13]) töllörötümäng āltyṡtagȳ [14]) chany-
пускайте, жилетниковъ тащите назадъ, вы сертучники не расходитесь, вы галстучники сойди-

lāng kiljbiennag$\frac{ö}{y}$ ki$\frac{tsch}{z}$aing kildāg$\frac{ö}{y}$ kjergenyng tolbonnogū turutúng tordochtogū
тесь, вы щеголи [15]) держитесь крѣпко, грязные наряжайтесь, разодѣвшіеся оставайтесь, обносившіеся

---

1) Кустарникъ съ очень твердымъ деревомъ, которое употребляется на шомполы и кнутовища.

2) Kulā же называется вечерняя сторона лѣса, горы, рѣки и т. д., т. е. та сторона, которая освѣщается вечернимъ солнцемъ.

3) Взято съ русскаго.

4) Тамъ собираются птицы, какъ на базарѣ люди. Вся слѣдующая картина описываетъ лѣсную сцену.

5) Съ русскаго (улица).

6) Вмѣсто однозначущаго tschartschingōr.

7) Взято съ русскаго.

8) Съ русскаго. Обыкновенно, говорили мнѣ, соединяютъ слова kukàkö knjästach, потому что у ронжи, какъ у важничающаго князька, на ходу трясется задъ.

9) Т. е. пойте хоровую пѣсню къ пляскѣ.

10) Съ русскаго.

11) Съ русскаго.

12) Съ русскаго.

13) Съ русскаго.

14) Съ русскаго.

15) Тутъ подразумѣваются въ особенности женщины.

tutumang, kamnalagy ch/k annyláng ch/k agedagych ch/k araimang sinjelägy
не держите, кисейно-одѣтые [1]) становитесь попарно, лохмотно-потертыхъ оставляйте [2]), посящихъ

sieting sitiläg ö/y sietimäng.
швы, вышитые гривой сѣв. оленя, ведите, тѣхъ, у которыхъ кушаки изъ конскихъ волосъ, не ведите.

Вторая пѣсня: Ot-töguljú, травы пѣсня.

Ähögej ogollōr kürd ö/y ch kūr saïmmyt körö buólla kjö ch/g -ot
Эй! путка! веселье [3]) повсюду, лѣтняя пора [4]), весело становится [5]) зеленая трава

köljtschujdā, aragās altán-ot angaryjdā ikkē-sallalā ch/k ïerögoj-ot ïedöjdā
выглядываетъ [6]), желтая золотая трава колышется [7]) двулиственно, канавка-трава пышно выросла [8])

üsj sallalāch ükōr ot üösj-chäetā tüörd sallalāch löglömōd tölö h/g jujdā biecj salla-
три-листная, ükör-трава выходитъ, четыре-листника выдающійся пучокъ выросъ, пяти-лист-

lāch bettïemōd berke sidā, altā sallalāch aragás-ot alystāta, sïettā salla-
ный хвощевой колосъ прекрасно выросъ, шести-листная желтая трава огромная стала, семи лист-

lāch sierēj-ot silligiläetā, o h/g ys sallalāch atschá-ot angaryjdā to h/g ús sallalāch, solkó-ot
ная сѣрая трава полноросла, восьми-листная ачá-трава выросла, девяти-листная шолкъ-трава [9])

nuorajdā uōn sallalāch unār-ot unarsyjdā.
прилегла, десяти-листная колышащаяся трава мерцаетъ [10]).

Третья пѣсня: Mās-tögulju, деревъ пѣсня.

Höegyj ogollōr ān-dojdu angarsyjdā ulū-dojdu unarsyjdā kerirj
Айда! путка! свѣтлая мѣстность [11]) блеститъ, великая мѣстность блеститъ, густой

---

[1]) Китайская пеньковая матерія для женской одежды.

[2]) Charaim, мнѣ нужно.

[3]) Kürdjōch (въ такомъ видѣ это слово записано въ другой разъ), веселый. Kürdjōch kis'i, шутникъ.

[4]) S'ai, лѣто. Для усиленія ставится, говорятъ, передъ s'ai, также k ö/y r (веселіе).

[5]) Т. е. теплый лѣтній день вызываетъ на игры.

[6]) Köljtschujännerér, пускаетъ ростки.

[7]) Angarïennerer или angaryjännerer, колышется; напр. колосья на полѣ.

[8]) Ïedöjänerer, пышно растетъ вверхъ.

[9]) Даетъ лучшее, преимущественно зеленое сѣно.

[10]) Также angars'yjdá. Колебаніе и дрожаніе предметовъ, появленіе ихъ вдали. Сравни также примѣч. 7-е.

[11]) Ān-dojdu, свѣтлая, сухая, веселая, на проточной водѣ, мѣстность, какую Якуты выбираютъ для своихъ поселеній.

tȳo kïerkyjdā, tumúl tyo tuguṡtā, tietīm ogotō titirīk
лѣсъ [1]) щеголяетъ, холмистый лѣсъ разукрасился [2]), лиственичные молодые [3]), молодыхъ лиственицъ

ojūr ṡilligiläetā chategȳm ogotó chachyjäh-ojūr changatā behīm ogotó berdshigāsj-
чаща позеленѣла, березовые молодые березовая чаща выросла, сосновые молодые молодыхъ сосенъ

ojūr bejberejdā üetīm ogotó talāch ojūr namulöjdā.
чаща частитъ, ивовые молодые ивовая чаща нависла.

Öeg$\frac{ö}{y}$j ogollór kerā-k$\frac{u}{o}$lūn kähejtigér knjäster-dīn käkkellegie$\frac{h}{s}$y͡ng keré
Айда! нутка! саврасыя жеребята народились, князья всѣ сидятъ чинно, то и се

tyllā käpṡetiehá͡ng ṡur-kulummūt tuṡkotugár tojottordūn tschuogua$\frac{h}{s}$uohú͡ng
говорятъ болтовню, караковые жеребята родились (?) чиновники сошлись,

ṡonnún-tyllá tolkujdahyagy͡ng [4]) ṡālȳr-kulummút ṡamalā tschartschignalýn ṡa͡ngā tȳlla
новое говорятъ, толкуютъ о нихъ, буланые жеребята. Старшины [5]) новости въ раз-

ṡa͡ngáryehý͡ng karā kulummút $\frac{ch}{k}$annylaṡnyt kaprālȳn channylyehȳ͡ng $\frac{ch}{k}$annylāch
говорѣ возвѣщаютъ, вороные жеребята соединились, капралы [6]) стоятъ рядомъ, по порядку

ṡa͡ngartá a͡ngarṡyehýng ulán-kulummút ujguttügȍr uolattardýn oojnuohú͡ng
новости болтаютъ, сивые жеребята бѣгаютъ туда и сюда. Молодежь мы празднуемъ празд-

kyttyömyt kymmy$\frac{h}{s}$ygȍr kyrgytardȳn kyttyhyegy͡ng.
никъ, перводойныя кобылицы къ кумысу, съ дѣвушками мы соединимся.

Öeg$\frac{ö}{y}$j ogollór tüergānj tschelgïän ṡjälā tennién togúṡ kullogullāch tuo-
Айда! нутка! загородка [7]) просторное мѣсто, канатъ растянемъ девяти-клинчатый [8]), какъ

rāch kulún iillillān kö$\frac{h}{g}$ör kötög$\frac{ü}{y}$llān behiejegā
шишки жеребята привязаны, большой кожаный мѣшокъ приподнятъ вверхъ [9]) съ мукой коры

---

[1]) Молодые, высокіе, гладкіе стволы котораго живописно окаймляютъ лужайку.

[2]) Позеленѣлъ.

[3]) Стволы лиственицы. Tīt, лиственица.

[4]) Съ русскаго толковать.

[5]) Срав. примѣч. 8-е на стр. 802.

[6]) Вожакъ транспортовъ, перевозимыхъ на вьючныхъ лошадяхъ; также помощникъ старшины при сборѣ податей, и въ такомъ случаѣ къ каждому роду приставленъ свой капралъ.

[7]) Огороженное мѣсто.

[8]) Срав. стр. 800, примѣч. 12-е.

[9]) Во время доенія онъ виситъ на веревкѣ, къ которой придѣлано кольцо; когда доеніе окончено, мѣшокъ подтягивается кверху, такъ что до него нельзя дотронуться.

bitiēn kannylāch chaljalāch irīm-dirīm tü$\frac{h}{s}$üljgälāch dalbār
перемѣшано нѣсколькими мутовками, троичныя березки вставлены, большой берестовый сосудъ

tardyllynnā tschoktschojlāch $\frac{tsch}{z}$jorón-ajāch tschuogujdā käkojullāch
притащенъ [1]), выпукло рѣзныя праздничныя кружки, большія, составлены, рѣзьбою украшенные,

keriēn ajā$\frac{ch}{k}$ käkkäläetā pároj [2]) ullāch mattātschāk parallāātā ymyjā
березовые кубки стоятъ рядами, парой убранные кубочки [3]) стоятъ попарно, большой деревян-

yn͡gyrystā siellāch anjā$\frac{ch}{k}$ sietistā yhöch
ный сосудъ притащенъ, конскимъ волосомъ обвитые праздничные кубки разносятся праздновать кумы-

yn͡gyrystá sāmál-kymýs tardylynnā $\frac{k}{x}$ojú kymys kutulunnā sirhit
совый праздникъ созваны, запасный кумысъ притащенъ, густой кумысъ налитъ, большой ко-

sirityjdā a$\frac{h}{s}$ýr-at buollā aragás arý adiritschȳ bud-
жаный сосудъ поставленъ на мѣсто, кислой [4]) пищей сталъ, желтое масло плаваетъ комками, свернув-

schurutschú kutulunnā i$\frac{h}{s}$easyn͡g ibirāk buollá ojnjúr uotscharat buollá sangarar
шееся налито, станемъ ѣсть, готово есть, праздновать очередь есть, поболтать

tschāstyjá buollá kȳr-saïmnu körügör körüō$\frac{hc}{k}$ dshón kör$\frac{ä}{ü}$läe-
часъ есть, полное лѣто мы привѣтствуемъ торжествуя, праздничная толпа народа празд-

tebit sabānnāch saimnybýt salyölygőr san͡garistybýt.
нуетъ, дождливое [5]) лѣто празднуемъ мы.

Wiljuj Tögulju. Пѣсня въ честь рѣки Вилюя.

Öeg$\frac{ö}{y}$j ogollór, kiellemā-chotún kerā dshoruó kulunnún kïergātiā$\frac{h}{g}$ýn
Айда! путка! Кіеллемэ [6])-госпожа, саврасые иноходцы родились разгуливая,

innigőr kärīr kākkā mastamytýn ogollór kammahát ebām karā dshorúo kulun-
право, кругомъ въ рядахъ лѣснаго обилія; путка, Каммахатъ бабушка, вороные иноходцы роди-

1) На столикѣ.

2) Съ русскаго.

3) Болѣе широки, чѣмъ высоки, и отверстіе уже тулья. Рѣзныя фигуры, которыми украшена наружная часть, называются, когда они виты, toptorgō, а если въ видѣ окошечекъ, s'uras'ȳn.

4) Имѣетъ еще значеніе: готовое.

5) Потому что нѣтъ болѣе снѣгу.

6) Рѣка или рѣчка въ области Вилюя.

nún $\frac{ch}{k}$ámṡietyā$\frac{h}{g}$yn innigő̈r $\frac{ch}{k}$annylāch chatyn͡gnamyttýn ogollór ṡuól-ebā̋m ṡūr
лись, гордо шагают [1]), право, въ густомъ березовомъ лѣсу, нутка, Суоль-бабушка, кара-

$\frac{dsh}{j}$oruó kulunnún tukṡaryähýn innigő̈r tommoruón maṡtamyttýn ogollór
ковые иноходцы родились щегольскіе, право, въ толстоствольномъ лѣсу, нутка,

ṡiellemā-ebā̋m ṡīēry $\frac{dsh}{j}$oruó kulunnún ṡitteriehýn innigő̈r tschägiān tscharan͡gna-
Сіеллемэ-бабушка, сѣрые иноходцы родились безупречные, право, въ здоровомъ березовомъ

myttýn ogollór.
лѣску, право.

Öeg$\frac{ö}{y}$j ogollór Tāt-ebā̋m kytajkā [3]) kyrdalāch kyrtáṡ sirdāch
Айда! нутка! Татъ[2])-бабушка, китайкѣ подобное высокое мѣсто, свободное мѣсто;

cholustā [4]) chonnulāch chordohoj cho$\frac{tsch}{z}$ollōch Tāt-ebā̋m altán allāṡtāch
холсту подобно открытое поле, покатое ровное поле, Татъ-бабушка, мѣдная лѣсная лысинка,

sȳö ṡy$\frac{h}{s}$yllāch Tāt ebā̋m motuōch ṡolkō mutuntatā mungutātá ṡierej
какъ сало гладкій свободный берегъ, Татъ-бабушка, мотокъ шелку, почка раскрылась, сѣрый

ṡolkó ṡäbirdägā ṡiligläetā tschoptschú kömüṡj tuora$\frac{h}{g}$á torolujdō kará kömüṡj
шелкъ, листъ распустился, шарикъ-пуговка серебряная, шишки стали велики, черное серебро,

chatyryg$\frac{ā}{ō}$ kan͡gātā Tāt ebā̋m ütüő̈ dojdu kihilīn kērä $\frac{dsh}{j}$onnún
кора утолстилась, Татъ-бабушка, хорошее мѣсто, люди веселые [5]), народнаго собранія

duoran͡gā [6]) ān dojdū buolán chotuttardýn $\frac{ch}{k}$amṡyk ulū dojdu buola uolot-
дорога, свободное мѣсто будучи, госпожъ важничающихъ великое мѣсто, будучи парни

tardýn uluetuk Tāt ebā̋m.
молодые гордые, Татъ-бабушка.

Ütüő̄ dojdu ötón͡g kyllāch kerā̈ dojdu kägá kyllāch tollú dojdu
Прекрасное мѣсто голуби-птицы, веселое мѣсто кукушки-птицы, хорошо обставленное мѣсто

toïōn kyllāch kytý dojdu kytallýk kyllāch modun dojdu mochṡoolg kyllāch turū
орлы-птицы, береговое мѣсто журавли [7])-птицы, необузданное мѣсто соколы-птицы, родное

[1]) $\frac{Ch}{k}$ams'iebyt, щеголяетъ.
[2]) Названіе рѣки.
[3]) Съ русскаго. Значитъ: гладко и чисто какъ китайка.
[4]) Съ русскаго.
[5]) Собственно значитъ, говорятъ, красно-желтый.
[6]) Съ русскаго.
[7]) Самый большой; можетъ быть leucogeranos.

dojdu turujög kyllāch kiëng dojdu chās kyllạch kütür dojdu kögóng kyllāch allā
мѣсто журавли [1]- птицы, просторное мѣсто гуси-птицы, дурное мѣсто селезни-птицы, низкое

dojdu and$\frac{ö}{y}$g kyllāch mängā dojdu birginnjāk kyllāch tjoktyrgón ulāch
мѣсто черныя утки-птицы, пустынное мѣсто крикушки-птицы, кочковатое водяное мѣсто

tschorkoj kyllāch unār dojdu orulóst kyllāch salýr dojdu sachsá kyllāch.
чирки-птицы, сухой туманъ мѣсто утки (?) - птицы, котелъ-мѣсто утки (вида?)— птицы [2].

Eäg$\frac{ö}{y}$j tschjēdu tschjäl burán tschjälkōk, bērt dojdu berdér kyllāch, sasyl
Айда! нутка! зеленый холмъ сочно-зеленый, прекрасное мѣсто рысь-дичь, лисье

dojdu sārba kyllāch sieröj dojdu tīn kyllāch bödöng dojdu borōh kyllāch ulachán dojdu
мѣсто соболь-дичь, сѣрое мѣсто бѣлка-дичь, большое мѣсто волкъ-дичь, большое мѣсто

ulū kyllāch djerán dojdu tabá kyllāch talajgon ulāch tārbán kyllāch sūr
лось-дичь, ключевое мѣсто сѣв. олень-дичь, ? [3]) сонная сурковая дичь, сѣрое какъ шиферъ

dojdu solongkól kyllāch sandár chonnú sasýl kyllāch kyrymák
мѣсто хорьковая [4]) дичь, просвѣчивающій лѣсъ на равнинѣ лисья дичь, осенній снѣжній пушокъ

chonnulāch kyrsá kyllāch bastýng dojdu barán kyllāch $\frac{ch}{k}$otōl chon-
на свободномъ мѣстѣ песцовая дичь, превосходнѣйшее мѣсто баранъ звѣрь, котелъ— сво-

nulāch kohól kyllāch nedjer$\frac{ö}{ā}$ $\frac{ch}{k}$onnulāch sibinjō [5]) kyllāch yrās chonnulāch
бодное мѣсто козелъ-звѣрь, лужи мѣсто свинья- звѣрь, чистое свободное мѣсто

aná$\frac{ch}{k}$ kyllāch kyrdāl chonnulāch sylgȳ kyllāch eägyj tschjälguök.
корова-звѣрь, дерновое свободное мѣсто кобыла-звѣрь, эй! сочно-зелено!

Въ такомъ родѣ бываютъ рѣчи и пѣсни Якутовъ. Хотя эти, полные жизни, наблюдатели природы готовы пѣть во всякое время, но единственные музыкальные инструменты, которые я встрѣчалъ у нихъ, были изображенные на стр. 808 скрипка и варганъ. Оба очевидно заимствованы у Русскихъ. Музыка, сопровождающая ихъ пляску, заключается въ вышесообщенныхъ пѣсняхъ и, судя по обращику, который мнѣ самому привелось

[1]) Сѣрые съ бѣлой головой.

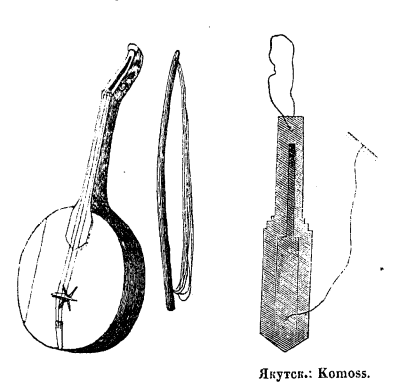
[2]) Кромѣ множества указанныхъ выше названій мѣстъ и тѣхъ, которыя значатся въ словарѣ, я слышалъ еще: Chotschó, свободное мѣсто при ручейкѣ.

[3]) Якутскіе мои спутники, также какъ и самъ пѣвецъ, не умѣли объяснить мнѣ значеніе этого слова; «оно изстари принято», говорили они.

[4]) Сибирскій хорекъ, Must. sibirica.

[5]) Взято съ русскаго, также какъ и слова barán и kohól.

видѣть, прекрасно идетъ къ ней, потому что пляска ихъ состоитъ не въ порывистомъ прыганіи, какъ у Тунгусовъ, а въ повтореніи той торжественной поступи, которую мы видѣли у Самоѣдовъ. Медленно и торжественно движется составленный кругъ; участвующіе въ немъ, постоянно кланяясь, стараются привести себя въ какое-то одуряющее головокруженіе, а запѣвала произноситъ свои воззванія, которыя вся толпа подхватываетъ хоромъ.

Якутск.: Komoss.

О раздирающей слухъ музыкѣ этого рода можно судить по нижеслѣдующимъ нотамъ, которыя я записалъ какъ средній результатъ сердечныхъ изліяній помощника моего вожака; ни въ словахъ, ни въ мелодіи не было ничего опредѣленнаго.

Хотя тотчасъ-же узнавалось прежде слышанное, но все-таки можно было различать и варіанты.

За этими пѣснями сообщаю еще сказку, которая впрочемъ записана наскоро и при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ сообщенное мною выше. И въ сказкѣ нѣкоторыя роли произносятся на распѣвъ, такъ что я не мало удивился, когда среди темной ночи въ лѣсу меня разбудило громкое пѣніе изъ раскинутаго по близости шалаша Якута. На мой вопросъ, что это за пѣніе, мнѣ отвѣтили: «это старикъ, онъ разсказываетъ сказки. Теперь поетъ дѣвушка, теперь лошадь» и т. д.

Erén toion, Eberätschí chotún uolà Eredelj, bergān, širten tut
Храбраго [1]) вождя Эберэчи жены сынъ Эредель, мѣтко попадая, отъ земли крѣпко держа

[1]) Переводчикъ постоянно возвращался къ значенію «пестрый».

ulluktāch, challantan šitimnāch, ürüng kömüšj balagannāch, ürüng kömüšj ürüttāch,
бедристый, отъ неба съ веревкой, бѣло-серебряный балаганъ, бѣло-серебряная покрышка,

dolgujbát muoštallāch, chotun dshächtar ošochtó uót uottullān diätägnä
не колеблясь перекинутый мостомъ, госпожа, женщина, въ печи огонь развести приказала,

uottulán kelér arahas šyšȳ šahá stuollāch ögurümör ohuš büdüriā tüšpü-
затопить идетъ желтый тащится такой большой какъ столъ, четырехлѣтній быкъ спотыкаясь падаетъ

tünj kurduk modsholāch šiettā kiší täbän turan aspát dshiellāch
на колѣни подобно порогу; семь человѣкъ упираясь тѣснятся, не могутъ открыть дверь,

šiellilächhät šitpät šielbät kürjöllāch, a(h/g)yš kiší a(h/g)apát chalgannāch
рысакъ обѣгаетъ не рысью сѣни; восемь человѣкъ не открываютъ ворота

altán, üšj kiši olujan ašpát oldurdāch uolán kiši šadāch igirdāch
мѣдныя, три человѣка двигая не открываютъ задвижки, молодые люди; лукъ тугой [1])

bošchó bulgunägy urán käbišpit kurdúk öngyrdāch kybāch kyttybattāch
бездревесный, какъ холмъ наложеннный оставленъ какъ бы сѣдло; отъ метели вычищенный

kyša(s'/h)alach (ch/k)ommurāch chommotóch tuššalāch toion kiši kinkinitschī
дворикъ, вьюги свободное мѣсто скотный дворъ, какъ важные люди громкогласно

käpšetän turarýn kurduk šergelāch baštyn šergetigör Bar kyllāch orto
разговариваютъ стоятъ точно какъ рядомъ, на первомъ столбѣ Баръ ([2])-птица, на среднемъ

šergetigör käha kyllāch bullytán byšā šürān kirbīt bystāch künten
столбѣ кукушка птица, ? огородка бѣгутъ быстро огороженное, какъ солнцемъ

küejā širenj kirbitin kurduk künnāch challantán kajá šürbütün kurduk
отрѣзанное мѣсто, зашедшимъ подобно солнцу; отъ неба скала отдѣлившись [3]) подобно

(ch/k)a(h/s)alā(ch/k) Allabulla attāch kurbu dsherbí cholunnach chān-tangará chan-targatá ünnjäch
конюшня, Аллабулла лошадь, ? ? подпруга кровянаго бога кровь гоняя узда,

tjört tösünnjāch köntöštāch ulu ürā(ch/k) togojdonnón tüspütünj kurduk njärilyr
четыре узды поводъ [4]), большой рѣки изгибъ извивающійся подобно лукъ

---

[1]) Igir значитъ еще, какъ говорятъ, столбъ, на который вѣшаютъ вещи.

[2]) Баснословная птица.

[3]) S'ürbüty, онъ убѣжалъ.

[4]) Вмѣстѣ съ поводомъ, изъ конскаго волоса.

*

muos̓ s̓alāch üs̓j ürümittebättäch ūtj kjöllāch kará $\frac{dsh}{j}$äj s̓ys̓tybatā
рога вѣтвь, три не покрывающіяся льдомъ молочныя озера, темная грязь приставать [1])

buolloha kara dalain u-tühör chas̓tanimán kjöch dalajgar ahys̓ attachtāch
не смѣла бы, чернаго потока къ водѣ смылъ [2]) у прекраснаго моря; на восьми столбахъ

arańga$\frac{s'}{h}$ygar s̓algyńga s̓ajá a$\frac{h}{g}$ys̓ tarán älin djekiten etér-bulýt
запасной амбаръ обвѣваемый вѣтромъ пребываеттъ, восемь чешутся на востокъ громовыя тучи [3])

s̓onguryttan tschuo bulyt tschuogujáu ürdügör tiän kelän orto tünän by$\frac{h}{s'}$a
плачутъ, кучевыя облака скучиваются на верху подходя около полуночи раздѣляется

baran ońgojön turdá kiniächa tyl ättā: s̓orunán kellim ońgo$\frac{h}{s'}$ūn änj ākár
врозь раскрываясь начиная къ нему слова сказала: нарочно я пришелъ приготовься ты ?

ol dojdu$\frac{h}{g}$a ol dojduttán chollonokún bulba tahkyn min iächa ildshīt kellím
изъ того міра въ этотъ міръ [4]) тебѣ подобнаго искать ? я къ тебѣ посломъ прихожу,

kjä$\frac{h}{s'}$ynnyn kyrrötynnan bilän, s'āinym s̓amyrynán bilän uol ki$\frac{s'}{h}$i uo$\frac{h}{g}$ā
зиму по инею узнавая, лѣто по дождю узнавая, молодой человѣкъ въ молодости

urus̓chál buolán ädär beïem emgenïen kelím nutschä ki$\frac{h}{s'}$í chuollutunan
уставшимъ сдѣлавшись, моложавое тѣло дряхлое приходитъ, русскіе люди по обычаю

s̓ü$\frac{h}{s'}$ün $\frac{ch}{k}$abá ortotunan chuolodā tünnük charraktāch nutschä kis̓i bór chor-
на лбу прямо по срединѣ оконница съ большимъ окномъ такой глазъ, русскіе люди глину ко-

ruér kurdshagyn kurduk tistäch tańgālain $\frac{ch}{k}$aba ortotügör kōchö arbyjä tīstāch
пая лопатѣ подобный зубъ въ крѣпкомъ нёбѣ прямо по срединѣ крюкастое тесло зубомъ

tüä$\frac{h}{s'}$ünj $\frac{ch}{k}$aba ortotügör buolāch ililāch s̓amagyn $\frac{ch}{k}$aba ortotügör attachtāch
грудной кости прямо по срединѣ имѣя руку, у таза прямо по срединѣ нога,

s̓ir bys̓tybutyn kurduk s̓iridāch kajá chajdybutyn kurduk cha-
глыбѣ земли оторванной подобно; отдѣльно стоящей верхушкѣ скалы треснувшей подобно глазъ

rachtāch s̓yllas̓tygás s̓ymmys̓s̓achtāch alýs̓-dienj kis̓i s̓üölj-dienj
имѣющій, скалящую нижнюю губу. Весьма необыкновенный человѣкъ, весьма замѣчательный

[1]) S'ys'tybyt, пристало; s'ys'tybát, не приставая.

[2]) Chas'ta, грязь. — Anjännerer, онъ смываетъ или стираетъ.

[3]) Онъ говоритъ изъ облаковъ.

[4]) Соотвѣтствуетъ, говорятъ, выраженію «за тридевять земель» въ русскихъ сказкахъ.

ki̓si kelen turar Erejdelj bergänj än akár kelím albán ukuján
человѣкъ идетъ стоитъ тамъ Эрейдель, мѣтко попадающій; я ? пришелъ краше ?

dshon dshagadyjen berejdā-bergänj tiritä tibätj kur-
народъ ? мѣтко попадающій, сырой кожѣ, которая не хочетъ болѣе растягиваться, по-

duk ky̓syrbýt man͡gajkan allāch tylýn kördördā̃ minigin bä̓sj tscherpatyn kurduk
добно озлобленный; крошечный, быстро языкъ показалъ онъ, я, еловой щепкѣ, половѣ подобно,

ót chodulun kurduk ̓sannatagyn kurduk ̓sulumāch ochpunan byjeryn
сѣна остаткамъ подобно, мысламъ подобно, однокопечной стрѣлой прострѣливая печень

chabá ortotunan kara$\frac{h}{g}$allan tüsüräjabyn kurduk dügör inā̃n dügalitän ̓suo$\frac{h}{c}$á ājannan
прямо по срединѣ держащейся, брошенной подобно ? ? убирайся, не стану отпускать,

attannaryäm ̓suo$\frac{h}{h}$á üönnär üöjächtatäm chommurduo̓spar kuahon͡g notuom ̓suohá
позволять ѣхать [1]) не стану, червямъ буду кормить, водянымъ жукамъ не стану

bu ki̓si ulú tumuligör tü̓sjtäbeietä Erejdelj bergänj ahy̓s ̓sylgȳ
этого человѣка; съ большаго мыса спустился Эрейдель мѣтко попадая, восемь лошадей

mäldshī ̓sildjibyttör kahatyn ̓salyn etīn äniänā̃ chotū brachtýn ̓süötün
откормленныхъ [2]) пасущихся грудной жиръ, сало, мясо внизъ [3]) съ отлогости бросая, лошадь

̓sy̓sȳ $\frac{ch}{k}$otū kötör ̓sürā̃r a̓sán siēn $\frac{ch}{k}$otū ̓son͡gurú temirien bārbyt
внизъ на равнину, звѣрю бѣгающему [4]) въ пищу наѣвшись къ сѣверу и къ югу взлетѣли всѣ вмѣстѣ,

̓siettā̃ ̓sichtāch̓siri i̓sitī ajman-̓sajman kymy̓syn törgū̃ ̓simirähā
изъ семи сшитыхъ кожъ большіе мѣха налитые туда и сюда [5]) кумысъ на подпругѣ въ малень-

tohon-chorón tolorón barán atyn kinigör ü̓sj-kun͡gagár ig͡närän
комъ кожаномъ мѣшкѣ [6]) небрежно налиты будучи, коню своему тре-ухому пестрому

käbi̓spitā̃ etīn ̓sür kurduk ̓simmämittāch kurduk tan͡gnybyt barbýt ky̓synýn
супулъ онъ мясо ? подобно, въ полномъ вооруженіи какъ бы празднично одѣтый всю зиму

---

[1]) Attanabyn, сажусь на коня.

[2]) Не употребленныхъ на работу и къ дурное время года получавшихъ добавочный кормъ.

[3]) Онъ ѣсть только чистое сало, и откидываетъ прочь мясо. Chaljajā chotū chaltarytty, внизъ съ холма они скатили.

[4]) Означаетъ, говорятъ, преимущественно дикихъ звѣрей, которыхъ Якуты вскармливаютъ для своего употребленія.

[5]) Также ajmanán s’ajmanán.

[6]) S’imirtschāch, еще меньшій S’imírj.

kyryṡtynöm	bilänj	ṡaṡnyn	ṡamyrynán	bilänj	ŏ̄rli-ötŏ̄rli	keljbitärin	bilbä-
по инею [1])	узнавая,	весну	по дождю	узнавая,	долго-ли, скоро-ли	странствующаго	не

täch	и т. д.
знаю.	

На этомъ я прерываю передачу якутскаго текста, ограничиваясь сообщеніемъ дальнѣйшаго хода сказки въ приблизительномъ переводѣ.

Однажды герой высмотрѣлъ другаго великана, который убѣжалъ передъ нимъ. Онъ погналъ свою лошадь, чтобъ преслѣдовать его.

Но во время скачки передній выставилъ цѣлую гору, чтобы заградить дорогу. Другой схватилъ лукъ и стрѣлою да топоромъ просѣкъ всю гору, такъ что образовалось ущелье, по которому онъ продолжалъ свое преслѣдованіе. Прибывъ на верхушку горы, онъ увидѣлъ серебряный юртъ и красивыхъ дѣвушекъ, которыя плясали по якутски. Какъ только онѣ увидѣли его, такъ и исчезли. Онъ подъѣхалъ къ юрту и вотъ изъ него вышли всѣ девять дѣвушекъ и каждая изъ нихъ подала ему кружку съ кумысомъ. Онѣ подали ему и сказали: мы поджидаемъ тебя уже девятый годъ, такъ какъ ты очень славенъ и силенъ. Онѣ попросили его остановиться и посмотрѣть на нихъ добрымъ взглядомъ. Ты, продолжали онѣ, странникъ, ты долженъ отдохнуть у насъ, переночевать и мы покажемъ тебѣ дорогу къ тому, котораго ты преслѣдуешь.

Намѣреваясь остановиться, онъ стягнулъ свою лошадь, но она не пошла къ столбу, а сказала: господинъ, не слушайся ихъ, не то мы погибнемъ тутъ оба. Онъ поворотилъ лошадь, слезы проливая съ горя, что ему приходится разставаться.

Не знаемъ, долго-ли или недолго онъ продолжалъ свое преслѣдованіе — опять предстала предъ нимъ гора, опять онъ пробилъ себѣ черезъ нее дорогу, добрался до вершины и увидѣлъ семь дѣвушекъ. (За тѣмъ слѣдуетъ повтореніе выше-сказаннаго).

Отправляясь далѣе, онъ увидѣлъ прекрасныя мѣстности, луга, лѣса, птицъ и животныхъ особаго рода, безчисленное множество стадъ, въ которыхъ у телятъ и жеребятъ были серебряные и золотые намордники. Онъ увидѣлъ юртъ въ 30 этажей и безчисленное множество народа, который плясалъ, пѣлъ, игралъ и боролся. На бѣлыхъ коняхъ подъѣхали къ нему три человѣка, каждый съ кнутомъ въ рукѣ. Откуда ты ѣдешь? наша душа никого терпѣть не можетъ.

Я пріѣхалъ сюда для Вашей славы, помѣряться съ Вами въ кулачномъ бою и добыть себѣ невѣсту. Отъ этого слова всѣ трое отшатнулись назадъ и весь народъ, сколько его тамъ ни было, спрятался, такъ что онъ никого не нашелъ. Юртъ былъ запертъ. Онъ

---

[1]) Образовавшійся на бородѣ иней.

привязалъ свою лошадь къ столбу и столбъ погнулся; онъ повѣсилъ лукъ и стрѣлы на другой столбъ и тотъ согнулся подъ тяжестью. Онъ же злобно ходилъ туда и сюда и отъ гнѣва провалился въ землю по колѣна.

Примѣчаніе. Помѣщаю тутъ сборникъ словъ, которыя въ якутско-нѣмецкомъ словарѣ (во 2-ой части 3-го тома нѣм. изд. этого сочиненія) или сразу не отыскиваются или не значатся по крайней мѣрѣ въ указанномъ ниже значеніи или формѣ. Если кое-гдѣ и окажется, можетъ быть, излишекъ добра, то онъ все-таки не можетъ принести вреда.

aī . . . . . . великій духъ, создатель.
an͡gár (вм. an͡gará); напр. Liwér an͡gar (полъ) ṡalata . . . . . . одинъ изъ двухъ, напр. Ливéра, притока въ верховьяхъ (изъ двухъ).
atā kemī? или atā channýk? . . . . . . имя какое? какъ тебя зовутъ?
atschī, вм. atschigyj, напр. toión.
ateleahým . . . . . . я куплю.
ānärahā . . . . . . по ту сторону.
annanagȳ; напр. barȳ ṡír künj annanagý . . обращенный, напр. всѣ мѣстности, обращенныя къ солнцу,
ararännerābin . . . . . . я раскалываю.
äriég . . . . . . деревянная ступка.
arguj . . . . . . осторожно.
ajannán iṡäbin . . . . . . странствуя иду я.
aljatým . . . . . . я разломалъ.
aljatā . . . . . . онъ разломалъ.
aljanna . . . . . . разломано.
aljamyt . . . . . . разломано, разорвано, напр. чулки.
allā . . . . . . подпруга сѣв. оленя (изображена на стр. 498).
āṡ, напр. ṡarym āṡ или ahál miächa . . . . . . подай, напр. сапоги подай мнѣ.
āṡ вм. türör . . . . . . поставь.
āṡ . . . . . . поѣзжай.
aṡá . . . . . . ѣшь.
ăṡtyn . . . . . . пусть онъ ѣстъ.
āṡannerābin . . . . . . я совершаю путь, перехожу, напр. черезъ рѣку.
ăṡannerābin . . . . . . я ѣмъ.
aṡpytým . . . . . . я ѣхалъ.
aṡabytým, āṡtýn . . . пусть онъ (мимо) ѣдетъ (= ajannatyn).
āṡyehym . . . . . . буду ѣхать.
ăṡyehym . . . . . . буду ѣсть.
aṡbe . . . . . . косоплетка (изобр. на табл. XV, рис. 3 нѣм. изд.).
äak . . . . . . да.
äppitej tuohú . . . . . . ты сказалъ что? также tuohú etér.
äbān, напр. äbān ät или äbān käpṡā; äbān ṡaban . . . . . . прибавь; напр. говори подробнѣе; прежде чѣмъ закроешь (мѣшокъ) подбавь.
äb, напр. maṡká . . . подбавь, напр. дровъ (къ огню).
äbärā или äbiāch buolta . . . . . . онъ хотѣлъ подбавить.
äbygdä chatýn . . . . . . каменная береза.
ämtschirā̃ . . . . . . тунгусскіе полусапожки (по тунгусски: olotschi, по русски: чорходы).
ärieg . . . . . . деревянная ступка.
kin(i)-ältin . . . . . . пусть увезетъ.
ogún͡g вм. un͡gór . . . . по ту сторону.
otschegó . . . . . . въ то время.
ontón . . . . . . оттуда, далѣе.
dshontón . . . . . . отъ народа.
on͡gojú (также kymyrý) мошка.

Въ юртѣ у хозяина дома была восьмидесятилѣтняя старушка, выгребавшая навозъ изъ хлѣвовъ. Она выступила съ лопатой, встала возлѣ очага и сказала хозяину [1]): Ты такъ разсудителенъ и уменъ; зачѣмъ ты не встрѣчаешь героя, окруживъ себя сыновьями и дочерьми? Ступайте ему на встрѣчу, возьмите его за бѣлыя ручки, разстелите бѣлыя лошадиныя шкуры и посадите его въ юртѣ на лежанку.

Хозяинъ напустился на нее: Ты что же пришла меня учить. Ступай сама встрѣчать его.

Старуха не могла открыть дверь, а потому пролѣзла подъ порогомъ въ сѣни и взглянула на чужаго. Увидѣвъ его, она побѣжала назадъ, опять остановилась у очага и воскликнула: что ты знаешь, хозяинъ! къ намъ подъѣхалъ верхомъ человѣкъ, который добромъ не уѣдетъ, потому что ростомъ онъ въ лиственницу, лядвеи его похожи на толстыя бревна, руки его подобны стволамъ; сегодня мы въ послѣдній разъ живемъ. Какъ ты думаешь раздѣлаться съ нимъ?

---

o͡ngotschó . . . . деревянная лодка.
o͡ngojännerābin . . . . . я гляжу на.
o͡ngoidüm . . . . я глядѣлъ на.
orochā . . . . красть.
ōrda . . . . онъ укралъ.
mannā orbatter . . . здѣсь не крадутъ.
olōm . . . . бродъ.
$\frac{\text{ö}}{\text{y}}$idebopin (öidüö) . . . не понимаю смысла того, что ты говоришь.
is̊tibäpin . . . . не понимаю (твоего) языка.
biljbäpin . . . . не знаю (этого).
y͡ngýr . . . . позови его.
yytý͡ng . . . . отпустите.
ytýk . . . . мутовка.
yt o$\frac{h}{g}$ol$\frac{á}{o}$ . . . . сукинъ сынъ.
yt ogotó . . . . кобель.
ymmunach . . . . чесотка.
yjänerýׂ, также jänerýׂ. охотничій ремень.
yrāch . . . . давно; дорого.
ienā̄, напр. Iwan ienā̄. принадлежащій.
iennerā̄, напр. miennerā̄; Utschur iennerā̄ . . . . (притоки).
iitannerer . . . . онъ спрашиваетъ.
iipupunuj / iiputtym . . . . котораго я разспрашивалъ.
yiit . . . . спроси.
iipukynyj / iiputtaj . . . . разспрашивалъ онъ.
iipatyn . . . . я не разспрашиваю.
ikkeni buolbut . . . . . мы нашли двухъ.
ikkelī . . . . по два.
ikkihi͡ng = ikkīsj . . . второй.
ininnā̄ . . . . сперва.
as̊yr ininnā̄ . . . . . . передъ обѣдомъ.
tigiri͡ng ininnā̄ . . . . прежде чѣмъ ты сошьешь это.
͡ngororu͡ng ininnā̄ . . прежде чѣмъ ты сдѣлаешь это.
argujō̄ ininnā̄ . . . . . въ то время какъ.
innigör . . . . впереди.
uot innigör . . . . . . передъ огнемъ (напр. сушить).
kinnigör, напр. bariächā . . . . позади, напр. идти.
is̊ . . . . идти. Глаголъ этотъ казался мнѣ неполнымъ, потому что какъ скоро нужно было сказать: они пойдутъ вслѣдъ,

[1]) Рѣчь старухи произносилась на распѣвъ.

Гдѣ, вскричалъ старикъ, мои восемь сыновей, гдѣ мои восемь дочерей? ступайте встрѣчать его почтительно, чтобы онъ насъ не притѣснялъ.

Старикъ-хозяинъ спросилъ старуху: ты, старуха, лучше знаешь, какъ намъ слѣдуетъ обращаться съ нимъ? Она отвѣчала: вымойте меня хорошенько въ тепломъ молокѣ и я стану красавицей; отведите меня по скорѣе къ кузнецу Батамаю, онъ перекуетъ мнѣ руки и зубы. Онъ увезетъ меня, а нѣкоторыхъ другихъ, можетъ быть, убьетъ; противъ этого ничего не подѣлаешь.

Но въ переднемъ углу юрты лежитъ сватъ Харланъ Моксоголъ, лежитъ столько времени, что постель его вся покрылась плесенью; онъ слышитъ все, сильно испуганъ и говоритъ хозяину: когда же ты мнѣ отдашь дочь свою? вѣдь я лежу здѣсь вотъ уже 30 лѣтъ и жду, а ты затягиваешь дѣло.

Освободи насъ отъ великана.

Почему же нѣтъ? я его живаго разорву на куски. Онъ потянулся, выдавилъ при

всегда употреблялось слово källiächterá.

uottach, напр. tās̓ . . . огонь дающій, напр. камень.

uottonneräbin, uottom я развожу (разводилъ) огонь.

uottór . . . . онъ разводитъ огонь.

uot-uottum . . . . . . я разведу огонь.

uot-uottun . . . . разведи огонь.

un͡goritách . . . . по ту сторону.

unán . . . . орошенъ.

ulachan kis̓í . . . . знатный или богатый человѣкъ.

ügör . . . . по направленію.

ürdügör . . . . вверхъ; напр. слишкомъ высоко попалъ.

allera-t-ügör . . . . . сверху внизъ; напр. слишкомъ низко попалъ (выстрѣломъ).

is̓āt-ügör . . . . снизу вверхъ.

bir, üs̓j, tüörd-ügöt-an͡gará . . . . $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$.

ühä . . . . выше.

отъ ürdjúk . . . .

bär$\frac{d}{t}$ ühā, bär$\frac{d}{t}$ ür-djúk . . . . чрезвычайно высоко.

ütā (taba) . . . . доится сѣв. олень.

ürj . . . . радуйся

üs̓jkiäbít, напр. bas̓par ālbäch byt . . . . умножились, напр. вши на головѣ.

kāha . . . . каша.

kärätīk . . . . разное, то и сё.

käs̓ibin (min) . . . . я дарю (особенно подарокъ гостю).

käs̓itā . . . . онъ подарилъ.

kohäk . . . . скребнцца (изображ. на стр. 721).

kö$\frac{h}{g}$ül . . . . отдѣльные длинные волосы, оставляемые при обритой головѣ.

kötönnis̓ellér . . . . летятъ роемъ.

köbus̓anneräbin . . . . . я не трогаю.

köra$\frac{h}{g}$ás̓илиchaptschan s̓ir . . . . ущелье.

köran baran . . . . . . было узко.

köratan baran . . . . я былъ въ тискахъ.

körülän is̓ér bardallar массами идутъ они.

köstör, напр. sārbá . . въ виду соболя.

Burukan köstör-du? Буруканъ въ виду?

kyty-dékin . . . . вдоль морскаго прибрежья.

kyttyehýn, напр. kyttyehýn is̓ér . . . . . . вмѣстѣ; онѣ (птицы) тянутся вереницами.

этомъ половину юртовой стѣны, присѣлъ на свою лежанку и поскакалъ къ прибывшему прямо на встрѣчу. Откуда ты явился, несчастный? слышалъ ты обо мнѣ? и они начали бороться. Одинъ приподнялъ другаго черезъ ногу свою, такъ что онъ упалъ на всѣ четверинки, но этотъ приободрился, вскочилъ съ крикомъ и накинулся на одолѣвающаго такъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ справиться съ другимъ. Злобно схватилъ сватъ своего соперника за бокъ и вырвалъ у него восемь реберъ. Послѣдній вскрикнулъ: какое ты мнѣ нанесъ оскорбленіе! кинулся на свата, сталъ его давить, схватилъ его наконецъ за голову и оторвалъ ее у него. Вотъ тебѣ, сказалъ онъ хозяину, голова твоего жданнаго зятя, и бросилъ его въ юртъ какъ мячикъ.

Славно, молодецъ, спасибо тебѣ, что ты его побѣдилъ; тебя давно я ждалъ. Онъ бросилъ бездыханный трупъ въ яму, принесъ дровъ и сжегъ его.

Нѣтъ-ли еще кого-нибудь тамъ, въ юртѣ? не убѣжалъ-ли кто? я догоню его, хочу побороться съ нимъ.

---

kynnaräbin, kynnannеräbin . . . . я хочу.
kynnarynnym . . . . . . я хотѣлъ.
kyrgytár (безъ ед. ч.). дѣвушка. Вѣжливо вмѣсто kyṡtár.
kitschain bāi . . . . тщательно завяжи.
kinitén iṡér . . . . ступайте сзади.
toṡujon iṡér.
kimten tachṡör . . . . . изъ какой (рѣки) вытекаетъ онъ, т. е. въ какую течетъ онъ.
kildāch . . . . грязно.
kuotar $\frac{\bar{a}}{a}$ nneräbin . . . . я отпускаю.
kuotoryn͡g . . . . не гонись за.
kumuljäch . . . . половинка лосиной шкуры.
kujár kiṡi . . . . дуралей, негодяй, шалунъ.
kütür . . . . дурное, трудно проходимое мѣсто (гора, болото, чаща).
künjjāṡ . . . . удушливо жаркій лѣтній день.
külümkönnym . . . . . . я улыбаюсь.
kjärgenabyn . . . . я удаляю.
kjärgyn . . . . удали.
kjördäbin . . . . я срубаю (дерево).
iti mahā kjört . . . . это дерево сруби.

kjöṡ . . . . глиняный горшокъ.
(срав. Якутскій словарь, стр. 438, подъ словомъ byṡtyn͡g.)
chaitabyn . . . . я колю.
chaitala . . . . расколи.
channylaṡpyt, напр. $\frac{dsh}{j}$ onnór . . . . стоящая рядами толпа.
chamyehyn͡g . . . . мы собираемся.
chár . . . . убой, настъ.
chararännerer . . . . . . снѣгъ сходитъ или исчезаетъ.
chār, tü $\frac{h}{s}$ ör, tüṡännerer, tüṡtā . . . . . палъ.
chārnanneräbin . . . . . я давлюсь, я подавился чѣмъ.
chaljā . . . . дощечка для покрышки, большею частью узорчатая. Чтобы отверстіе кожанаго сосуда, въ которомъ взбалтывается кумысъ, не закрывалось, въ него вставляется такая дощечка и чрезъ продѣланное посреди ея от-

За тройнымъ замкóмъ въ балаганѣ стоитъ огненный крылатый конь; коли ты одолѣешь его, твое все, что мнѣ принадлежитъ.

Онъ побѣжалъ туда, и при напорѣ выбилъ дверь; выскочилъ конь и прямо на него. Онъ схватилъ его за уши и понеслись они по полю, но на всемъ скаку онъ оторвалъ коню голову и бросилъ ее хозяину, говоря: сохрани это на память. Народъ глядѣлъ на это издали, разбѣжался и спрятался; хозяинъ же послалъ герою своего гонца съ запросомъ, что ему угодно, двуногое-ли, скотъ-ли или имущество.

Всего этого мнѣ не нужно; хотѣлось бы мнѣ только взглянуть на твою младшую дочь, куторую ты никому не показываешь.

Какъ не показать, отвѣтилъ онъ; охотно даю ее тебѣ. Всѣ торжественно пошли на встрѣчу ему, герою. Отъ столба до постели разостлали ему рысьи шкуры съ лапами и хвостами, на постель также положили рысьи шкуры.

Между тѣмъ старуха отправилась къ невѣстѣ и сказала ей: ты пропала, твой ко-

---

	верстіе кумысъ разбалтывается.
chaj вм. chaja, напр.	
chaj-déki	гдѣ, куда.
chajännerābin	я посыпаю.
напр. charnán	снѣгомъ.
chottung (minigín)	ты обсчиталъ меня.
chonnuktāch	ночной привалъ.
bir chonnuktach	одна ночевка, т. е. два дня пути.
bir künnjāch	одинъ день пути.
chojdonnerér	свертывается, скисаетъ, сгущается (напр. каша).
gō, напр. Tugúr-go kirér.	въ, до; въ Тунгуръ текутъ они.
Burukán-go	до Бурукана.
tachšännerer (künj)	всходитъ (солнце).
Kilé, Dshej-ürāchten tachšär	Киле впадаетъ въ Дзею.
künj kirennerer	солнце заходитъ.
tabalāch (üšj tabalach taba)	сѣв. олень, стоющій трехъ сѣв. оленей.
tartyllar šällätin	они натягиваютъ ремень.
tén	оттуда.
baigál-tén	съ моря.
Elgejá-tén kutschuguj	меньше Эльгеи.
tarpytym	я курилъ.
tāš-šolúr	каменный котелъ.
taštāch-šolúr	котелъ, въ которомъ лежатъ камни.
tärwēš	кольцо туловищной части штановъ, къ которому, посредствомъ ремня šypká подвязывается бедренная часть штановъ.
tongno	замерзло.
tōš	береста.
tögürük	круглое, именно кумысовый сосудъ, подобно tumtaj.
tölötung	распустите (руки).
tuohū etähin? (etähyn)	что ты говоришь?
tuóg ättin?	что ты сказалъ?
tuoch-ka?	для чего?
tuchšannerer	покрывается листвою.
tuttarabýn, напр. tuttarbytym-	я передаю, пóручаю.
du-šuoch-du?	отдалъ я тебѣ или нѣтъ?
tuttardā-du?	отдалъ онъ?
turtojbyt, напр. bašá	посѣдѣлый, напр. голова.
turgandyk	быстро.

нецъ близокъ. Тогда со старухой поступили, какъ она потребовала и она стала точно семнадцатилѣтняя. Она одѣлась и сѣла на невѣстино мѣсто, а настоящей невѣстѣ она сказала: возьми сосудъ съ топленымъ масломъ, брось его въ огонь, приговаривая: «пусть я сдѣлаюсь колдуньей и вылечу въ трубу». Не успѣла она сказать это, какъ оно и совершилось. Старухѣ же расчесали волосы, заплели ихъ въ три косички, и привѣсили къ нимъ три серебряныя привѣски.

Хозяинъ приказалъ впустить зятя, пригласилъ его сѣсть и переночевать. Такъ и сдѣлано.

Около одиннадцати часовъ ночи въ сѣняхъ постучались. Кто тамъ? спросили. Это сосѣдка, невидимка, которая всегда ночью безпокоитъ пріѣзжихъ, сказала старуха. Невѣста я; старуха, не запачкай моей постели; я тутъ на дворѣ совсѣмъ замерзла. Такъ отозвалось за дверью, но старуха осталась при своемъ объясненіи.

Утромъ, умывшись, новобрачные принялись пировать; пили, ѣли, веселились и

---

tüs̓üljgönō, напр. turo-rännerer .... столонакрывающій — онъ ставится.
tüs̓üljgō .... подано.
$\frac{tsch}{z}$ip$\frac{tsch}{z}$ilyt .... моргаетъ.
tschátschumtscha ... скоро, еще немного погодя.
tschogujáu turdullár. толпой стоятъ они.
tschugás̓, напр. bīr kösj-du? tschugás̓-du? .... близко? напр. 10 верстъ ли, или ближе?
daibé .... кисть изъ конскаго хвоста (изображ. на стр. 788).
dabydalā .... кости передней части крыльевъ, на которой сидятъ chodohoj.
du .... ли, но въ обыкновенной рѣчи соотвѣтствуетъ и русскому ка.
dulgá .... подпора.
djādinȳ .... бѣдный.
djärāng͡ .... Numenius.
djorgō, напр. kis̓i .... молодецъ.
njōl$\frac{tsch}{z}$ätā .... пухъ.
(nuolakai, мягкій).
bïerderäbin .... приказываю (?) отдать.

nälbi .... дождевой воротъ (обыкновенно изъ медвѣжьей шкуры).
(tuōchpún) n͡gorun-guj?, ... сдѣлать ли мнѣ?
njondohór, напр. kis̓í ogollór .... щеголяя — человѣкъ, право.
mannā, напр. n͡gor (on͡gor) .... сдѣлай это. Если приказаніе точно исполнено, то удовольствіе выражается словомъ
s̓itti или s̓ol kurduk. такъ.
mon͡goldjē .... берестовый шалашъ.
minér (minerä) tabá. верховой сѣв. олень.
min mīnerym s̓ooch-du? .... моего верховаго сѣв. оленя нѣтъ?
(Отвѣтъ: channygýn? или chaj-olleryn, который? karā? bár.)
mitschíkkynnym .... я улыбаюсь.
mun͡gutabýt (kis̓í) ... чрезвычайно богатый человѣкъ.
munjastannereller ... собираются, напр. на ярмарку.
bar-buolluochterā ... есть, пожалуй, нѣкоторые.

старухѣ въ приданое дана была половина всего, одежды, скота и прислуги. Они отправились въ путь. На первой ночевкѣ повторяется та-же самая ночная чертовщина и т. д.

Сказка оканчивается тѣмъ, что у старухи герой отрываетъ голову, онъ женится на заколдованной и они живутъ счастливо.

Въ заключеніе сооobщаю еще нѣсколько сказокъ, разсказанныхъ мнѣ за ночнымъ огонькомъ моимъ якутскимъ проводникомъ.

I.

На Майдѣ находится ущелье между отвѣсными скалами. Взбираясь по естественнымъ выступамъ одной изъ скалистыхъ стѣнъ, два Тунгуса, пришедшіе туда охотиться, добрались до входа въ обширныя пещеры. Они вошли и очутились въ жилищахъ подземныхъ духовъ, гдѣ они бродили цѣлый день. Совершенно ослѣпленные видѣнными ими чудесами, они возвратились домой. На обращенные къ нимъ вопросы они отвѣчали,

---

bahаrbatergýn da... ты не хочешь, но
n͡gor .... дѣлай.
barärym-du, barbatym-du? .... идти ли мнѣ?
barytýn, напр. tuttalatým .... я поймалъ всѣхъ.
bārgá .... вяленая рыба, порса.
baśtarnán .... путешествуя по (рѣчнымъ) верховьямъ.
baśby .... недоуздокъ сѣв. оленя (изображ. на стр. 498).
bäiberidā .... семенить ногами; поэтически говорится о густомъ лѣсѣ, въ которомъ одно дерево тѣснитъ другое.
bäjān͡g .... самъ.
bärkeśjännerer ..... преуспѣваетъ.
bäśerīk .... молодыя сосны.
bir .... одинъ.
bir ahylýk .... сплошныя кормовыя мѣста.
bir kirér .... сливаются (рѣки).
bul .... находить.
bultung-du? .... нашелъ ты?
bullum .... нашелъ.
bulúm śooch .... не найду.
bulbatým .... я не нашелъ.
(tymný) buoltā buollár если бы было холодно.
(tuōchpún) buśumuj.. варить мнѣ?
buśtā .... уже сварилось.
buśár .... варить.
bäsiāch, ... мутовка для молока.
śā-chāta .... чехолъ для ружья.
śāga .... употребляется также вм. an͡gara.
śamal-kymyś .... готовый кумысъ, неоднократно перелитый.
śáp .... закрой (дверь).
sap .... довольно.
śabannāch .... мелкій дождь.
śalalym, śalalynným . я возвратился.
śalalyn .... возвратись.
śäbirdäch .... вѣроятно всякій широкій листъ, потому что такъ называются не только древесныя, но и капустныя листья.
śolú .... подпруга сѣв. оленя.
śytygan charjá ..... вонючая ель, т. е. бѣлая ель, пихта.
śyppytá (отъ śytyar). онъ лежалъ.
śyt .... лежи.
śyljá .... короткіе штаны, набедренники.
śyttā .... запахъ.

что ихъ тамъ превосходно угостили, прекрасными яствами; дальнѣйшее они разскажутъ на другой день, потому что теперь они слишкомъ устали. Но въ туже ночь оба умерли.

Другіе Тунгусы въ послѣднее время также пытались посѣтить эти пещеры, но не могли вынести гнилаго, испорченнаго воздуха.

II.

Творецъ создалъ землю очень красивою и ровною. Тогда спустился злой духъ, жестоко сталъ топать ногами и царапать руками, какъ собака, чтобы уничтожить землю. Хотя это ему и не удалось, но такъ образовались горы, долины и рѣки.

III.

Творецъ создалъ землю малой, милой и гладкой. Явился злой духъ, разгребъ и разорвалъ ее такъ, что она треснула. Творецъ сказалъ: это тебѣ не повредитъ, расти только, расти, ты со временемъ уже станешь чѣмъ-нибудь хорошимъ. Вотъ и стала она расти, да расти. Такъ образовались большія рѣки и даже моря изъ возраставшихъ трещинъ, и между ними выросла твердь земли.

За тѣмъ творецъ построилъ огромный каменный домъ, поставилъ въ немъ каменныя статуи и приставилъ къ нимъ человѣка сторожемъ. Ежедневно злой духъ старался подкупить человѣка и добиться входа въ домъ. Наконецъ ему удалось достигнуть своего намѣренія, обѣщавъ человѣку такой пестрый, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, нарядъ, какого онъ только пожелаетъ и такого свойства, что онъ никогда не износится, никогда не потребуетъ починки.

Такимъ образомъ злой духъ открылъ себѣ доступъ въ домъ, и запачкалъ статуи каломъ и всякими другими испражненіями, которыя успѣлъ выдавить изъ себя.

(kus̓agan, utschugoj)
s̓iätis̓tā̄ . . . . рука объ руку.
s̓ieritién, напр. turór. твердо, не шатаясь; напр. поставь котелъ.
s̓iellāch-más̓ . . . . Сибирскій кедръ.
s̓īg . . . . канавка, весенній ручей.
s̓ir s̓irinen, tan͡gara tan͡garanán . . . . . . превосходное мѣсто, ясное небо.
s̓illegilätā̄ вм. s̓ittā̄.
s̓uoch, напр. älbäch s̓uoch (или s̓uochter). многихъ нѣтъ.
s̓üterdüm . . . . я потерялъ (проигралъ). напр. s̓uolú . . . . дорогу.
s̓üdüm . . . . я выигралъ, обдѣлилъ.
südún͡g . . . . ты меня обдѣлилъ.
s̓tibäpín (отъ is̓it) . . . . я не слышу.

Въ видѣ дополненія къ стр. 528 я сообщаю якутскія выраженія по части высшей собачьей дрессировки:

s̓ýt . . . . ложись (couche).
s̓iä . . . . ѣшь.
kördä . . . . ищи.
tagýs̓ . . . . вонъ.
arguj . . . . тихо.
tút . . . . хватай.
töttör bár . . . . ступай сзади.
ȳt . . . . оставь.

Творецъ пришелъ, увидѣлъ случившееся и далъ сторожу, чего тотъ пожелалъ, обративъ его въ собаку. Статуи же Творецъ выворотилъ на изнанку, такъ что наружная сторона ихъ пришлась во внутрь. Съ тѣхъ поръ люди внутри полны грязи и кала.

Потомъ Творецъ вдохнулъ жизнь въ эти статуи и четыремъ изъ нихъ далъ женъ. Не женатые горько стали жаловаться на свою судьбу, но не были услышаны; такъ произошло прелюбодѣяніе. Между тѣмъ подросли четыре дочери четырехъ женщинъ. Изъ нихъ три были выданы за мужъ за холостыхъ мущинъ; осталась опять одна женщина неудовлетворенною и жаловалась на судьбу свою. Творецъ увѣщалъ ее, чтобъ она терпѣла, но она предалась разврату. Тогда Творецъ посадилъ ее на раздвоившуюся вершину ели, и она вросла въ нее, но она восклицала, что все-таки она не въ состояніи терпѣть. Тогда Творецъ отпустилъ ее и она продолжала жить по прежнему.

IV.

Мамонтъ оказался слишкомъ великимъ для Ноева ковчега и, не умѣщаясь въ немъ, погибъ въ потокахъ воды.

Въ противоположность этому преданію, принаровленному къ Русскимъ, другое національное сказаніе распространено несравненно болѣе. Когда зимою ледъ съ шумомъ трескается на большомъ протяженіи, что̀ случается нерѣдко и притомъ въ ночное время, то это приписывается продѣлкамъ огромнаго животнаго, водянаго быка (U-o$\overset{h}{\underset{g}{}}$us̉), отъ котораго происходятъ мамонтовые клыки.

Наконецъ сообщаю еще остатокъ фразъ, которыя я распросилъ у моихъ спутниковъ-проводниковъ, и изъ которыхъ только небольшая доля помѣщена на стр. XLVIII третьяго тома нѣмецкаго изданія этого путешествія, въ Введеніи къ якутской грамматикѣ **Бётлинга.**

Min oiohum s̉ir ulachan balyk (также balygý), atschigyn (также kutschuguju) as̉yähā
Моя жена ѣстъ большую рыбу, маленькихъ она будетъ ѣсть

s̉ars̉yn.
завтра.

Min bägas̉ā́ s̉iätim üs̉j balygy.
Я вчера съѣлъ [1]) три рыбы.

Min balygym chat$\overset{e}{\underset{y}{-}}$rygā ulachán.
Моя рыба съ чешуей больше.

Min baltylarým $\overset{ö}{\underset{y}{-}}$hridá.
Мои сестры захворали [2]).

---

[1]) S'iä, ѣшь; s'iāt, веди; s'iätér, онъ ведетъ. — S'iähym, я буду ѣсть; s'iätehym, я буду вести.

[2]) Min $\overset{ö}{\underset{y}{-}}$hljöbytym, я захворалъ.

Min a$^{h}_{g}$ám yhldjér.
Мой отецъ хвораетъ.

A$^{h}_{g}$ám baltá öljjō или tangaralat$^{ö}_{ä}$.
Отца сестра умерла [1]).

Min a$^{h}_{g}$ám biitā (initā) kürüätā.
Моего отца старшій братъ (младшій братъ) убѣжалъ.

Min inim attara ulachattar min aham attaratén (или atterynnagár).
Моего младшаго брата лошади больше моего отца лошадей.

Atȳ tut. — Aty tutumā. — Aty tutung-du, suoch-du? — Chaṡan aty
Лошадь лови. — Лошадь не лови. — Лошадь ловишь-ты, или нѣтъ? — Когда лошадь

tutungguj? — Bu atý tutuong ṡuo$^{h}_{g}$a.
ты поймаешь [2])? — Эту лошадь поймаешь не.

Min bäga$^{s'}_{h}$ä bultú ṡyljybyttým, än dshiehár chālbytyng; bügünj min dshiehá
Я вчера (на) ловлю отправился, ты дома остался; сегодня я дома

chal$^{ö}_{y}$m; än baryng bultú.
останусь; ты пойдешь на ловлю.

Min uolúm bīrgā äingy ngýtta barṡy$^{h}_{g}$á,
Мой сынъ вмѣстѣ съ тобою въ одно время [3]) пойдетъ.

Onȳ ällärā k$^{ü}_{u}$nj ininä balygy bultabypýt; ṡarṡyn ämä bultuochput.
Впереди третьяго дня день назадъ, рыбы ловили мы; завтра опять будемъ рыбалить [4]).

Bügün än uolattarýng bultannereller (bultullár); balygyn$^{ä}_{g}$n biṡigi aṡatyächpýt
Сегодня твои сыновья идутъ рыбалить; эти рыбы мы отдадимъ съѣсть [5])

chamnatschitarbyn (ch... bytyn).
нашимъ батракамъ [6]).

---

[1]) Ölännerābin, я умираю; öhyldjännereller, они умираютъ; öljähým, я умру; öljbütüm или öllüm, я умеръ.

[2]) Chas'an tutumuj, когда ты поймаешь? min tuttarā s'ūoha, я не буду пойманъ.

[3]) Meing y ngytta, вмѣстѣ со мною; bis'igini gytta, вмѣстѣ съ нами.

[4]) Bultubún, я иду на ловъ. Bultuehým, bultuächterá.

[5]) As's'apytým, я кормилъ; as'át, корми.

[6]) Chamnatschitar$^{ö}_{y}$, батраки.

Chamnatschitargá (chamnatschitargytygö̋r) bus̓arye$\frac{ch}{k}$á (kōs̓tüöchā)[1] s̓an͡gá as̓alyk-ta
Батракамъ слѣдуетъ сварить новую пищу,

(или as̓alyk, или as̓alygy), ärgā̃ (или urukū) s̓iämitä (s̓iäbittér).
старая съѣдена (они съѣли).

S̓ars̓yn kötörö bultuochpút; bu kötördörö goroka atylyehym[2]).
Завтра дичь мы наловимъ, этихъ птицъ въ городѣ (Якутскѣ) мы продадимъ.

Bis̓i$\frac{h}{g}$i tabanán (tabaga)-dú, aktá-dú ajannäech$\frac{ch}{k}$á (ajann$\frac{âa}{y}$pýt-du).
Мы на сѣв. оленѣ-ли? на конѣ-ли? ѣхать (мы поѣдемъ).

Bylyrýn (bylyryn͡gý dshíl) gorokka baröm (barrytým) ulachán s̓yrgá tabatyrytinän
Прошлый годъ въ городѣ я былъ большія сани съ шкурами сѣв. оленей

(älbäch tas̓agas̓ynán).
(съ большою поклажею).

Aný (byj-yl) ämä älbäch tällägy atylým goroka.
Впредь (этотъ годъ) опять много шкуръ продамъ въ городъ.

Tälläch atytā äljbäbīt (üürdjäbít).
Шкуръ цѣна увеличилась (повысилась).

Min siäbin ikk$\frac{i}{e}$ balygy; min u͡olúm s̓ir üs̓j balygy; än bä$\frac{h}{g}$asä s̓iäbitin͡g tüörtj balygy;
Я ѣмъ двѣ рыбы; мой сынъ ѣстъ три рыбы; ты вчера ѣлъ четыре рыбы;

bis̓igi künnätā̃ s̓iebit (или as̓ybyt) ikilitä; is̓igi bīrdí (bīr künj bīrdā̃
мы ежедневно ѣдимъ . по два раза; вы по одному разу (каждый день по

или bīrdí künj) as̓ygýt; atynnar (s̓oróch dshón) kün͡gä üs̓jtütä (üs̓jtülümä) as̓yllar.
одному разу) ѣдите; другіе (другой народъ) ежедневно по три раза ѣдятъ.

Bis̓igi aný birditä̋ (bīrdā̃ или innibitigö̋r) as̓yächpút (as̓yr buoluchpút).
Мы впредь по одному разу будемъ ѣсть (ѣсть намѣрены).

Min s̓ars̓yn tabá ätīnj s̓iem или as̓yäm; min s̓ylgý ätin ärä$\frac{ha}{gö}$r (älbächtāch)
Я завтра сѣв. оленя мясо буду ѣсть; я лошади мясо всегда (часто)

as̓atým (as̓abytým, s̓iätím).
ѣлъ.

[1]) Kös'tā̃, варить. [2]) Atylyächka, продавать.

Что въ старинныя изрѣченія многое внесено посредствомъ любимой внезапной импровизаціи, объ этомъ убѣдительнѣе всего свидѣтельствуютъ изысканная вставка русскихъ словъ въ старинныя пѣсни. Замѣчательную ассимиляціонную силу якутскаго языка, о которой мы говорили уже прежде (стр. 767), я могу подтвердить еще тѣмъ, что благозвучіе аллитераціи усвоили себѣ и Русскіе въ Восточной Сибири, какъ напр. въ часто повторяемой поговоркѣ: оводъ, холодъ и голодъ, которою выражается непривѣтливость сѣвера [1]). При всемъ томъ Якутъ конечно любитъ щеголять знаніемъ русскихъ словъ [2]), какъ мы это часто видимъ въ кумысовой пѣсни, въ особенности тамъ, гдѣ хвастаютъ русскимъ нарядомъ. За тѣмъ мы встрѣчаемъ подражанія повелительнымъ словамъ непремѣнно, первое дѣло, привычныя восклицанія однако, будто, и даже такія фразы, какъ mâs̊ náda s̊och, дровъ не надо.

Разскащику сказокъ слушатели внимаютъ съ большимъ напряженіемъ: каждое отдѣльное предложеніе разсказа вызываетъ со стороны слушателей глухо пробормоченное сквозь зубы гм — гм, въ знакъ одобрительнаго пониманія; живое участіе высказывается постоянно и прерываетъ разскащика упомянутыми уже выше фразами на du, цѣль которыхъ заключается въ разспрашиваніи частностей происшествія, чтобы убѣдиться, вѣрно-ли понятъ разскащикъ. Послѣдній въ этомъ случаѣ вдается въ самыя мелкія подробности и иногда прибѣгаетъ къ выразительнымъ пантоминамъ.

Не рѣже вопросительнаго du, въ разсказы вставляется слово dir (говоритъ), или въ видѣ вопроса tūōch-dir, что̀ онъ говоритъ? или наконецъ поправка или подтвержденіе сказаннаго въ видѣ tūōch-ta, что̀ я сказалъ.

Вопреки ожиданію, я нашелъ, что усвоить себѣ языкъ Якутовъ не легко. Прежде всего васъ поражаетъ чрезмѣрное богатство формъ. Разнообразіе способа пониманія представляетъ большое затрудненіе даже въ совершенно неважныхъ вопросахъ. Слыша въ первый разъ, что говорятъ a$\frac{h}{g}$ýs', siettā̄, т. е. восемь, семь, не знаешь, какъ быть съ этимъ, хотя и нетрудно догадаться, что Якутъ, желая, какъ въ настоящемъ случаѣ, сказать отъ семи до восьми, всегда сперва ставитъ большее число. Слѣдовательно (преувеличивая свой разсказъ) онъ убавляетъ, а не повышаетъ, какъ мы, число.

Точно также васъ смущаетъ множество различныхъ значеній, которое имѣетъ одно и тоже слово. Грамматика и словарь представляютъ по этой части большое количество примѣровъ. Напомнимъ тутъ, что въ самомъ началѣ словаря слогъ as' означаетъ въ одно и тоже время: вскрывать или открывать, колоть, накалывать, засовывать, далѣе: волоса,

[1]) Русскій языкъ, хотя діалектически онъ также постояненъ какъ якутскій (срав. примѣч. на стр. 795), подвергается въ Сибири сильному вліянію отъ разнообразія природы въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Такъ напр. на сѣверѣ слово звѣрь безспорно всегда означаетъ волка (звѣрь съѣлъ), а въ горахъ южной Сибири, гдѣ нѣтъ волковъ, подъ названіемъ звѣрь разумѣютъ только сѣв. оленя. Слово уралы примѣняется въ Сибири ко всѣмъ горнымъ хребтамъ; но положимъ, вамъ даже удалось узнать и это, все-таки сначала вы теряете терпѣніе, когда вы, подобно мнѣ, спрашиваете о бытѣ и происхожденіи Даурцевъ, и вамъ отвѣчаютъ, что это Уральскіе казаки.

[2]) У Бётлингка мы находимъ большой выборъ такихъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка, напр. на стр. 121, 143, 153, 163, 164, 186, 189, 192 и т. д.

кушанье, пищу; за тѣмъ: проходить, протекать мимо; также: голодъ и голодать, голодный и проголодавшійся; при всемъ томъ еще: бѣлый (сѣдой) цвѣтъ; наконецъ: дай, подай, равно какъ: поѣзжай; но и: поставь. Этого примѣра достаточно. Эго таже самая путаница, какъ съ безчисленными рѣчками, называемыми въ горахъ Eljg$\bar{\overset{o}{a}}$, что по тунгусски, говорятъ, значитъ: «сдавленный между крутыми скалистыми берегами».

Кромѣ того якутскій языкъ очень богатъ выраженіями по части разнообразія природы. Каждая форма лѣса, или непокрытой лѣсомъ мѣстности, отличается отъ другихъ особыми названіями; наберется болѣе дюжины именъ для разныхъ пучковъ травы на кочкахъ; у каждаго годоваго возраста невзрослыхъ домашнихъ животныхъ, особенно сѣв. оленей, даже у каждаго рода ихъ, есть свое особое названіе; пѣніе всякой нѣсколько выдающейся птицы обозначается особымъ глаголомъ; у всякаго вида образующагося или распадающагося льда есть свой особый терминъ, а за тѣмъ Европеецъ не можетъ не сбиться съ толку, слушая пѣсни, въ которыхъ, совершенно непостижимо, прославляются не только зеленыя и синія, но и сѣрыя древесныя листья, да воспѣвается не только зеленый и синій, но и черный и красный ледъ. Въ подобныхъ вольностяхъ и въ изобиліи синонимовъ аллитераціонная импровизація Якутовъ, по видимому, находитъ свою главную опору.

Съ одной стороны такой преизбытокъ, а съ другой необыкновенный лаконизмъ. Слышу я, идетъ разговоръ про kalatschikter. Что это такое? спрашиваю я, и узнаю, что подъ этимъ разумѣютъ русское слово калачъ, въ уменьшительномъ калачикъ. Наконецъ изъ разныхъ перекрестныхъ вопросовъ оказывается, что къ нему, безъ дальнѣйшаго, прибавлено окончаніе якутскаго множественнаго числа ter. Разговоръ продолжается, и я спрашиваю наконецъ въ отчаяніи: но что же это значитъ, вы говорите то kus'agan (худые) kalatschikter, то kus'agátter kalaktschikter, то kus'agan kalátschik, то kus'agatter kalatschik, хотя вы и этотъ разъ говорите о нѣсколькихъ калачахъ? Bīr (одно), отвѣчаютъ мнѣ отрывисто; bīr, повторяютъ еще разъ, когда я не удовлетворился отвѣтомъ, и только въ третій разъ прибавляютъ s'in bīr (все одно), чтобы увѣрить меня, что можно сказать либо такъ, либо иначе. Въ другой разъ я спрашиваю, то-ли мѣсто или другое ближе отъ того, гдѣ я стою. Tschugás' (близко), отвѣчаютъ мнѣ по отношенію къ первому, что значитъ: оно ближе. За тѣмъ я ставлю вопросъ иначе и стараюсь узнать, какъ нужно спрашивать: «въ десяти-ли верстахъ оно, или ближе?» Опять мнѣ отвѣчаютъ: bīr kös'j-du? tschugas'-du? т. е. 10 верстъ-ли? или близко-ли? Оказывается, что нѣтъ сравнительной степени, и чтобы вполнѣ выяснить дѣло, нужно по крайней мѣрѣ прибѣгнуть къ другому слову, въ родѣ bärt (чрезвычайно, должно значить: ближе) или anerahē (annara$\frac{h}{g}$y, по ту сторону, должно значить: дальше). Или путешественникъ слышитъ, что произносятся два слова: bū prikladtāch-du? а при этомъ указываютъ на какого нибудь сѣв. оленя. Оказывается, что Якутъ, безъ дальнѣйшаго, къ русскому слову прикладъ (добавку къ клади) приплелъ свою обычную при-

*

бавочную частицу ăch, вставилъ для благозвучія *l*, присоединилъ вопросительную частицу du, и такимъ образомъ сочинилъ вопросъ: навьючена ли на этого сѣв. оленя добавочная кладь? Но не можетъ ли это также означать вопросъ: не слѣдуетъ ли на этого сѣв. оленя еще навьючить кладъ, или не слишкомъ ли много клади навьючено на него? Bīr, конечно, отвѣчаютъ мнѣ. Приходится тебѣ, любезный странникъ, умѣть отгадывать подобныя вещи, точно также, какъ выше, нужно было угадать, которое значеніе слогъ as' долженъ имѣть въ данномъ случаѣ изъ тѣхъ 12 — 20 значеній, какія онъ имѣетъ.

При этомъ случаѣ считаю нелишнимъ замѣтить, что даже Якуты, подобно Тунгусамъ и Самоѣдамъ, первоначально не имѣли слова для выраженія благодарности. И теперь еще они ограничиваются русскимъ словомъ спасибо, искаженнымъ въ pas'ībo или paћībo. У Тунгусовъ я слышалъ, какъ они, вслѣдствіе прямаго предложенія моихъ спутниковъ, употребляли слово ajá, хорошо, для выраженія слова «благодарю». У Самоѣдовъ вовсе не было такого выраженія; въ этомъ я убѣждался неоднократно, досадуя сначала на казавшееся равнодушіе, съ какимъ они принимали самые щедрые подарки мои. При спокойномъ наблюденіи нельзя было не замѣтить возбужденной въ нихъ радости. Низкія степени того-же естественнаго равнодушія, которое, вслѣдствіе извѣстій о нравахъ сѣверо-американскихъ такъ-называемыхъ Индѣйцевъ, стало считаться высшимъ стоицизмомъ, очевидно встрѣчались и въ сѣверной Сибири до меня. Какъ о благодарности, такъ и о привѣтствіи или прощаніи, тамъ не было рѣчи, и даже Якутамъ пришлось у Русскихъ заимствовать и усвоить слово ђyras'ty (прости).

Во всякомъ случаѣ такой образъ дѣйствій чрезвычайно отличается отъ обыкновенныхъ, сангвиническихъ пріемовъ Якутовъ, ибо при всей своей энергіи, на какую они способны, они все-таки нерѣдко, совершенно внезапно, по какому-нибудь ничтожному поводу, впадаютъ въ полнѣйшее отчаяніе, или предаются неукротимому пылу и необузданному веселію. Бѣднымъ сѣв. оленямъ частенько приходится испытывать свирѣпую горячность Якутовъ; мнѣ случилось видѣть, какъ объ голову сѣв. оленя разлетѣлся въ куски ружейный прикладъ.

Пѣсни и сказки Якутовъ свидѣтельствуютъ о превосходной памяти человѣка первобытной природы, но еще болѣе способность припоминать мѣстность, въ которой имъ случалось быть разъ въ жизни, или положеніе которой имъ описано также только одинъ разъ. Старикъ Якутъ, бывшій въ китайской Дауріи всего разъ, лѣтъ за 25 передъ тѣмъ, умѣлъ мнѣ не только описать рѣки, рѣчки и ручейки, и означить разстоянія посредствомъ числа дней, необходимыхъ на совершеніе пути, но и перечислить всѣ ихъ имена, даже названія мѣстностей на Амурѣ. Вниманіе первобытнаго человѣка не разсѣевается неограниченнымъ кругомъ знанія, память его не обременяется разнымъ школьнымъ балластомъ, съ самой ранней молодости.

И тутъ также, рядомъ съ воровскими наклонностями, сосланными до Удскаго Острога, я встрѣчалъ между туземцами безпредѣльную честность, встрѣчалъ ее въ

томъ-же самомъ человѣкѣ, который не могъ удержаться отъ искушенія въ моихъ глазахъ запустить зубы въ масло, которое онъ мнѣ несъ, не могъ удержать слезъ отъ горя и досады, что я заставилъ его, не смотря на всѣ его отговорки, дать мнѣ кусочикъ масла на мазь для раны сѣв. оленя.

Неограниченная власть отца надъ семействомъ, эта прелюдія власти старшинъ и тоіоновъ надъ народомъ, дѣйствуетъ такъ глубоко, что невольно удивляешься той безусловной, извѣстной въ Европѣ лишь въ военномъ быту, дисциплинѣ, съ которой среди первобытной природы всякое слово старшаго считается обязательнымъ, и быстро выполняется. Такъ это бываетъ у Самоѣдовъ и Тунгусовъ, такъ и у Якутовъ. Раздаются слова S'ol kurduk или s'itti kurduk (точно такъ) и приказаніе исполняется безъ всякаго возраженія, если даже дѣло идетъ о самыхъ странныхъ для нихъ требованіяхъ науки. Не спрашивая, они послушно подчиняются высшему благоусмотрѣнію [1]). При всемъ томъ Якуты бьютъ своихъ дѣтей не очень часто, хотя и чаще Тунгусовъ, которые почти вовсе не били ихъ. Теперь, когда между Якутскими дѣтьми находятся, говорятъ, даже гимназисты, теперь кое-гдѣ вѣроятно все приняло другой видъ. Уже въ мое время проявлялось у нихъ желаніе, чтобы дѣти ихъ, которые вообще бойки и любознательны, обучались въ школѣ; я зналъ торговца, содержавшаго для своего лишь семилѣтняго сына учителя, которому онъ, кромѣ дароваго содержанія, платилъ въ мѣсяцъ по 5 рублей. Вскорѣ я пересталъ удивляться этому, познакомившись съ пандавомъ въ лицѣ человѣка, котораго Тунгусамъ начальство ихъ навязало въ писаря, и которому эти лѣсные отшельники охотно платили 400 руб. жалованья, такъ какъ онъ прежде служилъ въ главномъ управленіи и даже дослужился до титулярнаго совѣтника. Они считали его своимъ избавителемъ, потому что предмѣстнику его платили по 1000 руб. въ годъ. Канцелярская переписка была доведена до замѣчательныхъ тонкостей, между тѣмъ какъ начальникъ такого важнаго писца прибѣгалъ къ упомянутому на стр. 704 языку знаковъ.

Хотя всѣ Якуты принимаютъ крещеніе, но все христіанство ихъ заключается въ данныхъ имъ при крещеніи именахъ, которыя они часто такъ коверкаютъ, что ихъ и узнать нельзя. Такъ какъ по принятому у нихъ обыкновенію, крещеному давали фамилію свидѣтеля и крестнаго отца, то между Якутами и Тунгусами встрѣчалось безчисленное множество Поповыхъ, Надѣиныхъ, Стручковыхъ и т. д., что уже въ то время подавало поводъ ко многимъ ошибкамъ. Мнѣ было забавно встрѣтить въ горахъ даже Гаузена, который въ прошломъ столѣтіи принялъ фамилію чиновника Гольцгаузена. Это напоминаетъ мнѣ слово Halstuch, обратившееся въ русское галстукъ, и занесенное къ Якутамъ, у которыхъ оно въ кумысовой пѣснѣ, на берегу Тихаго Океана, появилось въ якутской формѣ ǟltys'.

Когда я сталъ спрашивать про Отче нашъ, то его никто не зналъ, ни по русски,

---

[1]) Срав. стр. 656.

ни по якутски, и катихизисъ, на который Бётлингъ ссылается [1]), вызывалъ неоднократныя совѣщанія, вслѣдствіе которыхъ мнѣ объявили, что священникъ въ Амгинскѣ былъ правъ, сказавъ, что катихизисъ непонятенъ. Мнѣ говорили, что изо всего можно понять лишь нѣкоторыя слова, и что часто не только выраженія, но и смыслъ совершенно непонятны.

Только разъ, когда ледъ перерѣзалъ нашу кожаную лодку и мы находились въ большой опасности, одинъ старикъ Якутъ произнесъ слѣдующее воззваніе, которое, по его мнѣнію, должно было вызвать на помощь всѣхъ святыхъ. Tan͡gara, Nikólo, bátjuschka! воскликнулъ онъ, т. е. Боже небесный, Никола, батюшка! признавая св. Николая, по примѣру многихъ русскихъ простолюдиновъ въ Сибири, за самое сильное божество. Встрѣчаются также мѣстами въ пустынѣ могилы съ крестомъ, но рядомъ на деревья повѣшены люлька умершаго ребенка, да медвѣжьи черепа и т. д., потому что важнѣе всего, чтобы эти жертвенные дары, которые развѣшиваются на особыхъ, большею частью вилообразныхъ, шестахъ, не обгрызались собаками. Въ Сибири медвѣдю повсюду оказываютъ божескія почести. Въ юртѣ Якута висятъ медвѣжьи когти, а передъ нею переднія части череповъ зайцевъ и другихъ съѣдомыхъ животныхъ, въ качествѣ трофеевъ, по которымъ исчисляется зимняя добыча. Мѣсто бѣлаго медвѣдя, который на глубокомъ сѣверѣ является наиболѣе страшнымъ звѣремъ (срав. стр. 666), тутъ, на южномъ скатѣ водораздѣльнаго хребта, заступаетъ тигръ. Какъ тамъ является зубъ бѣлаго медвѣдя, такъ тутъ къ хвосту сѣв. оленя привязывается кусочикъ тигровой шкуры, который долженъ предохранять это животное отъ нападенія медвѣдей и волковъ.

Само собою разумѣется, что такое суевѣріе никакъ не можетъ остановиться на этомъ, а охотно принимаетъ болѣе отвлеченныя формы; такъ напр. отрубленный стволъ дерева можно класть въ огонь только толстымъ концемъ впередъ и т. д., какъ мы упоминали уже, говоря о Тунгусахъ (срав. стр. 707).

Еще въ мое время покойникамъ клали въ ротъ погребальную пищу (k$\overset{ö}{\underset{y}{-}}$n͡gs'ǘ), чему, впрочемъ, нельзя удивляться, потому что мнѣ привелось видѣть тоже самое въ нашей столицѣ; кромѣ того между Якутами сохранилось еще воспоминаніе о томъ, что прежде при погребеніи убивали лошадей и хоронили ихъ, съ сѣдломъ и украшеніями, рядомъ съ ихъ хозяиномъ. Сохранилось даже еще преданіе о томъ, что нѣкогда вмѣстѣ съ знатными покойниками живьемъ хоронили также прислугу ихъ.

Кромѣ этихъ обрядовъ, указывающихъ на Среднюю Азію, и кромѣ разныхъ горныхъ духовъ, воспѣваемыхъ въ посвятительныхъ рѣчахъ, Якуты въ прежнія времена, менѣе 150 лѣтъ тому назадъ, поклонялись также примѣчательнымъ явленіямъ природы [2]), какъ это еще въ мое время случалось встрѣчать у Самоѣдовъ.

---

[1]) См. нѣм. изд. этого соч. т. III. отд. 1, стр. XXXIX.

[2]) Въ Запискахъ Гидрографич. Департ. IX. стр. 57, говорится: На рѣкѣ Вилюѣ, близъ вершины живущіе Якуты желѣзо дѣлаютъ котлы... но если какую вещь странную сыщутъ въ тундрѣ, о которой смыслъ не достигнетъ, какъ тамъ она есть; взявъ причитаютъ богомъ, котораго къ какому благополучію назовутъ — тѣмъ и слыветъ.

И такъ, на сѣверномъ своемъ предѣлѣ, Якуты уже издавна, какъ мнѣ кажется, успѣли усвоить себѣ религіозныя воззрѣнія своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Не слишкомъ далеко отъ юго-западнаго предѣла самыхъ крайнихъ форпостовъ ихъ, я встрѣтилъ въ уединенной Бурятской степи изображенный здѣсь столбъ, стоявшій съ своей стороны форпостомъ противъ сѣвера, въ качествѣ ламайской часовни. На глиняномъ храмикѣ находилась, какъ мы видимъ, идущая вѣнкомъ надпись.

Въ заключеніе сообщаю еще нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ объ одеждѣ, бракахъ и обычномъ правѣ Якутовъ по раздѣлу наслѣдства.

Видя, какъ на крайнемъ, такъ сказать, предѣлѣ тогдашняго міра, въ Удскомъ Острогѣ, командиръ (срав. прим. на стр. 737), т. е. казацкій унтеръ-офицеръ важничалъ самыми щегольскими, убранными соболемъ, нарядами, какъ рядилась другая, и вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя, знатная фамилія этого захолустья, т. е. семья священника, жена котораго являлась въ прекрасной, покрытой чернымъ шолкомъ, лисьей шубѣ, съ превосходнѣйшимъ собольимъ воротникомъ, вскорѣ перестаешь удивляться сильной расточительности Якутовъ. Не берусь рѣшить вопроса, на сколько у нихъ страсть щеголять прирождена, на сколько она перенята, но не подлежитъ сомнѣнію, что съ нею связано совпаденіе выраженій «бѣдный» и «худой». Бѣдныхъ называли «Kus'agáttar», да и въ пѣсни въ честь кумыса говорится, что плоходѣтые должны быть прогнаны. Выраженія dshadan͡gȳ, дѣйствительно значащаго «бѣдный», мнѣ въ этихъ случаяхъ не приводилось слышать.

Само собою разумѣется, что эта страсть щеголять преимущественно проявляется въ нарядѣ женщинъ, платье которыхъ, у богатыхъ Якутовъ, въ мое время, стоило до 300 рублей. Да и мужья были не прочь поважничать богатыми нарядами своихъ женъ.

Какъ вездѣ, такъ и тутъ, головной уборъ, какъ вывѣска, составляетъ суть дѣла, и дѣйствительно, довольно оригинально, соотвѣтствуетъ климату полюса стужи. По этому-то, вѣроятно, наши европейскія, задающія тонъ, героини, еще не эксплуатировали его, хотя Якутки и въ юртѣ не снимаютъ своихъ гренадерскихъ шапокъ (не смотря на то, что послѣднія даже съ внутренней стороны тепло подбиты бѣличьимъ мѣхомъ), и при торжественныхъ случаяхъ не разстаются съ этимъ главнымъ нарядомъ, говорятъ, даже лѣтомъ. Мы не станемъ останавливаться на описаніи мѣховой шапки Якутокъ, придерживаемой повязками, такъ какъ устройство ихъ упомянуто уже на стр. 716, а форма ея изображена на стр. 716 и 749. Когда ей суждено быть въ полномъ блескѣ, то на помощь медвѣдеподобному мѣху росомахи являются боберъ и соболь, а посреди краснаго

сукна выдающейся пирамиды виднѣется кокарда либо крестъ изъ чернаго бархату. Для разнообразія встрѣчаются также рысьи шапки.

Когда эту шапку снимаютъ, то на сцену выступаетъ богато убранная головная повязка (Gojlan), изображенная на стр. 761, или чепчикоподобный срѣзанный конусъ, который сверху открытъ и нерѣдко надѣвается также мущинами въ дорогѣ. Представьте себѣ скроенный въ видѣ трапеціи кусокъ матеріи, обѣ сходящіяся стороны котораго вверху, внизу и по срединѣ, связываются посредствомъ размѣщенныхъ другъ противъ друга ленточекъ. Вслѣдствіе конической формы этого чепца, онъ приходится на любую голову Подъ нимъ торчатъ серебряныя, или по крайней мѣрѣ посеребренныя, тяжелыя серьги, которыя висятъ на кольцахъ въ $1\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникѣ, и гравированныя пластинки которыхъ, посредствомъ маленькихъ колечекъ соединены въ нѣсколько этажей въ такомъ родѣ, какъ у насъ показано на стр. 716. Хотя ушныя мочки большею частью проколоты въ двухъ мѣстахъ, все-таки тяжесть привѣски непомѣрно растягиваетъ ушную раковину. Добавьте къ этому обмотанную ремешками косу и привѣшанное къ нему подобное-же, тяжелое украшеніе косы, состоящее также изъ гравированныхъ посеребренныхъ пластинокъ, висящихъ въ нѣсколько этажей на кольцѣ, въ палецъ толщины, или такой, украшенный бусами, уборъ, какой изображенъ на табл. XV, рис. 3, нѣм. изд. и принадлежалъ уже къ числу болѣе легкихъ украшеній. За тѣмъ, въ такомъ-же стилѣ отдѣланъ широкій, составленный изъ гравированныхъ квадратныхъ пластинокъ, поясъ, съ разными привѣсками, между которыми мнѣ особенно бросались въ глаза неизбѣжная ушная ложечка и трубка. Послѣдняя между красавицами часто переходила изъ рукъ въ руки. Всѣ металлическія принадлежности въ мое время оцѣнивались въ 100 руб. и болѣе; это еще не много, если припомнишь, что богатые мущины носили на своихъ кафтанахъ пуговицы изъ чистаго серебра и сидѣли на окованныхъ серебромъ сѣдлахъ.

На кафтанѣ[1]) разрѣзъ, съ красными, зелеными или синими обшивками, свидѣтельствуетъ, что это народъ наѣзднический, у котораго жены также привыкли ѣздить верхомъ. Но кафтанъ не всегда ограничивается однѣми красными выпушками. Мнѣ показывали дѣвичій нарядъ изъ голубой шелковой матеріи, украшенный самыми разнообразными фигурами, которыя были вышиты серебряными нитками. На спинѣ былъ вышитъ черно-бурый крестъ изъ чрезвычайно уважаемаго мѣха росомахи. Такой-же крестъ изъ мѣха росомахи, съ присоединеніемъ полумѣсяца на затылочной части, вшиты были въ мѣховой кафтанъ изъ волчьей шкуры съ обращенными наружу волосами. Рукавицы довершаютъ щегольской нарядъ.

Волчій саннаяхъ невѣста должна имѣть на готовѣ для своего будущаго жениха.

У мущинъ такая-же шапка, какъ у женщинъ, а съ головной повязкой мы также ознакомились уже на стр. 761. Но у богачей подъ шапкой выглядываетъ плотно приле-

---

[1]) Саннаяхъ. Гдѣ на одеждѣ является замш , тамъ послѣдней придается красивый оранжевый цвѣтъ тѣмъ, что ольховая кора посредствомъ кипятка и примѣси золы растворяется и кашеобразный составъ этотъ сильно втирается ладонью.

гающая татарская ермолка, которую съ края обвиваетъ боа изъ бѣличьихъ хвостиковъ (стр. 710) и которая, вслѣдствіе этого, похожа на черкесскую шапку. Волосы на головѣ коротко стригутъ; только у нѣкоторыхъ оставляютъ кругомъ, за исключеніемъ неосѣненнаго лба, занавѣсъ, состоящій изъ прозрачнаго ряда краевыхъ волосъ. Тунгусы и Юраки точно также носятъ свои волоса, которые въ этомъ видѣ изображены на табл. III-ей.

Животъ богачи содержали въ теплѣ посредствомъ особаго кушака (Bātschí), въ двѣ пяди ширины, который удерживался въ своемъ положеніи посредствомъ подтяжекъ. Это былъ положительный прототипъ набрюшника Тирольскаго. Богатые торговцы щеголяли въ дорогихъ мѣховыхъ кафтанахъ, которые они даже лѣтомъ неохотно снимали. Когда становилось слишкомъ жарко, то Якуты снимали одну часть своего наряда за другою.

Во всѣхъ этихъ украшеніяхъ мы не завидовали Якутамъ, но скоро усвоили себѣ превосходную, непромокаемую обувь ихъ, сары, о которыхъ нами говорено уже на стр. 644. Этимъ именемъ называются также почки и крестецъ лошадиной шкуры, гдѣ она, говорятъ, толще всего. Красивый и плотный черный цвѣтъ свой сары принимаютъ отъ примѣси сала и красильнаго вещества, наростовъ, образующихся на березахъ. Зимою сары замѣняются высокими мѣховыми сапогами на мягкой подошвѣ.

Слѣдовательно вообще, какъ видно, удерживались старинныя, національныя части одежды, покрои и узоры ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ то время, проложили себѣ путь къ Якутамъ принадлежности русскаго платья, и даже цѣлые наряды (срав. стр. 651 и 740). Большимъ почетомъ пользовались уже жилетки, по возможности съ красною спинкою, и тамъ гдѣ появлялась цвѣтная или пестрая сорочка, она свидѣтельствовала о своемъ происхожденіи, служа верхнимъ платьемъ, т. е. прикрывая на половину штаны.

Старикъ Витсенъ [1]) говоритъ: Het is aenmerkens-waerdig det de Volkeren hoog Noorden woonende, aen de Vlieten Lena en Jenisea, gewoon zin slapende op den buik to leggen om die warm te houden, daer zy de gesontheit achten in te bestaen, zonder zorg te dragen of de rug bedekt is of niet. Это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что̀ нами сказано было на стр. 324, но какая разница между такою способностью переносить стужу и непомѣрно щедрою мѣховою одеждою Якутовъ, которая нами выше описана и даже не совѣмъ уступаетъ дѣйствію лѣтняго тепла!

Сочтя мальчика, которому было 15 лѣтъ, нѣсколькими годами моложе, я очень удивился, когда мнѣ подтвердили, что у Якутовъ дѣвушекъ обручаютъ съ 10-го года и сватовство начинается даже у восьмилѣтнихъ дѣтей. Я смѣрилъ такую, представленную мнѣ даму, которая уже второй годъ была невѣстой, и нашелъ ее всего 49 дюймовъ вышины, такъ что ей недоставало около $^1/_5$ полнаго роста. Она изображена на табл. X-ой нѣм. изд. Такъ называемый кильтегангъ составлялъ у нихъ, какъ меня увѣряли, общій обычай. Я говорилъ съ Якутами, которые такимъ образомъ, благодаря попечительности своихъ родныхъ или пріемныхъ отцовъ, были обручены на 12-мъ и 13-мъ году. Четыре или пять

[1]) Второе изданіе, стр. 88.

лѣтъ спустя совершена была свадьба. Разсказывали о перемѣнѣ женъ, которая производилась рѣдко, хотя въ прежнія времена она была въ большомъ употребленіи. У одного богатаго Якута было въ живыхъ 3 сына и 9 дочерей, а 6 дѣтей уже умерло.

За невѣсту всегда вносится одинаковое количество разнаго скота, примѣрно 4 вола, 4 коровы, 4 мерина, 4 кобылы и т. д., но большею частью въ такомъ случаѣ 2 вола, 4 коровы, 2 мерина, 4 кобылы и т. д. опять возвращаются въ видѣ приданаго. Далѣе изъ 8 коней, которыхъ богатый женихъ долженъ дать на свадебный пиръ, двухъ, говорятъ, родители невѣсты опять возвращаютъ. Такимъ образомъ и тутъ дѣло больше похоже на мѣну, чѣмъ на покупку; при всемъ томъ мнѣ жаловались, что иной зажиточный парень свадьбою совершенно разстраиваетъ свои дѣла, потому что за невѣсту нерѣдко приходится вносить по 10 головъ каждаго рода скота; наименьшая цѣна 500 руб., но случается, что платятъ иногда до 5000 рублей.

У сѣверныхъ Якутовъ цѣна за невѣсту не была очень высока, а простиралась примѣрно до 16 сѣв. оленей, къ которымъ присоединялся еще одинъ для закланія на свадебномъ пиру. Кромѣ того жениху приходилось угощать водкой.

По смерти мужа выкупъ невѣсты опять переходитъ въ руки вдовы, которая за тѣмъ не имѣетъ никакихъ другихъ правъ на наслѣдство мужа и обыкновенно остается у своихъ родныхъ либо сводныхъ дѣтей, хотя можетъ идти, куда ей угодно.

Отецъ нерѣдко уже при жизни дѣлитъ свое состояніе между дѣтьми, когда у него бываетъ много взрослыхъ сыновей, которые потомъ продолжаютъ вести свое хозяйство на собственный счетъ. Обыкновенно же, т. е. когда не болѣе одного или двухъ взрослыхъ сыновей, они остаются у отца, даже если они сами уже женаты и имѣютъ дѣтей. Отецъ снабжаетъ ихъ всѣмъ необходимымъ для существованія, но и беретъ себѣ все что добывается. Патріархальная власть отца доходитъ до того, что женатаго сына, хотя бы со времени свадьбы прослужившаго отцу 10 лѣтъ, онъ все-таки имѣетъ право лишить наслѣдства. По существующему обычаю, отецъ дѣлитъ свое имущество на равныя части, но онъ имѣетъ полное право предпочесть того или другаго сына. Сынъ или сыновья, по смерти отца, получаютъ въ наслѣдство какъ имущество его, такъ и неуплаченные имъ долги. Раздѣлъ совершается между наслѣдниками пóровну. Только въ спорныхъ случаяхъ старшіе члены рода, или старшины племени, принимаютъ на себѣ уравненіе наслѣдства. Они же обязаны вступать въ должности попечителей при расточительности вдовъ, оставшихся съ малолѣтними дѣтьми. Если по смерти отца оказывается взрослый сынъ, то онъ заступаетъ мѣсто отца при малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ, которые ему обязаны служить безплатно; а хозяинъ дома съ своей стороны долженъ поженить и выдать ихъ за мужъ и вообще поставить ихъ на ноги. Наслѣдство умершихъ дѣтей переходитъ къ отцу, или, если его нѣтъ въ живыхъ, къ братьямъ; мать же право имѣетъ только на выкупъ невѣсты.

И въ глазахъ Якутовъ женщина еще вполнѣ подчиненное существо.

Уже два столѣтія тому назадъ, прилежный компиляторъ, почтенный Витсенъ, замѣтилъ [1]): Het Volk dat omtrent de Vliet Piasida of Peisida, die in de Ys-zee uitstort, woont, zijn uit den bruin-geele, kloeke Luiden, hebben kleine oogen, en platte aengezichten. Онъ былъ совершенно правъ: монгольская раса, отчасти чистокровная, отчасти въ самыхъ разнообразныхъ помѣсяхъ, распространилась отъ Южнаго до Сѣв. Ледовитаго Океана по всей Азіи. Она забралась и въ Европу. По плодовитости и размноженію своему она превосходитъ Европейцевъ. Кто рѣшится предсказать, какая роль во всемірной исторіи предназначена монгольской расѣ, когда ей, чистокровной или при благопріятной помѣси съ кавказской расой, опять вздумается или придется обратить вниманіе на Европу.

Послѣ всего сказаннаго мною въ текстѣ на стр. 631 — 634 нижеслѣдующіе рисунки уже не требуютъ особагo объясненія.

Выраженная мною на стр. 688 надежда успѣла между тѣмъ осуществиться: благодаря Императорскому Русскому Геогр. Обществу я могъ небольшое число принадлежащихъ мнѣ фотографій пополнить нѣсколькими фотографіями изъ этнографическаго портфеля этого Общества и такимъ образомъ присоединить еще одну таблицу рисунковъ (II-ую). Рисунки эти сдѣланы съ фотографій, которыми, сколько мнѣ извѣстно, мы обязаны путешествію горнаго инженера г. Лопатина.

Всѣ они изображаютъ Самоѣдовъ, живущихъ въ низовьяхъ Енисея. Физіономія № 1 отличается чисто монгольскимъ типомъ. Въ № 2 кроется, какъ мнѣ кажется, какая-нибудь европейская примѣсь, кавказскаго племени. № 3 — 7 типичныя Самоѣдскія лица, финно-монгольской помѣси, между которыми № 4 поразительно похожъ на Ngegÿrmi нашей V-ой таблицы Нѣмецк. Изданія. № 8 и 9 я считаю положительною помѣсью славянско-самоѣдскаго происхожденія. Такія физіономіи я встрѣчалъ неоднократно. Отличительную черту этихъ лицъ составляютъ усы, борода и совершенно оригинальный носъ: большой, кеглеобразнаго очертанія, но выдающійся и съ рѣзко-выступающимъ гребнемъ. Тѣже самыя особенности мы встрѣчаемъ на Самоѣдскомъ лицѣ № 68 и 110 въ превосходной фотографической путевой портфели графа Вильчека; къ сожалѣнію она еще не издана, хотя во всякомъ случаѣ это весьма желательно.

---

[1]) Второе изданіе, стр. 666.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Стран.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Коренные жители Сибири.

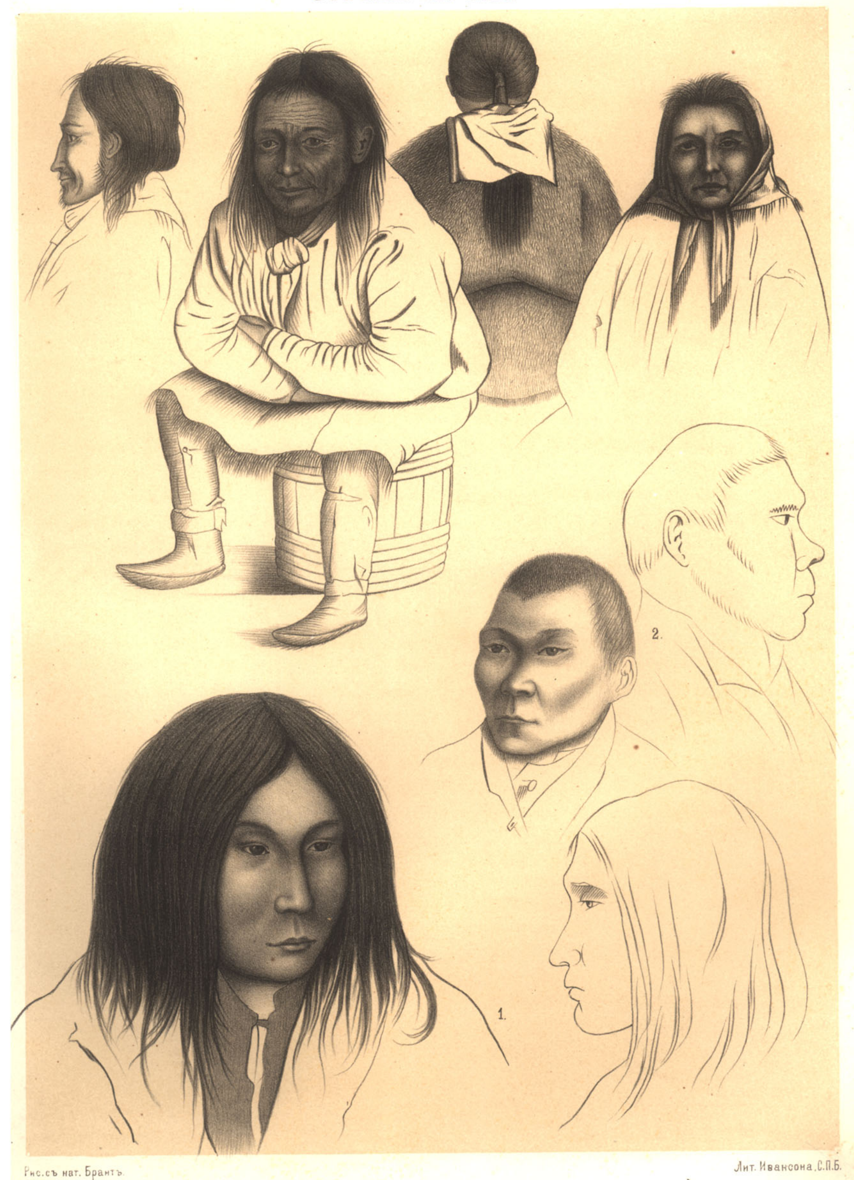

Рис. съ нат. Брантъ. Лит. Ивансона, С.П.Б.

1. Остякъ (Укта́) рѣки Имбакъ. — 2. Юка́гиръ р. Колыма.

1. САМОѢДЪ р. Тазъ.
(Пейка.)

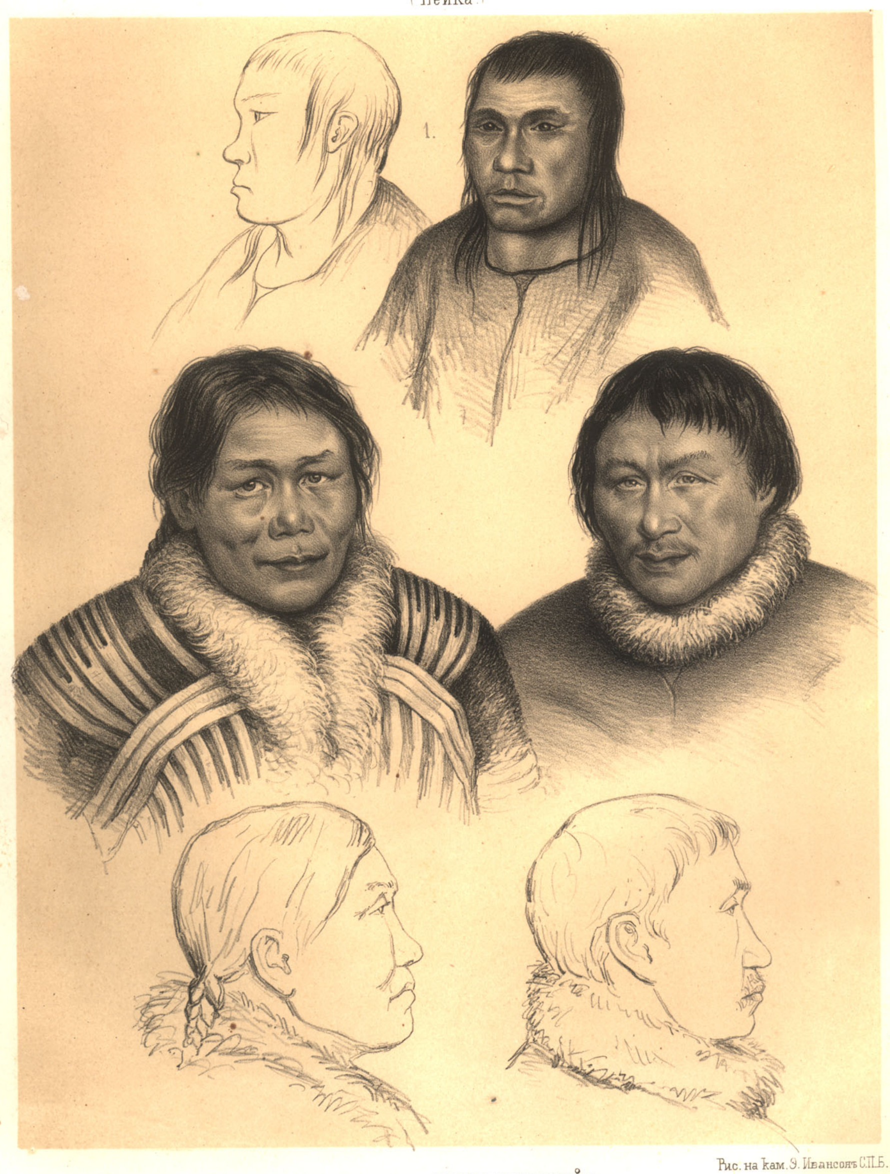

Рис. на кам. Э. Ивансонъ С.П.Б.

САМОѢДЫ КАНИНСКІЕ.

(Ныйдзяко́.) (Паркулевъ.) (Гаврила.)

1. Тунгуска Чапогирской орды.
(Черемокъ.)

IV.

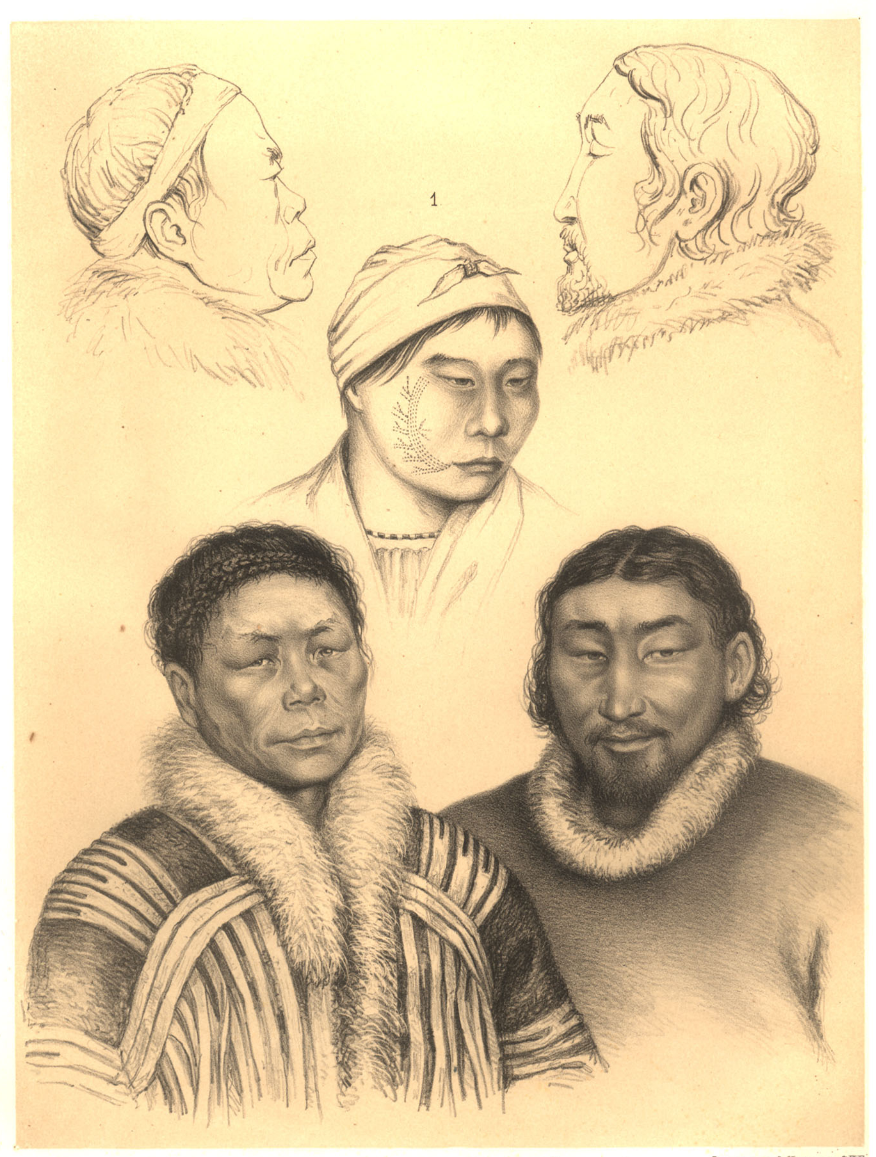

Рис. на кам. Э Ивансонъ С.П.Б.

САМОѢДЫ ТИМАНСКІЕ

(Варайко Хамянъ.) (Малафей Апицинъ.)

ТУНГУСЫ 1. Иванъ, р. Курейка.
2. Прокопій Курбáтовъ, р. Нижная Тунгуска. V.

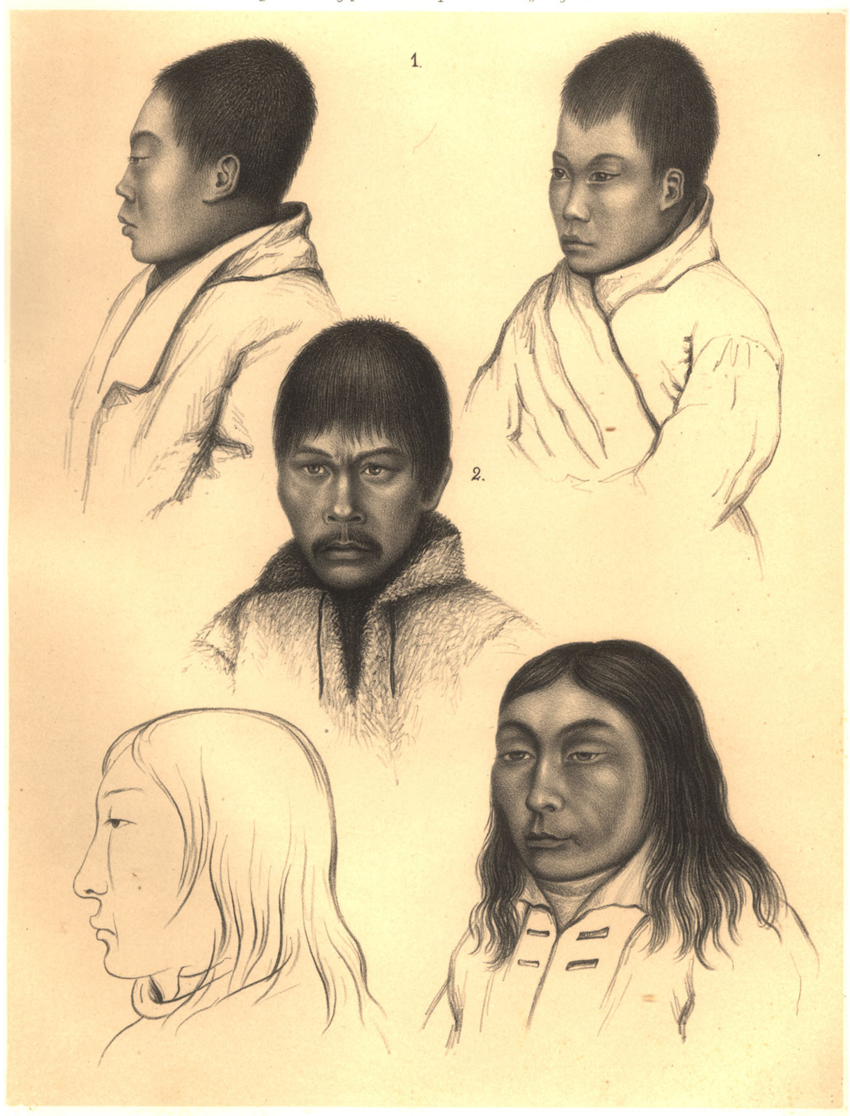

Рис. съ нат. Брандъ. Лит. Ивансона С.П.Б.

(Савильи) Боягерской орды.

1. ЯКУТКА р. Учуръ. VI.

ДОЛГАНЕ 2. (Гаврила Пальковъ.) р. Боганида. 3. (Манй.) орды Быгхигадядь Долгāшъ.

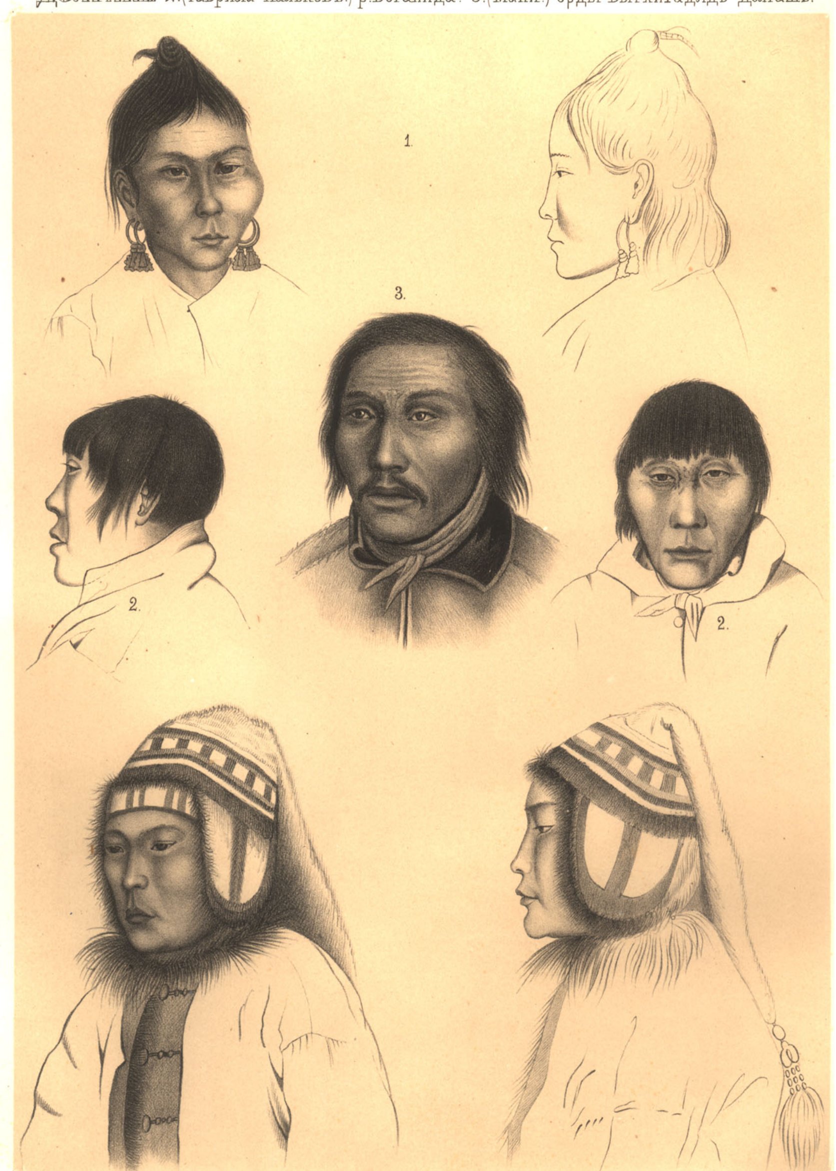

Рис. съ нат. Брандъ. Лит. Ивансона С.ПБ.

(Одай) ЯКУТКА р. Хета.

Литографія Ивансона С.Петербургъ.